

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

К. В. ТРЕВЕР

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

(II в. до н.э. — IV в. н.э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 5 3

Ответственный редактор
акад. И. А. ОРБЕЛИ

ВВЕДЕНИЕ

I

История культуры древней Армении в полном ее объеме еще не написана. Объясняется это, с одной стороны, малочисленностью тех сведений, которые имеются в письменных источниках, и недостаточностью, с другой стороны, тех вещественных источников, тех памятников материальной культуры, которыми до последнего времени располагали исследователи.

Ведущиеся в настоящее время в Армении археологические работы, темпы и размах которых с каждым годом возрастают, позволяют уже осветить в большей или меньшей степени определенные периоды жизни армянского народа. Речь идет о том большом вкладе, который внесли и вносят в дело изучения истории культуры Армении результаты раскопок на Кармир-блуре,¹ в Гарни² и в Двине,³ по-новому и с большой полнотой освещающие культуру урартского периода, время героической борьбы армянского народа с Римом и период раннего средневековья.

Но еще более широкие выводы и обобщения в историко-культурном плане будут возможны тогда, когда будут археологически изучены не только крепости и могильники, но и рядовые поселения и особенно города, без тщательного изучения которых написать историю культуры древней Армении было бы невозможно. Не подлежит сомнению, что со временем удастся изучить все то, что сохранилось от древних Армавира, Ервандашата, Арташата, Валаршапата, и все то, что таит в себе еще крепость Гарни, и что

¹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур. I. Результаты раскопок 1939—1949 гг. Ереван, 1950; II. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1952.

² Б. Аракелян. Гарни. I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1951.

³ К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки (1937—1950), I. Ереван, 1952. (На арм. яз. с русским резюме).

тогда история культуры древней Армении в полном ее объеме будет написана. В тех же целях необходимо приступить к собиранию и обобщению всех тех данных, которые уже имеются в нашем распоряжении, — сведений письменных источников, отдельных памятников искусства, монетных кладов, следов прошлой культуры, сохранившихся в эпосе и современном фольклоре, и т. д.

Задачей настоящего исследования является выполнение части этой большой предварительной работы, а именно — обобщение того, что до нас дошло от этого периода в области эпиграфики, и того, что нам известно о храме в Гарни.

II

Основная часть памятников, которым посвящены настоящие „Очерки“, относится к тому периоду, когда Рим, стремясь к мировому господству, пытался подчинить себе и страны Востока, в том числе Армению, Иберию, Атропатену и Кавказскую Албанию.

Народы Закавказья героически боролись за свою независимость. Они неоднократно поднимали восстания, только номинально признавали над собой в тот или иной неблагоприятный для себя период верховенство Рима и временно принимали его ставленников, и поэтому они не могут быть отнесены к числу покоренных Римом народов. Слова Ф. Энгельса о том, что „римское завоевание во всех покоренных странах прежде всего прямо разрушило прежний политический порядок, а затем, косвенным образом, и старые общественные условия жизни“,¹ к народам Закавказья не приложимы. Как известно, попытка Траяна обратить Армению в римскую провинцию закончилась полной неудачей: Адриану пришлось вернуть независимость армянам, сохранившим свой политический и общественный порядок, а также свою культуру и религию, в то время как в подчиненных Риму странах „вместе с политическими и социальными особенностями народов Римская империя обрекала на гибель и их особые религии“.²

В задачу настоящих „Очерков“, посвященных храму в Гарни и эпиграфическим памятникам древней Армении, не входит общий обзор последовательного хода всех исторических событий, имевших место в жизни армянского народа в древности.³ Но, руководствуясь основным марксистским положением, с предель-

¹ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 605.

² Там же, стр. 607.

³ См.: История армянского народа, ч. I, Ереван, 1951.

ной четкостью и краткостью сформулированным товарищем Сталиным, — „все зависит от условий, места и времени“,¹ — мы рассматриваем каждый из изучаемых памятников на фоне той исторической обстановки, которая обусловила его появление.

Вопрос о социально-экономическом строе древней Армении длительно являлся предметом дискуссии среди армянских историков.

Буржуазно-националистическая арменистика рассматривала общественный строй Армении начиная с древнейших времен и до XVIII в. как строй феодальный.²

Первым историком, поднявшим в 1938 г. в советской историографии вопрос о рабстве в древней Армении, был Х. Самуэлян, который собрал из армянских письменных источников все сведения, так или иначе связанные с рабовладением и рабством.³ Но, собрав эти сведения, Х. Самуэлян тем не менее утверждал, что „общественный строй армян, начиная с момента их появления на политической арене и вплоть до XVIII в., был феодальный“.⁴ Однако, так как собранные им факты, нарушая стройность его „феодальной“ концепции, требовали какого-то истолкования, он предложил в 1939 г. следующее объяснение усмотренным им явлениям рабства и рабовладения: „Наличие в феодальной Армении рабовладельческого института является пережитком того исторического момента, когда рабовладение не доросло и не вылилось еще в определенную общественно-экономическую формацию“,⁵ — объяснение, в котором сделана попытка примирить непримиримое, а именно, с одной стороны, факты, свидетельствующие о наличии рабства, а с другой — порочную концепцию буржуазной исторической науки о перманентном феодализме на Востоке.

На более правильной точке зрения стоял в те годы С. Т. Еремян, полагая, что Армения в древний период своего исторического существования являлась государством рабовладельческим,⁶ специфику которого выяснить и уточнить ему удалось только впоследствии.

¹ История ВКП(б). Краткий курс. 1952, стр. 105.

² Ср.: С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1, стр. 13.

³ Там же, стр. 13. — Х. Самуэлян. Рабство в древней Армении. Вост. Инст. ист. и литер. Арм. ССР, кн. II, Ереван, 1938. (На арм. яз.).

⁴ Х. Самуэлян. История древнего армянского права. Ереван, 1939, стр. 101. (На арм. яз.). — С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 13.

⁵ Х. Самуэлян, ук. соч., стр. 101. — С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 13.

⁶ История СССР, ч. I—II, стр. 315—316; ч. III—IV, стр. 108—109, М.—Л., 1939.

Иначе решал этот вопрос Я. А. Манандян, который в армянском обществе I в. до н. э. усматривал „присущие феодальной организации зачатки и отдельные основы“.¹ Предшествующий период Я. А. Манандян характеризует как „общество переходного типа от родового строя к феодальному, то есть общество полупатриархальное, полуфеодальное“,² и считает возможным утверждать, что „после распада родовых отношений мы отчетливо наблюдаем в Армении переход от родового строя эпохи Ксенофонта к нахарарскому строю эпохи Аршакидов, минуя рабовладельческую стадию“, что „этап рабовладельческой экономической формации не был обязателен для древнеармянского государства Фраксидов“.³

В 1948 г. С. Т. Еремян вернулся к этому вопросу и большим количеством письменных свидетельств и анализом терминов обосновал свою точку зрения на рабовладельческий строй древней Армении, но в то же время справедливо отмечал, что историки будут иметь „более твердую почву под ногами, когда будут раскопаны эллинистические центры Армении. Решающее слово в этом вопросе несомненно остается за археологией“.⁴

В этой же работе С. Т. Еремян сделал попытку выявить специфическую особенность армянского „эллинистического“ государства и между прочим указал, что армянские, как и парфянские, династы „опирались не на греческих наемников, а на свои народы, которые считали борьбу против иноземных захватчиков своим кровным делом“.⁵ Этим обстоятельством, по его мнению, следует объяснить „жизнеспособность этих государств, переживших все остальные эллинистические государства и перешедших на дальнейший этап своего развития“.⁶

Продолжая работу над вопросом о рабстве и рабовладении в древней Армении, С. Т. Еремян в 1950 г. подверг детальному анализу отдельные термины, связанные с рабовладением, — термины „агарак“ и „дастакерт“, а также существовавшие, по его словам, в Армении десять терминов для понятия „раб“, и окончательно утвердился в своей точке зрения на то, что в Армении

¹ Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, ч. I. Ереван, 1945, стр. 162. (На арм. яз.). См. рецензию А. Абрамяна в ВДИ (1948, № 1, стр. 119). Ср. также: Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934. (На арм. яз.).

² Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Истор. зап., № 15, 1945, стр. 28.

³ Там же, стр. 27.

⁴ С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1948, № 11, стр. 73.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Там же.

существовали „частновладельческие хозяйства“ — агараки и дастакерты, в которых главную роль играл труд рабов различных категорий“.¹ Но наряду с „рабовладельческим укладом“ в городе, в деревне существовал „старый, отживающий свой век первобытно-общинный уклад в образе сельской общины, которая в силу своей консервативности и застойности замедляла переход к античным производственным отношениям“.² В этой своей работе, в отличие от предыдущих, С. Т. Еремян говорит о рабовладельческом „укладе“ в Армении, о „рабовладельческих отношениях восточного типа“ и при этом отмечает, что переход „к развитому рабству греко-римского типа в Армении не был завершен в силу все более усиливающегося прогрессивно-феодалного уклада“.³

В настоящее время историки Армении пришли, повидимому, к согласию по основному вопросу об общественном строе в древней Армении, поскольку в коллективно написанной „Истории армянского народа“, вышедшей в 1951 г., армянское общество времени Арташесидов (II—I вв. до н. э.) правильно охарактеризовано как общество рабовладельческое, но с оговоркой, что „в Армении рабовладельческие отношения не вылились в форму классического рабовладения греков и римлян... Общественная жизнь Армении в последующие века развивалась не в сторону дальнейшего углубления рабовладельческих отношений, а в сторону сложения феодальных отношений“.⁴

Соглашаясь с точкой зрения С. Т. Еремяна по вопросу о рабовладельческом обществе древней Армении, хочу все же отметить, что специфические особенности этих рабовладельческих отношений еще мало выявлены вследствие крайней малочисленности соответственных данных в письменных источниках и недостаточной археологической изученности древней Армении, особенно V—II вв. до н. э.

Поиски исследователей продолжаются, как это видно из той статьи С. Т. Еремяна,⁵ где он, между прочим, указывает как на один из моментов, повлиявших на процесс феодализации в Армении, — на усиленную борьбу народа за свою независимость: „В тех эллинистических странах, народы которых изгнали греко-македонских завоевателей и основали туземные независимые

¹ С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении, стр. 25—26.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

⁴ История армянского народа, ч. I, стр. 41.

⁵ С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма. Вопр. истории, 1951, № 7, стр. 52—53.

эллинистические государства, развитие общества вело к феодализации. Так было в Армении и в Иране. В тех же странах эллинистического Востока, которые сделались римскими провинциями, как Египет, Сирия и Малая Азия, процесс перехода к новым, более прогрессивным производственным отношениям был значительно замедлен¹.

Что касается I—II вв. н. э., к которым относится основная часть рассматриваемых в этой работе памятников, то в этот период рабовладельческие отношения, повидимому, начинают постепенно итти на убыль, а начиная с III в. наблюдаются признаки, позволяющие говорить о процессе феодализации в III—IV вв. н. э.²

В античном обществе, как известно, переходный период отмирания рабовладельческого строя продолжался несколько столетий и сопровождался восстаниями рабов и войнами. Народам Закавказья, в частности Армении, в период перехода от рабовладельческого строя к феодализму тоже приходилось вести почти непрерывную борьбу с Римом за свою независимость. И на Востоке этот период был ознаменован восстаниями рабов, хотя до нас дошли о них очень немногие данные.

Письменные источники сохранили нам только один конкретный факт, а именно восстание в Колхиде, поднятое в 69 г. н. э. вольноотпущенником Аникетом.³ Восстание это было направлено в первую очередь против римлян, но поскольку Аникет сам был в прошлом рабом и поскольку к поднятому им движению примкнули и рабы, то имеются все основания думать, что восстание это было направлено и против местных эксплуататоров, против рабовладельцев Колхиды. Об этом можно судить и по сходному по характеру восстанию, поднятому скифами на Боспоре в 107 г. до н. э., — восстанию „скифских рабов, объединившихся вокруг доморожденного царского раба“, Савмака⁴.

Мы имеем все основания полагать, что такие восстания имели место и в Армении, но, к сожалению, мы пока не располагаем конкретными историческими данными, которые позволили бы

¹ С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, стр. 53.

² С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении, стр. 21. — История армянского народа, ч. I, стр. 61—62.

³ Тацит. История, кн. III, гл. 48—49. — А. И. Болтунова. Восстание Аникета. ВДИ, 1939, № 2, стр. 57—67.

⁴ С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 65. — С. А. Жебелев и В. Ф. Гайдукевич. Восстание Савмака. История СССР, ч. I—II. М.—Л., 1939, стр. 339—342. — В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 536—538.

говорить об определенных восстаниях рабов в древней Армении.¹

Античные историки, писавшие об Армении, и древние историки Армении, вышедшие из среды знати или с нею связанные, умалчивали об этих проявлениях классовой борьбы, к которой они, несомненно, относились отрицательно как к социальным явлениям, колебавшим устой общества и угрожавшим интересам класса эксплуататоров.

В этой связи большой интерес представляет одно сообщение Моисея Хоренского, которое позволяет говорить о восстании, имевшем место, правда, в более ранний период, во II в. до н. э. Говоря о царе Арташесе (189—160), историк сообщает о его завоевательной деятельности, о его направленных к расширению пределов Армении походах, которыми „он хотел поработить весь запад“ (очевидно, страны Малой Азии), а также о каком-то восстании, в котором участвовало и войско. „Я не могу сказать, по чьему наущению возникли ужасные волнения смуты и [почему] множество войск Арташеса перебило друг друга; Арташес бежал и умер, как говорят, от [руки] своих войск после двадцатипятилетнего царствования“, — пишет Моисей Хоренский.²

В этом сообщении все выражено глухо и неопределенно, но тем не менее речь, несомненно, идет о каком-то большом и важном явлении в социальной жизни, а самая неопределенность наводит на мысль, что имеется в виду какое-то большое восстание, о котором помнили еще при Моисее Хоренском, семь веков спустя.

Дело в том, что при Арташесе, в первую половину II в. до н. э., завершается процесс становления армянской государственности, в результате удачных походов усиливается приток военнопленных рабов, в связи с чем должны были возникнуть крупные рабовладельческие хозяйства. Все эти обстоятельства, вместе взятые, неминуемо должны были повлечь за собой столкновение интересов государства и знати, с одной стороны, и интересов продолжавшей существовать сельской общины, с другой.

Историческая обстановка, сложившаяся при Арташесе, несомненно способствовала усилению классовых противоречий и должна была привести к резкому выражению протеста со стороны (в первую очередь) представителей сельской общины, составляв-

¹ Не исключена возможность, что греческая надпись IV в. на воротах Тигранакерта, сохранившаяся, к сожалению, только частично, является своего рода царским указом, высеченным на стенах ряда городов после подавления большого восстания (стр. 286. Здесь и дальше в скобках даются ссылки на страницы настоящих „Очерков“).

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 12. (Перевод И. А. Орбели).

ших основную часть „многочисленных“ войск Арташеса. Свободные общинники, длительно оторванные завоевательными походами Арташеса от земли, не могли, конечно, мириться с тем, что в интересах знати начался процесс разграничения земельных участков и их перераспределение, грозивший им еще большим закабалением. Об этом размежевании говорится у Моисея Хоренского в другой главе, где он рассказывает, что Арташес повелел „определить границы деревень и агараков“ ввиду того, что им было „увеличено народонаселение армянской земли введением в нее многих чужеземцев, которых водворяли в городах, долинах и равнинах“.¹

„Определение границ деревень и агараков“ потребовало расставовки пограничных знаков, которые подробно описываются историком и два экземпляра которых с высеченной на них надписью арамейским письмом обнаружены в районе озера Севан (стр. 162). Внешний вид этих пограничных или межевых знаков полностью соответствует описанию, которое дается у Моисея Хоренского этим „арташесовым“ камням (стр. 164).

Эти-то обстоятельства и должны были привести к столкновению, к усилению недовольства свободных общинников, составлявших войско Арташеса, в отсутствие которых, повидимому, и началось размежевание общинных земель — „определение границ деревень и агараков“. Результатом всего этого и явилось, вероятно, то восстание, которое историк называет „ужасными волнениями смуты“; к нему, несомненно, примкнули и рабы, труд которых эксплуатировался в принадлежавших царю, храмам и знати больших земельных владениях.

Отголоском этого восстания является, по всей вероятности, содержание того литературного отрывка, который в числе других надписей высечен на втором камне в Армавире: речь идет о военачальнике, с оружием в руках павшем от руки своих же воинов (стр. 146). Арташес был убит, дальнейших событий мы не знаем, но восстание, без сомнения, было подавлено.

В труде В. И. Ленина „О государстве“ имеется объяснение тех причин, которые неизменно приводили к поражению таких восстаний: „Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов“.²

¹ Здесь и в дальнейшем, кроме особо оговоренных случаев, дан перевод Н. О. Эмина (История Армении Моисея Хоренского. М., 1893).

² В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 449.

Восставшие во II в. до н. э. в Армении общинники и рабы тоже оказались „пешками в руках господствующих классов“.

Те немногие приведенные выше данные, которыми мы располагаем для суждения об основных событиях в жизни молодого армянского государства в первую половину II в. до н. э., являются, между прочим, яркой иллюстрацией к замечательному определению, данному товарищем Сталиным тем двум функциям, которые „характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападения со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме“.¹

III

О культурном облике армянского народа в изучаемый период можно судить по отдельным, хотя и отрывочным данным.

Известно, что при дворе Тиграна II в 60-х годах I в. до н. э. пребывал некоторое время философ и ритор Метродор Скепсийский,² названный Плутархом ἀνὴρ πολυμαθής ‘муж многоученый’, а Плинием — „римоненавистник“ (cui cognomen a Romani nominis odio inditum est). Ему приписывают историческое сочинение о Тигране II, а также диалог, посвященный вопросу о разуме у животных. Последнее сочинение представляет особенный интерес потому, что армянский перевод этого сочинения упоминается среди трудов Филона Александрийского,³ писателя начала I в. н. э. Потребность в переводе этого сочинения на армянский язык может объясняться тем, что труд этот был Метродором написан в бытность его при дворе армянского царя; кроме того, перевод этот является ярким свидетельством того, что и в начале I в. н. э., то есть через полвека после Метродора, армянское общество продолжало интересоваться этим, по существу, научным трудом.⁴

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., 1952, стр. 604.

² Страбон, кн. XIII, гл. I, 55. — Цицерон. Об ораторе, II, 88; III, 20. — Плиний, Nat. hist., кн. XXXIV, гл. 7/16, 34. — Плутарх, Лукулл, гл. 22. — Афиней, кн. IX, 391a и др.

³ M. Wellmann. Hermes, Bd. LII. 1917, стр. 135.

⁴ Название этого сочинения: 'Ἀλέξανδρος ἢ περὶ τοῦ λόγου εἶχειν τὰ ἀλόγα ζῶα 'Александр, или наличие разума у бессловесных животных'.

Другим „римоненавистником“ при дворе Клеопатры, жены Тиграна II, был ритор Амфикрат Афинский,¹ написавший сочинение „О великих мужах“, где имелось, вероятно, и жизнеописание Тиграна. Это сочинение, как и труд Метродора, до нас не дошли. Помимо того, что факт нахождения при армянском царском дворе выдающихся греческих писателей сам по себе весьма знаменателен, примечательно и то, что у античных писателей упоминается двор армянской царицы, где встретил гостеприимство и нашел приют Амфикрат.

Известно, что при дворе армянских царей и среди верхушки общества в ходу был греческий язык, что армяне, не имевшие еще в то время своего алфавита, пользовались письмом арамейским и греческим. Известно, что существовали царские архивы, что записывались народные сказания и что в городах Армении существовали театры, в которых, кроме местных актеров, выступали приезжие из городов Малой Азии, а в этих театрах ставились трагедии Еврипида и, вероятно, также произведения местных драматургов.² Известно также, что в I в. н. э. был построен местными мастерами, при несомненном участии малоазийских или римских строителей, храм в Гарни, свидетельствующий о высоком строительном и скульптурном мастерстве его создателей.

На фоне этого и всего, что нам известно о культуре Армении в данный период, особенно странно звучит высказанная Т. Моммсеном точка зрения по вопросу о театре, а именно, что „Вахханки“ Еврипида (о постановке которых в Арташате говорится у Плутарха) ставились, якобы, при дворе парфянских (а не армянских) царей.³ Эд. Мейер приводит это мнение Т. Моммсена⁴ и, повидимому, согласен с этим его положением, хотя их „догадка“ противоречит тому, что нам известно от Плутарха. Оба историка — и Т. Моммсен и Эд. Мейер, — будучи сыновьями своего класса и стоя на позициях буржуазной науки, не могли, очевидно, допустить мысли о наличии высокой культуры у армян, которых они продолжали рассматривать как один из „варварских“ кавказских народов, и в угоду этой своей концепции искажали даже смысл указанного первоисточника.

В этой связи интересен вопрос об армянском царе Артавазде II (55—34 гг. до н. э.), писавшем, как известно, трагедии, речи

¹ Ливий, кн. IX, гл. 18,6. — К Амфикрату, повидимому, относятся его слова о греке, „который клеветал на римлян“. Об Амфикрате см.: Плутарх. Лукулл, гл. 22; Афиней, XIII, 576^о и др.

² Плутарх. Красс, гл. 33.

³ Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. III. Berlin, 1869, стр. 335.

⁴ Ed. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. Berlin, 1925, стр. 69.

и исторические сочинения, которые не изгладились из памяти еще при Плутархе.¹ В 1821 г. немецкий ученый А. Г. Херен высказал предположение, что источником для Плутарха при написании им биографии Красса, описании его похода на Восток и битвы при Каррах могло послужить историческое сочинение армянского царя Артавазда II.² Не собираясь останавливаться на рассмотрении этого вопроса по существу и допуская, что А. Херен в этом вопросе ошибался, хочу, тем не менее, указать, что английский ученый В. Тарн, считая гипотезу Херена весьма правдоподобной, все же не может согласиться с тем, чтобы армянский царь в I в. до н. э. мог обладать историческим мышлением („historical sense“). „Этому трудно было бы поверить“,³ говорит он, обнаруживая общую для всей буржуазной исторической науки точку зрения на народы Востока как на неполноценные по сравнению с греками и римлянами.

Отрицая высоту культуры народов Востока, и Т. Моммсен, и Эд. Мейер, и В. Тарн обходят полным молчанием одно весьма им невыгодное указание Плутарха: когда парфянский царь Ород и армянский царь Артавазд II встретились в армянской столице Арташат, чтобы отпраздновать примирение и свадьбу парфянского царевича с сестрой Артавазда, то, кроме пиршества, имело место „много представлений на сцене из греческих драматических и музыкальных произведений“.⁴ В Риме же в этот период основным театральным жанром были мим и ателлана и, как известно, широко распространено было увлечение кровавыми цирковыми состязаниями.⁵

Вышеприведенный краткий обзор дает характеристику уровня культуры верхушки армянского общества — царя, его приближенных и знати. О культуре широких слоев населения мы почти ничего не знаем: древние историки в большинстве своем разделяли идеологию правящего класса, и поэтому в письменных источниках мы тщетно стали бы искать отражение культуры народа, тех слоев населения, представители которых терпеливо

¹ Плутарх. Красс, гл. 33.

² А. Н. L. Heeren. Vermischte historische Schriften, Bd. III. 1821, стр. 412.

³ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, стр. 51—53.

⁴ πολλὰ παρεσήγετο τῶν ἀπὸ τῆς Ἑλλάδος ἀκουσμάτων (Плутарх. Красс, гл. 33). См.: Г. И. Гоян. Черты своеобразия армянского эллинистического театра. ВДИ, 1950, № 3.

⁵ В середине I в. до н. э. в самом Риме система „массовых зрелищ приспособляется ко вкусам деклассированного и беспринципного люмпенпролетариата, составляющего основной контингент зрителей. Любимым зрелищем становятся гладиаторские игры“ (И. М. Тронский. История античной литературы. Л., 1951, стр. 336).

высекали в твердом базальте изумительный аканфовый фриз Гарнийского храма, певцы которого слагали те замечательные народные песни и сказания, отрывки которых сохранились в труде Моисея Хоренского и в эпосе „Давид Сасунский“. О культуре народа историки молчат, но о ней говорят камни, о ней пели и поют гусаны, о ней начинают свидетельствовать результаты тех археологических раскопок, которые ведутся в Армении.

Что касается области религиозных верований, то хотя сравнительно мало известно о религии древних армян, мы все же имеем основание полагать, что те или иные боги (например, Анаит и Михр — божества влаги, Солнца и плодородия) по-разному воспринимались различными слоями населения: военно-рабовладельческая знать в этих богах видела своих покровителей, от которых зависели и военная удача и материальное благополучие; они ублажали их драгоценными дарами и ставили в их храмах статуи из драгоценных металлов. А народ — земледельцы и скотоводы — видел в Михре и Анаит те силы природы, от которых зависели урожай и жизнь скота, а тем самым его собственное существование, и по-своему поклонялся этим богам, называя их иногда иными, местными именами и не воздвигая им ни храмов, ни статуй.

IV

В VI—III вв. до н. э. Армения, как известно, входила в состав Ахеменидской империи, а потом, хотя и недолго, в состав Селевкидского государства, к которому в какой-то известной мере может быть отнесена характеристика, данная И. В. Сталиным империям Кира, Александра Великого, Цезаря и Карла Великого, не имевшим своей экономической базы и являвшимся временными и непрочными военно-административными объединениями. „Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка“, тогда как входившие в эти империи племена и народности „имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки“.¹

В VI—III вв. до н. э. идет процесс сложения армянской народности;² к IV в. до н. э., как говорит в своей последней статье С. Т. Еремян, „армянский язык прошел длительный путь эволюции от языка родового к языку племенному, от языка племенного к языку народности... На базе местных говоров центральных областей страны сложился общеармянский разговорный язык“.³

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 12—13.

² Б. Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946, стр. 31. — С. Т. Еремян. К вопросу об этногенезе армян. Вопр. истории, 1952, № 7, стр. 107—108.

³ С. Т. Еремян, ук. соч., стр. 107.

В связи с этим становятся понятными слова Страбона (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), который, описывая образование независимого армянского царства при Арташесе в начале II в. до н. э. и перечисляя племена и народности, вошедшие в состав его государства, заканчивает этот перечень словами: ὅσπε πάντας ἑμὸῦ γλώττουσ ἐῖναι 'так как все они говорят на одном и том же языке'.¹ Если же армянские племена и народности к началу II в. до н. э. уже были ἑμὸῦ γλώττου 'единоязычными', то процесс сложения общего для армянских племен языка должен был начаться за несколько веков до этого.

В период соприкосновения Армении с восточноэллинистическим миром наблюдается применение армянами греческого языка и греческого письма. К этому явлению в среде древнего армянского общества применимо сказанное товарищем Сталиным в труде „Марксизм и вопросы языкознания“ о французском языке в среде английских феодалов, а именно, что на этом языке говорили „не все феодалы, а незначительная верхушка английских феодалов при королевском дворе и в графствах“, что французский язык тогда в Англии был только „салонный язык, имевший хождение лишь в узком кругу верхушки английской аристократии“.² Пользование греческим языком в среде армянской знати было вызвано определенной исторической обстановкой, носило, как известно, временный характер и имело место лишь в узком кругу верхушки общества, подтверждением чему может служить появление перевода на армянский язык греческого сочинения Метродора, о котором говорилось выше (стр. 11) — сочинения, посвященного вопросам физиологии и едва ли рассчитанного на читателей из самых широких слоев народа, но предназначенного, повидимому, для тех кругов армянской знати, которые греческим языком не владели.

V

Исследователь истории и культуры Армении в период от II в. до н. э. по IV в. н. э. не может не коснуться вопроса об эллинизме, вернее, о так называемом эллинистическом периоде в истории народов Востока.

Вопрос этот, интересный и актуальный, к сожалению, очень осложнен и запутан буржуазной исторической наукой, представители которой, начиная с И. Г. Дройзена (1836) и кончая в наше время В. Тарном, М. И. Ростовцевым и другими, по-разному определяют содержание термина „эллинизм“, но все усматривают

¹ Страбон, кн. XI, гл. 14,5.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1952, стр. 17—18.

в нем период приобщения народов Востока к якобы более высокой эллинской культуре, а в македонцах, греках и римлянах видят культуртрегеров. С точки зрения буржуазной науки, все древние местные государственные и культурные учреждения в странах Востока являются созданием греческих и римских завоевателей, а антагонистические отношения между рабовладельцем и рабом в странах Востока подменяются в их трудах противоречиями этнического порядка.

В советской историографии труд А. Б. Рановича, посвященный эллинизму и его исторической роли,¹ является „первым опытом обобщения истории эллинизма с марксистских позиций, первой попыткой проследить ход этой истории в связи с развитием рабовладельческого общества“.²

На двух примерах особенно ярко может быть показано отношение представителей науки двух миров — буржуазного и социалистического — к вопросам культуры эллинистического этапа в развитии античного общества. Эд. Мейер полагает, что упадок культуры античного мира с конца III в. до н. э. следует объяснить „разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате ее вульгаризации“.³ А. Б. Ранович отмечает, что „общение с народами Востока не только расширило горизонт эллинов и раздвинуло границы ойкумены: оно показало им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую, во всяком случае, более древнюю“.⁴ Действительно, армяне, как и иберы и народы Малой Азии и Сирии, заимствовали многое из достижений восточно-средиземноморской культуры, но сохраняли при этом свою самобытность и передавали в свою очередь то или иное из своей культуры народам Средиземноморья. История показывает, что культурные заимствования по самой природе своей не могут быть односторонними и что они проявляются именно во взаимосвязи.

Как известно, еще в 1939 г. В. С. Сергеев впервые в советской историографии высказал суждение, что „в истории средиземноморских (разрядка моя, — К. Т.) народов эллинистические государства представляют определенный этап общественного развития“.⁵

Столь же четко формулировал эту мысль А. Б. Ранович, говоря, что эллинизм — „результат всего предшествующего раз-

¹ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.

² К. К. Зельин. Рецензия на книгу А. Б. Рановича „Эллинизм и его историческая роль“. ВДИ, 1951, № 2, стр. 144.

³ Ed. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. 1925, стр. 60.

⁴ А. Б. Ранович. Эллинизм и его социально-экономические основы. Вopr. истории, 1945, № 1, стр. 114.

⁵ В. С. Сергеев. История древней Греции. М., 1948, стр. 398.

вития античной Греции с ее специфическими (разрядка моя, — К. Т.) закономерностями рабовладельческого строя жизни¹.

В настоящее время, когда вопрос об эллинизме привлекает к себе особое внимание советских историков, существует тенденция распространительно применять термин „эллинизм“ для обозначения определенного этапа общественного развития в жизни не только средиземноморских народов, но и народов Закавказья, Передней и Средней Азии. Не возражая против того содержания, которое эти историки вкладывают в термин „эллинизм“, когда речь идет о народах восточного Средиземноморья, никак нельзя согласиться с применением этого термина к определенному этапу в развитии социального строя многих народов Востока, в частности Армении. Возражение это касается не только самого термина „эллинизм“, который, восходя к термину этническому („эллины“²), никак не может и не должен определять сущности того или иного этапа рабовладельческой формации в жизни народов Востока (в том числе и Армении), где рабовладельческие отношения имели свои особенности.

Ведь если эллинизм в истории народов восточного Средиземноморья вырос на корнях античного рабовладельческого общества в его классической форме и является определенным этапом в развитии рабовладельческой формации (ее хорошо известные³ специфические особенности можно не перечислять), то несколько иной характер носят те корни, на которых выросло на Востоке общество, тоже якобы эллинистическое. Здесь необходимо вспомнить ту основную особенность землевладения в восточном рабовладельческом обществе, на которую указывает Маркс, а именно, что здесь „не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение — действительный, настоящий собственник — это община...“⁴ Не следует забывать и о пережитках первобытно-общинного строя с его патриархальными отношениями, а также о замедленности в раз-

¹ А. Б. Рапович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 16.

² В этой связи интересно определение термина „эллины“, которым и ныне руководствуются буржуазные историки (Ed. Meyer. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien, стр. 8), а именно слова Исократы, сказанные им в 380 г. до н. э. (Панегирик, 50): „Название «эллины» теперь является показателем не происхождения, а определенного образа мышления (διάνοια), и эллинами называют не столько родственных по крови людей, сколько в гораздо большей мере тех, кто разделяет нашу образованность“.

³ См. статью „Значение рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для древней истории“ (ВДИ, 1940, № 1, стр. 2—3).

⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 16. — См.: В. В. Струве. Хрестоматия по истории древнего мира. Введение. М., 1950, стр. 10—11.

витии сельской общины, на что указывал Ф. Энгельс: „Восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта“.¹ Важно, кроме того, наличие на Востоке патриархального домашнего рабства, о котором говорится у Ф. Энгельса,² и „нерасчлененное единство города с деревней“,³ наконец — значение искусственного орошения и соседства с кочевой степью, о котором Маркс писал, что „у всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и прудолжающимся кочевничеством другой части“.⁴

Принимая во внимание все эти предпосылки и сопоставляя их с особенностями западного, средиземноморского рабовладельческого общества, мы не имеем никаких оснований полагать, что термин „эллизм“ может определять те общественные отношения, которые сложились в жизни народов Востока.

Одним из основных аргументов в пользу правомерности применения термина „эллизм“ к народам Востока является ссылка на основанные греками на Востоке полисы, которые и придавали, якобы, общественным отношениям на Востоке тот характер, который именуется эллинизмом. Выдвигая этот аргумент, обычно забывают, что эти немногочисленные „города были небольшими оазисами, обширные области оставались незатронутыми новым порядком вещей“, как справедливо замечает А. Б. Ранович.⁵ В Армении не мог получить и не получил развития процесс „перехода от *κοινωνία* к *πολιτεία*, от восточного к античному типу рабовладельческого общества“, в котором заключается „основная линия исторического развития аграрных отношений на эллинистическом Востоке“.⁶ Даже такой сторонник Рима, как Т. Моммсен, должен был указать на то, что (в отличие от стран Малой Азии и других подчиненных Риму стран) в длительный период римских завоеваний Армения „всегда оставалась не-греческой страной“.⁷

Что же касается термина „эллинистический“, то применение его к тем или иным явлениям в среде восточных народов терпимо лишь до тех пор, пока не будет найден другой, более правиль-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 164.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. Там же, стр. 451.

³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 15.

⁴ К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 488).

⁵ А. Б. Ранович, ук. соч., стр. 27.

⁶ А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. ВДИ, 1947, № 2, стр. 39.

⁷ Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V. Berlin, 1885, стр. 556—557.

ный термин, который не вводил бы в заблуждение и который, во всяком случае, должен содержать наименование народа, являвшегося не только носителем, но и создателем этой „эллинистической“ культуры, а до тех пор термин „эллинистическая культура“ может — условно и только временно — быть приложен (со всеми вышеприведенными оговорками) только к одному историческому явлению. Это явление — наивысший в древности этап развития взаимосвязи народов Элады и Востока, — взаимосвязи, существовавшей и в более отдаленные периоды, но в определенной исторической обстановке, на известном этапе развития восточного рабовладельческого общества принявшей более интенсивные формы и приведшей к возникновению тех явлений в общественной жизни, которые принято называть „эллинистическими“.¹

Но так как, с одной стороны, основной фонд культурных явлений вырабатывается внутренним процессом своей собственной истории и так как, с другой стороны, совершенно изолированных процессов развития культуры не бывает, то некоторые явления культурной жизни средиземноморского эллинизма, встретившись с аналогичными фактами, выросшими на почве внутренней истории того или иного восточного народа (в данном случае — армянского), и привели к созданию местными мастерами тех памятников культуры и искусства, которые принято называть „эллинистическими“, но которые являются творением местного народа и выразителем его культуры.

Ведь сущность и содержание культуры того или иного восточного народа в „эллинистический период“ продолжали оставаться местными и не утрачивали своей самобытности. Менялась только внешняя ее форма, становясь „эллинистической“, — и то преимущественно в обиходе верхушки общества.

Древнеармянская культура, обогащенная эллинистическими культурными традициями, творчески ею переработанными, носит самобытный характер, сохраняя местные черты, обусловленные особенностями общественного развития армянского народа, и по уровню своих достижений не уступает культуре народов соседних эллинистических государств.

¹ Учитывая частое и широкое использование термина „эллинистический“ и отмеченную выше нечеткость в его употреблении, мне кажется, вопрос о применении определения „эллинистический“ должен стать предметом специального обсуждения в среде советских историков.

ХРАМ
В КРЕПОСТИ ГАРНИ

Самым замечательным, совершенно уникальным архитектурным памятником первых веков нашей эры на территории Армении является крепость Гарни с ее стенами и башнями и главное — с ее храмом, подобного которому на территории нашего Союза мы пока не знаем.

Самое местоположение крепости Гарни¹ — на высоком мысу, омываемом внизу, в ущелье, рекой Азат, берущей начало в Гегамских горах, с видом на базальтовые массивы с их естественными „колоннами“ на обрыве ущелья, с раскинувшимся амфитеатром вокруг мыса садами и виноградниками — производит неизгладимое впечатление (рис. 1; табл. 1—4).

Это впечатление, вызываемое природой и прекрасным творением древних армян, усиливается еще теми эпическими и историческими преданиями, которыми народная память и упоминания в трудах историков сопровождали жизнь этой жемчужины армянского народа — так называемого „тахт“ (трона) Трдата.

Храм в Гарни был цел до 1679 г., когда произошло землетрясение,² разрушившее здание, сохранявшееся в целом виде 16 веков благодаря железным скрепам, штырям и бронзовым шипам с заливкой свинцом, скреплявшим отдельные части и камни. Землетрясения бывали и прежде, но на целостности храма они не отражались, пока на месте были эти скрепы и заливки. Повидимому, в период длительных войн времени шаха Аббаса I, когда ощущалась острая потребность в металле и особенно в свинце для отливки пуль, штыри и заливки были извлечены из здания самым варварским образом; базальт известен своей твердостью, он с трудом поддается механическому воздействию, и поэтому

¹ В Котайкском районе, в 30 км от Еревана.

² О гибели храма в Гарни в связи с землетрясением 1679 г. см.: B. Sarkissian. *Études sur la vallée de l'Araxes et ses trois villes anciennes*. Venise, 1886, стр. 22 — См. также: Abich. *Forschungen in den Kaukasischen Ländern*, Bd. II. Wien, 1882, стр. 395—415.

едва ли возможно допустить, что многочисленные выбоины, зияющие на стилобате храма, были результатом индивидуальных

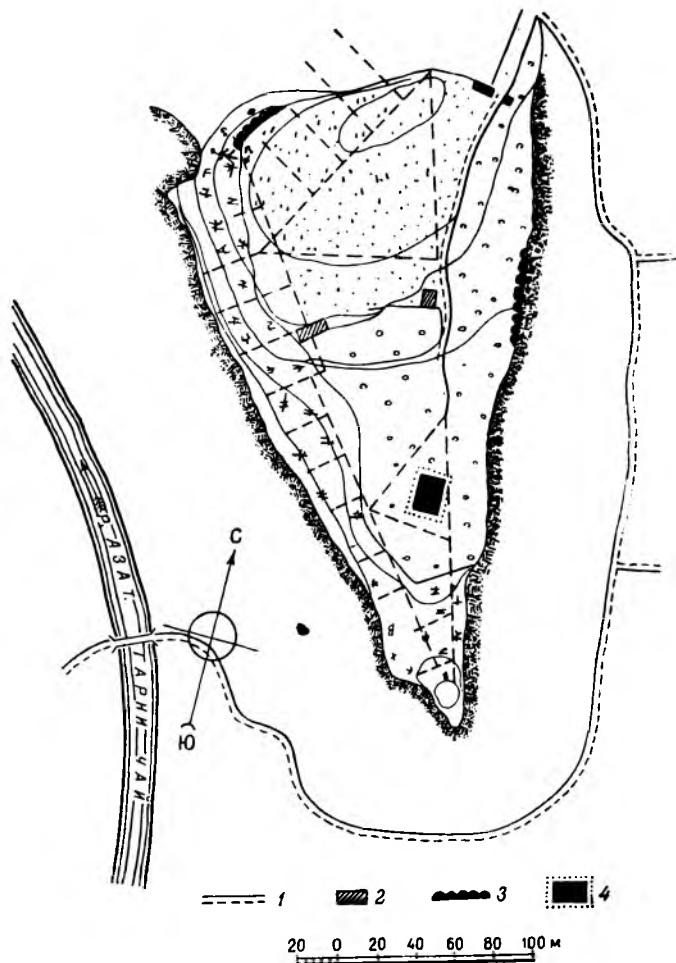

Рис. 1. План крепости Гарни.

1 — дорога, 2 — новые постройки, 3 — крепостные стены, 4 — храм.

По Н. Г. Бунятыану, 1933 г.

усилий отдельных лиц.¹ Извлечение штырей и свинцовой заливки производилось, очевидно, уже в период после посещения

¹ Б. Н. Аракелян. Гарни. I, табл. 22—23.

Гарни Симеоном Апаранским (стр. 28—29), то есть между 1593 и 1679 гг., когда здание рухнуло от землетрясения (он ничего не говорит об этих, как бы зияющих, ранах).

Как показали исследования, храм от толчка раскололся по диагонали и упал в северо-восточном направлении (линия излома прошла по направлению от восточной части южной стороны к северо-западному углу), чем и объясняется тот факт, что верхние части восточного фасада оказались нагроможденными главным образом у северо-восточного угла здания, а части западного фасада — у юго-западного угла; верх южного фронтона, расколовшись на две части, лежал низом вверх.

О гибели храма именно от толчка при землетрясении свидетельствует и то обстоятельство, уже отмеченное Дюбуа де-Монпэрэ, что лежащие стволы колонн были накрыты обломками антаблемента.¹

В 1828—1829 гг., как показали архивные разыскания Я. И. Смирнова,² когда после персидской и турецкой кампаний имело место массовое переселение армян из Персии и Турции³ в Армению, на развалинах Гарни, обезлюдивших при шахе Аббасе, поселились армяне, выходцы из Маку (древне-армянская область Артаз, восточнее Баязета, на юго-восточных склонах Арарата). Об этом переселении говорится у немецкого географа М. Вагнера, объездившего Армению в 1843—1844 г.: „Большая часть армянского народа... страдавшая под тяжелым игом турок и персов, стала с некоторого времени рассматривать Российскую империю как свою новую родину“.⁴

Во время работ, начатых в Гарни Русским Археологическим обществом в 1909 г., территорией крепости владел Вартан Айрапетян, он же Кочарянец, на руках которого тогда имелись документы на право владения участком с развалинами крепости, в том числе и с храмом.

Когда закончены были работы в Гарни, Классическое отделение Русского Археологического общества решило поднять вопрос о достойной охране памятника. Для составления соответственной записки была образована комиссия, и специальная депутация из членов Археологического общества представила эту записку председателю Общества для дальнейшего представления наместнику Кавказа. Речь шла об отчуждении площади с развалинами и вклю-

¹ F. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abchases, v. III (текст). Paris, 1839, стр. 388; русский перевод: Ф. Дюбуа де-Монпэрэ. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937 (Тр. Инст. абхазской культуры Груз. филиала АН СССР, вып. 6).

² Архив Я. И. Смирнова в ИИМК, рукоп. № 186, л. 2.

³ Н. А. Муравьев. Грузия и Армения, ч. II. СПб., 1848, стр. 121.

⁴ M. Wagner. Reise nach dem Ararat und dem Hochland Armenien. Stuttgart und Tübingen. 1848, стр. 249—250.

чении ее в число „казенных земель“, о постройке ограды и о стороже. Но обращение это положительных результатов не дало.

Только после установления в 1920 г. советской власти в Армении отношение к памятнику резко изменилось; партия и правительство принимали меры к охране храма, рос и углублялся интерес к нему широких кругов населения, а в настоящее время Гарнийская крепость со всеми ее культурными ценностями, как находящимися на поверхности земли, так и скрытыми пока под землей, объявлена государственным заповедником, и с 1949 г. на территории крепости Институтом истории Академии наук Армянской ССР ведутся успешные раскопки.

1. ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

В письменных источниках сохранились отдельные отрывочные сведения, вернее — только упоминания о Гарни. Легендарные предания, связанные с Гарни, имелись в эпических сказаниях, которые были использованы Моисеем Хоренским, сообщаящим, что потомок Хайка, Гелам „строит поселение и называет его Гелами, что впоследствии внук его Гарник наименовал Гарни“.¹

Первое историческое упоминание о Гарни сохранилось в *Анналах Тацита* (I в.), который подробно рассказывает, как в 51 г. иберский царевич Радамист, жаждавший власти, был направлен отцом своим Фарасманом, с большим войском, против своего дяди, царя Армении Митридата — тоже римского ставленника. Радамист „загнал Митридата, испуганного внезапным вторжением и выбитого с равнин, в крепость Гарни, защищенную местоположением и [римским] гарнизоном (*praesidio militum*), которым командовал префект Целий Поллион и центурион Касперий... Радамист, после напрасных и [сопряженных] с потерями попыток взять укрепления, приступает к осаде [крепости]. Так как сила его не внушала страха, он подкупил корыстолюбивого префекта“.² Хитростью выманив Митридата из крепости, якобы для ведения переговоров и заключения договора, он в соседней роще велел убить его и его семью. Далее Тацит рассказывает, как на совете у правителя Сирии и Армении, Уммидия Квадрата, было решено не карать Радамиста за убийство Митридата, а использовать это событие для натравливания армян и иберов друг на друга. Тацит передает вынесенное при этом решение: „Всякое чужое злодеяние надо принимать с радостью, нужно даже бросать семена ненависти; ведь часто римские государи под видом щедрости предоставляли ту же Армению для возбуждения смут среди варваров.

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90.

² Тацит, *Анналы*, кн. XII, гл. 44—48.

Пусть Радамист владеет плодами своего преступления, будучи предметом ненависти и презрения, так как это нам более на пользу, чем если бы он достиг власти со славою. Так было решено".¹ В приведенном отрывке римский летописец ярко и, видимо, сочувственно охарактеризовал такие же приемы политики „разделяй и властвуй“, которыми пользовались и пользуются все колонизаторы во все времена.

Следующее по времени упоминание Гарни имеется у армянского историка Фавста Бузанда (конец IV в.), который сообщает, как царь Хосров, сын Трдата III, „дал приказ своему полководцу произвести набор (хашар) великий по стране и доставить дикие дубы из лесов и посадить их в Айраратской области, начиная от сильной царской крепости, которая называется Гарни, до равнины Мецамора, до холма, который называется Двин и который находится к северу от великого города Арташат. Вниз по течению реки до дворца Тикнуни² посадили дубы и назвали его [этот лес] именем «храм дубравы»“.³

В V в. Гарни упоминается армянским историком Елише: говоря о предательстве Васака и о захваченных персами, с его помощью, городах Армении, которые затем были Варданом Мамиконяном отвоеваны обратно, он перечисляет крепости и замки на территории царского остана⁴ и на первом месте называет Гарни, а также Армавир, Арташат, Ошакан, Аруч и другие.⁵

Моисей Хоренский (V—VI вв.), передавая историю Трдата III, сообщает, что этот царь „завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепленных железными скобами с [залиткой] свинцом. В ней он выстроил также летний дом (*սուրբ հովհաննիս*) с колоннами, с чудесными изваяниями в высоком рельефе для сестры своей Хосровидухт и начертал в нем (или: на нем) память о себе эллинскими буквами“.⁶

В начале VII в., по словам армянского историка Себеоса (VII в.), сасанидский царь Хосров II уступил византийскому императору Маврикию часть армянской территории, включая и городок (аван) Гарни.⁷

В 874 г. Гарни с садами был подарен князем Ашотом Севанского монастырю, как об этом сообщает армянский историк Стефан Орбелян (конец XIII в.).⁸ О судьбах Гарни в XIII в.

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XII, гл. 48.

² Тикнуни — принадлежащий тикин, т. е. царице или княгине.

³ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 8.

⁴ Остан — личный удел армянского царя.

⁵ Елише, гл. III.

⁶ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90. (Перевод И. А. Орбели).

⁷ Себеос, гл. X.

⁸ Стефан Орбелян. *История Сюника*, гл. 37.

сохранилось несколько упоминаний у того же Стефана Орбеляна.¹ Полководцы царицы Тамары, братья Захария и Иванэ, около 1210 г. отняли у персов Гарни, очевидно, не утративший в это время еще своего военно-стратегического значения. После этого Гарни был, очевидно, пожалован Захаридам, так как на косяке двери древнего храма в 1291 г. была высечена надпись о сложении с жителей Гарни некоторых повинностей; поскольку эта надпись составлена от имени внучки Иванэ и так как Гарни в ней назван „нашей собственной вотчиной“, — можно заключить, что Гарни в XIII в. входил в состав вотчинного владения рода Захаридов. Близ Гарни были разбиты хорезмшахом Желал-эд-Дином в 1225 г. войска царицы Тамары,² а в 1282 г. область Гелакуни, а с нею и Гарни, упоминаются как входящие в состав владений этих вассалов грузинских царей.³

В XIV—XV вв. в Гарни, повидимому, находился монетный двор, выпускавший хулагидские и тимуридские монеты: на территории Армении (в сел. Норк, около Еревана, и в сел. Кош Аштаракского района) и в Азербайджане найдены в составе кладов монеты с указанием Гарни как места их чеканки.⁴

О Гарни говорится и в литературных памятниках: так, одисеец Тамары (конец XII в.) сообщает, что пленников-мусульман Давид Сослан пригнал в Гарни.⁵

В конце XVI в. Симеон Апаранский, армянский писатель-поэт, написал элегию, посвященную Гарни;⁶ в ней упоминается храм, который он видел в 1593 г. Оплакивая прошлое величие Армении, страдавшей в его дни под персидским владычеством, Симеон, между прочим, говорит: „Сын мой, славный и доблестный Трдат, который был первенцем в нашей вере, построил в прекрасной местности великолепный (желанный) дворец. Это был летний дом прохлады (*սիրախի նիւնոց*), и в нем [он] поставил свою царскую резиденцию; с 24 столбами соорудил он [его] подобно сонму пророков, с лестницей в девять ступеней в соответствии девяти чинам, что в небе...“.⁷ Далее Симеон говорит о том, что этот, с могучими стенами, дворец построен из базальта, что камни были скреплены железными скобами и свинцом, говорит о „потолке“, о двери и ступенях и вопрошает: „Где теперь ваше

¹ Стефан Орбелян, гл. 65.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. I (1926), стр. 56, № 154; вып. II (1938), стр. 38—41, №№ 469 и 471; вып. III (1940), стр. 52—53, № 872—873.

⁵ Певец Тамары — Чахрухадзе (перевод Ш. Нуцубидзе, ода X, четверостишие 19).

⁶ Л. Алишан. Айратат. Венеция, 1890, стр. 368—369. (На арм. яз.).

⁷ Там же.

величие? Неужели есть другая дверь выше вас?". Затем, в патетической и полной риторизма форме он взывает к вершинам гор и к неиссякаемым родникам, к остаткам царских дорог, ко всем этим свидетелям былого, с просьбой поведать о пирах и увеселениях, происходивших тут, обращается и к тому плясуну, который некогда плясал здесь, а затем сошел „в сень гробницы“. Как видно из содержания этого „Плача“, Симеон, правильно отмечающий количество колонн и ступеней лестницы, обратил также внимание и на железные скрепы и свинцовую заливку и на особую высоту ступеней и двери храма.

Из всех этих данных можно заключить, что храм при Симеоне в 1593 г. не пребывал в развалинах, поскольку видна высота ступеней, очевидно еще не заваленных обломками, и высота двери, даже если оставить без внимания отмечаемую им высоту всего здания.

В начале XVII в. Гарни упоминается в „Истории“ Григория Дараналийского, который, между прочим, говорит о „поэте и сочинителе“ (по всей вероятности, о Симеоне Апаранском), сложившем в „прекрасных стихах великолепную похвальную песнь-элегию о чудных хоромах великого Трдата, то есть о дворце, что в городке Гарни. Мы также сподобились узреть это священное место, где рядом с хоромами находится усыпальница — погребение вардапета Маштоца и великого вардапета Георга“.¹

2. ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ ГАРНИЙСКОМУ ХРАМУ

Первым русским путешественником, побывавшим в Гарни в 40-х годах XIX в., был Н. А. Муравьев. Он сообщает, что по дороге в Гехард он побывал в Гарни, где „колоссальные обломки базальтовых колонн с их громадными подножьями из черного гранита (базальта, — К. Т.) и резными капителями ионического ордера свидетельствуют более о храме во вкусе греческом, нежели о палатах.“² Поразительна сия гранитная масса обломков, собранных рукою времени в одну грудю на обрыве скал, памятником его собственного могущества над делами рук человеческих. Воображение народное, всегда поэтическое в своих вымыслах, образовало из сих развалин один исполинский трон, на который посадило великую тень любимого царя своего Трдата. У его подножья кипит горный поток в глубоком русле; бесчисленные ручьи стре-

¹ Эти сведения имеются в Архиве АН СССР (ф. № 800), где хранится письмо Гарегина Овсепяна, написанное им в Иерусалиме 18 августа 1911 г.; в нем он сообщает, что посылаемый отрывок списан из Истории вардапета Григория Дараналийского, жившего в начале XVII в. (по рукоп. Иерус. библ., № 1069, л. 156а).

² Т. е. о дворце.

мятся из-под навеса камней для прохладения бывшей царственной усадьбы сестры Тиридатовой. Палаты ее ограждены были со стороны долины крепкою стеною, которой плиты еще уцелели, с полуобрушенной аркой ворот“.¹ Этот отрывок дает яркое представление о том грандиозном впечатлении, которое и до раскопок должны были производить развалины Гарни.

Через 35 лет после Н. А. Муравьева в 1879—1880 г. в Гарни побывал А. С. Уваров. Остатки дворца, которые в 1832 г. видел Дюбуа де-Монпэрё, ему увидеть уже не удалось, но он полагал, что оба здания — и храм и дворец — занимали среднюю часть площади, обнесенной стенами, и отмечал, как и Дюбуа, наличие „следов стен и со стороны пропасти (ущелья)“.²

На одном из заседаний Подготовительного комитета к V Археологическому съезду в Тифлисе А. С. Уваров в 1880 г. внес предложение перевезти в Тифлис и восстановить по рисунку Дюбуа де-Монпэрё остатки Гарнийского храма как прекрасный „памятник греческого зодчества III в. н. э. Комитет принял это предложение, постановив составить предварительный расчет стоимости перевозки“.³ На заседании Комитета в мае 1881 г. председатель сообщил: „Эриванский губернатор уведомил, что части храма так велики и тяжелы, что доставка их на обыкновенных арбах или фургонах не может состояться, приспособленных же для этого не имеется“.⁴ Таким образом остались на месте лежавшие на поверхности части скульптурного убранства храма.⁵

В капитальном труде мхитариста Алишана (1890 г.) храму в Гарни отведено почетное место: излагаются высказывания древних историков, приводится в выдержках элегия Симеона Апаранского, используются чертежи Дюбуа де-Монпэрё (рис. 2: эскиз плана крепости и реконструкция храма) и высказывается точка зрения, что Моисей Хоренский сообщает не о построении храма в Гарни при Трдате III, а о реставрации его этим царем.⁶

В 1907—1908 гг. Гарнийский храм был осмотрен, обмерен и описан архитектором В. М. Сысоевым; краткое описание памятника, по его материалам, было издано в 1916 г. Кучук-Иоанесовым.⁷

¹ Н. А. Муравьев. Грузия и Армения, ч. II. СПб., 1848, стр. 109—111.

² Протоколы Подготовительного комитета к V Археологическому съезду в Тифлисе, М., 1879, стр. 447.

³ Там же, стр. 332.

⁴ Там же, стр. 483.

⁵ В 1910 г. К. К. Романов и Н. Н. Тихонов видели в деревнях в окрестностях Гарни шесть капителей, вывезенных с территории храма (Архив ИИМК, ф. 29, № 31, лл. 40—44).

⁶ Л. Алишан, ук. соч., стр. 361, рис. 151 (план) и стр. 364, рис. 153 (реконструкция).

⁷ Материалы по археологии Кавказа, т. XIII, 1916, стр. 37, табл. X.

К 1909—1910 и 1911 гг. относятся не вышедшие в свет доклады Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова, читанные ими ежегодно в Классическом отделении Русского Археологического общества по окончании раскопочных работ в Гарни.¹

В 1933 г. в Ереване вышла книга-альбом архитектора Н. Г. Буниатяна,² издавшего результаты своей большой работы по тщательнейшим обмерам храма в Гарни, реконструкцию его фасадов и отдельных частей здания и чертежи и обмеры всех деталей (табл. 11—12). До появления фундаментального издания чертежей и реконструкций эта небольшая книга-альбом, несмотря на нечеткость многих таблиц и не вполне удовлетворительный перевод текста Н. Г. Буниатяна на русский и на французский языки, является необходимым справочником для специалиста.

В 1933 г. вышла статья архитектора К. К. Романова, участника раскопок 1909—1910 гг. в Гарни. В этой статье, снабженной рядом таблиц и чертежей (рис. 3—5), дается подробное описание храма, технических приемов его постройки и стилистических особенностей, а также освещается вопрос о его первоначальном виде.³

В 1937 г. в Ереване издана популярная книжка-альбом в серии „Исторические памятники Армянской ССР“, в которой дается краткое описание Гарнийской крепости и развалин храма, сопровождаемое рядом таблиц.⁴

Гарнийскому храму посвящено несколько страниц в вышедшем в 1942 году труде Т. Тораманяна.⁵

В статье акад. Я. А. Манандяна, посвященной греческой надписи, найденной в Гарни в 1945 г., высказан ряд неприемлемых соображений в обоснование датировки им храма III в. до н. э.⁶

Вопросу о Гарнийском храме посвящена также статья Гарегина Левоняна, в которой содержится указание на другие, вышедшие тоже на армянском языке статьи, в той или иной мере затрагивающие этот вопрос.⁷

¹ Протоколы Классического отделения Русского Археологического общества за 1909—1911 гг. (Архив ИИМК, дела №№ 330 и 452).

² Н. Г. Буниатян, ук. соч.

³ К. К. Романов, ук. соч.

⁴ Выпуск II, Гарни-Гегард, Ереван, 1937, табл. 29—41. (На арм., русск., азерб. и франц. яз.).

⁵ Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры. т. I., Ереван, 1942, стр. 282 и сл., рис. 185—188. (На арм. яз.).

⁶ Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма. Ереван, 1946. (На арм. яз., с сокращенным русским переводом).

⁷ Г. Левонян. Языческий храм в Гарни. Научн. тр. Ерев. Гос. унив. им. В. М. Молотова, т. XXIII. Ереван, 1946. (На арм. яз.).

Специальная глава, в которой дается анализ основных архитектурных форм Гарнийского храма, имеется в книге Н. М. Токарского, изданной в 1946 г.¹

Краткое описание храма в Гарни имеется в опубликованном в 1948 г. коллективном труде „Архитектура древнего Рима“.²

В вышедшей в 1949 г. моей статье сделана попытка выявить древние местные корни основных форм Гарнийского храма и высказано предположение, что постройку его следует относить к началу II в. н. э.³ — точка зрения, которая мною впоследствии была пересмотрена.⁴

Гарнийскому храму отведена одна из глав в книге Н. Г. Буниатяна и Ю. С. Яралова.⁵

В труде В. М. Арутюняна и С. А. Сафаряна, посвященном памятникам армянской архитектуры, Гарнийскому храму также отведено место.⁶

Замечательный архитектурный памятник в Гарни привлекал к себе внимание и западноевропейских путешественников и исследователей начиная с XVII в.

В 1666 г. Армению посетил французский путешественник Шардэн, который в описании своих поездок по Востоку⁷ сообщает, что среди развалин Арташата якобы находятся остатки дворца Трдата, называемого „тахт Трдата“, и что сохранилось четыре ряда колонн из черного мрамора, по девять в каждом ряду. Речь идет, очевидно, о Гарни и его храме, который Шардэн, как впоследствии и Морьер, ошибочно переместил на территорию Арташата.⁸

¹ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 14—23, табл. 1.

² Издание Академии архитектуры СССР, сер. „Всеобщая история архитектуры“, т. II, кн. 2, М., 1948, стр. 388—391, рис. 30—35. (Армянский храм в Гарни здесь почему-то описывается в главе „Античная архитектура на территории северного Причерноморья“).

³ К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни (Армения). Сов. археол., т. XI, 1949.

⁴ К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949.

⁵ Н. Г. Буниатян и Ю. С. Яралов. Архитектура Армении. М., 1950, стр. 23—28, рис. 6—9.

⁶ В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 9—10, табл. 8—9.

⁷ Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, v. II. Paris, 1811, стр. 178—179.

⁸ В моей статье, посвященной Гарнийскому храму, изданной в XI томе „Советской археологии“ (1949, стр. 287) ошибочно указано, что Шардэну удалось видеть Гарнийский храм еще в полной сохранности. Храм в его время еще стоял, но писал он о нем по рассказам: этим и объясняется, что базальт назван черным мрамором и что вместо двадцати четырех колонн упоминаются „четыре ряда по девять колонн“.

Шардэн пишет об этом храме понаслышке, не посетив его. Если бы ему удалось проехать в Гарни, то он был бы первым и последним европейским путешественником, которому посчастливилось бы увидеть храм в целом виде, до землетрясения 1679 г.

Когда в 1810—1816 гг. в Армении побывал английский путешественник Мориер, то он посетил и район Гарни, но остатки храма Трдата он искал в районе древнего Арташата, как и Шардэн до него, и поэтому „тридцати шести колонн черного мрамора, которые существовали еще во времена Шардэна“, он, судя по его же словам, так и не видел.¹

В 1819 г. в Гарни побывал английский путешественник, художник Р. Кер-Портер, отметивший полукруглую северную стену с башнями, построенную из колоссальных плит базальта, хорошо обтесанных и точно пригнанных, и ворота „недалеко от второй, или восточной, башни“, и „царский дворец“ с колоннадой, который он признал за храм. Все пространство внутри стен показалось ему слишком малым и недостаточным для царского дворца, поэтому он полагал, что возле храма мог находиться только простой дом. Обзор известных Р. Кер-Портеру письменных свидетельств о Гарни, сохранившихся у Тацита и Моисея Хоренского, привели его к правильному заключению, что крепость была Трдатом III не построена, а укреплена и украшена новыми строениями. Отмеченные им следы древней осадной техники на северных стенах со стороны равнины, оставшиеся якобы от каменных шаров большого диаметра, выбрасывавшихся специальными машинами,² — вероятно те выбоины у швов кладки, которые были упомянуты выше.

Более углубленно изучил развалины Гарни Дюбуа де-Монпэрё, в 1839 г. издавший схематический план территории крепости (рис. 2), а также эскиз плана храма (без боковых колоннад) и реконструкции его фасада.³ Он пришел к заключению, что это здание являлось не дворцом, а храмом, который Трдат воздвиг в честь некоего божества.⁴ Реконструкция храма и генеральный план крепости, составленные Дюбуа де-Монпэрё, были переизданы Л. Алишаном в главе, посвященной Гарни.⁵

¹ J. Morier. *Second voyage en Perse, en Arménie et dans l'Asie Mineure* 1810—1816, v. II. Paris, 1818, стр. 245—248.

² R. Ker-Porter. *Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia...*, v. II. London, 1822, стр. 624—629.

³ F. Dubois de Montpéroux, *ук. соч.*, стр. 386—402. Атлас, I сер., табл. XIX; III сер., табл. XXXI.

⁴ Ф. Дюбуа де-Монпэрё отметил, что развалины Гарнийского храма пользуются большим почитанием со стороны населения, что к ним относятся с величайшим уважением и бережностью.

⁵ Л. Алишан, *ук. соч.*, стр. 361, рис. 151 (план крепости) и стр. 364, рис. 153 (реконструкция храма).

Краткое описание Гарнийской крепости, ее мощных стен из отесанных глыб и хаотического нагромождения камней на месте храма, „посвященного несомненно одному из армянских божеств — Ардини или Анаит“, имеется в книге Б. Шантр, побывавшей в Гарни около 1890 г. и назвавшей его „одной из славных арен армянской истории.“¹

И. Стржиговский, в 1913 г. бегло осмотревший храм в Гарни и столь же бегло его описавший,² считает его памятником римской архитектуры.

3. РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ ГАРНИ

Первые археологические работы на территории крепости Гарни имели место в 1907—1908 гг., когда по поручению Археологической комиссии архимандрит Хачик Дадьян, армянский археолог, производил в Гарнийской крепости работу по расчистке ворот и взятию на учет лежавших на поверхности камней.³ Работы эти, к сожалению, не сопровождались ни фотографированием, ни съемкой плана — никакой документации после них не осталось.

В 1909 г. Русское Археологическое общество приступило к большим работам, возложив на Н. Я. Марра руководство ими. Работы производились в 1909, 1910 и 1911 гг.⁴ при ближайшем участии Я. И. Смирнова. В работах принимали участие также архитектор К. К. Романов и студент Н. Н. Тихонов, фотограф экспедиции.⁵

Помимо участия в раскопчных работах, Я. И. Смирнов делал топографическую съемку местности Гарни, черновые наброски храма и крепости, занумеровал все камни, показав на плане их местоположение, размеры, расположение углублений для скреп,

¹ M-me B. Chantre. A travers l'Arménie russe. Paris, 1893, стр. 287—288.

² J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, Bde I—II, Wien, 1918, стр. 13, 342, 379, 404, и 410; рис. 12, 360, 390—391, 428—432 и 437.

³ Отчеты Археологической комиссии за 1907 г., стр. 128.

⁴ Записки Классического отделения Русского Археологического общества, т. VI (1910), стр. 199, 203, 204. — Архив Русского Археологического общества, д. № 14, (1909), арх. 330 и 452. — Известия Археологической комиссии, вып. 37 (1910), прил., стр. 147; вып. 39 (1911), прил., стр. 3.

⁵ При изложении результатов раскопок, производившихся в Гарни в 1909—1911 гг., я пользовалась Архивом АН СССР: ф. № 800, под шифром „А“, за номерами: 1786 (лл. 19, 49, 53, 60, 63, 66, 73, 78—80); 1829 (лл. 1—3); 1923 (лл. 50—53, 227, 399—400, 410—412); 2899 (лл. 50, 79, 128); 2900 (л. 131); 2901 (лл. 25, 26, 32—36); 2902 (лл. 35—37); 2928 (л. 10); 2930 (лл. 1, 2, 9, 10, 17, 19); 2931 (лл. 15—23, 64, 65); 2932 (лл. 30, 62—69, 71, 72, 77, 110 и сл.).

и среди навала камней в ущелье искал обломки статуй богов, которые могли быть сброшены при введении христианства.¹

Эти работы в Гарни представляли собой, в основном, не археологические раскопки в собственном смысле, а расчистку фрагментов храма, освобождение их из-под земли, с разбором строительных остатков по отдельным категориям.

Площадь развалин (табл. 5, 6) Гарни была разбита на восемь участков: четыре на восточной стороне, из них два — угловые (северо-восточный и юго-восточный), и четыре на западной стороне (углы северо-западный и юго-западный). Складочные участки для извлекаемых камней были организованы на востоке и западе.

Особый интерес представляли работы к востоку от храма, где расположение обломков давало представление о храме в целом. К западу от храма части его были перемешаны с частями христианских построек, а именно с обломками встроенной в храм христианской церковки, а также примыкавших к храму усыпальницы Маштоца и собора.

Когда в 1911 г. закончены были (за неимением денежных средств) раскопочные работы, то нераскопанным остался только юго-восточный угол территории, так как здесь требовалось предварительное укрепление южной и восточной стен подведением под них новой кладки.

Принимая во внимание, что храм открыт до фундамента, что открыты все девять ступеней, о которых говорится в элегии XVI в., и что в то же время мостовая находилась намного ниже нынешнего уровня, мы имеем основание полагать, что храм был возведен не на уровне мостовой крепости, а на некоем возвышении (искусственном или естественном). Дело в том, что признаки мостовой были во время раскопок 1910 г. обнаружены „в самом низу раскапываемого ската“, к западу от храма.²

К систематическим раскопкам в Гарни приступил Институт истории Академии наук Армянской ССР в 1948 г., когда была произведена геодезическая съемка крепости и селения Гарни, а также регистрация и описание наземных памятников на этой территории. После этих подготовительных работ в 1949 г. было приступлено к систематическим развернутым раскопкам (под руководством Б. Н. Аракеяна), в первую очередь — к открытию

¹ Записки Классического отделения Русского Археологического общества, т. VII, 1913, стр. 191; — Архив Я. И. Смирнова, ИИМК, ф. 11, №№ 186 и 248. — В Архив ИИМК недавно поступил архив К. К. Романова, в том числе зарисовки и обмеры Гарнийского храма и всех его деталей (ф. 29, № 31).

² В 1909 г. в Гарни помнили, что когда в 1907 г. на территории крепости закапывали околелый (вследствии эпидемии) рогатый скот, то на глубине 3 аршинов обнаружена была мостовая.

крепостной стены, которая с северной стороны оказалась защищенной семью мощными башнями. Изучение кладки стен и башен позволило „проследить пять разновременных строительных периодов“, из которых первый относится к первым векам до н. э., второй — к половине I в. н. э., третий — к IV в., а четвертый и пятый — к средним векам.¹

Работы 1950 г. привели к выявлению сохранившихся 8—14 рядов замечательной по мощности и красоте кладки подпорно-оборонительной стены на восточном склоне ущелья, к находке памятников энеолитического периода на территории крепости и к открытию на территории селения Гарни некрополя I в. до н. э. — I в. н. э.²

На основании письменных источников и археологических данных 1909—1910 гг. было установлено, что на территории Гарнийской крепости разновременно находились, кроме храма, еще четыре постройки. Число это, наверное, возрастет, когда будет изучена вся территория крепости, но в настоящее время мы имеем основания полагать, что здесь находились: дворец, храм, церковь, встроенная внутрь храма, круглый собор около храма и усыпальница Маштоца около собора.

Дворец. Моисей Хоренский, как уже многократно упоминалось, сообщает о том, что в крепости Гарни Трдат III построил дворец для сестры своей Хосровидухт. Это сообщение легло в основу ошибочного утверждения ряда исследователей, что сохранившийся храм с его рельефами и является летним дворцом Хосровидухт. Конечно, храм по своему общему облику и размерам никак не может быть рассматриваем как царское жилое помещение (размеры целлы—40 кв. м, отсутствие окон), однако надо полагать, что на территории крепости какое-то царское обиталище должно было существовать, и не только в I в. при Трдате I, отстраивавшем в 70-х годах I в. Гарни после разрушений, произведенных римскими войсками, но и до этого, при Митридате, оборонявшемся в Гарни от своего племянника Радамиста (в 52—53 гг.), да и в предшествующие века. Не исключена возможность, что Гарни служил крепостью уже в урартский период, судя по отдельным находкам в окрестностях Гарни.

В этой связи особый интерес представляет сообщение Дюбуа де-Монпэрё, обратившего внимание в 1832 г., в бытность свою в Гарни, на остатки здания неподалеку от храма, которые он и называет обиталищем сестры Трдата; архитектура дворца отли-

¹ Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. Вестн. АН СССР, 1950, № 10, стр. 74—76.

² Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. ВДИ, 1951, № 4, стр. 101—114. — О н же. Гарни, I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1952.

чалась, по его словам, большей простотой по сравнению с архитектурой храма. Дворец этот, говорит он, так же жестоко пострадал от землетрясения, как и храм. Дюбуа де-Монпэрё едва ли мог принять за дворец остатки круглого собора у северо-западной стены храма, так как они были обнаружены только во время работ в 1909—1910 гг., кроме того, мало вероятно, чтобы он назвал дворцом небольшое здание, примыкавшее к самому храму, даже если бы он имел возможность видеть развалины этой небольшой церкви. Дворец, остатки которого мог видеть Дюбуа де-Монпэрё, был, вероятно, обиталищем позднейших правителей Гарни. Но уже в I в. н. э. какой-то дворец на территории крепости безусловно существовал, принимая во внимание, что историки называют Гарни царскойлетней резиденцией.

Местом, где мог стоять царский дворец как в I в., так и в последующее время, является, по всей вероятности, то городище или поле, которое находится по правую сторону от дороги, ведущей от ворот к храму, и на котором еще в 1929 г. можно было подобрать обломки всевозможных глиняных сосудов как относящихся к I—III вв., так и сосудов „рейского“ типа

Рис. 2. План крепости и план храма. Гарни. По Дюбуа де-Монпэрё, 1839 г.

ХII—ХIII вв. и поливных XV—ХVI вв. На этом поле и городище и возвышалось, быть может, обиталище царя в урартский период, а затем и при Аршакидах, и здесь-то и видел, должно быть, Дюбуа де-Монпэрё остатки того дворца, о которых он сообщает и показывает на плане (рис. 2). Но мало вероятно, чтобы он видел здесь именно дворец I—III вв.: жизнь в Гарни, как говорилось выше, продолжалась и в последующие века, вплоть до нашествия Тимура в 1386 г., и мы поэтому имеем все основания полагать, что швейцарский путешественник видел здесь развалины разрушенного средневекового дворца, под которыми находились (и, возможно, со временем будут открыты) на большой глубине от поверхности остатки того летнего обиталища царевны Хосровидухт, о котором сообщает Моисей Хоренский, а может быть, и стены дворца Трдата I.

Принимая во внимание, что храм в Гарни сходен по своим основным формам и размерам с малоазийским храмом в Термессе (о чем речь будет дальше), не исключена возможность, что дворец Трдата I мог иметь много общего с дворцом I—II вв., развалины которого (помещения, расположенные вокруг внутреннего двора с перистилем) сохранились в Термессе неподалеку от храма.¹

Церковь,строенная внутрь храма. Письменные источники позволяют говорить о том, что по принятии армянами христианства около храма в Гарни образовалось нечто вроде центра нового, христианского культа, поскольку известен гарнийский епископ Георг, живший в IV в.²

Подтверждается это обстоятельство и археологическими данными, а именно явными следами того, что языческий храм впоследствии был превращен в христианскую церковь путем встройки внутрь его небольшой часовни.

Как говорилось выше, имеются все основания полагать, что храм во вторую половину I в. был построен на месте более древнего святилища, может быть даже на том самом месте, где некогда стоял урартский храм. Христианские храмы, в свою очередь, воздвигались в Армении зачастую, если не всегда, на месте древних, так называемых языческих храмов, или капищ (mehean). Нет поэтому ничего удивительного в том, что и в Гарни, в царской резиденции, языческий храм был на каком-то этапе после соответственного „освящения“ обращен в христианскую церковь путем встройки в него небольшой часовни.

На основании данных, имеющихся в соответственных отчетах и докладах о работах 1909—1910 гг., эта встроенная церковка

¹ Ch. Lanckoronski, C. Niemann et. E. Petersen. Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie. Paris, 1893, v. II, стр. 55, план к стр. 23.

² Л. Алишан. Айрарат. Венеция, 1890, стр. 362. (На арм. яз.).

представляется в следующем виде. Вход в церковь был с севера, к нему вели те же девять ступеней, которые вели некогда в святилище языческого бога. Церковь, встроенная внутрь, была расположена поперек северной половины храма, с полукруглой апсидой в восточной части. Размеры церковки, судя по чертежу Я. И. Смирнова¹ и по археологическим данным 1909 г.,² представлялись в следующем виде. Общая длина ок. 5.80 м., длина внутри (до апсиды) 2.90 м.; ширина (наружная) 3.40 м.; радиус апсиды 1.35 м.³ Над церковью, по всей видимости, возведен был купол, возможно — над отверстием в середине крыши, и тем самым изменен был внешний облик храма. Остается неизвестным, каким образом была использована южная, незастроенная часть храма.

Устанавливается этот облик церковки на основании следующих данных. В 1909 г. на полу храма у восточной его стены обнаружены были остатки северной стенки алтарного полукружия (радиусом ок. 1.35 м), выложенные из лицевых камней, по материалу и работе сильно отличавшиеся от кладки древнего храма. Глыбы бута (табл. 19) с облицовкой от этой же церкви, найденные при раскопках с южной стороны храма, происходят или от свода, или от купола. В 1910 г. во время раскопок продолжали находить части встроенной церковки, а именно куски бута с пористым красным камнем (вулканическим шлаком), туфовые кирпичного цвета кровельные плиты с продольными валиками и облицовочные камни (туф).

Особый интерес в этой связи представили пять камней от карниза храма, с львиными головами. На верхней их плоскости сохранились остатки бута с красным вулканическим шлаком; такой именно бут входил в состав перекрытия встроенной церкви, которое, по всей видимости, прикрывало весь верх древнего памятника. Наверху одного из фронтонов (лежит у северо-восточного угла храма) видны следы бута, прикрывающего древние гнезда для штырей и заливки.

Имеющееся у К. К. Романова⁴ указание, что встроенная часовенка имела две апсиды, основано на показаниях Хачика Дадыяна, производившего разведочные раскопки в Гарни (стр. 29) и утверждавшего, что в 1908 г. внутри храма были видны, якобы, две апсиды. По этому вопросу в заметках Я. И. Смирнова имеется указание, что хотя могли быть и две апсиды,

¹ Я. И. Смирнов, Архив ИИМК, ф. 11, № 248.

² К. К. Романов. Развалины храма в Баш-Гарни. Архив ИИМК, ф. 29, № 200, л. 14.

³ Я. И. Смирнов, Архив ИИМК, ф. 11, № 248.

⁴ К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Изв. ГАИМК, № 100, л., 1934, стр. 641—642. — Он же, Архив ИИМК, ф. 29, № 31, л. 39.

но при восстановлении диаметра второй (которая могла тут иметься) в 1.35 м оказалось бы, что южный устой ее имел всего каких-либо 10—15 см толщины, что мало вероятно.¹

Встроенная внутрь Гарнийского древнего храма христианская часовня не является единственным для этого времени случаем: то же явление установлено в ряде памятников Малой Азии, как, например, в древней Афродисиаде² (Кария), а также в Анкире, в Атталее³ и в ряде других мест.

Круглая соборная церковь. В дневниках раскопок 1909 г. отмечается наличие остатков стены какого-то здания у северо-западного угла храма. По словам Хачика Дадыяна, к храму была пристроена церковь якобы базиличного типа. Здание это находилось против северной половины западной стороны храма. Раскопки Хачика Дадыяна дали несколько кусков пилястра, базы и несколько камней кладки, но фотографий снято не было, не был составлен план, и раскопанное место вскоре было владельцем участка засыпано землей и засеяно.

В 1910 г. было установлено, что открытая раскопками постройка с маленькой апсидой (против западного фасада античного храма) является южным приделом христианской церкви-собора. В главной апсиде собора сохранившаяся часть стены была выложена тесаными плитами из туфа (выс. 73 см); сохранилось восемь таких плит различных размеров при одинаковой высоте (табл. 7). Было выяснено, что восточная стена главной апсиды собора отстоит от цоколя древнего храма на расстоянии 1.84 м, а от нижней его ступени — на расстоянии 63 см. Собор был опоясан ступенью и примыкал основанием к стилобату древнего храма. К. К. Романов заметил, что в южной стене усыпальницы Маштоца заметна выемка, которую она приспособлялась к кругу, и исходя из этого высказал предположение, что собор был круглым снаружи. Таким образом, предположение Хачика Дадыяна о базиличном типе соборной церкви в Гарни не оправдалось, а последующие раскопки окончательно подтвердили предположение о круглой в основании, выше — многогранной, а внутри — крестовидной форме храма.

Следует отметить, что в развалинах соборной церкви найдены были три обломка армянской надписи 876 г. о закладке церкви св. Григория; в этой надписи читалось слово „апаран“ — дворец. Принадлежала ли эта надпись к соборной церкви или к другому памятнику — сказать трудно.

¹ Я. И. Смирнов. Обмеры, зарисовка и фотографии памятников Гарни. Архив АН СССР, ф. № 800, д. Е. 730, л. 5.

² Ch. Texier. *Asie Mineure*. Paris, 1882, стр. 644.

³ J. Strzygowski. *Kleinasien — ein Neuland der Kunstgeschichte*. Leipzig, 1903, стр. 45 и 168.

Усыпальница Маштоца. Раскопки 1909 г. установили, что около храма к соборной церкви пристроена была усыпальница-часовня над могилой католика Маштоца, как об этом свидетельствует собранная из двенадцати обломков армянская надпись 897 г. О том, что в Гарни близ „летнего дворца“ Хосровидухт, построенного армянским царем Трдатом, „был похоронен католикос Маштоц“, говорится у армянского историка Асогика (X-XI вв.). Два века спустя армянский историк Киракос Гандзакский (XIII в.) сообщает, что „тело Маштоца было положено в могилу в Гарни близ чудного дворца Трдата, и над ним построили великолепную церковь“. Во время раскопок 1909 г. смущало то обстоятельство, что построенная над могилой часовня по облику своему должна была относиться к XII—XIII вв., так же как найденная в усыпальнице надпись на надгробной плите, вырезанная буквами, характерными для XIII в., гласящая: „В 346 (897) году преставился владыка Маштоц“.

Как выяснили работы 1909 г., усыпальница подходила вплотную к соборной церкви (табл. 8): выше говорилось уже, что архитектор К. К. Романов указывал, что в южной части усыпальницы заметна выемка, которую усыпальница приспособлялась к круглой форме собора.¹ Было установлено, что снаружи усыпальница Маштоца имела вид продолговатого четырехугольника; внутри, в восточной части имелось алтарное полукружие; карниз алтарного возвышения был украшен резьбой в рисунке цепи; лицевая сторона алтаря обрамлялась полуколонками. Могильные плиты были обнаружены и вне усыпальницы с северной и западной сторон.

Исследование всех остатков этого памятника привело в 1911 г. к следующим выводам. В 897 г. близ древнего храма, около стен собора был похоронен католикос Маштоц, и тогда над этой могилой, возможно, была возведена какая-то постройка католикосом Иоанном, как об этом говорится в одной фрагментированной надписи. В 1225 г., когда армянские и грузинские войска были разбиты хорезмшахом Джелал-эд-Дином около Гарни, усыпальница Маштоца была, вероятно, разрушена. Около половины XIII в., когда Гарни стал прославленным местом богомолья, усыпальница Маштоца была построена заново в „анийском стиле“ XII и XIII вв. и снабжена надписью, в которой указывалась дата первоначальной постройки, то есть 897 год.²

Крепостные стены Гарни во время работ 1909—1910 гг. расчистке не подвергались (табл. 9—10).

¹ К. К. Романов, Архив ИИМК, ф. 29, № 31, л. 38.

² В архивном материале Я. И. Смирнова находится схематический чертеж, передающий общий план усыпальницы с показом места нахождения надписи, в которой упоминается 897 г. (Архив АН СССР, ф. № 800, д. Е 730, л. 14).

Архитектор Н. Г. Буниatian, изучавший крепость Гарни в 1932—1933 гг., обратил внимание на то, что и ворота и стены неоднократно подвергались реставрации, что в цокольной части они относятся ко времени постройки храма, но могут быть и древнее, судя по материалу и форме камней и их кладке.¹

На остатки стеной кладки на склоне под мысом с восточной стороны обратил внимание в 30-х годах XIX в. Дюбуа де-Монпэрэ,² а в записях Я. И. Смирнова, относящихся к 1909—1910 гг., тоже имеется указание на эту „часть древней стены на восточном склоне мыса крепости“.³ В 1949—1951 гг. основное внимание было сосредоточено на открытии крепостных стен как у ворот, так и на восточном склоне.

4. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ХРАМА И ЕГО ДЕКОРОВКА

Гарнийский храм заслуживает специального исследования и издания монографии, в которой было бы воспроизведено все то, что до нас дошло от его архитектуры и декорации, где дано было бы детальное описание его форм и скульптурного убранства, где было бы отмечено своеобразие ряда технических приемов и внимание было бы сосредоточено на стилистических особенностях этого единственного в своем роде памятника.

В рамках настоящего очерка все эти вопросы не могут, конечно, получить должного всестороннего освещения, но на некоторых вопросах, связанных с основными формами храма и некоторыми особенностями технических и стилистических приемов его скульптурной декорации все же следует остановиться.

План Гарнийской крепости с ее постройками был впервые составлен Дюбуа де-Монпэрэ (рис. 2) и издан в 1839 г.⁴ Л. Алишан переиздал этот план, несколько дополнив расположение построек на территории крепости.⁵ В 1912 г. Я. И. Смирновым был выполнен генеральный план крепости Гарни (табл. 1) с нанесением всего, что было открыто раскопками 1909—1910 гг. К труду Н. Г. Буниatian также приложен составленный им в 1933 г. план крепости (рис. 1).⁶

На всех этих планах указаны остатки древних ворот и ведущая от них дорога, которая подводит к северному фасаду храма, по-

¹ Н. Г. Буниatian. Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933, стр. 23.

² F. Dubois de Montpéroux, ук. соч., v. III, стр. 386.

³ Я. И. Смирнов, Архив АН СССР, ф. № 800, л. Е 730, л. 24.

⁴ F. Dubois de Montpéroux, ук. соч., атлас, I серия, табл. XIX.

⁵ Л. Алишан, ук. соч., стр. 361, рис. 151 (на этом плане рядом показаны два здания — храм и дворец).

⁶ Н. Г. Буниatian, ук. соч., стр. 31, рис. 1.

казаны остатки мощных стен, защищавших крепость с северной стороны; с трех других сторон крепость была защищена не только природными условиями — отвесными скалами, но и оборонительными стенами, следы которых имелись и на склонах восточного ущелья.

На самом мысу высятся стилобат и лестница храма, окруженные сброшенными во время землетрясения колоссальными архитектурными фрагментами, богато украшенными орнаментом.

Площадка для храма была выровнена с помощью насыпи земли с западной покатой стороны; восточная сторона храма стоит на скале. Субструкция состоит из своего рода бетонной массы; раствор, связывающий камни и щебень, состоял из извести и пемзовой крошки.

Цоколь составлен в толщину из двух рядов камней; по верху он украшен карнизом. На двух камнях цоколя и на одном фрагменте (хранящемся в Гос. Эрмитаже) имеются высеченные буквы $\alpha\lambda\epsilon$, являющиеся, вероятно, меткой мастера (табл. 14). Отдельные камни цоколя скреплены железными скобами, углубленными в камень и залитыми свинцом.

Лестница храма состоит из девяти ступеней, из которых две нижние совпадают с двумя цокольными плитами, шесть ступеней примыкают к боковым пилонам, а верхняя ступень находится на уровне пола портика (табл. 15).

Пол внутренней части храма поднят выше пола портика на один ряд камней (табл. 20).

Храм представляет стоящий на высоком (ок. 2 м) стилобате периптер ионического ордера (рис. 3 и 4), ориентированный с севера на юг. Общие размеры храма 13×18 м. Дверь находится в северной стене. В переднем и заднем портиках было по шести колонн, в продольных по восьми, а всего двадцать четыре. Колонны гладкие, без каннелюр.

Стены храма — из больших базальтовых прекрасно отесанных плит (дл. 1.02—1.05 м, выс. 44 см), уложены сухой кладкой так, что два камня образуют толщину стены (табл. 16—18). Плоскости стыков камней расположены вертикально, а кроме того, в некоторых местах имеются каменные врубки „во избежание горизонтального скольжения камней“.¹ Камни поставлены на пол и прикреплены к нему вертикальными железными шипами со свинцовой заливкой в желобках, выбитых в камне (табл. 21—23). Об этой технике скрепления камней в Гарни писал уже Моисей Хоренский: „В это время Трдат завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепленных железными ско-

¹ Н. Г. Буниатян, ук. соч., стр. 19.

бами с [залиткой] свинцом".¹ В переднем портике стены имеют выступы в виде ант с пилястрами. Плиты стен соединены железными скобами, стены замечательно чистой отески. На многих камнях тоже имелись метки мастера в виде греческих букв: несколько раз и здесь встречается $\alpha\lambda\epsilon$ (выс. букв 4 см, дл. метки 11 см.), имелось также $\delta\alpha\varsigma$ (выс. буквы „ α “ 10 см, буквы по сторонам ее несколько меньше).

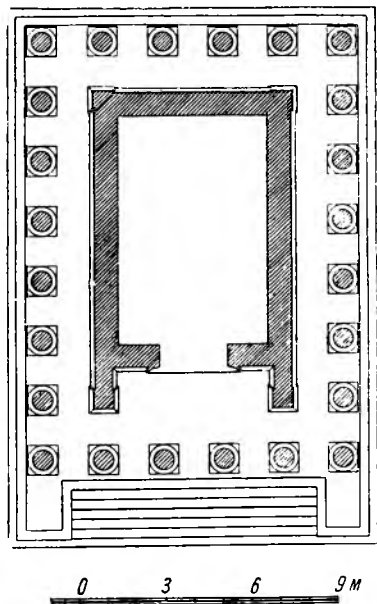

Рис. 3. План храма. Гарни.
По К. К. Романову, 1934 г.

Раскопки в Гарни, несомненно, со временем выяснят, что означают метки $\alpha\lambda\epsilon$ и $\delta\alpha\varsigma$ на плитах цоколя, стен и других частей храма. Пока же можно только высказать предположение, что эти метки могут быть или сокращенной формой имени мастеров, возглавлявших работу в различных частях храма, или же географическим наименованием города или местности, откуда вывезены были, быть может, группы мастеров (Плиний упоминает город Але в Киликии).² Не исключена возможность, что в этих метках могут скрываться, в передаче греческим письмом, те или иные армянские слова; до изобретения армянского письма армяне в первые века до н. э. и в первые века н. э. пользовались греческим и арамейским алфавитами. Точка зрения К. К. Романова, усматривающего в этих метках указание на

эллинистическо-римских мастеров, не является поэтому обязательной. Метки на гарнийских плитах не могут быть теми знаками, которые обеспечивали правильность укладки на месте камней, подготовленных в мастерской, как это имело место в строительной технике эллинистического времени, например, храма в Пергаме,³ где одиночными буквами (в порядке алфавита) или двумя буквами (буква ряда и порядковая буква) отмечены были камни всех частей

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90.

² Плиний, Nat. hist., кн. V, гл. 92.

³ М. И. Максимова. Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, стр. 71—73, рис. 9.

здания. Массивные базальтовые плиты Гарнийского храма едва ли отесывались и пригонялись не на месте постройки.

Пол храма, вымощенный большими плитами, был, возможно, позднее перестлан, но из древних камней (табл. 19 и 20). В 1909—1910 гг. были налицо 24 плиты (частично разбитые и с трещинами) крупных размеров (1.25×1.20 и 1.33×1.66 м).

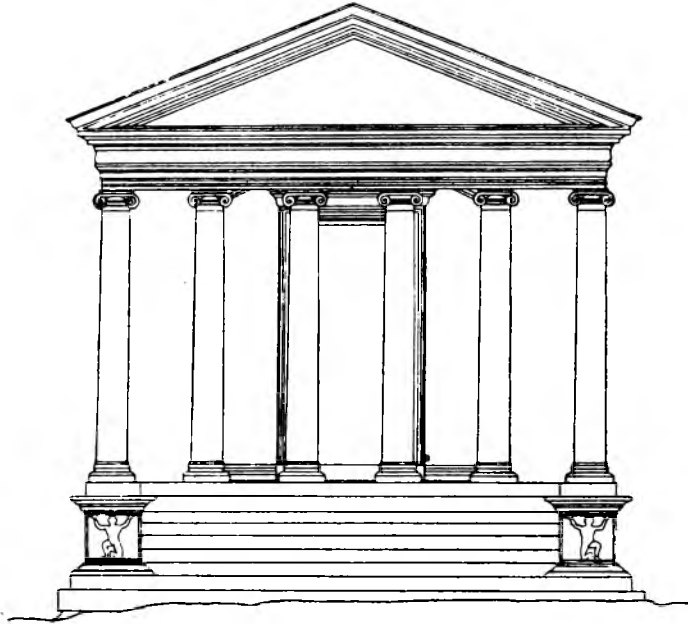

Рис. 4. Фасад храма. Гарни.

По К. К. Романову, 1934 г.

Продольные стены небольшой ячейки (5×8 м) выступают вперед в виде антов и образуют пронаос.

Гладкий (без каннелюр) ствол колонны (табл. 24—25) состоял из нескольких (два, три, четыре) барабанов и имел в высоту 5.80 м. Диаметр ствола был определен К. К. Романовым в 1909 г.¹ в 69.8—70.8 см (внизу) и в 62.8—63.4 см (вверху). По обмерам Н. Г. Буниатяна,² нижний диаметр ствола устанавливается в 65 см, то есть на 4.8—5.8 см меньше. Объясняется это расхождение,

¹ К. К. Романов, Архив ИИМК, ф. № 29, № 249 л. 2.

² Н. Г. Буниатян, ук. соч., стр. 20.

повидимому, тем, что единый диаметр ствола во всех 24 случаях не был мастерами выдержан, что явствует, между прочим, и из того, что у К. К. Романова диаметр низа показан с колебанием до 1 см. Общая высота колонны, по К. К. Романову, 6.468 м, по Н. Г. Буниатяну — около 6.60 м.¹ Этим отчасти следует объяснить, что колонны в реконструкции Н. Г. Буниатяна имеют соответственно более стройные, удлиненные формы, чем на чертеже К. К. Романова. Расстояние между колоннами (внизу) около 1.10 м.

Капитель ионического ордера — обычной для этого времени приплюсненной формы (выс. ок. 40 см) с узкой, утратившей выгиб седловиной, украшена сильно рельефными иониками и стрелками; из волют на боковые овы находят полупальметочки с изогнутыми листиками (табл. 26—27). Боковые стороны (балюстры) капители, имеющие вид перетянутого в середине валика, богато украшены листьями: это или две ветки остроконечных длинных листьев, идущие от перетяжки в разные стороны, или сплошные массы мелких округлых листьев, наложенных рядами друг на друга, или большие аканфовые ветки, продольно расположенные, или, наконец, широкие аканфовые листья, идущие поперек валика (табл. 25, 28 и 30). Наружный край волют, имеющий вид ободка, украшен веточками самых различных рисунков, которые не повторяются.²

Угловые капители, как это обычно бывает в периптерах ионического ордера, отличаются от промежуточных тем, что здесь под углом встречаются две (фасадные) стороны с иониками, причем две смежные волюты расположены по диагонали капители: на другом конце этой диагонали встречаются волютами две балюстры.

Пилястры двух северных антов и двух южных углов стен завершались плоскими капителями с волютами, „поставленными в диагональном направлении“.³

Капители были прикреплены к архитраву и к стволу бронзовыми шипами (табл. 21, 28 и 29).

Базы аттического типа, высота которых колеблется между 38 и 40 см, состоят из квадратного плинта (длина сторон его около 1 м), над которым идут вал, скоция и второй вал (табл. 31). Базы были прикреплены к стволу и к полу железными шипами (табл. 21).

¹ Н. Г. Буниатян, ук. соч., рис. 22—24.

² Там же, рис. 25. — К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, табл. IV, 4.

³ К. К. Романов, ук. соч., табл. IV, 4. — Н. Г. Буниатян, ук. соч., рис. 27—28.

Вдоль наружных стен целлы вверх, на уровне капителей, шла тяга¹ из плит с иониками и бусами (выс. 38—42 см), повторяющая профили абака (полочка с каблучком) и эхина капителей. Стены внизу повторяли профилировку базы колонны.

Архитрав (табл. 32—37) состоял из плит (дл. 2.10—2.15 м, выс. ок. 60 см.), прикрепленных к капителям бронзовыми шты-

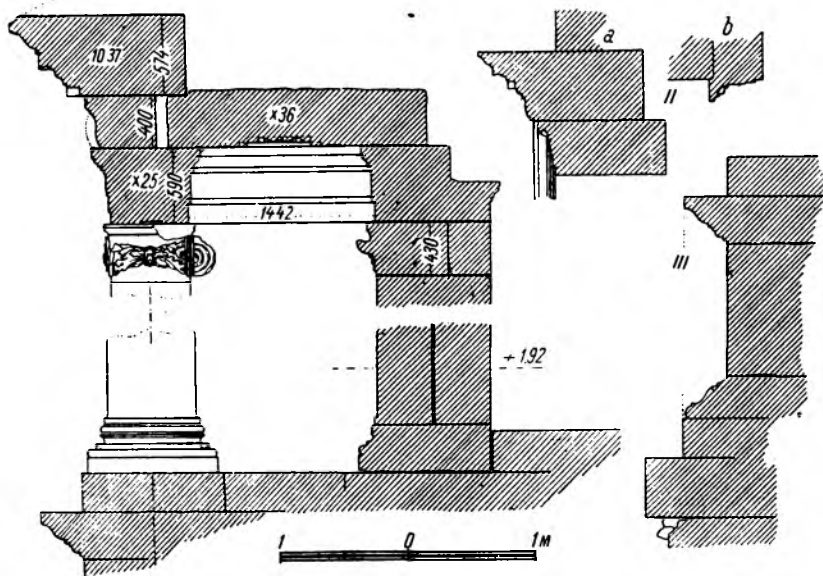

Рис. 5. Ордер храма. Гарни.

I — ордер здания; II — отделка дверей; III — пьедестал.

По К. К. Романову, 1934 г.

рями; обе боковые стороны плиты профилированы, а наружная, кроме того, орнаментирована бусами, жгутом и карнизиком с каблучком. Нижняя поверхность плит (софиты) украшена продольной полосой в виде ленты с округлыми выемками на концах; внутри ленты вьется ветка с листьями аканфа, плюща, винограда или других растений (точных повторений не встречается).

Фриз (табл. 38—42) состоял из плит разной длины (от 60 см до 1.75 м; выс. 43 см, толщ. 50—53 см), имел изогнутый профиль и был украшен непрерывно вьющейся веткой, образующей спиральные

¹ Н. Г. Бунятян, ук. соч., рис. 37 и 92.

завитки с аканфовыми листьями; над веткой — валик с иониками и полочка. В середине завитка ветка заканчивается или пальметкой, или цветком, или (в одном случае) гранатовым яблоком (стр. 76); сердцевины завитков большей частью сбиты. На углах здания аканф образует как бы пальметку, от которой в стороны отходят выходящие ветки с завитками (табл. 41—42). Верх плиты (над аканфовой веткой) профилирован полочкой и валиком с иониками. На южном (заднем) фасаде храма применено упрощение, а именно — между иониками вместо стрелок помещены ромбики (явление довольно необычное). Часть веточек свободно выступает из фона, так что за стеблем имеется сквозной прорез. То же самое следует сказать об иониках, между которыми и фоном имеются сквозные прорезы, позволяющие продеть спичку.

Карниз (табл. 43—46) был составлен из плит длиной около 1.40 м, шириною около 1 м, высоту в 60 см. Он имеет слезник и состоит из сухариков или зубцов, каблучка с растительным орнаментом (жиматий) и гуська с пальметками и львиными головами (на продольных сторонах храма). Львиные головы, без сточных отверстий, имели только декоративное назначение; по характеру исполнения и по типу они могут быть распределены на три-четыре группы. В одном случае, когда при отеске камня карниза мастеру не удалась или обломилась голова льва, была наложена своего рода заплата: морда льва высечена отдельно, притесана к углублению, выдолбленному в камне карниза, прикреплена при помощи штыря, гнездо которого сохранилось (рис. 6).

Пилоны по сторонам лестницы украшены рельефами¹ с изображением нагой мужской фигуры типа атланта, опустившейся на одно колено и придерживающей обеими поднятыми руками какую-то тяжесть (табл. 47). Оба рельефа сильно пострадали, головы совершенно сбиты.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что оба эти рельефа отличаются друг от друга и размерами и характером передачи фигур; восточный рельеф (выс. 95 см, шир. 99 см) поражает четкостью общего рисунка и умелой моделировкой нагого тела, тогда как западный рельеф (выс. 87 см, шир. 1.01 см) свидетельствует о неумелой руке мастера, грубо и примитивно изобразившего опустившуюся на колено фигуру.

Дверь в северном фасаде имела в высоту (с обрамлением) 5.70 м, ширина проема 2.10 м. Косяки были составлены каждый из двух плит (шир. 83 см); наличник (шир. 45 см) профилировкой и орнаментами повторял декорровку фасадной стороны архитрава (табл. 48—51 и

¹ Н. Г. Бушиатян, ук. соч., рис. 18, 69 и 70.

рис. 14). Верхняя горизонтальная плита наличника служила как бы архитравом, над которым другая плита (табл. 50), сандрик (выс. ок. 60 см), в свою очередь повторяла профили и орнаменты антаблемента,— фриза и карниза (без львиных голов). Следов прикрепления двери к косяку обнаружено не было, и, по мнению К. К. Романова, он „служил лишь отделкой дверной притолоки, собственно же косяк был приставлен вплотную к нему и был сделан из бронзы“.¹

Портик по длинным сторонам был перекрыт большими базальтовыми плитами (1.15×2.10 м, толщ. ок. 40 см). Плиты украшены четырехугольниками, внутри которых помещены кессоны в виде ромбов и восьмиугольников с растительным орнаментом (аканфовые листья, розетки, полупальметки) и иониками (табл. 52—54 и рис. 13). Против каждой колонны по потолку шла поперечная полоса, декоровкой своей подражавшая софиту архитрава. На северной и южной сторонах портики имели двускатное покрытие из больших базальтовых плит (дл. 3.45—3.80 м, шир. ок. 1 м, толщ. 40 см), также украшенных кессонами.

От перекрытия внутри здания ничего не сохранилось; если оно вообще было, то должно было быть деревянным, так как вес потолочных плит портика доходил до 5 тонн, а пролет храма равен 5.5 м, из чего следует, что каменное перекрытие требовало бы промежуточных колонн, которых здесь не было.

К. К. Романов, отмечая найденные остатки каблучка от карниза, завершающего внутри западную и восточную стены целлы, и признаки выбранной четверти над этим выступом, предполагал, что четверть эта служила для перекрытия по деревянным стропилам, но самостоятельного, отдельного и не связанного с перекрытием портиков. При этом К. К. Романов, исходя из того, что никаких остатков перекрытия не найдено, высказывал предполо-

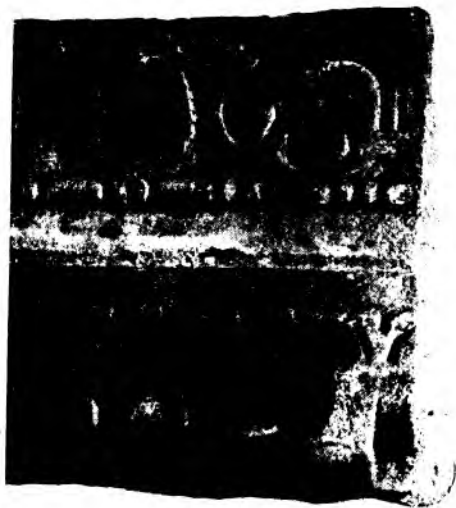

Рис. 6. Деталь карниза. Гарни.
Фот. 1929 г.

¹ К. К. Романов, ук. соч., стр. 648.

жение, что оно погибло еще в древности, когда внутри целлы возведена была часовня с апсидой. Если принять предположение К. К. Романова, то его необходимо дополнить допущением, что это деревянное перекрытие было расположено не над всей целлой, а оставляло открытым прямоугольник, как это обычно имеет место в античных храмах.

Но мне лично более вероятным представляется, что черепичной двускатной кровлей был перекрыт прямоугольник, образуемый толщиной стен храма и окружающими его с четырех сторон колоннами, то есть вся площадь храма, кроме целлы. Двускатная конструкция крыши находит себе аналогию в перекрытии черепицей двускатной кровли склепа, открытого в 1951 г. в Грузии (около г. Мцхета). Склеп этот датируется (монетными находками) второй половиной I в. н. э.,¹ то есть временем сооружения Гарнийского храма. Мое представление о таком перекрытии Гарнийского храма предусматривает, что западные и восточные стены целлы храма были несколько выше уровня капителей колонн (в соответствии со скатом кровли), а южная и северная стены целлы поднимались еще выше, треугольником, в соответствии с обоими фронтонами храма. Именно на этой высоте западной и восточной стен целлы внутри и надо предполагать тот каблучок и ту полочку, о которых пишет К. К. Романов.²

Что касается открытости, по моему предположению, целлы, — безразлично, по всей ли ее площади, или только по площади прямоугольного отверстия в середине деревянного перекрытия, предположенного К. К. Романовым, — то для ее предохранения от палящих лучей солнца летом или от непогоды должна была применяться горизонтальная завеса из ткани; такие завесы были известны и в Армении и определялись термином *վարագույր* „варагуйр“, означавшим и горизонтальную и вертикальную дворцовую или храмовую завесы, а позднее — только вертикальную завесу, в частности, алтарную завесу армянских церквей.

Если отказаться от такого построения крыши, то пришлось бы представить себе целлу и при открытой двери погруженной в полумрак, что могло быть естественно лишь в храмах зороастрийского культа, исключающего возможность смещения лучей солнца и „священного“ огня, или в подземной крипте митраического культа.

Фронтоны храма (табл. 55) отличаются своей высотой,³ тимпаны их гладкие, скульптурой не украшены. Вверху фронтона

¹ Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили. Новооткрытый склеп во Мцхета. Сообщ. Акад. Наук Груз. ССР, т. XII, № 10, 1951.

² К. К. Романов, ук. соч., стр. 647.

³ Н. Г. Бувиатян, ук. соч., рис. 35.

и на углах имеются углубления — гнезда для штырей, указывающие на то, что здесь были прикреплены акротерии. Один из них, венчавший южный фронтон, был найден перед южным фасадом храма (табл. 56). Это — большой кусок базальта (шир. 1.51 м, выс. 85 см, толщ. 34—67 см), сзади прекрасно отесанный, а спереди украшенный тремя громадными поднимающимися вверх листьями аканфа. Так как в верхней плоскости камня, над средним листом, имеется горизонтальная площадка с большим гнездом (9.5 × 4 см, глуб. 10 см) для штыря, то имеется основание полагать, что вверху, над средней частью плиты, был прикреплен еще один камень, связанный с нижним дополнительными скобами, от которых на задней поверхности нижнего камня сохранились гнезда.

Полуакротерии, о наличии которых можно судить по гнездам, имеющимся на углах фронтонов, пока не обнаружены.

Рядом с гнездами для акротериев на фронтонах имеются еще мелкие углубления, которые архитектор Н. Г. Буниатян считает гнездами для укрепления черепицы, покрывавшей крышу,¹ но в таком случае под этими черепицами надо подразумевать лишь перекрытие северного и южного портиков.

5. ГАРНИЙСКИЙ ХРАМ И НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИЕ К НЕМУ ПАМЯТНИКИ МАЛОЙ АЗИИ

Из числа храмов Малой Азии наиболее близок к Гарнийскому лежащий в развалинах храм в Сагалассе² (Писидия — южная Малая Азия). Судя по греческой надписи на архитраве фасада, этот храм (рис. 7) был посвящен Аполлону Кларосскому и сооружен членами семьи Т. Фл. Коллегаса³ при Веспасиане или его ближайших преемниках, что датирует храм второй половиной I в. н. э., то есть временем построения храма в Гарни.

Храм этот сильно разрушен, но остатки почти всех основных частей его найдены среди развалин базилики, которая была выстроена на этом месте из его камней, но, к счастью, так, что античные части были использованы без перемещений и переделок. Размеры Сагаласского храма отличаются от размеров храма в Гарни несколько большей длиной при той же приблизительно ширине (ок. 13 м).

¹ Н. Г. Буниатян, ук. соч., стр. 24.

² Ch. Lanckoronski, G. Niemann und E. Petersen, ук. соч., т. II, стр. 157—158, рис. 123 и табл. XXV. — Ср.: П. А. Чихачев, Труды Вост. отд. Археологич. общ., ч. II, СПб., 1855, стр. 251 сл.

³ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., стр. 238—239, надп. № 200.

На основании сохранившихся частей полностью восстанавливается общий вид Сагаласского храма с шестью колоннами в торцовых фасадах и с одиннадцатью — в продольных. Плиты, как в Гарни, отличаются своими мощными размерами — длиною в среднем ок. 2.20 м. Ствол колонн, как в Гарни, имеет в высоту 5.83 м. База — аттическая. Капитель — ионическая (рис. 8 и 9).

Рис. 7. Фасад храма. Сагаласс.

По Ш. Ланкоронскому.

Совпадают также формы и детали капителей и их размеры (Гарни — 0.67 м, Сагаласс — 0.62 м). Фронтон тоже очень крутой: как в Гарни, высота его составляет одну пятую его ширины.

Профиль фриза, как и в Гарни, сильно изогнутый наружу, образует нечто вроде вала, что в обоих случаях вызвано было, повидимому, оптическими соображениями.¹ Плиты архитрава в Сагалассе тоже имеют софиты, дверь тоже большой высоты: вместе с наличником и сандриком ок. 5 м (проем ок. 4 × 1.90 м).

Родственным Гарнийскому храму является еще один храм, а именно храм в Термессе (тоже в Писидии), который датируется тем же временем, что и храм в Сагалассе; судя по найденным около храма рельефам Аполлона и Артемиды, он был посвящен,

¹ Ch. Lanckoronski... , ук. соч., стр. 157, рис. 123.

видимо, этим божествам. Храм этот тоже разрушен, но по сохранившимся остаткам общий его вид и размеры можно было восстановить (рис. 12 и 13). Это — периптер ок. 13×23 м с импостом (в Гарни — 13×19 м), с шестью колоннами в узких и одиннадцатью — в продольных сторонах. Капители — ионические. Стены целлы, выдвинутые вперед, образуют пронаос, отделенный от портика двумя колоннами. Ширина целлы 5.56 м (в Гарни — 5 м). Общая высота

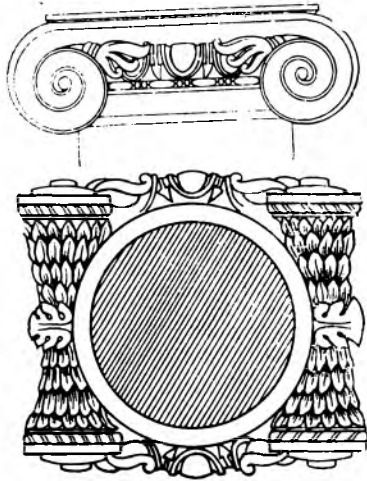

Рис. 8. Капитель колонны.
Гарни.

[По Н. Г. Буватяну, 1933 г.]

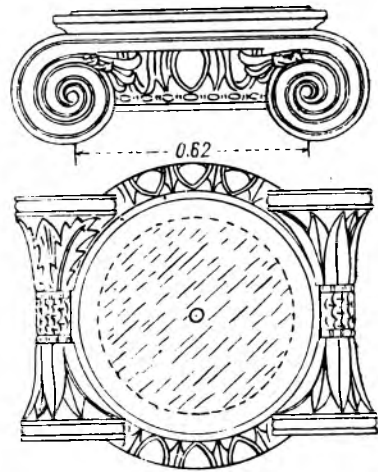

Рис. 9. Капитель колонны.
Сагаласс.

По Ш. Ланкоронскому.

колонны 6.9 м (в Гарни — 6.60 м). Угловые капители имеют такой же вид, как гарнийские.

Единственным отличием являются канnelированные стволы колонн. Архитравы имеют софиты. Проем двери 4.76×2 м (в Гарни — 4.70×2.10 м).

Сопоставленные три храма (в Гарни, Сагалассе и Термессе), родственные по своему общему облику и приемам декорации и созданные в одни и те же десятилетия, оказываются, как будет дальше показано, посвященными одному и тому же божеству.

Анализ всех деталей Гарнийского храма и сопоставление их с аналогичными явлениями и в архитектуре других малоазийских храмов не может входить в задачу данного очерка, но на некоторых вопросах нужно все же, хотя и вкратце, остановиться, а именно на тех особенностях, которые отличают этот армянский храм от храмов западных, малоазийских и сирийских.

Отличается он, во-первых, меньшей вытянутостью плана, меньшим количеством колонн в боковых фасадах (не одиннадцать, как в Сагалассе и Термессе, а восемь). Характерной деталью его антаблемента является профиль фриза — изогнуто-выпуклый (с перетяжкой вверху), что, как говорилось выше, наблюдается и на храме в Сагалассе.

Рис. 10. Деталь фриза. Гарни.

По Н. Г. Буннятяну, 1933 г.

Отсутствие свода, если оно подтвердится, отличает Гарнийский храм от многих эллинистических и римских храмов этого времени.

Самой яркой особенностью Гарнийского храма является богатство и разнообразие почти не повторяющихся растительных

Рис. 11. Деталь сандрика. Сагаласс.

По Ш. Ланкоронскому.

мотивов, украшающих софиты, детали фриза, а также балюстры и ободки волют капителей, — явление, которое наблюдается и в средневековой декорровке армянских храмов.

Остановившись на одной из деталей орнаментальной декорровки — на аканфовом фризе, интересно отметить, что мотивы орнамента на многочисленных кусках гарнийского фриза в основном совпадают, но не совпадает характер работы: на одной группе камней резьба более глубокая, рисунок более рельефный, чем на других

фрагментах, что могло бы говорить о нескольких группах привлеченных к делу мастеров (табл. 38—42). Далее — вместо характерного для Греции аканфа с острыми и колючими листьями, здесь перед нами тупые и широкие листья, так называемый аканф мягкий; он ветея непрерывной веткой, густо заполняя полосу фриза. Часть веточек отделена от фона и представляет как бы плетение из базальтовых стеблей — явление, засвидетельствованное только в Гарни, а это особенно интересно, принимая во внимание твердость базальта и вообще трудность высекания в нем и самого простого узора; здесь же ветки даны высоким рельефом, тонко моделированы, округлы и точно не прикреплены к фону. Эта деталь должна, бесспорно, свидетельствовать о том, что рельефы эти высекались местными мастерами, привыкшими работать в базальте, а не римскими ваятелями, привыкшими работать в мраморе. Аканфовый фриз сходного рисунка и стиля известен только на памятниках Малой Азии: наиболее близкой аналогией к гарнийскому является фриз (рис. 10), украшавший центральные двери сцены театра¹ в Сагалассе, относящегося или к концу I в., или к началу II в. И тут и там мы видим тот же мощный и пышный рисунок, то же мастерство в передаче глубины рельефа.

Особенностью Гарнийского храма является декорировка рельефами пилонов по сторонам наружной лестницы. Нам известен еще один такой случай — в храме Митры, построенном в начале II в. н. э. в местности Ниха (к югу от Баальбека в Сирии),² но там рельефы помещены на пилонах лестницы, ведущей к адитону. Что

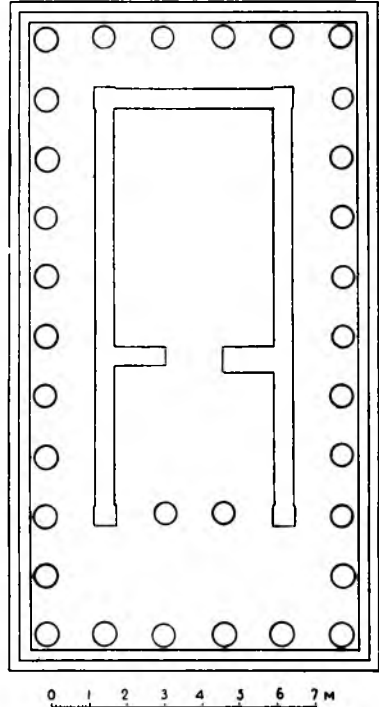

Рис. 12. План храма. Термесс.

По Ш. Ланкоронскому.

¹ Ch. Lanconronski. . . , ук. соч., стр. 165, рис. 135.

² D. Kreneker und W. Zschietzschmann. Römische Tempel in Syrien, Bd. I. 1938, стр. 112, рис. 150 и сл. и стр. 114 (датировка).

касается атлантов на пилонах Гарнийского храма, то такие же фигуры имеются на фасаде здания, изображенного на византийской миниатюре X в., со сценой проповеди Григория Просветителя Армении при дворе армянского царя Трдата III.¹ Появление атлантов на храме в Гарни — не случайный декоративный прием:

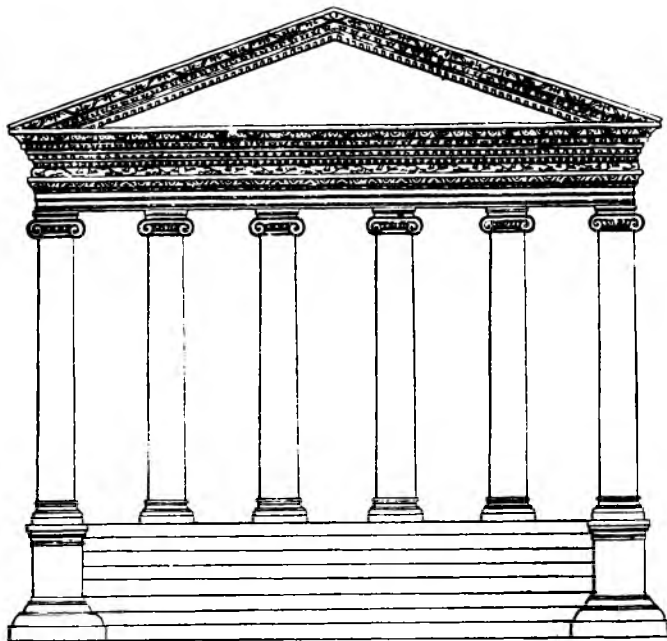

Рис. 13. Фасад храма. Термесс.

По Ш. Ланкоронскому.

выбор именно этого сюжета связан с назначением Гарнийского храма, о чем будет сказано дальше.

Выше говорилось уже о том, что фронто́н Гарнийского храма отличается большой высотой, которая составляет около $\frac{1}{5}$ одной пятой его ширины. Такое же явление Ш. Ланкоронский отмечает на двух храмах в Писидии, а именно в Сагалассе² и в Кремне. О храме в Сагалассе говорилось уже как о наиболее близком

¹ Менологий Василия II, рукопись Ватикана (Л. Алишан. Айратат, рис. к стр. 440).

² Ch. Lanckoroński..., ук. соч., стр. 157, рис. 123, табл. XXV.

к Гарнийскому по формам и декоративному убранству из храмов Малой Азии. О храме в Кремне Ш. Ланкоронский сообщает только, что храм стоит изолированно от других зданий и что его фронтон очень крут и высок.¹

У Сагаласского храма соотношение высоты и ширины крутого фронтона составляет тоже один к пяти, как и в Гарни. Об этих трех случаях совпадения пропорций фронтона, может быть, и не стоило бы говорить, если бы оба малоазийских храма не были связаны с культом Митры, как и Гарнийский храм: храм в Сагалассе, судя по надписи на его архитраве, был посвящен Аполлону Кларосскому, а относительно храма в Кремне говорится, что он, вероятно, был посвящен Митре. Доводов в пользу этого своего предположения Ш. Ланкоронский не приводит, но так как он говорит о крутом фронтоне и об изолированном положении храма, то пропорции его фронтона невольно сопоставляются с другими такими же фронтонами храмов Михра-Аполлона (Гарни, Сагаласс), и приходит на память изолированное, вне города, местоположение храма Аполлона-Арега в Арташате, как об этом сообщает Моисей Хоренский.²

Украшения потолков портиков и пролетов арок кессонами — явление довольно распространенное в это время как на Западе, так и на Востоке. Но на Гарнийском храме эти кессоны, по сравнению, например, с несколько более поздними по времени кессонами, украшавшими храм Асклепия в Пергаме и арку Адриана в Атталее (Памфилия, Малая Азия),³ отличаются своей формой (ромбы и восьмиугольники) и богатейшим разнообразным использованием растительных мотивов, в основном — аканфа (рис. 14—16).

Что же касается двери Гарнийского храма (рис. 17), то ближайшей аналогией к ней является наличник двери от здания I—II в., остатки которого использованы в кладке мечети Джама-нун-джамиси в той же Атталее.⁴

Это формальное сопоставление стилистических и иных особенностей архитектурной декоративки Гарнийского храма дает возможность еще крепче обосновать датировку Гарнийского храма именно второй половиной I в. (стр. 63—67) и говорить о большой культурной близости, существовавшей между Арменией и странами Малой Азии. В этой связи рассказ Плутарха о театре в Тигранакерте и о постановке „Вакханок“ Еврипида в Арташате дает полное основание предполагать, что театры Армении могли быть построены

¹ Ch. Lankoronski..., ук. соч., стр. 179.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 49. — От вышеупомянутого храма в Ниха соответственные части здания до нас не дошли.

³ Ch. Lankoronski..., ук. соч., т. I, стр. 22, табл. VII—VIII.

⁴ Там же, стр. 28, рис. 16.

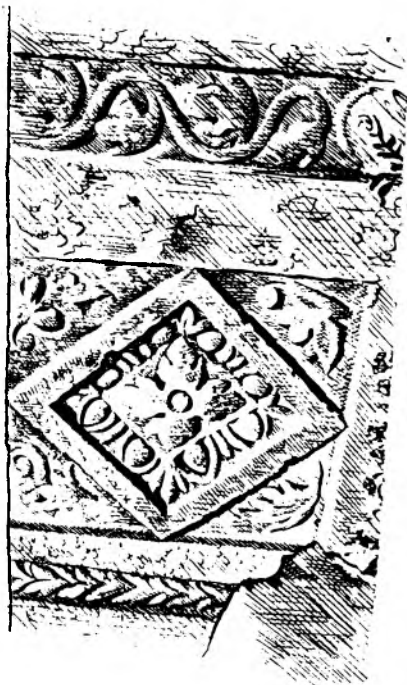

Рис. 14. Деталь потолочной плиты. Гарни.

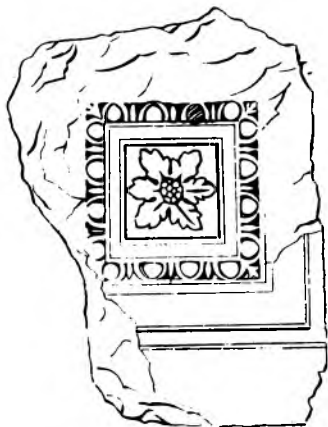

Рис. 15. Деталь потолочной плиты. Пергам.

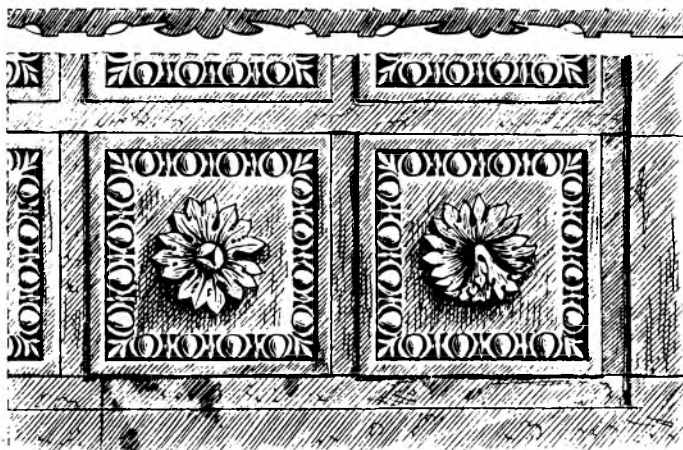

Рис. 16. Деталь потолочной плиты. Анталия.

по типу тех роскошных театральных зданий, развалины которых сохранились во многих эллинистических городах Малой Азии, в частности, в Аспенде и Пергэ (Памфилия),¹ а также в Сагалассе и Термессе (Писидия),² с храмами которых неоднократно в настоящей работе сопоставляется храм в Гарни, а с их оракулами при их храмах — прорицалище в Армавире (стр. 104—113).

Это сопоставление аналогичных явлений в области архитектуры Армении и смежных стран Малой Азии дает, следовательно,

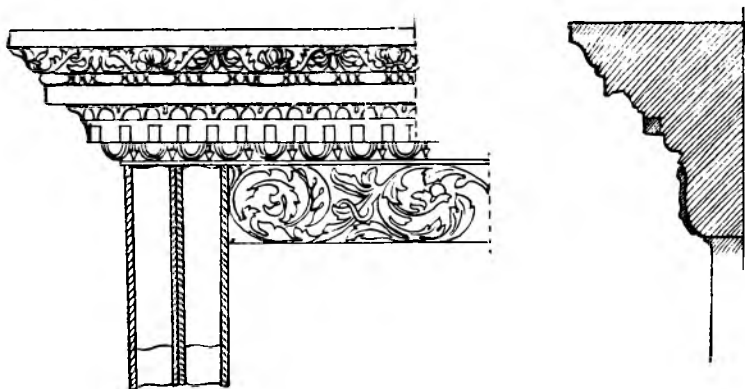

Рис. 17. Деталь двери храма. Гарни.

По Н. Г. Бунятыну, 1933 г.

возможность утверждать, что, в разрез с существующей в буржуазной науке точкой зрения, и Армения являлась одной из тех стран Переднего Востока, знать которой в определенный исторический период восприняла эллинистическую культуру.

«6. НАЗНАЧЕНИЕ ХРАМА И ВРЕМЯ ЕГО ПОСТРОЕНИЯ

Одним из существенных вопросов, выдвигаемых как самим фактом наличия храма в Гарни, так и особенностями его строительных и декоративных приемов, является вопрос о назначении этого храма, о том идеологическом содержании, которое вкладывалось в сооружение этого здания.

¹ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. I, стр. 55—59, 108—125, табл. XIII—XIV, XX—XXVII. — Об эллинистическом театре Армении см.: Г. И. Гоян, ВДИ, 1950, № 3 стр. 178—192.

² Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. II, стр. 45—47, 96—101, 161—167, табл. X—XIII, XV—XXX.

Исходя из того, что храм по основным своим формам может быть отнесен и ко второй половине I в. и к первой половине II в., и учитывая назначение храмов этого типа как на Востоке,¹ так и в западных провинциях Рима для культа правящего императора, мною в 1947 г. было высказано предположение,² что в Армении такой храм мог быть построен в те годы, когда она в течение двух лет (115—117 гг.), после очередного нашествия римских легионов во главе с Траяном, была объявлена римской провинцией (повидимому, номинально) и во главе ее был поставлен римский легат. Подчинение Риму той или иной страны или области обычно ознаменовывалось, идеологически как бы „закреплялось“, постройкой храма, в котором со времен Августа ставилась статуя императора. С этой целью в последней четверти I в. до н. э. был построен в Ниме (южная Франция) храм, носящий у населения название *maison sacrée*,³ с этой целью монеты Августа в 19—18-м годах до н. э. чеканились с изображением такого храма (табл. 57, 1—2), построенного в Малой Азии, в Пергаме, в честь Рима и Августа.⁴ Известны, однако, случаи, когда на Востоке статуи римских императоров ставились не в специально для этого возведенных зданиях, а в местных храмах, посвященных тем или иным местным божествам. Так, Моисей Хоренский сообщает, что в правление Абгара (начало I в. н. э.) „присланные в Армению римские управители привезли с собою изображения императора Августа и поставили их во всех храмах“.⁵ Здесь особенно обращают на себя внимание слова о статуях императора Августа, которые „поставили во всех храмах“, — это можно понимать только в том смысле, что их поставили в местных, местным богам посвященных храмах. Иосиф Флавий сообщает также, что в 39 г. была сделана попытка поставить статую Калигулы в храме в Иерусалиме, а прибывший с этой целью военачальник увещевал местное население и доказывал: „все подчиненные народы поставили рядом с другими богами также и статуи императора“.⁶

Объявление Армении римской провинцией в 115 г. могло повлечь за собою или постановку статуи Траяна в местном храме, или построение для нее специального храма; храм такого назна-

¹ В Малой Азии, например, один из храмов в Сагалассе, с памятниками которого сопоставляется храм в Гарни, был посвящен Антонию Пию (Ch. L a n s k o r o n s k i . . . , т. II, стр. 152, табл. XXIV).

² К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни, стр. 296.

³ История архитектуры Рима, Изд. Акад. архит. СССР, М., 1948, табл. 15, 1.

⁴ H. Mattingly and E. A. Sydenham. The Roman Imperial Coinage, v. I. 1923, табл. V, № 75.

⁵ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 26.

⁶ Иосиф Флавий. Иудейская война, кн. II, гл. 10.

чения и изображен как на упомянутых монетах Августа, так и на монетах Траяна;¹ на последних показано, что внутри храма на пьедестале стоит статуя (табл. 57, 3).

Статуи Траяна были поставлены, между прочим, и в Парфии,² поэтому допустимо предположение, что подобная статуя могла намечаться к доставке в Армению и к установке ее в Гарни, в крепости, где в 115—117 гг. должен был стоять римский гарнизон, как он там стоял и в 51 г. (Тацит) и как он в 165—185 гг. стоял в Валааршапате, судя по найденным там надписям (стр. 251 и сл.).

Постройку храма (если бы его специально строили) могли начать в 115 г., но в 117 г. эти работы должны были прекратиться, когда умер Траян, а Адриан вернул Армении самостоятельность, будучи не в силах содержать здесь потребное количество оккупационного войска: *Armeniis regem habere permisit, cum sub Traiano legatum habuissent* 'армянам было разрешено иметь царя, тогда как при Траяне они имели легата', говорит биограф Адриана.³

В пользу того, что храм заканчивали спешно, мог бы говорить анализ некоторых деталей — разная степень их законченности,⁴ но для этого, конечно, могли быть и иные основания.

Исходя из всех этих соображений, то есть учитывая в первую очередь политическую обстановку и культ императора как в восточных, так и в западных провинциях Рима, мною в 1947 г. и было высказано предположение, что 115—117-е годы являются тем временем, когда мог быть построен такой храм в Гарни.⁵

Но при более углубленном изучении вопросов, связанных с Гарнийским храмом, возникла мысль: не было ли устройство здесь христианского святилища (стр. 38) своего рода погашением памяти о святилище языческом — храме божества, пользовавшемся особым почитанием.

Если бы храм предназначался только для культа императора и для его статуи, то более чем вероятно, что здание это сильно пострадало бы в те годы, когда армяне начали освобождаться от ненавистного им господства Рима. Становилось несомненным, что храм имел другое назначение, что он был посвящен местному

¹ H. Mattingly. The Roman Imperial Coinage, v. II, табл. X, № 178.

² По словам Иоанна Эфесского; см.: Cambridge Ancient History, XI, стр. 108.

³ Элий Спартиан, § 21.

⁴ К. К. Романов, ук. соч., стр. 654 («работа или спешно заканчивалась, или без главного мастера, начавшего постройку»).

⁵ К. В. Тревер. К вопросу об античном храме в Гарни, стр. 297.

божеству — одному из верховных богов Армении, поскольку Гарни являлся резиденцией армянских царей.

Одним из таких древнейших верховных божеств, которому мог быть посвящен храм, являлась богиня Анаит, пользовавшаяся необычайно большим почетом в Армении. Ей был посвящен целый ряд храмов, славившихся своим богатством, ее имя носила одна из областей (Анаитакан, обл. Екелеац-Акилисена), ей особо поклонялся в конце III в. царь Трдат III до принятия им христианства.¹ Но о внешнем облике ее храмов мы ничего не знаем, раскопками они еще не выявлены, а письменные источники, упоминая ее храмы, не дают их описания.

Другим божеством, пользовавшимся таким же большим почетом, был бог Солнца — тот древний бог (Ардини-Арегаки-Михр), о храмах и статуях которого говорится у Моисея Хоренского и символ которого — звезда с орлами по сторонам ее — был изображен, судя по монетам (табл. 58, 1), на тиаре армянских царей I в. до н. э. (Тигран II и Артавазд II).

Если бы армянские цари продолжали чеканить свои монеты и в I—III вв., то мы, по всей вероятности, могли бы ответить на вопрос, какому божеству в Гарни, в царской резиденции, мог быть построен храм в I—II вв. Археология в этом вопросе пока на помощь не приходит, но письменный источник, а именно История Кассия Диона, сохранил нам одно ценное сведение, в данной связи еще не использованное.

Описывая встречу Трдата I и Нерона в Риме в 65 г., Дион приводит, между прочим, следующие слова армянского царя, которыми он приветствовал римского императора: „Я явился к тебе, моему богу, поклониться тебе, как Митре“.² Мы узнаем, что Трдат I поклонялся Митре — Михру, именем которого народы Востока, по словам Страбона³ (начало I в. н. э.), называют Гелиоса.

Из текста Тацита мы знаем, что Трдат не только поклонялся Митре, но выполнял также жреческие функции. В ответ на неоднократные требования Нерона, чтобы Трдат явился в Рим для получения царского венца, парфянский царь Валарш, брат Трдата, писал римскому императору: *non... recusaturum Tiridaten accipiendo diademati in urbem venire, nisi sacerdotii religione attineretur* „Трдат не отказался бы приехать в Рим принять корону, если бы его не удерживали обязанности по жреческой должности“.⁴ Из этих слов видно, что в Армении в I в. н. э. еще продолжало сохраняться объединение функций царя и жреца (явствующее и из

¹ Агафангел, §§ 21—22. (Перевод Langlois, т. I).

² Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.

³ Страбон, кн. 15, гл. 3, 13.

⁴ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 24.

близости соответственных армянских терминов *արքա* „арка“ (царь) и *արքիպետ* „аргапет“ (верховный жрец) — явление, отмеченное Ф. Энгельсом в отношении Гредии, где „у базилики помимо военных были еще жреческие и судейские права; последние не были точно определены, первые были присвоены ему как верховному представителю племени или союза племен...“¹

Итак, с одной стороны, мы имеем дело с сообщением Кассия Диона, что Трдат своим (верховным) богом считал Митру-Михра, а с другой стороны, перед нами слова Тацита о жреческих обязанностях Трдата, связанных, быть может, с культом Михра. Эти-то обстоятельства и дают основание полагать, что Трдат, вернувшись в 66 г. из Рима и приступив к восстановлению разрушенного Корбулоном Арташата, а также крепости Гарни,² тогда и построил здесь храм, посвятив его богу Солнца — Арегу, которому в I в. до н. э. поклонялся и Тигран II и которого аршакид Трдат I называл Митрой.

Храм был построен, вероятно, как это обычно делалось, на месте старого, разрушенного римлянами храма. Стилистические особенности, как говорилось выше, позволяют относить храм в равной мере и ко второй половине I в. и к началу II в. Таким образом, наиболее вероятным представляется, что Гарнийский храм был построен Трдатом I и что посвящен был этот храм богу Солнца Арегу-Михру, которому особенно поклонялись армянские цари.³ В таком случае храм Гарни являлся „меanean“ в полном смысле этого слова, поскольку армянский термин „меanean“ (капище, языческий храм) происходит от имени бога Михра-Мехра.⁴

От Моисея Хоренского мы узнаем, что культ бога Солнца существовал в Армении еще во времена полумифического царя Валаршака, что статуя этого бога сначала стояла в древней столице — Армавире, затем была перенесена в Багаран и, наконец, перевезена в Арташат.⁵ Все эти сведения дают основания для предположения, что и в Гарни, как в Арташате, могла стоять статуя бога Солнца — Михра.

Так как в Риме культ Митры официально существовал со времени Траяна, то, может быть, не лишено вероятия и мое первоначальное предположение, что в построенном при Трдате I Гарнийском храме в 115—117 гг. имелось в виду установить статую

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв., т. II, М., 1952, стр. 247.

² К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни, стр. 30—31.

³ О культе бога Михра в Армении, см. гл. 9 наст. работы.

⁴ Г. А. Капанцян. Хеттские боги у армян. Ереван, 1940, стр. 60.

⁵ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 8, 40 и 49.

Траяна рядом со статуей местного бога, как это имело место в Армении при Августе, — тем более рядом с Митрой, тем богом, который пользовался признанием и в самом Риме.

Но была ли статуя Траяна установлена в Гарнийском храме и правильно ли это мое предположение, мы не знаем. На данном уровне наших знаний, когда только приступлено к развернутым систематическим раскопкам в Гарни, мы можем лишь высказать предположение, что и в Гарнийском храме, как и в Арташате, могла стоять статуя Арега-Михра.¹

Посвящение Гарнийского храма именно богу Михру могло обусловить безболезненное обращение его впоследствии из языческого капища в христианскую часовню, а в народной памяти бог Михр продолжал жить в раздвоившемся образе деда и внука — Мхера Старшего и Мхера Младшего — в эпосе „Давид Сасунский“.

Имеется еще одно обстоятельство, которое говорит в пользу посвящения Гарнийского храма именно Митре-Михру, а именно нахождение на каждом из двух пилонов его лестницы изображения атланта в виде мужской фигуры, опустившейся на одно колено и обеими поднятыми вверх руками поддерживающей какую-то тяжесть (табл. 47). Присутствие атланта на храме в Гарни никакому объяснению пока не поддавалось, вернее — вопрос о смысле этого сюжета как будто еще не ставился.

Архитектурно атланты на пилонах никак не оправданы, так как они ничего здесь не поддерживают. Считать их чисто декоративным мотивом мы не имеем никаких оснований. Изображение атлантов на фасадной стороне храма I в. должно быть связано с назначением храма, то есть с тем божеством, которому храм был посвящен.

Изображение фигуры типа античного Атланта, который, по преданию, подпирал небосвод, засвидетельствовано рельефами, находимыми в храмах Митры, как это показано в труде Кюмона, посвященном культу Митры.² В этом же труде показано, что в митраистической мифологии, в разрез с мифологией Авесты, говорится о каком-то титане, несущем на себе небосвод.³

Имя этого титана ни в гимнах, ни в надписях не упоминается. На рельефах (табл. 59—61) он изображается обычно внизу, в левом ряду эпизодов из жизни Митры и сцен его культа, окаймляющих основной сюжет (заклание Митрой быка). Иногда эта фи-

¹ Непомерно высокий для столь небольшого храма проем двери (4.70 м) мог говорить о том, что в центре храма стояла статуя, вид на которую, благодаря этому, был открыт и для тех, кто находился вне храма.

² Fr. Cumont. Textes et monuments relatifs au culte de Mithra, v. I. Bruxelles, 1896—1899, стр. 90. — F. Saxl. Mithras. Berlin, 1931.

³ Fr. Cumont, ук. соч., стр. 91 и 301.

гура изображена в восточном одеянии и в митраическом остроконечном головном уборе, опустившейся на одно колено и обеими поднятыми руками поддерживающей круглый предмет в виде шара.¹ Но иногда эта фигура изображена в двух сценах на том же месте, налево внизу: поясная обнаженная фигура в фас с поднятыми вверх и что-то поддерживающими руками, а над ней, во второй сцене — возлежащая женская фигура (по Кюмону — Земля) и рядом мужская фигура, опустившаяся на колено и в обеих поднятых руках держащая большой шар.²

Чем именно объяснялось в митраическом культе нахождение здесь фигуры атланта (применяя это слово в его нарицательном значении) — мы не знаем. Принимая во внимание, что, по мифу, Митра-Гелиос обезжест невосвод на своей колеснице,³ можно было бы предположить, что атлант в это время поддерживает невосвод, как это делал, по Гесиоду, один из греческих титанов — Атлант. Во всяком случае, он являлся одним из спутников Митры, как и старик Зрван, статую которого находят почти во всех храмах Митры.⁴

Особый интерес представляют для нас слова Августина, который в конце IV — начале V в. счел нужным, порицая митраизм и связанное с ним манихейство, высмеять „носильщика Атланта“, (*Atlantem laturarium..*), который „громаду мира несет на плечах и, согнув колено, обеими руками ее поддерживает“ (*maximum Atlantem mundum ferentem humeris, et cum genu flexo brachiis utrimque secus fulcientem*).⁵

Напомню в этой связи известную по изданию Алишана⁶ византийскую миниатюру X в. (Ватикан) из менология Василия II (по происхождению армянина), где изображен Григорий Просветитель Армении, произносящий проповедь при дворе царя Трдата (табл. 62): он стоит перед большим зданием с двумя выступающими крыльями, на каждом из которых изображена совершенно такая же фигура атланта, как на двух выступающих пилонах лестницы Гарнийского храма. Допустимо предположение, что эта проповедь произносилась перед капищем-меланом и что она была направлена против Михра, против которого в V в. направлены были обличения, приводимые у Елише и Езника.

¹ Fr. Cumont, ук. соч., т. II, табл. V. — F. Saxl, ук. соч., табл. 14.

² Fr. Cumont, ук. соч., табл. VI. — F. Saxl, ук. соч., табл. 15.

³ На оборотах монет армянского царя Артавазда II изображен Митра на колеснице.

⁴ К. В. Тревер. Отражение дуалистической концепции зороастризма на памятниках искусства. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. I, 1939.

⁵ Augustinus. Contra Faustum. XV, 5 (Fr. Cumont, ук. соч., т. I, стр. 90).

⁶ Л. Алишан, ук. соч., табл. к стр. 440.

Атланты на храмах Малой Азии, архитектура которых, как показано на примерах Сагаласса и Термесса, переключается с Гарнийским храмом, пока не засвидетельствованы, но это не значит, что их там не было: все эти храмы дошли до нас в развалинах, из которых население на протяжении веков вывозило камни для постройки своих домов, а орнаментованные камни обычно выбираются в первую очередь для украшения новых домов и придания им старинного вида.

Многие десятки западных митрейонов, исследованные Кюмоном, дали возможность восстановить вид этих храмов I—III вв. Внешне это небольшие храмы с колоннами и двускатным фронтоном, обращенные в любую сторону света. Под полом обычно имеется помещение для совершения особых обрядов — мистерий, так называемая крипта, в которую ведет лестница. Эта крипта должна была иметь вид пещеры, и поэтому стенам ее зачастую придавался вид необработанной скалы.¹ Общий вид Гарнийского храма вполне отвечает требованиям, предъявляемым к храму Митры, — кроме крипты. Следы или признаки ее в Гарнийском храме отсутствуют.

В Сирии, в местности Ниха (на полпути между Бейрутом и Бальбеком) находятся развалины храма Митры II в.² По формам он близок к храму в Гарни; пилоны лестницы (находящейся внутри целлы) украшены, как в Гарни, рельефами (не атлантами, а другими митраическими сюжетами), но под полом этого храма имеется крипта, в которую ведет лестница.

Что же касается Гарнийского храма, то он мог и не иметь крипты, поскольку культ Михра в Армении складывался и развивался своими путями, отличными от тех форм, которые учение Митры принимало в других странах Востока и, тем более, в странах Запада (стр. 90 и сл.). Как известно, митрейон в Дура-Европос был тоже целиком наземным сооружением.

Как говорилось выше, одна архитектурная особенность, если это не случайное совпадение, является общей для трех известных нам храмов Митры-Аполлона на Востоке, а именно — необычно крутой фронтон, высота которого составляет одну пятую часть его ширины: имею в виду храм в Гарни,³ затем неоднократно привлекаемый для сравнения с Гарнийским храмом храм Аполлона в Сагалассе⁴ и храм Митры в Кремне.⁵

¹ Fr. Cumont, ук. соч., т. I, стр. 56—57.

² D. Kröncker und W. Zschietzschmann, ук. соч., т. I, стр. 112—114, рис. 150 и 154; т. II, табл. 55.

³ Н. Г. Буниatian, ук. соч., стр. 57, рис. 34 и стр. 58, рис. 36.

⁴ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. II, стр. 157, рис. 123, табл. XXV.

⁵ Там же, стр. 179.

Таким образом, две особенности (архитектурная — непомерно высокий фронтон и сюжетная — фигуры атлантов) в известной мере подкрепляют мое предположение, что Гарнийский храм был связан с культом Михра, которому поклонялся Трдат I, как сообщает Кассий Дион.

Подводя итоги по вопросу о построении Гарнийского храма и о его назначении, я прихожу к заключению, что Гарнийский храм был построен Трдатом I в 70-х годах I в. н. э. (стр. 200 и сл.) и посвящен был культу бога Солнца, в народе, возможно, носившего еще имя Арег, а в царском обиходе Аршакидов называвшегося Михр, то есть Митра.

7. ИСТОРИЯ ВОПРОСА О ДАТИРОВКЕ ХРАМА

Вопрос о датировке храма имеет уже свою историю, так как исследователи, занимавшиеся архитектурными особенностями этого храма, а также историки и филологи, изучавшие связанные с храмом письменные источники, относили его к разным историческим периодам, начиная от III в. до н. э. и до IV в. н. э., т. е. перемещали его на отрезке в семь веков.

Я. А. Манандян, исходя из особенностей строительной техники, а именно кладки Гарнийского храма, Ервандашата, Ервандакерта и Армавира (ни с одним из них он в натуре не ознакомился), приходит к заключению, что постройку Гарнийского храма следует относить к III в. до н. э. или к началу II в. до н. э.¹ Эта датировка, основанная только на технических приемах кладки камней, без учета форм и пропорций самого храма, а также способов его архитектурного убранства, не может быть принята во внимание.

Самой поздней датой, к которой относили Гарнийский храм, это IV в. н. э. — время Трдата III (287—330); основанием для этой датировки служило многократно приводившееся сообщение Моисея Хоренского.² Архитектор Т. Тораманян, придерживавшийся сначала этой датировки, впоследствии, по мере изучения памятника, изменил свою точку зрения и стал относить постройку ко времени Трдата I.³

К IV в. относил Гарнийский храм в 1933 г. и архитектор К. К. Романов,⁴ хотя во время участия в работах в Гарни и в своем

¹ Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма, стр. 48—49 и 54.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90.

³ Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. I. Ереван, 1942, стр. 167 и 174.

⁴ К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, стр. 653.

докладе в 1911 г. он стоял на иной, более правильной точке зрения, устанавливая для храма время от конца I в. и до начала II в., „не позже Адриана“.¹

В 1909—1910 гг. когда шли работы в Гарни, а в Классическом отделении Русского Археологического общества читались отчетные доклады, — обсуждался при участии Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева и вопрос о датировке храма, причем колебания были между II в. и началом III в.

Большинство исследователей относит Гарнийский храм к I в. н. э., ко времени Трдата I, который, по возвращении в 66 г. из Рима, получив от Нерона нечто среднее между субсидией и компенсацией, для приличия названное „дарами“, приступил к восстановлению разрушенного Корбулоном Арташата, а также, вероятно, и своей резиденции Гарни, которая не могла не пострадать во время опустошительного похода римских легионов в 59—60 гг. Тогда-то Трдат не только восстанавливал стены Гарнийской крепости, но и выстроил заново храм, придав ему, наверное, более пышный вид, чем он имел при Арташесидях и при предшественниках Трдата I. Родственные по стилю храмы смежных областей Малой Азии, историческая обстановка и назначение храма, а главное — результаты раскопок, проводимых ныне в Гарни, заставляют приурочить постройку храма к I в.²

Независимо от всех соображений, которые излагаются мною в этой работе в пользу датировки храма I веком, целый ряд исследователей Гарни пришли к этому же выводу, полагая, что слова Моисея Хоренского следует понимать как указание на восстановительные работы, производившиеся в Гарни Трдатом III. На этой правильной, по-моему, точке зрения стояли и Алишан, исходивший из соображений исторического порядка,³ и Н. Г. Буниatian, производивший детальное обследование храма и всех его деталей,⁴ и С. С. Малхасян,⁵ и Т. Тораманиян,⁶ в ранних своих работах придерживавшийся более поздней датировки, и Н. М. Токарский,⁷ давший тщательный анализ основных форм и приемов декорировки храма, и, наконец, Б. Н. Аракелян, которого первые же годы

¹ К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, стр. 650. — Он же, Архив ИИМК, ф. 29, № 200, л. 4.

² Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. Вестн. Акад. Наук СССР, 1950, № 10, стр. 74—76. — Он же. Гарни, I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1952.

³ Л. Алишан, ук. соч.

⁴ Н. Г. Буниatian, ук. соч.

⁵ Ст. Малхасян. История епископа Себеоса. Ереван, 1939, стр. 153.

⁶ Т. Тораманиян, ук. соч., т. I, стр. 174.

⁷ Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении, стр. 23.

раскопок на территории Гарнийской крепости привели к необходимости относить время построения храма к I веку н. э.¹

8. МЕСТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ФОРМАХ ХРАМА

Гарнийский храм, как известно, долгое время принимали за тот именно дворец, который, по словам Моисея Хоренского, был построен в Гарни царем Трдатом III для своей сестры Хосровидухт. В литературе, посвященной Гарнийскому храму, эту точку зрения до недавнего времени поддерживали некоторые исследователи этого памятника,² следуя исторической традиции, которая принимала остатки храма за развалины дворца — „тахт Трдата“.

Решающим в этом вопросе, помимо размеров здания и его основных форм, является его двускатная крыша. Дело в том, что в Передней Азии и в восточном Средиземноморье двускатной крышей в древности покрывались только храмы и гробницы и никогда не покрывались жилые помещения. Ярким примером этого является урартский храм в городе Мусасире, изображенный на ассирийском рельефе во дворце царя Саргона (IX в. до н. э.) в Хорсабаде (табл. 63). На нем представлены дворцовые здания (одно — двухэтажное, другое — четырехэтажное) с плоскими крышами и украшениями или зубцами; а между этими дворцами находится здание, которое, судя по вотивным щитам на колоннах и по громадным культовым сосудам перед фасадом, является храмом с двускатным перекрытием и акротерием в виде копия над фронтоном. Двускатный верх имеют известная гробница Кира в Пасаргадах, знаменитые гробницы в Ликии и Фригии, а также открытый в Грузии в 1951 г. склеп в Мцхета, где двускатная черепичная кровля покрывает свод (стр. 50).

¹ Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. ВДИ, 1951, № 4, стр. 103. — В этой статье дается отчет о результатах раскопок 1949—1950 гг. как на территории крепости (стены), так и в самом селении (некрополь I в. до н. э. — II в. н. э.). В этой статье ошибочно указано, что в 1909—1910—1911 гг. были произведены „частичные раскопки“ храма. В действительности, в 1909—1910 гг. расчисткой были открыты как подий храма с лестницей, пилонами и остатками стен, так и упавшие во время землетрясения колонны, капители, фриз, карниз, фронтоны, потолочные плиты и др. Неточно также указание, что работы эти были произведены „сотрудниками Археологической комиссии“. Как известно, Археологическая комиссия к раскопкам в Гарни, кроме выдачи открытого листа, отношения не имела; раскопки в Гарни производились на средства Русского Археологического общества его членами (см. выше, стр. 29). Сведения об этом имеются в моей статье „К вопросу об античном храме в Гарни“ (Сов. археолог., 1949, т. XI).

² С. Д. Анисициан, статья в газ. „Советакан Айастан“, 23 сентября 1945 г., № 201. (На арм. яз.). — Т. Тораманян, ук. соч., т. I, стр. 282.

Когда в Риме в середине I в. до н. э. Юлий Цезарь был объявлен „божественным“, то постановлением Сената ему было разрешено поставить на своем доме двускатную крышу (*fastigium in domo*).¹ Все это дает основание утверждать, что сохранившаяся в Гарни здание является не чем иным, как храмом.

Мы, к сожалению, еще не знаем, как выглядели армянские храмы в промежуточный период, между IX в. до н. э. и I в. н. э. Принимая во внимание, что ни в чем другом архитектурная традиция не держится так крепко, как в формах храмовых построек, мы имеем основание полагать, что это могли быть здания, мало чем отличавшиеся от мусасирского типа. Раскопки, надо надеяться, выявят со временем остатки не одного еще храма, относящегося ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Письменные источники по этому вопросу ничего не сообщают, если не считать одного интересного для нас сведения, сохранившегося у Полибия (II в. до н. э.), который говорит о храме, стоявшем в Экбатане (Мидия) при Александре Македонском и Селевкидах: *κατὰ τὴν Ἀντιόχου παρουσίαν ὅτι ναὸς αὐτὸς ὁ τῆς Αἴνης προσχρυσούμενος ἔτι τοὺς κίονας εἶχε τοὺς περὶ χειροποιημένους*² „в бытность здесь Антиоха так называемый храм Айны имел еще колонны, кругом вызолоченные [обложенные золотом]“. Для нас в этом отрывке имеет значение упоминание, что у храма были колонны и что стояли они, вероятно, еще до III в. до н. э., так как Полибий во II в. до н. э. говорит, что „при Антиохе [середина III в. до н. э.] храм имел еще колонны...“. Но при Полибии их, видимо, уже не было на месте. Так как в VI—IV вв. до н. э. существовала культурная общность между Мидией и Арменией, то это, хотя и единичное, сообщение Полибия нами все же должно быть учтено.

Кто же строил храм в Гарни, чьими руками были возведены его не чуждые древней Армении основные архитектурные формы, кто были те искусные камнерезы, которые в твердом базальте сумели высечь и аканфовый фриз, и капители, и все остальное. Действительно ли, как полагают некоторые буржуазные ученые, Гарнийский храм являлся „чужеродным телом“,³ случайно появившимся на территории Армении, без местных корней, без дальнейшего развития, чужими руками построенным в стране якобы „полуварваров, неспособных иметь соответственных зодчих“.⁴

¹ Флор (II в.), кн. II, гл. 13, 91.

² Полибий, кн. X, гл. 27, 12.

³ J. Strzykowski. Die Baukunst der Armenier und Europa. Bd. I, 1918, стр. 404 (статья Glück).

⁴ G. T. Rivoira. Architetura musulmana, стр. 203 (ссылка на него см.: J. Strzykowski, ук. соч., т. II, стр. 604).

Начну с вопроса о зодчих и мастерах. У Страбона¹ имеются замечательные слова, характеризующие исключительную способность армян к строительному делу: καίπερ ἔδοξαν οἱ Γορδιαῖοι διαφερόντως ἀρχιτεκτονικοὶ τινες εἶναι καὶ πολιορκητικῶν ὀργάνων ἔμπειροι «как показали гордиены [армяне, жившие между Урмийским и Ванским озерами], среди них имеются совершенно замечательные зодчие и [мастера] сведущие в военных сооружениях».¹ Это было написано в самом начале I в. н. э., но сказанное об армянах-архитекторах можно отнести и к более ранним векам и ко всем последующим, вплоть до наших дней.² Это настолько хорошо известно, что не требует дальнейших обоснований, об этом свидетельствуют сами памятники и сообщения древних историков.

Как известно, Трдат получил в Риме от Нерона не только дары стоимостью в 50 миллионов денариев и разрешение восстановить Арташат, но и δημιουργούς... πολλούς «многих мастеров [или ремесленников]».³ Но Трдат захотел увезти еще и других мастеров, τοὺς δὲ καὶ γρήγισι πείσας «склонив их к этому деньгами», однако вывезти их ему не удалось, так как этому воспрепятствовал Корбулон, разрешив отправиться с ним только тем, которые были даны ему Нероном.

Группа мастеров и ремесленников, которая выехала с Трдатом из Рима, участвовала, вероятно, не только в восстановлении Арташата, но могла быть привлечена и к работам в Гарни, к постройке Гарнийского храма.

Исходя из этого, целый ряд исследователей, не освободившихся еще от представления о первенстве западноевропейской культуры, более или менее безоговорочно приписывает появление Гарнийского храма целиком римскому искусству и мастерству.

Два архитектора по-разному подошли к ответу на этот вопрос. Детально изучавший Гарнийский храм Н. Г. Бунятян считает его произведением „колониальной“ архитектуры Рима, в которой „греко-римский стиль причудливо сочетается с азиатским...“.⁴ И рядом с этим — точка зрения Т. Тораманяна, отрицавшего эллинистическо-римский характер Гарнийского храма и указывавшего на самобытное в его технике, пропорциях и орнаментации.⁵

¹ Страбон, кн. XVI, 24.

² См. труды, посвященные армянской архитектуре наших дней.

³ Кассий Дион, кн. 63, гл. 6.

⁴ Н. Бунятян, ук. соч., стр. 18.

⁵ Т. Тораманян. Этапы развития армянской архитектуры. Журн. „Анахит“, Париж, 1911, стр. 13. (На арм. яз.); ср.: J. Strzygowski, ук. соч., т. I, стр. 343.

Стржиговский, полемизируя с Ривойра, считавшим армян времени Трдата III еще „полуварварами“, в то же время соглашается с ним, что Гарни выстроен не армянскими руками, так как он носит „явно римско-сирийский“ характер.¹

Некоторую уступку делает К. К. Романов, допуская, что мастерами, строившими Гарнийский храм, были люди „вышедшие из римских провинций, ближайшим образом связанных с центром, ... „притом люди несколько отсталые от новейшего зодчества Рима той эпохи“.²

Приводимые К. К. Романовым, участником раскопок в Гарни, „отклонения“ в архитектурно-декоративных формах храма от античных, римских норм представляют большой интерес:

1) „поражает в здании при исключительном богатстве резьбы в камне, особенно акантов, а также иных растительных мотивов (плюща, винограда, „персидских бобов“) бедность знакомства исполнителей с архитектурными тягами, а иногда простое непонимание античного мотива“;³

2) „представляется очень странным присутствие в одном здании двух различных видов иоников в одной и той же тяге, обходящей вокруг здания. Единственно возможное предположение, что часть камней с резьбой делалась не там же, где основные части, и иными мастерами. Разность степеней подготовленности мастеров и потому разность четкости формы в резьбе заметна и в фризах, но там основной мотив все же является общим, в иониках же видим даже разнохарактерный рисунок или искажение основного“;⁴

3) обращает на себя внимание, что в этом храме все перекрытия — „только архитравные или с потолком на два ската, сделанным из камня, но подражающим деревянному перекрытию по стропилам“, тогда как „и в Передней Азии и в Риме наиболее часто употребляются перекрытия сводчатые при архитравной декорировке на колоннах“;⁵

4) мастера знают диагональную волюту, но применяют ее только на квадратном основании (угловые наружные волюты, все волюты угловых пилястров на южной стороне здания и капителей антов), а на капителях с круглым основанием (на колоннах)

¹ J. Strzygowski, ук. соч., т. II, стр. 604; см. также: т. I, стр. 411, где он называет Гарнийский храм „отсадкой в ходе великого развития стран Средиземноморья“.

² К. К. Романов. Развалины храма римского типа в Баш-Гарни, стр. 654.

³ Там же, стр. 652.

⁴ Там же, стр. 653.

⁵ Там же, стр. 651.

воспроизводятся боковые части ионической капители, богато ornamentированные;¹

5) отмечается еще один характерный для армянской орнаментации прием: рисунок ни разу не повторяется, а даются различные его варианты из лавровых и аканфовых листьев, а иногда из сочетаний тех и других.

Хотя К. К. Романов и усматривает ошибочно в отходе от античных норм „архаизм“, непонимание античного искусства, „неувязку“ и „бедность мотивов“, тем не менее наблюдения его, устанавливающие особенности форм Гарнийского храма, представляют для нас особый интерес. Все эти „отклонения“, как их называет К. К. Романов, и являются свидетельством того, что в сооружении этого храма в значительной степени участвовали местные армянские мастера, которые, претворяя те или иные художественные приемы (извне проникшие на территорию Армении), не были связаны западными нормами. Этим и объясняется, что от родственных малоазийских храмов этого времени Гарнийский храм отличается богатством и разнообразием мотивов скульптурной декорации — явление, с которым мы встречаемся и в средневековом зодчестве Армении.

В главе о назначении Гарнийского храма (гл. 6) говорится о том, что он странным образом уцелел и тогда, когда было введено христианство, и тогда, когда было покончено с ненавистным римским игом.

В стране, богатой камнем и талантливыми строителями, легко можно было перестроить или заново построить храм иного вида, хотя бы и на старом месте, как это обычно делалось. Недостаточно объяснить это явление тем, что христианство было настолько близко по своему содержанию к митраизму, что переход от культа Михра к культу Христа не мог представлять затруднений. Приходится, кроме того, допустить, что основные формы Гарнийского храма не были чужеродным в Армении явлением, что они были в известной мере родственны строительным формам древней Армении.

В чем состоят эти основные формы Гарнийского храма? Это — высокий постамент (подий), прямоугольное здание с фасадным портиком в шесть колонн, высокий фронтон с акротерием и двускатное перекрытие. Эти основные формы Гарнийского храма существовали уже на территории исторической Армении в IX в. до н. э., судя по изображению урартского храма в Мусасире (город Ардини урартских надписей) на ассирийском рельефе

¹ К. К. Романов, ук. соч., стр. 652.

IX в. до н. э. (табл. 63).¹ И здесь перед нами прямоугольное здание на высоком подии (лестница была, вероятно, показана краской), с портиком, фронтоном, двускатной крышей и с акротерием (в виде копья — символа бога Халда); и здесь в портике шесть колонн, именно круглых колонн, а не пилястров, поскольку вотивные большие щиты показаны в профиль, висящими на них сбоку. Правда, здесь нет ни капителей, ни антаблемента, ни карниза, т. е. отсутствует ордер — основной признак античного храма. Тем не менее „уже с первого взгляда устанавливается связь Мусасирского храма с некоторыми архитектурными памятниками Малой Азии, с прототипами классических древнегреческих храмов“.²

Мусасир не является единичным в этом отношении явлением в Передней Азии. С ним увязывается другой факт — относящаяся ко второй половине VII в. до н. э. гробница Da-u-dukhtar 'мать и дочь' (рис. 18), как ее называет местное предание: высеченный в скале около Курангуна (Фарс) фасад здания с четырьмя колоннами украшен ионическими капителями с волютами,³ — явление более древнее по сравнению с аналогичными дошедшими до нас формами в мире античном.

Эти капители и носят название „протоионических“,⁴ но от ионической капители⁵ они отличаются одной деталью, конструктивно осмысляющей наличие волют, происхождение которых якобы от формы цветка лотоса или папируса мне не представляется убедительным. На Курангунской капители волюты лежат большей своей частью на стволе колонны, представляя собою как бы концы положенных поперек здания балок и как бы участвуя в поддержании кровли, причем спирали волют, может быть, стилизуют узор древесины торцовой части балки. Местный, переднеазиатский характер архитектурного типа такой капители подтверждается тем, что и по сей день воспоминание о ней прочно живет в местном зодчестве; дело в том, что в горных районах Армении, а также на территории древней Мидии (в горах иран-

¹ Эту мысль я впервые высказала в рецензии на книгу Б. Б. Пиотровского „История и культура Урарту“ (Ереван, 1944) в „Известиях АН СССР“ (сер. истор. и филос., т. II, № 2, 1945, стр. 120).

² Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 252—253.

³ E. Herzfeld. Iran in the ancient East. Oxford, 1941, стр. 207, табл. XXXV—XXXVIII.

⁴ Там же, стр. 206.

⁵ К. Ф. Леман-Хаупт, в разрез с общепринятой в западноевропейской науке точкой зрения на ионическую капитель, объясняет ее возникновение воздействием не одной только пальмы, но и ряда других факторов; между прочим, венчики из листьев (Blattkränze) на капителях он возводит к соответствующему венчику „до-армянских халдов“, т. е. урартов (Zur Herkunft der ionischen Säule. Klio, XIII, 1913, стр. 482—483).

ского Курдистана и Луристана, куда европейцы впервые проникли в XIX—XX вв.), крестьянские дома снабжены столбами с капителями, воспроизводящими именно этот тип (рис. 19).

Можно полагать, что известные нам по Мусасирскому храму архитектурные формы, некогда, вероятно, общие для Закавказья, Малой Азии и восточного Средиземноморья, пройдя путь развития в античном мире, где на их основе выработался архитектурный ордер, проявляются, спустя ряд веков, в переработанном в эллинском мире виде, в Малой Азии и Закавказье в храмах

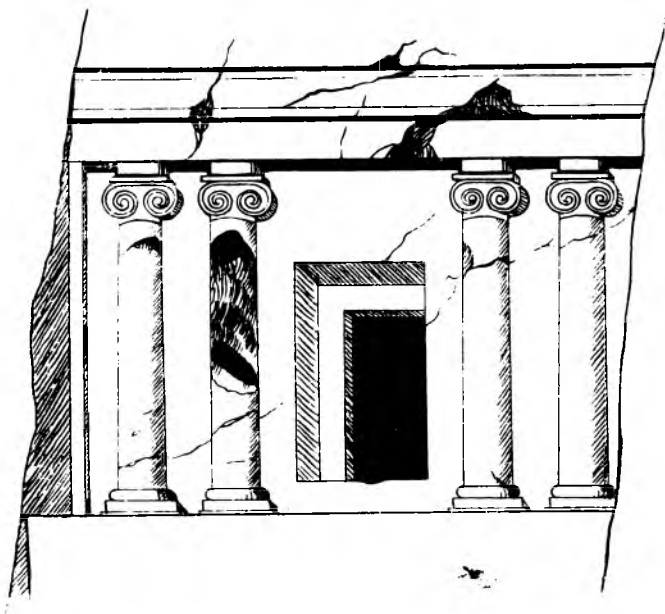

Рис. 18. Фасад гробницы. Курангун.

По Э. Херцфельду.

типа Сагаласса, Термесса и Гарни. Местные древние строительные традиции могли облегчить их появление здесь в иной уже исторической обстановке и придать им черты, роднящие их с местной культурой.

По-моему, нет также оснований приписывать скульптурные работы Гарнийского храма обязательно римлянам или работавшим в римском стиле малоазийским мастерам (грекам или сирийцам). Высекать в этом необычайно твердом камне тончайшие узоры и те веточки аканфа, которые отстают от фона, могли только мастера, привыкшие работать в базальте и пользовавшиеся при этом своими

специальными инструментами, отличными от того резца, которым римляне обрабатывали более мягкий камень. В тематике самих орнаментов тоже имеются детали, выдающие местного, восточного мастера, высекавшего наиболее близкие и хорошо ему знакомые растительные мотивы и не стеснявшегося, например, снабдить в Гарни аканфовую ветвь гранатовым яблоком (табл. 51) — вещь, невозможная в западной античной орнаментике,¹ но наблюдающаяся также в Сагалассе (рис. 20).

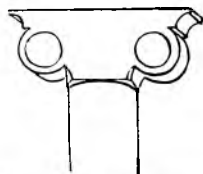
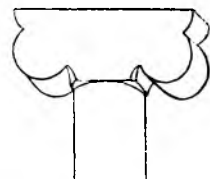
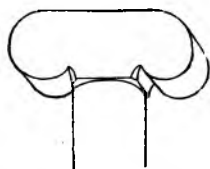

Рис. 19. Капители современных домов в горных селениях.

По Э. Херцфельду.

Большой интерес в этой связи представляет орнаментальный фриз VII в. в Аруче (Талиш), где армянский живописец изобразил аканфовую ветвь, по общему рисунку сходную с Гарнийским фризом. В Аруче в завитках этой ветви помещены плоды и в том числе также гранат.²

Все вышесказанное дает основание полагать, что Гарнийский храм не может считаться единич-

Рис. 20. Плита фриза. Сагаласс.

По Ш. Лашкоронскому.

ным и в Армении случайным памятником архитектуры. Было бы ошибочно усматривать в нем явление завозное, совершенно чуждое местным строительным традициям и не получившее на армянской почве дальнейшего развития. Некоторые формы Гарнийского храма, как известно, продолжают жить и в христианской церковной архитектуре, особенно в архитектурных деталях в декорровке.³

¹ О чуждых римскому искусству деталях говорит и Т. Торамаян (ук. соч., стр. 174).

² Л. А. Дурнова. Стенная живопись в Аруче (Талиш). Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1952, № 1, стр. 51, рис. 1—2.

³ В этом отношении большой интерес представляет труд архитектора А. А. Саиняна, посвященный армянским храмам базиличного типа; в частности, очень ценны его наблюдения и выводы относительно модуля древнейших армянских зданий (Касахская базилика. Ереван, 1951. Автореферат, стр. 20—23).

Характер Гарнийского храма, как и аналогичных храмов Малой Азии, построенных в так называемом эллинистическо-римском стиле, был обусловлен той исторической обстановкой, которая вызвала проникновение эллинской образованности в среду знати ряда восточных народов, в том числе и Армении. Храм в Гарни отражает идеологию его заказчиков, представителей верхушки армянского общества, царя и знати, разделявших художественные вкусы близких им по классу представителей рабовладельческих государств эллинистического Востока. Но в то же время он отражает культуру армянского народа, поскольку его фактические строители претворяли местные технические, строительные, да и декоративные традиции.

9. О КУЛЬТЕ БОГА МИХРА В АРМЕНИИ

Вопрос о религиозных верованиях и культах древних армян настолько сложен и настолько мало разработан, что даже небольшой очерк на эту тему, без предварительных специальных изысканий, представляется задачей почти что непосильной. Тем не менее, все же необходимо остановиться на этом вопросе, так как иначе не может быть дано более или менее удовлетворительное объяснение назначения Гарнийского храма.

Изучение форм и декоровки Гарнийского храма в сопоставлении их с письменными источниками приводит к заключению, что храм был посвящен древнеармянскому богу Солнца — Арегу-Михру. Выяснение образа этого божества и места, занимаемого им в армянском пантеоне, возможно только после предварительного, хотя бы краткого, рассмотрения тех общих проблем, которые стоят перед исследователем религиозных верований древних армян, и критического обзора тех путей, которыми они разрешаются в основных трудах, посвященных этим вопросам.

Вопрос о религиозных верованиях армян до принятия ими христианства весьма важен для правильного понимания древней культуры Армении с ее эпосом и искусством, с ее идеологией, а также для распознавания корней тех пережиточных явлений, которые сохранились до недавнего времени в быту и в фольклоре современных армян.

Какими источниками располагает историк, приступая к изучению древних верований армянского народа?

Письменные источники. Наибольшее количество сведений о богах, их храмах и статуях сохранилось в „Истории“ Моисея Хоренского (V—VI в.) и у Агафангела, который, по преданию, являлся секретарем Трдата III, насадителя христианства в Армении. Разбросанные отдельные сведения имеются и в трудах

Фавста Бузанда (конец IV в.), а также у Елише, Лазаря Парбского и Езника — авторов конца V — начала VI в.

Моисей Хоренский сообщает имеющиеся у него сведения о древних божествах попутно, по ходу исторического рассказа, не вдаваясь в объяснения и толкования и черпая данные из того, что сохранилось в народной памяти и отразилось в эпических сказаниях, а также из „храмовых книг“, которыми он пользовался, и из тех западных и восточных авторов, которых он называет: Олимпий, Бардецан, Мар-Абас Катина. Связной картины всего древнего пантеона на основании его данных воссоздать нельзя, да Моисей Хоренский в своем рассказе к этому и не стремился.

Иначе обстоит дело с Агафангелом,¹ — согласно исторической традиции, свидетелем, а то и участником введения в Армению христианства. Его труд — история Трдата III — содержит, главным образом, рассказ о том, как Трдат-язычник обратился в ревностного христианина; эта тема дала ему повод сообщить нам очень интересные данные о культе некоторых богов, главным образом богини Анаит, о храмах и статуях богов, которые Трдат разрушал, о храмовых сокровищах, передаваемых христианским церквям, которые обычно сооружались на месте разрушенного языческого храма. Несмотря на ценность сведений, сохранных в труде Агафангела, они страдают односторонностью освещения, исходящего из христианского мировоззрения автора, и тоже не могут воссоздать картины армянского пантеона.

Как говорилось выше, остальные армянские историки V—VI вв. дают нам только отрывочные данные, причем некоторые из них (Елише, Лазарь Парбский и Езник) — с позиций христианских деятелей, интересующихся, в первую очередь, опровержением языческих догматов и противопоставлением им христианского учения.

Античные авторы сохранили нам тоже кое-какие разрозненные сведения о верованиях армян, главным образом Страбон, Плиний, Диодор, Плутарх и Кассий Дион. Следует отметить, что у перечисленных авторов упоминаются очень немногие божества древней Армении, и преимущественно Анаит, Арамазд и Михр. Интерес этих авторов сосредоточивается при этом на внешних культовых проявлениях этих верований — на вопросе о храмах, статуях и т. п.

Вторым видом источников является эпос, народные сказания, в которых сохранялись мифические образы, отголоски

¹ Этот древний текст, имеющийся в армянском подлиннике, был в древности же переведен на греческий язык и, быть может, его название „Агафангелос“ (‘благовестник’) позднейшей традицией было обращено в собственное имя автора.

древних верований и обрядов.¹ Уже в „Истории“ Моисея Хоренского, как указывалось, использованы отдельные эпические песни, как, например, сказание о рождении Вахагна. Народный эпос о Сасунских богатырях содержит много отголосков и перепевов древних сказов, главным образом о боге Мхере-Митре, в эпосе раздвоившемся на два образа — Мхера Старшего и его внука — Мхера Младшего (об этом ниже).

Древние обряды и обычаи, пережиточно бытовавшие еще недавно в некоторых районах Армении, также отражают древнейшие мифические представления, перевоплотившиеся в игровые песни, пляски, поговорки, смысл которых зачастую уже утрачен.

Что касается археологических данных, то до последнего времени мы для периода от II в. до н. э. и до III в. н. э. располагали только отдельными случайными данными и разрозненными находками, которые никакой связной картины дать не могут, но те отдельные крохи, которые удастся выявить археологу и историку, тем более ценны. Единственным пока археологическим объектом этого периода является крепость Гарни, с ее храмом, стенами, поселением, а также некрополем, к раскопкам и изучению которого приступлено в 1950 г.; первые находки уже обещают пролить некоторый свет на вопросы религиозных верований и культов.

Попытки дать связную картину языческих религиозных верований древней Армении делались еще в середине XIX в. профессором Лазаревского института Н. О. Эминым, французским ученым-арменистом В. Ланглуа и известным арменоведом, мхитаристом Л. Алишаном.

В книге В. Ланглуа,² вышедшей в 1859 г., посвященной нумизматике древней Армении, собраны имеющиеся в письменных источниках сведения о религии древних армян. На основании этих данных он армянскую языческую религию определяет как синкретизм зороастризма, греческого пантеона, скифских „суеврий“ и, наконец, местных божеств. В этом очерке и во всех последующих трудах мы встречаемся с одним и тем же явлением — с отнесением местного, армянского пантеона на последнее место в ряду тех слагаемых, общая сумма которых дает, якобы, картину религиозных представлений и культов древних армян. Объясняется это тем, что В. Ланглуа был сыном своего времени, и мираж „великих культур“ Средиземноморья и Передней

¹ M. A b e g h i a n. Der armenische Volksglaube. Leipzig, 1899.

² V. L a n g l o i s. Numismatique de l'Arménie. Paris, 1859, стр. III—XIII.

Азии определял его научное сознание. Будучи филологом, он сопоставлял сведения, сохранившиеся у различных авторов, и приходил иногда к интересным результатам, но обобщить их ему не удавалось. Так, например, собирая сведения об Арамазде, он нашел в греческом тексте Евсевия (IV в. н.э.) такое соответствие образу этого бога: *τὸν δὲ Βῆλον, ὃν Δία μετέφραζοντο* 'Бэл, что в переводе — Зевс', а в армянском переводе (V в.) этого текста Евсевия оказалось добавление: '... Бэл, которого греки Зевсом зовут, а армяне Арамаздом'.¹ Здесь мы имеем дело с ярким примером того, как греческие писатели и армянские переводчики пытались подогнать под образ античного и месопотамского пантеона древних местных богов Армении, однако к такому выводу В. Ланглуа не приходит и объясняет это явление „синкретизмом“.

Вышедший в 1864 г. труд Н. О. Эмина² является первым обобщающим трудом на эту тему. Полагая, что в основе религии древних армян лежал дуализм, Эмин рассматривает под этим углом зрения весь сонм богов, которым поклонялись в древней Армении, — и местных, и иранских, и вавилонских. Отдельные главы посвящены богам индийским, греческим и сирийским, а также дэвам и полубогам. Останавливается он и на вопросе об обрядах, храмах и др.

Для своего времени этот труд являлся большим вкладом — первым сводом сведений, сопровождаемым критикой трудов, написанных до него на эту тему, главным образом труда Инджиджяна³ и поэмы Арсена Багратуни.⁴ По словам Н. О. Эмина, они дают „о мифологии древних армян самое превратное понятие“, так как авторы пытались „в до-христианской Армении во что бы то ни стало видеть монотеизм или поклонение одному истинному богу, завещанное, по их мнению, древним их соотечественником Ноем и его непосредственным потомством, вышедшим из ковчега после потопа и поселившимся у подножья Арарата“.⁵

Новым для своего времени было в труде Н. О. Эмина и то, что он пользовался не только письменными источниками — армянскими и античными, — но и данными армянского языка и результатами, „до которых дошла европейская наука в своих изысканиях по части истории и археологии древнего Востока и преимущественно западной Азии“.⁶ В послесловии к книге он отмечает

¹ V. Langlois. Numismatique de l'Arménie, стр. IV.

² Н. О. Эмин. Очерк религии и верований языческих армян. М., 1864.

³ Л. Инджиджян, Археология, ч. III, Венеция, 1835, гл. XX. (На арм. яз.).

⁴ А. Багратуни. Хайк (эпическая поэма). Венеция, 1858. (На арм. яз.).

⁵ Н. О. Эмин, ук. соч., стр. 9—11.

⁶ Там же, стр. 12.

также значение клинообразных надписей Вана, в которых упоминается „имя какого-то армянского божества — «Haldia»“.¹

Работа Н. О. Эмина, конечно, устарела, но тем не менее она является первым сводом всех сведений, имевшихся в его время по вопросу о религии древних армян. Обращает на себя внимание его основная установка, а именно стремление выяснить в первую очередь вопрос, кого же из богов армянского пантеона можно считать богами местными, армянскими, но впоследствии по тем или иным причинам несколько отодвинутыми, — установка,² которой не всегда придерживаются даже современные ученые.

В 1895 г. вышел труд мхитариста Л. Алишана,³ который был с фактической стороны основательно использован Г. Гельцером, ярким представителем буржуазной науки, обслуживавшей в конце XIX в. интересы колониальной политики на Востоке, которого поэтому никак не могли удовлетворить некоторые установки Н. О. Эмина. Труд Г. Гельцера появился в 1896 г.⁴ Одно из первых его положений привлекает к себе внимание, а именно рассуждение о том, что „боги народа — это представители различных исторических фаз, через которые проходит самосознание народа“; однако этот тезис в труде его ни развития, ни подтверждения не нашел: никакие „исторические фазы“ в его работе не показаны, как не раскрыто в ней и развитие „самосознания народа“, отраженное в смене его религиозных представлений. Работа Гельцера на деле — типичное порождение буржуазной исторической науки, в предисловии к которому в качестве „одной из больших исторических истин“ сообщается, что якобы „национальная жизнь народа развивается в борьбе этнических противоречий“,⁵ — один из самых характерных „тезисов“ колониальной политики империализма.

Дважды на протяжении своей работы Гельцер по разным поводам говорит, что Армения в исторический период своей жизни „не знала культуры, так как не имела ни письма, ни литературы“⁶ (речь идет об Армении II—III вв.). Так как он в своем труде ссылается на армянских историков и античных авторов, то он не мог не знать, что армяне в этот период пользовались письмом арамейским и греческим, что во II в. Бардецан знакомился с архивами армянских царей в Ани-Камах, что Плутарх сообщает о лите-

¹ Там же, стр. 71.

² Там же стр. 13—14.

³ Л. Алишан. О древних верованиях армян. Венеция, 1895. (На арм. яз.).

⁴ H. Gelzer. Zur armenischen Götterlehre. Sitzungsber. d. Sächs. Ges. d. Wissensch., Bd. II—III, 1896.

⁵ Там же, стр. 99.

⁶ Там же, стр. 100, 147.

ратурных трудах Артавазда II, что в Арташате в I в. до н. э. ставили „Вакханок“ Еврипида. Все это в 1896 г. не только могло, но и должно было быть известно Г. Гельцеру, и, тем не менее, он счел нужным изобразить армян неразвитыми, некультурными — народом, который занимался только земледелием и садоводством и выменивал золотые украшения у азиатских купцов.

Соответственно такому своему воззрению на армян, Гельцер начинает рассмотрение армянского пантеона с главы „Иранское влияние“ и к этой группе относит все основные армянские божества; сирийскому и эллинскому воздействию тоже отведено по главе, а в раздел „Местные армянские божества“ попал один только бог Ванатур — якобы специфически национальный бог армян и самое высшее их божество.¹ Но божества Ванатура в армянском пантеоне не было; наименование Ванатур, т. е. „гостеприимец“, не что иное, как эпитет Аманора, божества первых плодов, праздник которого, как говорится у Агафангела, отмечался осенью.²

Совершенно непонятно, как мог Гельцер оставить в стороне Михра, Анаит и Вахагна, а случайно Агафангелом (и только им одним) упомянутого местного бога-гостеприимца Аманора, почитавшегося в IV в., объявить высшим национальным богом?³ Не исключена возможность, что и здесь мы имеем дело с тенденцией Гельцера представить идеологию армян ограниченной лишь узким кругом интересов садоводства и виноделия и этим иллюстрировать свое утверждение об отсутствии широкой культуры у армян.

На более высоком уровне написана работа московского ираниста Р. Р. Штакельберга,⁴ но в методологическом отношении она является шагом назад по сравнению с работой Н. О. Эмина. Дело в том, что, как показывает само заглавие статьи, она построена на совершенно неприемлемом тезисе, а именно, что основное ядро древнеармянской религии было иранским.⁵ Исходя из этого, автор шаг за шагом сопоставляет армянские и иранские образы, культы, обряды, чтобы притти к заключению, что самой характерной чертой религии армян было ее якобы иранское происхождение. Стоя на этой позиции, он и не ставит себе задачи выяснить

¹ H. Gelzer, ук. соч., стр. 132—133 и 147.

² Агафангел, § 150 (перевод: V. Langlois. Collection des historiens de l'Arménie, t. I. Paris, 1868).

³ H. Gelzer, ук. соч., стр. 147—148.

⁴ Р. Р. Штакельберг. Об иранском влиянии на религиозные верования древних армян. Тр. Вост. комисс. Моск. археолог. общ. (Древности восточные), т. II, вып. II, М., 1901.

⁵ Р. Р. Штакельберг, разумеется, применяет здесь термин „иранский“ в широком его значении, как „иранские языки“, а не в узком, подразумевая только Персию.

местное, армянское ядро, высвободить его из наслоений и оболочек, действительных или ему приписываемых. Так же, как у Гельцера, у него упоминается только бог Сманор (I), т. е. Аманор¹ Агафангела, и аралезы (крылатые псоголовые божества) признаются божествами армянскими.² Он не соглашается с Н. О. Эминым, который признает некоторую связь „религии языческих армян с зороастризмом, но заимствование армянских богов отрицает“.³ Эту правильную точку зрения Н. О. Эмина разделяет Н. Г. Адонц, отмечая, что армянские источники дают основание утверждать, что древним армянам был чужд культ древнеиранских богов, а известные были только иранские наименования.⁴

Из числа книг, вышедших в последнее десятилетие, в первую очередь должны быть названы труды Г. А. Капанцяна, а именно его большая работа „Культ Ара Прекрасного“,⁵ а затем „Хеттские боги у армян“,⁶ где он ставит вопрос о „генезисе армянского пантеона вообще“, и соответственные разделы в „Хайаса — колыбель армян (этногенез армян и их начальная история)“.⁷

Работа „Хеттские боги у армян“ шире, чем обещает ее заглавие, так как она состоит из двух основных разделов: „Хеттские боги у армян“ и „Иранские боги у армян“. Первый раздел, где „хеттским“ названо „то общее, что связано с древнейшим культурным миром Малой и отчасти Передней Азии“, представляет большой интерес: в нем впервые выявлены древние корни определенных религиозных верований армян, — корни, общие для них и для тех малоазиатских народов, с которыми они издревле были связаны. Этот раздел является большим вкладом в историю культуры древней Армении.

Второй раздел „Иранские боги у армян“ (Анаит, Нанэ, Арамазд, Михр, Три, Вахагн) вызывает некоторое недоумение: судя по его заглавию и по перечню богов, весь основной армянский пантеон, по примеру Р. Р. Штакельберга, признается как будто иранским. Но на деле основные армянские боги и в этой главе рассматриваются автором с точки зрения их местного происхождения, а кроме того, прослеживаются видоизменения, претерпеваемые ими в период, когда историческая обстановка сначала

¹ „Сманор“ вместо „Аманор“ у Р. Р. Штакельберга получилось потому, что в армянском алфавите прописная буква *Տ* весьма схожа с буквой *Ա*.

² Р. Р. Штакельберг, ук. соч., стр. 3.

³ Там же.

⁴ N. Adontz. *Histoire arménienne*, v. I. Paris, 1946, стр. 391.

⁵ Книга вышла в Ереване в 1945 г. на армянском языке.

⁶ Издание Ереванского Гос. унив., Ереван, 1940. (На русск. яз.).

⁷ Издание Акад. наук Арм. ССР, Ереван, 1947.

столкнула, а потом сблизила армянский народ с Ираном и его культурой и когда армянские боги, по функции сходные с теми или иными иранскими божествами, наделялись соответственно иранскими именами. Г. А. Капанцян дал этому разделу заглавие, не вполне соответствующее фактическому его содержанию. Правильнее было бы озаглавить его „Армянские боги, получившие иранские наименования“, и показать дополнительно, как местные армянские божества в определенной исторической обстановке и в соответственной социальной среде были сближены с богами иранскими, сохраняя при этом свое содержание и облик армянского божества; ведь „боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области“, как говорит Ф. Энгельс.¹

В труде „Хайаса — колыбель армян“ Г. А. Капанцян придерживается тех же положений, т. е. говорит о хеттских богах в Армении и об иранских богах, но при этом он вполне четко излагает свой основной тезис, когда говорит об иранских и семитических названиях богов, „хотя по содержанию под ними скрываются и бытуют древние местные божества и культы...“² (разрядка всюду моя, — К. Т.).

О том, что в процессе сложения армянской народности имели место скрецивание и ассимиляция племен, говорил еще в V в. Моисей Хоренский,³ когда ставил себе задачу написать историю „нашего народа, царей и нахарарских родов и семей, кто от кого [происходит], что каждый из них совершил, и кто из определенных родов [является] своим [букв. „домашним“, т. е. „местным“] и нашего племени, и кто из них пришельцы, освоившиеся [հայտնակալք, букв. „одомашнившиеся“] и ассимилировавшиеся [ձերբադրակալք, букв. „онашеплеменившиеся“, „осоплеменившиеся“] с нами“.⁴

Речь идет о периоде, когда складывалась армянская народность, когда с армянами ассимилировались и некоторые мидийские и персидские племена и когда армянский язык обогащался за счет лексики этих иранских племен. С. Т. Еремян, прослеживая пути сложения армянского языка, указывает, что, между прочим, „труднее всего выявить заимствованные слова с древнеперсидского и мидийского языков, так как значительная часть армяно-иранских языковых соответствий произошла за счет тех мидийских и отчасти персидских племен, которые ассимилировались с армянами, внеся

¹ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.

² Г. А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян, стр. 98.

³ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 3 (перевод И. А. Орбели).

⁴ Ср. также: Н. О. Эмин. История Армении Моисея Хоренского, стр. 221, примеч. 5.

свой вклад в словарный и грамматический фонд армянского языка. Это очень серьезная задача, которую должны решить арменоведы-лингвисты. В совершенно новом свете предстанут и «иранский» религиозный пантеон древних армян и многие подобные «иранские» факторы в области культуры и вообще надстроечных явлений¹.

После обзора основных трудов, посвященных древним верованиям и культам Армении, необходимо отметить, что общий сводный труд, посвященный истории религии древних армян, еще не написан. Нужен такой труд, в построении которого было бы учтено положение Ф. Энгельса: „Все религии древности были первобытными племенными, а позднее национальными религиями, которые выросли из общественных и политических условий каждого народа и тесно срослись с ними“².

Следует также отметить, что ни в одном из перечисленных трудов, посвященных религиозным верованиям древних армян, не сделана попытка разобраться в том большом количестве каких-то божеств, полубогов, дэвов и духов, имена которых до нас дошли, по сущности которых в большинстве случаев остается неизвестной. Получается впечатление, что все эти божества почитались одновременно всеми слоями общества, в одни и те же периоды и на одной и той же территории, чего на деле, конечно, не было и быть не могло.

В задачу настоящего очерка, как было указано, не входит рассмотрение религиозных верований древних армян в полном объеме, рассмотрен будет вкратце только вопрос о культуре бога Митры, поскольку этому божеству был, по всей видимости, посвящен храм в Гарни.

Г. А. Капанцян относит Митру к числу иранских богов и полагает, что он „вытеснил местного бога солнца Арди“³. Пояснение Г. А. Капанцяна, что в Армении под иранскими наименованиями богов „скрываются и бытуют местные божества“, несомненно, относится и к Митре.

Вопрос о происхождении бога Митры вообще более сложен, чем это может казаться при поверхностном с ним ознакомлении. Как известно, в ахеменидском Иране он упоминается впервые в надписи Артаксеркса II, высеченной около 400 г. до н. э. В „Гатах“ — древнейшей части Авесты — Митра вообще не упоминается, но „мидийский бог Митра“ был известен уже в VII в. до н. э., судя по наличию его в списке-перечне богов, найденном

¹ С. Т. Еремян. К вопросу об этногенезе армян, стр. 105.

² Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

³ Г. А. Капанцян, ук. соч., стр. 59.

в библиотеке Ашурбанипала.¹ Но еще раньше, в середине II тысячелетия до н. э., имя Митры упоминается в договорах между хеттским царем и страной Митанни,² из чего мы вправе заключить, что этот бог пользовался почитанием народов Переднего Востока уже с древнейших времен,³ что вполне естественно, принимая во внимание его солнечную животворную сущность. В некоторые периоды и у некоторых народов он менял свое имя, свой культовый облик, поэтому нет никаких оснований называть его специфически иранским богом.

Имя „Митра“ в основном сопутствует солнечному божеству у народов Малой Азии и Месопотамии⁴ (вопрос о Митре в Индии и Средней Азии я оставляю в стороне как выходящий за рамки этого краткого очерка).

В многочисленном пантеоне урартских богов имени Митры мы не находим, бог Солнца носит тут имя Арди. В армянской среде это имя (в форме Миhr или Mehr)⁵ солнечному богу было присвоено позднее, вероятно после того как в начале IV в. до н. э. он начал пользоваться официальным культом в Иране, с которым Армения в этот период была связана и политически и культурно.

На территории Армении самое раннее упоминание имени Митры встречается в греческой надписи II в. до н. э. в Армавире (стр. 134 и сл.); А. И. Болтунова и Я. А. Манандян принимают его за имя армянского царя, но приходят к такому заключению, принимая во внимание фрагментарность надписи и неясность ее содержания, едва ли возможно. Если бы названные исследователи были правы, то перед нами был бы единственный в истории Армении случай, когда царь носил бы просто имя бога, — своего бога-покровителя. Но самый факт наличия имени Митры (в форме Μίθρας) в Армавирской надписи II в. до н. э. является подтверждением того, что не позже II в. до н. э. и, как говорилось выше, не ранее IV в. до н. э. древнему местному богу Арди-Арегу было присвоено наименование Митра-Миhr.

¹ N. S. Nyberg. Religion der alten Iranier. Leipzig, 1938, стр. 334.

² В. Hrozny. Histoire de l'Asie antérieure. Paris, 1947. — P. E. Dumont, Journ. Amer. Orient. Soc., № 67, 1947, стр. 251.

³ В. В. Струве мне указал, что имя некоего сирийца Mtršme, упомянутое в египетском тексте, вероятно XIX династии, надлежит истолковывать как „Митра услышал“, что свидетельствует о почитании Митры в XIV в. до н. э. и в среде семитоязычной народности (M. Burchardt. Die altkanaanäischen Fremdwörter u. Eigennamen im Aegyptischen. 1909, ч. II, стр. 29, № 544).

⁴ О культе Митры в Малой Азии и Месопотамии см.: E. Wüst. Mithra, RWK, а также Fr. Cumont, ук. соч., т. I, стр 9; т. II, стр. 76 сл. и 464 сл.

⁵ Г. А. Капандян. Хеттские боги у армян, стр. 59: „Mihr, полученное из древнего Mīdra“.

Основные данные, которые позволяют говорить об особом почете, которым пользовался бог Солнца у армян, имеются у Моисея Хоренского. Полумифический царь Валаршак, говорится у него, „строит в Армавире храм, в котором ставит статуи Солнца и Луны и своих предков...“.¹ В этом тексте обращает на себя внимание то обстоятельство, что историк, говоря о культе бога Солнца в отдаленные времена, не называет его Митрой, а применяет одно из местных его наименований — Арегакн. Этим статуям Солнца и Луны суждено было неоднократно перемещение.

Моисей Хоренский рассказывает далее, как царь Ерванд, переместив свою столицу в новый город Ервандашат, „на север от него построил небольшой городок, наподобие своего города на реке Ахуреане, назвав его Багараном, что значит «в нем поставлены жертвенники», и перенес туда всех кумиров, бывших в Армавире. И построил храмы, поставил он брата своего Ерваза главным жрецом“.²

В этом рассказе внимание останавливается на названии нового города — Багаран, которое в тексте Хоренского истолковано так: „в нем соорудил жертвенники“ (по-армянски жертвенник *բազմիկ* „багин“).

Заключенный в нем корень „баг“, по мнению некоторых исследователей, является одним из древнейших иранских наименований бога Митры;³ но может быть, и в те времена слово это уже являлось обозначением понятия „бог“ вообще: Bagastana — в Персии, Bagadania — в Каппадокии, Bagaios — во Фригии и др.,⁴ которые являются соответствиями армянскому Багаран.

Когда в Армении в начале II в. до н. э. воцарился Арташес I и построил себе новую столицу Арташат, то, по словам Моисея Хоренского, он „сооружает в нем храм и из Багарана переносит туда изображение Артемиды и всех богов своих предков, но изображение Аполлона ставит за городом около (большой) дороги“.⁵ В этом сообщении историка говорится о статуях тех же двух божеств, о которых он упоминал в связи с храмом в Армавире, а именно Солнца и Луны, но знаменательно, что говоря о II в. до н. э., он уже не называет их старыми армянскими именами (Арегакн и Лусин), а учитывая, видимо, знакомство армян в этот период с эллинской культурой или следуя своему

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 8.

² Там же, гл. 40.

³ H. S. Nyberg, ук. соч., стр. 353.

⁴ См. „baga“ — РВК.

⁵ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 49. (О храме Аполлона за городом см. стр. 57). У Эмина здесь неправильно переведено — „поодаль“.

первоисточнику, прилагает к ним античные имена — Аполлон и Артемиды.

Как известно, уже во времена Еврипида начали отождествлять Аполлона с богом Солнца Гелиосом, а затем Аполлона-Гелиоса начинают отождествлять и с Митрой, о чем свидетельствуют греческие надписи Антиоха Коммагенского, род которого, между прочим, производил себя от Ервандуни. Гробница этого царя на холме Немруд-даг (табл. 65)¹ украшена грандиозными статуями Арамазда-Зевса, Аполлона-Митры-Гелиоса-Гермеса (как сказано в надписи), самого царя Антиоха и Коммагены — богини страны. Кроме того, имеются еще три рельефа, на которых царь изобразил себя — в одном случае с Арамаздом-Зевсом, в другом — с Веретрагной-Гераклом, в третьем — с Митрой-Гелиосом. Особый интерес представляет рельеф (табл. 66), где Антиох изображен с Митрой;² на тыльной стороне этого рельефа высечена надпись:³

Βασιλεὺς μέγας Ἀντίοχος
θεὸς δίκαιος ἐπιφανής
φιλορώμαιος καὶ φιλέλληνας
ὁ ἐγ βασιλέως Μιθραδάτου
καλλινίκου καὶ βασιλίσσης
Λαοδίκης Θεᾶς Φιλαδέλφης
Ἀπόλλωνα Μίθρην Ἥλιον
Ἐρμῆν

Царь великий Антиох, бог, справедливый, прославленный, друг римлян и друг эллинов [из рода] царя Митрадата Каллиника и царицы Лаодики, богини братолюбивой, [почитает, или: статуи поставил] Аполлона-Митру-Гелиоса-Гермеса⁴.

Бог Митра в этой надписи, как и в двух аналогичных надписях, высеченных на упомянутых статуях, носит также имена Аполлона и Гелиоса, что ярко иллюстрирует культуру народов Малой Азии и смежных стран в этот период, когда попытка примирить религию Востока и Запада выработывала эти синкретические образы.

На рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. Страбон, говоря о культе бога Солнца у персов, поясняет: 'Ἥλιον δὲ καλοῦσι Μίθραν'⁴ Гелиос, которого зовут Митрой'. Посвятительные надписи, находимые в митрейонах, сопоставленные в труде Кюмона, обычно гласят: 'Ἥλιω Μίθρᾳ ἀνίκητῳ' Гелиосу-Митре непобедимому.⁵

¹ K. Humann und O. Puchstein. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890, стр. 281 и сл.

² Там же, табл. XXXVIII, 2.

³ Там же, стр. 321.

⁴ Страбон, кн. XV, гл. 3, 13.

⁵ Fr. Cumont, ук. соч., т. II, стр. 106, № 75 и стр. 119, № 149.

В конце II в. н. э. у Климента Римского в одном из текстов говорится об именах, которыми язычники наделяют своих богов, и между ними он называет также Ἀπόλλωνος τοῦ ἡλίου... γονύωντα τοῦ Διός, ὃν καὶ Μίθραν ἐκάλεσαν..., то есть Аполлона-Гелиоса... происходящего от Зевса, которого и Митрой называли....¹

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что образ Митры, слитый уже в I в. до н. э., судя по надписям Антиоха Коммагенского, с богом Гелиосом-Аполлоном, и во II в. н. э. продолжал еще восприниматься под этим тройственным наименованием.² Но из этого не следует, что Митра был поглощен Гелиосом-Аполлоном, что он потерял свое значение одного из верховных армянских божеств: „Национальные боги могли терпеть других национальных богов рядом с собою, — и в древности это было общим правилом, — но отнюдь не над собой“, указывает Ф. Энгельс.³

О культе Митра говорится у Агафангела в его повествовании о том, как Григорий Просветитель в конце III в., насаждая христианство, разрушал храмы и статуи древних армянских богов, главным образом Арамазда, Анаит и Митра.

О храме этого последнего и других перечисленных богов Агафангел (в армянском тексте своего сочинения) рассказывает, как Григорий Просветитель направился „к храму Митра, которого называют сыном Арамазда, в городе Багарич, на языке парфян, и разрушил его до основания. Сокровища его роздал бедным, а земли посвятил церкви“.⁴

Из этого рассказа явствует, что Митр почитался сыном Арамазда. На имени и происхождении Арамазда в данном очерке нет оснований останавливаться, хочется только отметить, что в образе и этого бога под иранским наименованием „скрывался и бытовал“ древний местный бог, именуемый у Евсевия (в греческом тексте и в армянском его переводе V в.) Бэллом-Арамаздом-Зевсом (стр. 80), на территории Армении, в конечном счете, восходящий, быть может, к древнему Хайку.

Возвращаясь к тексту Агафангела, следует отметить второе существенное указание, а именно название города, в котором находился храм Митра, — Багарич (содержащее в себе все тот же

¹ Fr. Cumont, ук. соч., т. II, стр. 9 (Homilia, VI, 9—10).

² Ср.: F. Saxl. Mithras, стр. 77—78.

³ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

⁴ Агафангел, § 134 (V. Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. I. Paris, 1868).

термин „бага“),¹ названный у Агафангела парфянским словом. В греческом тексте Агафангела вместо Митры в этом месте назван „Гефест, сын Зевса“. Появление имени Гефеста, одного из греческих богов, объясняется, вероятно, тем, что автор перевода знал о многоименности Митры и об отождествлении его с Гелиосом-Аполлоном-Гермесом и так как он писал или переводил текст с армянского на греческий язык, то счел, очевидно, нужным восточное имя бога заменить греческим. Видимо, здесь мы имеем дело с повторением того же явления, которое отмечено в греческой надписи Трдата I, найденной в Гарни, где в начале надписи имя Митры заменено именем Гелиоса (стр. 206).

Но не исключена возможность и другого объяснения, а именно, что в Багариче образ Митры был, действительно, слит с образом бога-кузнеца Гефеста, тоже связанного с огнем. Дело в том, что не только у греческого переводчика Агафангела мы встречаемся с упоминанием Гефеста, о нем говорит и Моисей Хоренский, который называет Гефеста, рассказывая о деяниях Тиграна II, по его словам, поставившего статую Гефеста в Багариче.² Если в данном случае не имеет места факт заимствования одним автором у другого, то, может быть, у Моисея Хоренского речь идет о той статуе, которая при распространении христианства была уничтожена вместе с храмом.

Переходя к вопросу о храмах Митры (подробно о них говорилось в главе о Гарнийском храме, стр. 66 и сл.), следует указать, что храмы этого бога на Востоке, в частности в Армении, существенно отличались от храмов-крипт, так называемых митрейонов, в Риме и в западных римских провинциях. Объясняется это тем, что митраизм на Западе был явлением чужеродным, занесенным извне возвращавшимися с Востока римскими солдатами, и поэтому культ его не мог в чужой стране проявлять в архитектуре и обрядности местные, освященные традицией особенности, как это имело место в странах Востока. С этой точки зрения, западные митрейоны и восточные храмы Митры еще не изучены. Можно говорить только о том, что и на Востоке храмы Митры отличались друг от друга некоторыми специфическими особенностями, в зависимости от той исторической обстановки, в которой они возникали, от местных строительных традиций того или иного народа. Яркой иллюстрацией этому являются храмы Митры в Дура-Европос (Месопотамия) и в Ниха (Сирия).

¹ О почитании бога солнца Михра „в местечке Бага-арич (дословно 'бого-поселок') в области Держан (нын. Мамахатун) на реке Евфрат“; ср.: Г. А. Каланджян. Хайаса — колыбель армян, стр. 86.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 14.

Храм в Дура-Европос более близок к западным митрейонам, но все же и он отличается от них тем, что был храмом наземным (без крипты) и что архитектура его культовой ниши имела несколько иной вид (ведущая к нише лестница и дверь, отделяющая нишу с рельефом от общего зала).¹ Стоявшие в Дура-Европос римские легионы (IV Скифский, XVI Флавия, III Киренаикский и др.), восстанавливавшие храм и оставившие свои надписи как в самом митрейоне,² так и на других зданиях, и являлись участниками занесения митраизма на Запад, где эта „солдатская религия“ быстро пустила корни, но где внешнее оформление культа, ввиду его занесенности извне, приняло те стандартные формы, которые наблюдаются в митрейонах на территории Германии, Италии, Франции, Англии, Швейцарии и т. д.

Храмы Митры на Западе были не только качественно отличны от роскошных храмов в Гарни, Ниха и Пергэ,³ построенных различными царями Армении, Сирии и Малой Азии, — они отличались от них также своим социальным содержанием, своим классовым назначением. Каменные храмы с колоннадами и скульптурной декорровкой воздвигались царем и его окружением и обслуживали его и его двор, а рядовые митрейоны на Западе сооружались из необожженного кирпича и обслуживали как широкие слои населения, так и римских легионеров. Идеологическое содержание, которое вкладывалось теми и другими в культ Митры, тоже не совпадало.

Возвращаясь к культуре Митры в Армении, следует указать, что имеются основания предполагать, что в Гарни издревле имелся храм, посвященный богу Солнца (сначала — Арди, затем — Арегакну и наконец — Михру), и что Трдат I, по возвращении из Рима, заново построил здесь разрушенный во время корбулоновского нашествия храм (стр. 204 и сл.).⁴ Едва ли мы ошибемся, высказав предположение, что первый, как и трдатовский храм, в своих основных формах был связан с местными строительными традициями.

Переходя к вопросу об изображении бога Михра, мы можем высказывать только те или иные предположения, так как ни одна армянская статуя бога Михра до нас не дошла, но надо надеяться, что археологические раскопки подтвердят сказанное Моисеем Хоренским, Агафангелом, Плинием и другими.

¹ Excavations at Dura-Europos, Report of 1933—1935, стр. 85.

² Там же, Report of 1932—1933, стр. 77—78, № 630.

³ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. I, стр. 58, рис. 39 и стр. 65, рис. 48.

⁴ А. А. Саинян. Казахская базилика. Ереван, 1951, стр. 20—21.

Судя по найденным в западных митрейонах статуям и по тем фигурам, которые изображены на рельефах с быком, нам известно, что основными „спутниками“ или помощниками Митры были полубожество типа античного титана Атланта, а кроме того, полиморфное существо, определяемое как Зрван,¹ (т. е. Время — титан Кронос).

„Атлант“ на рельефах Митры с быком изображен обычно слева внизу в виде фигуры, опустившейся на одно колено и обеими поднятыми руками поддерживающей какую-то тяжесть над головой (табл. 59—61). Такие же атланты изображены и на рельефах, украшающих пилоны Гарнийского храма (табл. 47), как об этом подробно говорится в соответственной главе (стр. 48 и 64). Какую роль играл этот Атлант в местной, армянской мифологии и какое он носил здесь имя — мы, к сожалению, выяснить не можем, так как для этого у нас пока нет никаких данных. То же самое приходится говорить и о Зрване, статуи которого обнаружены во многих митрейонах Запада: это старик с львиной головой и четырьмя крыльями, тело которого обвивает змея.² Статуи его обнаружены только в западных митрейонах, но живописное его изображение в виде старца с посохом имелось в храме Митры в Дура-Европос.³ Существовала ли и в армянской мифологии какая-то связь между Михром и Зрваном, который упоминается у Моисея Хоренского и у Езника, — мы не знаем (в античной мифологии Атлант и Кронос — братья).

В данном очерке я не буду останавливаться на интереснейших историко-культурных вопросах о связях митраизма с манихейством, а также с христианством, укажу только на одну деталь — на приведенные у Елише слова христианских епископов, которым, оказывается, еще в V в. приходилось оспаривать всемогущество Михра и которые выражали сомнение в том, что этот бог, рожденный земной женщиной, является, тем не менее, царем и сыном бога.⁴ Сходные черты Михра и Христа облегчали, быть может, переход от культа Митры к культу Христа, когда насадители новой религии на первых порах выискивали в древних местных культах выгодные для их пропаганды элементы.

Но и после установления христианства в Армении Михр армянским народом забыт не был, а продолжал жить в народном эпосе,

¹ Fr. Cumont, ук. соч., т. II, стр. 259, рис. 96. — К. В. Тревер. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма. Тр. Отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. I, 1939, стр. 244 и сл., табл. III—IV.

² Fr. Cumont, ук. соч., т. II, стр. 259, рис. 96 и др.

³ Mesnil du Buisson, Gaz. des Beaux-Arts, Janvier 1935, стр. 12, рис. 12.

⁴ Елише, гл. II.

раздвоившись, как уже указывалось, на два образа — образ Мхера Старшего и Мхера Младшего.¹ Само имя Мхер — Mher вскрывает сущность этого мифического богатыря, восходящую к образу бога Мхера, изгнанного к этому времени из своих храмов христианством. Связь в эпосе Мхера с Михром-Митрой подтверждается двумя деталями. На всех рельефах Митры и в митраических гимнах изображается борьба Митры-Солнца с мракком в образе быка, а в эпосе, как известно, Мхер Старший убивает черного быка, связанного со злыми дэвами. Некоторые обряды, связанные с культом Митры, первоначально должны были совершаться в пещере, гроте или в крипте, темном помещении под полом храма, а в эпосе, как известно, Мхер Младший уходит в скалу и пребывает в пещере.

К имени Мхера восходит само название „храм“ в армянском языке, где оно звучит как *մեհեան* „меһеан“;² именем Мхера в древнем армянском календаре назван один из месяцев *մեհեկան* — „меһекан“ (в древнегрузинском календаре ему соответствует *მეხანის* — „миһ-ракан-и“) и один из дней месяца *միր* — „миһр“; именем Мхера скреплялись клятвенные договоры. Отражением его культа является также квадрига, на которой бог Солнца объезжает небосвод, изображенная на монетах Артавазда II,³ а также изображение коня (по Ксенофону, посвященного богу Солнца)⁴ на монетах Тиграна IV в конце I в. до н. э.⁵ Особенно явно связь с культом Мхера запечатлена на монетах Тиграна II, тиара которого украшена символами бога Солнца — розеткой и двумя орлами по сторонам ее,⁶ как и на рельефе в Хатра (северная Месопотамия, I—II вв.), на котором изображена лучистая голова бога Солнца и орлы — символы неба по сторонам его (табл. 58,2).⁷

Такое объяснение, мне кажется, возможно, совершенно независимо от различных необоснованных семантических сопоставлений, которые имеются в некоторых моих прежних работах, в которых я пыталась на основе „стадиальной семантики“ Н. Я. Марра выяснить смысловое значение того или иного сказочного или

¹ И. А. Орбели. Давид Сасунский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939. Предисловие, стр. XXIII—XXIV. — К. Мелик-Оганджян. Митра — Мхер в Сасунском эпосе. Лит.-филолог. иссл., изд. Инст. литер. Акад. наук Арм. ССР, т. I, 1946, стр. 269 и сл.

² Г. А. Кананцян. Хеттские боги у армян, стр. 60.

³ V. Langlois. Numismatique de l'Arménie dans l'antiquité. Paris, 1859, табл. III, 1.

⁴ Ксенофонт, Анабасис, кн. IV, гл. 5.

⁵ E. Babelon. Rois de la Syrie, d'Arménie et de Commagène. Paris, 1890, табл. XXIX, 20.

⁶ Там же, табл. XXIX, 8—9, 15.

⁷ W. Andrae. Hatra. Leipzig. 1908, Bd. I, табл. XI; стр. 20, рис. 32.

мифического образа. Работа И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, вскрывшая глубокую ошибочность „нового учения о языке“, привела меня к осознанию того, что семантические пучки Н. Я. Марра, оторванные в каждом данном случае от конкретной действительности, способны только увести от возможности познания и объяснения того или иного образа в памятниках искусства, того или иного термина или названия, сохраненного народной памятью в устных преданиях. Применяя „стадиальную семантику“, я упускала из виду, что наличие семантической связи не означает совпадения понятий, что на основании „палеонтологии речи“ мною сопоставлялись разновременные явления вне их исторической обстановки.

Возвращаюсь к вопросу о культе Михра в Армении.

Армянские цари, как видно из приведенных примеров, подчеркивали свою связь с Михром и почитали именно его своим богом-покровителем, как об этом можно судить и по упомянутому выше рассказу Кассия Диона о встрече Трдата с Нероном, когда армянский царь произнес следующие слова: „Я явился к тебе, моему богу, поклониться тебе, как Митре“.¹ Устами армянского царя здесь названо имя его бога. Вполне естественным кажется поэтому предположение, что Трдат, как выше уже говорилось, вернувшись на родину, воздвигает в своей резиденции, Гарни, храм не какому-либо иному, а своему богу-покровителю, Михру.

Что касается пережиточных следов культа Михра в армянском эпосе „Давид Сасунский“, то этому вопросу посвящена статья К. Мелик-Оганджяна,² им выявлены в эпосе следы спутников Солнца, утренней и вечерней зари и следы Михра в образах Мхера-Старшего и Мхера-Младшего, на которые разделился в сказаниях единый некогда образ солнечного бога.

Статуи Арегакна-Аполлона-Михра, о которых говорится у Моисея Хоренского и Агафангела, были, видимо, полностью уничтожены при введении христианства, так что до нас ни одна из них не дошла ни в целом, ни во фрагментарном виде.

Не знаем мы также, стояли ли статуи Михра в Армении только внутри храмов, или же они ставились и под открытым небом, на возвышенности, как в Понте (на скале около Трапезунта)³ или в Коммагене (Немруд-даг), где и на западной и на восточной террасах имелось по статуе восседающего Митры;⁴ фигура бога выполнена суммарно, но голова юного бога в остроконечной шапке отличается тонкостью моделировки (табл. 67).

¹ Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.

² К. Мелик-Оганджян, ук. соч., стр. 269—327.

³ Fr. Simonl, ук. соч., т. II, стр. 55.

⁴ K. Humann und O. Puchstein. ук. соч., т. II, табл. XXXVI и сл.

Два интересных в данной связи упоминания Митры имеются в диалогах Лукиана, греческого писателя-сатирика I в. н. э., этого „Вольтера классической древности, который относился ко всем видам религиозных суеверий одинаково скептически“, как его охарактеризовал Ф. Энгельс.¹ В диалоге „Зевс Трагический“ рассказывается, что когда Зевс приказал Гермесу разместить собравшихся богов по „их богатству, а не по знатности происхождения“, то оказалось, что на первые места могут рассчитывать только „варварские боги“, сделанные из золота, тогда как эллинские боги из мрамора, бронзы, слоновой кости и дерева попадали в задние ряды. Гермес возмутился: „Вот эта Бендида, Анубис и Аттис, и рядом с ними Митра и Мэн сделаны целиком из золота, они тяжелы и действительно представляют ценность“.²

Рассказы Плиния, Агафангела и других о „золотых статуях“ армянских богов обычно принято считать легендой, но текст Лукиана подтверждает, повидимому, и объясняет отчасти, почему до нас эти статуи не могли дойти.

Еще больший интерес представляет отрывок из другого диалога Лукиана „Собрание богов“ (§ 9), где говорится о заполнении Олимпа чужеземными богами варваров, среди которых назван и „Митра в персидской одежде и с тиарой, даже не говорящий по-гречески, не понимающий, когда пьют за его здоровье“. Эти слова являются своего рода иллюстрацией к тому рельефу на Немруд-даге, где рядом с царем изображен юный Митра — именно „в персидской одежде и в тиаре“, то есть совершенно иначе, чем на рельефах с быком.

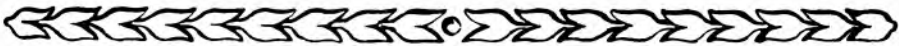

¹ Ф. Энгельс. К истории раннего христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 411.

² Лукиан. Зевс Трагический, 8.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ

В настоящем разделе собраны эпиграфические памятники древней Армении. Они связаны с историческими событиями и культурой Армении в период от II в. до н. э. и до IV в. н. э., т. е. с временем Арташесидов и Аршакидов, — временем наибольшего развития, а затем упадка рабовладельческих отношений и начала феодализации.

От этого периода до нас дошло очень небольшое количество надписей, но из этого не следует, что в Армении этого времени их вообще было мало по сравнению с обилием эпиграфических памятников, выявленных в эллинистических городах Малой Азии и Сирии. Дело в том, что все надписи, найденные в Армении, обнаружены совершенно случайно; ни одна из них не найдена в результате археологических раскопок по той причине, что раскопки городов этого времени в Армении еще не производились.

Мы имеем все основания предполагать, что предстоящие раскопки городов, крепостей и поселений этого времени выявят столь же большое, если не большее количество надписей, какое до нас дошло от урартского периода.

Так как армяне до конца IV в. н. э. не имели своего алфавита, им приходилось пользоваться чужим письмом, алфавитами соседних народов, с которыми они были политически или культурно связаны. Таким чужим письмом, бывшим в употреблении у армян, являлось сначала письмо арамейское, а затем и греческое и парфянское, т. е. примененное к парфянскому пехлевийскому языку то же арамейское письмо. На почве этого арамейского письма в значительной мере сложилось и письмо армянское.

Это же самое явление наблюдается и в истории культуры соседней Грузии, где древние иберы тоже пользовались языком и

письмом арамейским,¹ греческим² и парфянским;³ дошла до нас также одна двуязычная греко-арамейская надпись, найденная в Грузии.⁴

Пользование греческим и арамейским письмом, за неимением собственного, отмечается в странах Передней Азии и на Балканском полуострове уже в V в. до н. э., например во фракийской надписи, вырезанной греческими буквами на щитке золотого перстня V в. до н. э., найденного в погребении в Езерово в южной Болгарии.⁵ Известен случай, когда на глиняной табличке I в. до н. э. начертан был текст на аккадском языке (молитва богу Набу), но греческим письмом, по характеру близким к греческому письму вавилонских табличек и к первому Авроманскому пергаменту.⁶ В Дура-Европос на стене пронаоса храма Бэла сохранилась надпись, где семитический текст передан греческими буквами.⁷

От древнего периода Армении до нас дошли три надписи арамейским письмом, двенадцать греческих, а кроме того, пять латинских надписей. Армяне пользовались языком и письмом греческим, римляне же в период оккупации ими той или иной армянской территории высекали надписи латинские, — явление, имевшее место и в Пальмире, где местное население пользовалось кроме арамейско-пальмирского и греческим языком, тогда как латинские надписи высекались римлянами. Нечто сходное было, повидимому, и в Галлии. Т. Моммсен обратил внимание на то, что

¹ Надпись, найденная в Армази в 1940 г. в могильнике № 4 (Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхете. ВДИ, 1948, № 2, стр. 52 и сл.) и надпись на серебряной чаше, найденной в 1902 г. в Бори (А. Я. Борисов. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). Сообщ. Гос. Эрм., IV, 1947, стр. 8—11. — Г. В. Церетели, ук. соч.).

² Надпись архитектора IV в. Ахолиса, найденная в 1938 г. в Самтавро (С. Г. Каухчишвили. Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро. Сообщ. Акад. наук Груз. ССР, т. IV, № 6, 1943, стр. 583 и сл.) и надписи на серебряной чаше и на резных камнях II—III вв., найденных в Армази (С. Г. Каухчишвили. Новые греческие надписи из Армази. Сообщ. Акад. наук Груз. ССР, т. II, № 1—2, 1941, стр. 169 и сл.). — Т. С. Каухчишвили. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951.

³ Надпись на серебряной чаше, найденной в 1940 г. в Армази (Г. В. Церетели, ук. соч., стр. 55—56).

⁴ Надпись Серапиты I—II вв.: Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941. — Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхете, стр. 50 и сл. — Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр. 250 и сл. — Двуязычная греко-арамейская надпись была обнаружена, между прочим, в 1900 г. на территории Малой Азии; о ней см.: А. Я. Борисов. Надпись Артаксия (Арташеса), даря Армении. ВДИ, 1946, № 2, стр. 99).

⁵ Cambridge ancient history, VIII, стр. 554; атлас — т. III, 1930, стр. 62—63. — Перстень хранится в Национальном музее Софии.

⁶ W. G. Shileico. Ein babylonischer Weihetext in griechischer Schrift. Arch. f. Orientforsch., Bd. V, № 1, Berlin, 1928, стр. 11—12.

⁷ Fr. Cumont. Fouilles de Doura-Europos. Paris, 1926, стр. 367, № 11.

в южной Галлии надписи на кельтском языке передаются с помощью греческого алфавита, в северной же Галлии кельтские тексты высечены латинскими буквами.¹ Объяснения этому явлению Т. Моммсен не предлагает, но изучение этих кельтских надписей, вероятно, приведет к аналогичному объяснению.

Своеобразную надпись этого типа видел в 1849 г. Ф. С. Байерн „около казначьего поста“ в Келасури (Абхазия). Это была надпись на греческом языке, высеченная латинскими буквами.²

Что касается древней Армении, то, по словам Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), подложное письмо, полученное Евменом (конец IV в. до н. э.) якобы от сатрапа Армении Оронта (Ерванда), было написано сирийскими, т. е. арамейскими буквами (συρίαις γεγραμμένην γράμμασιν).³ На каком оно было написано языке — не сказано, но указание на применение „сирийских письмен“ может говорить об обычае пользоваться этим алфавитом в соответственной армянской среде конца IV в. до н. э.

Моисей Хоренский сообщает, что Мар Абас Катина в архиве Ниневии нашел книгу на греческом языке, заключавшую в себе „подлинные стародавние рассказы древних и предков“, и извлекает из нее историю армянского народа, написанную греческими и сирийскими (т. е. арамейскими) письменами, и приносит ее в Мцбин (Нисибин) к царю Валаршаку.⁴

С III в. до н. э. армяне, повидимому, начинают пользоваться также греческим языком и письмом наравне с арамейским. В труде Анонима, может быть, древнейшем дошедшем до нас отрывке истории Армении на армянском языке, упоминается, что в развалинах дворца царя Санатрука (I в. н. э.) в Мцбине (Нисибин) была найдена надпись, „начертанная на камне греческими буквами“.⁵

О применении „эллинических букв“ для начертания надписи на армянском языке говорится у Моисея Хоренского в рассказе о построении Трдатом III дворца в Гарни, где он „начертал память о себе эллиническими буквами“.⁶

У того же Моисея Хоренского имеется еще одно очень важное указание, освещающее вопрос о письме в древней Армении, а именно его слова о письме персов и греков, которое применялось в „бесчисленных сборниках сказаний, тяжб и договоров между

¹ Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1885, стр. 91 (надпись в Ниме-Немаусе, ср: Corpus inscriptionum latinarum, t. XI, стр. 383, примеч. 2).

² Ф. С. Байерн, Протоколы Археологического съезда в Тифлисе (Протоколы Подготовительного комитета), М., 1879, стр. 104.

³ Диодор Сицилийский, кн. XIX, гл. 23.

⁴ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 9.

⁵ Себеос, гл. I.

⁶ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90 (см. стр. 211).

деревнями, областями и отдельными семействами и, в особенности, о наследовании земельной собственности между владетельными родами“.¹

Вполне возможно, что юридические документы могли составляться и на греческом языке должностными лицами (владевшими греческим письмом и языком), тогда как скреплявшие их или прилагавшие свои печати лица могли греческого языка и не знать. Как известно, среди найденных в Авромане (Персидский Курдистан) трех документов на пергаменте два написаны на греческом языке, а третий — на арамейском;² в обоих греческих документах (88 г. до н. э. и 22/21 г. до н. э.) речь идет о купле-продаже небольшого участка-виноградника в селении Копанис. Продавец и покупатель, а также свидетели — повидимому, местные общинники — носят местные имена и едва ли владели греческим языком.

Но не исключена возможность и того, что греческое или арамейское письмо могло применяться для передачи армянского текста. Слова Моисея Хоренского об употреблении „письма персов и греков“ во всяком случае не дают основания для предположения, что „бесчисленные сборники армянских сказаний“ были написаны на греческом языке: Моисей Хоренский говорит явно о греческом и парфянском письме, с помощью которого записывались армянские сказания.

У нас нет никаких данных, которые позволили бы утверждать, что греческий язык в Армении имел широкое распространение; им пользовалась, вероятно, только знать,³ и то наиболее приближенная ко двору (стр. 14—15), а также жрецы, судя по применению в храмовом прорицалище в Армавире отрывков из греческих литературных произведений (стр. 105 и сл.).

Получил ли распространение в Армении, и в каких размерах, выработавшийся в эллинистический период „общегреческий язык“ — *κοινή*, мы не знаем.

Характерное для него смешение *ι* с *ε* и *η*, *οι* с *ου* (вызванное превращением дифтонгов в монофтонги), а также *η* с *ι* и *ε* (иотацизмы), наблюдается в некоторых найденных в Армении надписях. Имею в виду такие случаи, как *αικτισε* (вместо *εκτισε*) и *αιτους* (вместо *ετους*) в Гарнийской надписи (стр. 178 и 181), *ταισι* (вместо *τισει*) и *ειλεω* (вместо *ιλεω*) в надписи из района Малатии (стр. 246), *ταλις αιζιεις* (вместо *αζιεις*, в дательном падеже) в надписи хилиарха Валента (стр. 257 и сл.) и, наконец, *Μεριδάτι* (вместо *Μεριδάτη*) в надписи царя Пакора (стр. 238 и сл.).

¹ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 3.

² И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. Материалы ЮТАКЭ, вып. 2, М. — Л., 1951, стр. 23 и 60 (где см. литературу по вопросу).

Характерное для *κοινή* явление — употребление вместо *ἐν* с дательным падежом предлога *εἰς* с винительным — имеет место в Апаранской надписи (стр. 276 и сл.), а также в надписи Тигра-накертской (стр. 284).

Судя по тем данным, которые имеются в трудах армянских историков V в., излагающих события и обстоятельства, связанные с созданием армянского алфавита, можно заключить, что греческое письмо применялось вплоть до конца IV в., наравне, по-видимому, с арамейским. О последнем, наряду с греческим, упоминается у Лазаря Парбского, который сообщает, что в то время, когда изобретатель армянского алфавита Маштоц вращался при дворе среди историографов царя Врамшагуха, придворные историки писали сирийскими (арамейскими) и греческими письменами; эти же алфавиты применялись и при изложении „указов и решений армянских царей“ дворцовыми писцами.¹

Точка зрения С. Т. Еремяна, который считает, что в Армении уже начиная с III в. до н. э. языком „официальных актов и деловых сношений стал греческий язык“,² подтверждается тем, что греческий язык и греческое письмо применялись в III—I вв. до н. э. на монетах армянских царей.

Наличие греческих надписей как на армянских, так и на парфянских монетах до I в. н. э. (при наличии у парфян своего пехлевийского письма) объясняется тем, что применение имеющего более широкое распространение письма на монетах могло обеспечивать этим монетам более широкое хождение, далеко вне круга распространения пехлевийской или, соответственно, армянской (арамейскими буквами) письменности.

Из числа издаваемых в этой работе греческих надписей одни связаны с историческими событиями и лицами, другие являются отрывками литературных произведений, третьи носят бытовой характер (надгробные надписи). Рассмотренные на фоне того или иного исторического периода, они свидетельствуют о той высокой культуре армянского народа, с которой познакомились римляне, когда они начали свои завоевательные походы на Восток и встретились там со „своеобразной культурой, в некоторых отношениях более высокой, во всяком случае более древней“.³

Страны Востока, говорит А. Б. Ранович, — „Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет, не были полностью по-

¹ Лазарь Парбский, кн. I, гл. 9.

² С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1948, № 11, стр. 72.

³ А. Ранович. Эллинизм и его социально-экономические основы. Вопр. истор., 1945, № 1, стр. 114.

гlossen эллинизмом, но сохранили свои самобытные черты, свой язык, религию, исторические предания“.¹

В данной работе впервые собраны греческие, арамейские и латинские надписи, найденные на территории исторической Армении и сделана попытка более расширенно и углубленно истолковать их историческое значение, чем это могло быть сделано в современных первичных изданиях этих эпиграфических памятников.²

1. ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ, НАЙДЕННЫЕ В АРМАВИРЕ В 1911 и 1927 гг.

(Табл. 68—75, рис. 21—30)

Назначение надписей

Армавир, древняя столица Армении в после-урартский период (в VI—II вв. до н. э., до основания Арташата), находился или на месте урартского города Аргиштихинили, или рядом с ним.³ Моисей Хоренский сообщает, что Армавир был построен „на холме“ Арамаисом,⁴ который, как поясняет Себеос, „строит себе поселение на бугре на берегу реки и называет его Армавир, по своему имени; дети его стали размножаться и заселять страну и основали области“.⁵ Учитывая то обстоятельство, что Арамаис, по преданию, был внуком Хайка, мы имеем основание заключить, что народная память связывала основание Армавира с глубокой древностью, возможно даже с до-урартским периодом.

При рассмотрении вопроса о назначении храма в Гарни и, в связи с этим, о культе бога Солнца в Армении — выше говорилось о золотых или золоченых статуях Аполлона, Артемиды и Геракла, которые Арташес привез с запада (вероятно, из Малой Азии) и „велел поставить в Армавире; главные жрецы из рода Вахуни поставили в Армавире изображение Аполлона и Артемиды“, говорит историк.⁶ Статуи эти были, быть может, поставлены

¹ А. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 115.

² Е. А. Пахомов уже в 1938 г. в статье „О необходимости издания сборников надписей Закавказья“ (Изв. Азерб. фил. АН СССР, 1938, № 1, стр. 12—20) указывал на необходимость издания свода греческих и латинских надписей, в частности тех, которые найдены на территории Армении (стр. 15—16).

³ У современного селения Армавир (бывш. Курдуклю) в 8 км от станции Октемберян. Об археологическом изучении Армавира см.: Б. Б. П и о т р о в с к и й. История культуры Урарту. Ереван, 1944, стр. 72—76. См.: П т о л е м е й, кн. V, гл. 13, 12 и кн. VIII, гл. 19, 11.

⁴ М о и с е й Х о р е н с к и й, кн. I, гл. 12.

⁵ С е б е о с, кн. I, гл. 1 (перев. С. С. Малхасяна). — Упоминаемая у Себеоса река — Аракс, некогда протекавший под стенами города.

⁶ М о и с е й Х о р е н с к и й, кн. II, гл. 12.

в том самом храме, который полумифический царь Валаршак построил в Армавире и „в котором он поставил статуи Солнца (Арегаки) и Луны (Лусин) и своих предков“,¹ в числе которых, вероятно, был и hАрма, которому, согласно преданию, отец его Гелам дал во владение Армавир.²

О древнейшей столице Армении, Армавире, Моисей Хоренский сохранил нам интереснейшее сведение, связанное с культом бога Солнца. Он сообщает, что правнук hАрма, по имени Арай, „оставил по себе дитя Анушавана, посвященного платанам, богато одаренного, многодумного в слове и деле. Он был посвящен служению платанам Араманеака, что в Армавире. По шелесту их листьев и колебанию при тихом или сильном ветре и по направлению движения привыкли в течение долгого времени гадать в стране потомков Хайка“.³

Таким образом, мы узнали, что в Армавире издавна существовал оракул, где гадание производилось по шелесту листьев платана, что приводит на память шелест листьев дуба в Додоне (Эпир), по которому производили гадание эллины в VI—II вв. до н. э., а также ясеневую рощу при оракуле Аполлона Кларосского⁴ (около Колофона в Малой Азии) и рощу при знаменитом храме Аполлона в Дидиме около Милета.

О связи культа Аполлона с гаданием, с оракулом, писал в I в. до н. э. Цицерон (106—43 гг. до н. э.), излагая совет, данный в свое время Сократом Ксенофону: *de rebus et obscuris et incertis ad Apollinem censeo referendum* „о делах недостоверных и темных к Аполлону надлежит, по моему, обращаться“.⁵

Все эти данные в сопоставлении с тем, что в Армавире издавна существовал культ Арега-Аполлона и имелся оракул, приводят к заключению, что и в Армении культ Солнца и гадание в платановой роще были между собою связаны.

Археологически Армавир еще не изучен. Тем более значительным является обнаружение здесь в 1911 и 1927 гг. двух каменных глыб с начертанными на них семью греческими надписями (табл. 68 и 73), судя по палеографическим данным, II—I вв. до н. э. (стр. 119).

Изучение этих надписей, сохранившихся не полностью и пострадавших от времени, привело меня к заключению, что в данном случае мы имеем дело с камнями, находившимися некогда

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 8.

² Там же, кн. I, гл. 12.

³ Там же, гл. 20. (Перев. И. А. Орбели).

⁴ K. Buresch. Klaros. Leipzig, 1889.

⁵ Цицерон. О прорицаниях, кн. I, гл. 54.

в *ἱερά οἰκία* 'священном участке', как называет Полибий соответственное святилище в Додоне,¹ где происходило вопрошание бога и вещание его ответов. Высеченные на двух камнях в Армавире надписи являются, по моему мнению, отрывками литературных произведений, из содержания которых вопрошавший мог заключить, каков ответ бога на его вопрос.

Камни с надписями были в Армавире найдены не в крепости на высоком холме, а у его подножия и на расстоянии 10—12 м друг от друга. Кроме этих двух камней поблизости от них имелись еще другие камни, схожие с ними по виду и покрытые своеобразными углублениями и рельефами, о чем речь будет дальше.

В связи с местом нахождения этих камней встает вопрос, не здесь ли, у южного подножия Армавирского холма, вне стен крепости, и находилась священная роща — „платаны Араманака“ и не в этой ли роще находился упоминаемый Моисеем Хоренским храм бога Солнца (Арегакн)? В Додоне храм и здание оракула, обнесенные оградой, находились вне стен города к югу от него.² В Армавире камни с надписями обнаружены тоже под южным склоном холма.³ В этом отношении храм Аполлона Кларосского с его рощей, к сожалению, еще не изучен, как и многочисленные другие оракулы, имевшиеся в Малой Азии, о которых в I в. до н. э. говорит Цицерон в своем трактате о прорицаниях „De divinatione“. Он ставит вопрос о происхождении многочисленных в его время оракулов и восклицает: „Неужели все они — изобретение писидийцев, киликийцев или фригийцев?“⁴ В другой главе Цицерон, называя римских авгуров плохими прорицателями, добавляет, что „килийцы, памфилы, писидийцы и ликийцы их в этом превосходят“.⁵

Следует отметить, что Цицерон называет в обоих случаях те малоазийские народы, с которыми древние армяне — их соседи — одновременно были связаны и политически и культурно: архитектурные памятники Памфилии и Писидии привлекаются нами для сравнения с Гарнийским храмом как наиболее близкие аналогии, упоминаются нами неоднократно также и киликийские памятники.

Вопрос о возможной связи Армавирских надписей с армавирским оракулом возник у меня в связи со словом *πινάκιον* в над-

¹ Полибий, кн. IV, гл. 67.

² С. Сагаранос. Dodone et ses ruines. Paris, 1878.

³ С. В. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости Древний Армавир. Научн. сб., посв. 20-летию установления советской власти в Армении. Ереван, 1941, стр. 61.

⁴ Цицерон. О прорицаниях, кн. II, гл. 38.

⁵ Там же, кн. I, гл. 15.

писи № 3. Слово это обычно воспринимается как „картина, блюдо, таблица“, но слово это имеет еще одно специфическое значение: так назывались в Греции те свинцовые таблички, на которых записывался вопрос, обращенный к оракулу, и на который от имени бога отвечали жрецы.¹ Так названы эти таблички и в известной надписи, декрете Деметрия, найденной в Фессалии и относящейся ко времени около 100 г. до н. э. В этом, к сожалению, лишь частично сохранившемся тексте устанавливались

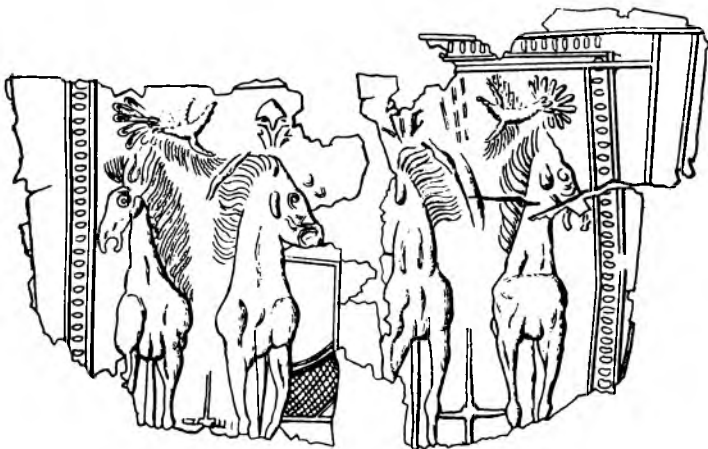

Рис. 21. Бронзовая чеканная плакетка. Додона.

По К. Карапаносу.

порядок принятия табличек (*πινακίαι*) от просителей в храме Аполлона Коропайос и порядок опускания их в опечатанный сосуд (*ἄγγυλιον*).²

В Армавирской надписи № 3 рядом с *πινακίαιον* упоминается четверка коней и колесница. В святилище Додоны найдены были три прямоугольные бронзовые пластины (рис. 21), одна целая и три фрагментированные, с чеканным рельефом, изображающим четверку коней в фас, скачущих на зрителя, причем в кузове колесницы стоят две (?) фигуры (высота пластины — 7 см).³ В Армавирской надписи № 3 тоже речь идет о четырех конях

¹ W. Dittenberger. *Sylloge*. Bd. III. Lipsiae, 1920, № 1157, 40 и др.

² Там же, стр. 300 и сл., № 1157. — O. Kern. *Zum Orakel des Apollon Koropaios*. *Festschr. zu O. Hirschfeld's 60. Geburtstag*, Berlin, 1903, стр. 322—326.

³ С. Карапанос, ук. соч., атлас, табл. XIX, рис. 1, 2 и 4.

и о колеснице. Кроме установления этих фактов, по вопросу о колеснице пока ничего больше сказать нельзя.

По поводу табличек с вопросами, которые, быть может, со временем будут найдены и в Армавире, можно сказать только то, что известно о них по найденным в Додоне памятникам; таблички эти четырехугольные, толщиной в 1—3 см, на них выцарапаны острием просьбы, молитвы, вопросы и ответы. На многих из них надписи вырезаны на обеих сторонах, на некоторых имеется по 4—5 одновременных надписей (это значит, что табличками пользовались повторно), имеются также формулы $\epsilon\pi\iota\ \kappa\omicron\iota\nu\upsilon\tau\alpha$ и $\epsilon\pi\iota\ \kappa\omicron\iota\nu\acute{\omicron}\upsilon\tau\alpha$, что говорит о коллективных обращениях к оракулу.¹

Если и в Армавирском оракуле жрецам подавались таблички с вопросами, то едва ли эти таблички были свинцовыми, более вероятно, что здесь пользовались глиняными табличками или черепками глиняных сосудов. В этой связи интересно отметить, что в армянском языке имеется слово *պիակ* „пнак“, означающее блюдо, тарелку, и что одним из значений греческого $\pi\upsilon\lambda\lambda\iota\sigma\upsilon\nu$ было тоже „блюдо“.²

Все это дает основание предполагать, что армавирские камни с греческими надписями, как и два других камня с углублениями, о которых речь будет дальше, являются остатками того помещения или, вернее, находились в той ограде, где получались ответы богов на вопросы, поставленные в записях на табличках.³

Чашеобразные углубления, вытесанные на этих камнях (табл. 68 и 73), не могут быть рассматриваемы как случайное природное явление. Дело в том, что и на поверхности скалы Армавирского холма, ближе к вершине (в восточной стороне) имеются такие же чашевидные углубления, в особенности около высеченного здесь пещерного сооружения, состоящего из ряда (более 13) помещений, причем диаметр этих полусферических углублений доходит до 50 см.⁴ Следует отметить, что пол одного из этих помещений тоже покрыт чашеобразными ямами. Назначение этих углублений трудно объяснить, для этого необходимо изучить на месте распределение их на поверхности скалы, на камнях и на полу пещеры. Принимая во внимание, что они

¹ С. Сагаранос, ук. соч., стр. 68—71.

² Кроме того, в армянском языке, как древне-литературном, так и новом, имеется слово *պիակիտ* „пнакит“ в значении скрижали, плитки или таблицы с надписью, а также грифельной доски школьника.

³ О „былом священном значении камня или, по крайней мере, былом нахождении камня в святилище“ говорил Я. И. Смирнов в своем докладе в 1912 г., но с рощей Араманака он их в связь не приводил (стр. 155).

⁴ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 60—61. — Чашеобразные углубления этого размера имелись и на Ванской скале, см.: И. А. Орбели. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. 1922, стр. 21.

высечены на трех сторонах камней, кроме лицевой, гладкой (с надписью), можно было бы предположить, что камни эти помещены были или в роше, или в храме таким образом, что их можно было обходить и осматривать со всех сторон и видеть и эти углубления. Можно допустить, что опавшие с платанов листья, опускаясь на камни, могли закрыть собою ту или иную выдолбленную в камне чашечку, в которой могли лежать таблички с вопросом, или же тень от колеблемых ветром листьев падала на то или иное отмеченное углубление; возможны и другие приемы гадания, например с помощью насекомых (наблюдение за тем, в какую именно чашечку забредет муравей или сядет пчела).¹ Но все это, конечно, одни только догадки и, может быть, весьма далекие от истины.

Если прав был С. В. Тер-Аветисян и эти углубления действительно относятся к до-урартскому времени, тогда возможно еще одно предположение, а именно, что в качестве камней для надобностей оракула применялись древние камни, освященные временем и связанные, быть может, с древнейшими храмовыми сооружениями.

Расположение трех камней по одной линии и на расстоянии 10—12 м друг от друга могло говорить о том, что все они найдены *in situ*. Трудно предположить, как это делает С. В. Тер-Аветисян и другие, что эти камни находились в храме вверху, на холме, и что оттуда они со временем скатились вниз. Тогда пришлось бы допустить, что они катились на одинаковом расстоянии друг от друга, что они остановились все на одной линии и на одинаковом расстоянии друг от друга и притом лицом (надписями) именно к югу. Так как предположить это никак невозможно, то более правдоподобным кажется, что они найдены на своем первоначальном месте — на месте роши² или на священной территории (*sacrum*) „платанов Араманеака“, и что на них, как и на многих других аналогичных, до нас не дошедших камнях были вырезаны надписи — отрывки из литературных произведений, прозаических и стихотворных, которые по своему содержанию могли являться ответами на тот или иной вопрос, а будучи изложены в стихотворной форме, были особенно убедительными. Такое предположение вполне допустимо, учитывая слова Цицерона о том, что изречения оракулов в его время подкреплялись *verbis sententiis, numeris cantibus* полными смысла словами, стихотворным

¹ О вещательных способностях муравьев и пчел см. у Цицерона (ук. соч., кн. 1, гл. 36).

² А. Д. Ерицов уверял, что находил в Армавире „в изменности, глубоко в недрах земли, стволы от той священной роши платанов или тополей, по которым гадали жрецы древнего Армавира“ (П. С. Уварова. Кавказ. Путевые заметки. Москва, 1887, стр. 215).

размером и напевом'.¹ По словам Тацита, в 18 г. жрец в оракуле храма Аполлона Кларосского (около Колофона) ответил Германику стихами (*edit responsa versibus*).² Кроме того, до нас дошли многочисленные ответы оракула, *χρησμοί*, составленные в метрической форме (чаще всего гексаметром),³ сохранившиеся как в литературных произведениях, так и в надписях.⁴

Если, забегая вперед, рассмотреть с этой точки зрения все семь надписей на армавирских камнях, то получается следующая картина.⁵

Первая надпись — отрывок из „Трудов и дней“ Гесиода — носит бесспорно правоучительный характер, который мог быть ответом на вопросы, связанные с разделом наследства.

Вторая надпись — отрывок из трагедии — еще больше подтверждает дидактическое содержание цитат: в ней изложено предостережение тем, кто несправедлив и совершает дурные поступки.

Третья надпись, быть может, называет подношение⁶ и сообщает, что табличка с вопросом подана Пеламидом.

Четвертая надпись предрекает „здравствование и завершение царствования“.

Пятая надпись — перечень месяцев — могла бы тоже служить целям вещания, а именно — с ее помощью могли бы быть определены те или иные благоприятные даты для начала того или иного предприятия или указаны месяцы, когда производилось гадание.

Шестая надпись, быть может, тоже цитата из литературного произведения, предвещает здоровье или выздоровление.

Седьмая надпись, стихотворный отрывок, содержит довольно мрачное предсказание, может быть тому, кто, отправляясь в поход, вопрошал оракул об исходе; ответ (иносказательный) гласил: он „испустил дух с оружием в руках...“, а это известие „не содержит ничего бесславного“. Следовало бы, если усматривать здесь обычный стилистический прием (*litotes*), перевести: а это „приносит большую славу“.

В заключение выскажу еще одну догадку, что именно оракул в Армавирской роще носил имя hАрма, которого отец его Гелам

¹ Цицерон, ук. соч., кн. II, гл. 55.

² Тацит, *Анналы*, кн. II, гл. 54.

³ K. Latte. *Orakel*, PWK.

⁴ *Χρησμοί τῶν ἑλληνικῶν θεῶν*, в изд.: K. Buresch. *Klaros*, стр. 95—126.

⁵ Следует отметить, что все семь Армавирских надписей сохранились фрагментарно и что текст их, поэтому, точному переводу не поддается.

⁶ Приходявшие к оракулу совершали моления и подносили богу тот или иной дар; ср. у Гесиода в описании Додоны: *δῶρα φέρων ἑλθεῖσι σὺν οἰωνοῖς χυαδοῖσιν* — шли, неся дары и хороших вещей птиц' (изд. Гесиода — F. S. Lohrs, Paris, 1841, стр. 52).

„родил в Армавире“, а потом „оставил hАрма в Армавире“ и сам ушел на северо-восток.¹ Тогда еще более осмысленным может показаться текст надписи № 3, если допустить, что в ней говорится о посвящении hАрма четверки коней и колесницы. Статуя этого мифического предка hАрма, вероятно, имелась в числе тех изображений предков, которые вместе с Арегом и Лусин Валаршак поставил в построенном им в Армавире храме.

В малоазийских городах Сагалассе и Термессе, неоднократно упоминаемых в связи с Гарнийским храмом, найдены были камни со стихотворными надписями, которые, судя по месту их нахождения и по содержанию стихов, связаны были именно с оракулом. Так, в Термессе у одного небольшого храма обнаружено здание оракула, около которого имеется высеченная в скале стена, покрытая большой, очень плохо сохранившейся греческой надписью.² Неподалеку от этой надписи обнаружен четырехугольный столб с мелкой надписью на одной стороне и стихами — ответом оракула (8—10 строк) — на другой. В верхней стороне этого камня имеется углубление и в центре его — круглая скважина для штыря или скрепы.³

В Термессе имелась еще второй оракул, поодаль от агоры, у ворот города, где эгегические четверостишия вещательного порядка были вырезаны на косяке двери, ведущей в здание, по всей вероятности, прорицалища.⁴ Нахождение в Термессе остатков двух оракулов (может быть, их было и больше) говорит о распространности в этом городе вопрошания оракула, что подтверждает слова Цицерона об усиленной деятельности вещателей именно в Термессе.⁵ Слова Цицерона относятся к деятельности малоазийских оракулов в первую половину I в. до н. э., т. е. к тому времени, когда происходило гадание и в Армавирской платановой роще.

В Сагалассе здание оракула тоже находилось в стороне от агоры. Это — здание храмового типа, к которому примыкает стена с дверью, а на косяке этой двери видны остатки надписи — вещания.⁶

¹ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 12.

² Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. II, стр. 54, надпись № 84.

³ Там же, рис. на стр. 54. — Аналогичный камень кубической формы (с углублением для штыря), с трех сторон покрытый надписями — стихотворными изречениями оракула, найден в 1888 г. К. Бурешом вблизи оракула Аполлона Кларосского около Колофона (K. Buresch, ук. соч., стр. I и сл., рис. на стр. 5 и надписи на стр. 8—9).

⁴ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. II, стр. 65, надпись № 181.

⁵ Цицерон, ук. соч., кн. I, гл. 41.

⁶ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. II, стр. 144, надпись № 180.

Обращает на себя внимание то, что и в Сагалассе и в Термессе оракул находился в отдалении от города и агоры — явление, с которым мы встречаемся и в Армавире, где оракул с его рощей находился не в самой крепости на холме, а внизу, у его подножия.

Сопоставление Армавирских надписей с надписями оракулов в городах псидийцев (Сагаласс и Термесс),¹ которых Цицерон называет в перечне искусных в деле прорицания народов Малой Азии, еще больше убеждает меня в правильности моего мнения, а именно, что армавирские камни обнаружены на том месте, где около храма Арега находилась священная платановая роща с прорицалищем.

Упомянутые камни с надписями в Сагалассе и Термессе в труде Ланкоронского, к сожалению, не воспроизведены, но все же то немногое, что сказано там об этих камнях и надписях, дает основание сопоставлять их с армавирскими камнями.

В пользу истолкования армавирских камней как части того прорицалища, о котором сообщает Моисей Хоренский, говорит также одна деталь, усматриваемая мною на зарисовках и эстампажах двух надписей, находившихся на первом камне. В этой связи необходимо вернуться к приведенному тексту Моисея Хоренского. Следует особо подчеркнуть, что Моисей Хоренский, говоря о способе гадания по шестесту листьев платана, не применяет слова „ветер“, а говорит о „дыхании воздуха“, „дуновении воздуха“ и о проистекающем отсюда „движении“. Этот текст Моисея Хоренского, мне кажется, прямо перекликается с выражением, повторяющимся в двух Армавирских надписях (№№ 2 и 3), где без непосредственной связи, по содержанию, с текстом надписи, но вплотную к ней начертаны два слова: в одном случае $\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$ $\theta\epsilon\eta\lambda\alpha\tau\omicron\nu$ (надпись № 2), а в другом — $\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$ $\theta\epsilon\eta\lambda\alpha\tau\omicron$... (надпись № 3); здесь, очевидно, нехватает конечного ч. Я. И. Смирнов был неправ, ища объяснение этому $\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$ в сопоставлении с роком, судьбою ($\sigma\upsilon\lambda\lambda\omicron\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$),² к чему, повидимому, примкнула и А. И. Болтунова, говоря о том, что здесь „в непонятной связи“ отрицается „богом посылаемое несчастье“,³ как она объясняет два последних слова этой надписи.

Представляется более вероятным, что слово $\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$ здесь надо понимать в другом его значении. Дело в том, что $\varphi\omicron\rho\acute{\alpha}$, кроме „ноша, подношение“, обозначает еще „движение воздуха, ветра“,⁴

¹ Из числа многочисленных в Малой Азии оракулов я упоминаю только находившиеся в тех городах, архитектурные памятники которых мною привлекаются при рассмотрении храма в Гарни.

² См. „Отрывки из доклада Я. И. Смирнова...“, стр. 153.

³ А. И. Болтунова. Греческие надписи Армавира. Изв. Арм. фил. АН СССР, 1942, № 1—2, стр. 40.

⁴ F. Passow, Handwörterbuch der griechischen Sprache, Bd. II, T. 2., Leipzig, 1857, стр. 2328; ср. у Полибия, кн. I, гл. 48, 2.

и тогда самую грамматическую форму следует воспринимать не как именительный падеж, а как дательный (dat. instr.) с *iota subscriptum*. Что касается слова *ἑηλατον*, то оно, как известно, означает не только „поднесенное, принесенное божеству“, но и „ниспосланное, приведенное в движение божеством, от божества исходящее“.¹ Таким образом, слова *φορά ἑηλατον* придется понимать как „[вещание], ниспосланное божеством через дуновение ветра“. Такое понимание предполагает, что данное гадание, данный ответ божества был возведен через движение, шелест листьев, а не через движение, активность насекомых или иных существ, являвшихся в представлении верующих выразителями воли божества.

Если такое толкование слов *φορά ἑηλατον* правильно, то понятно и то, что в обоих случаях, где мы встречаем эти слова в Армавирских надписях, они не связаны с содержанием текста, но, по занимаемому месту, вплотную к нему примыкают. Но при всем этом непосредственном соседстве толкуемых слов с текстом надписи, они начертаны в одном случае (№ 3) вне рамки, в другом случае (№ 2) отдельно, в конце последней строки (рис. 25), т. е. в обоих случаях являются как бы примечанием, дополнением к тексту надписи.²

Самое выражение „[вещание], ниспосланное божеством через дуновение ветра“, мне кажется, как нельзя ближе подходит к словам Моисея Хоренского: „По шелесту их листьев и колебанию при тихом или сильном ветре и по направлению движения“ производилось гадание в Армавире.

Описание, история чтения надписей, их текст и объяснение

Армавир давно привлекает к себе внимание исследователей истории древней Армении, но углубленному археологическому изучению, т. е. раскопкам, он еще не подвергался. Вопрос об Армавире поднимался в связи с работами Подготовительного комитета к V Археологическому съезду в Тифлисе, и разведочные раскопки были произведены А. Д. Ерицовым, а затем в 1879 г. и А. С. Уваровым.³ В протоколах Подготовительного комитета напечатана записка Н. О. Эмина о памятниках древности в Арме-

¹ F. R a s s o w, ук. словарь, т. I, стр. 1382; ср. τὸ ἑηλατον у Еврипида (Иона, стих 1392).

² Архив ИИМК. ф. 11, № 335, лл. 20 и 26.

³ А. С. У в а р о в. Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Прот. Подг. комит. V Археолог. съезда в Тифлисе, М., 1879, стр. 332 и 439—449. — П. С. У в а р о в а. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887, стр. 210—218.

нии, в которой говорится о необходимости исследования Армавира, „священного и древнейшего города, матери городов армянских“.¹

Небольшие раскопки разведочного характера производились в Армавире в 1892 г. Н. Я. Марром.²

Раскопки Армавира входили в 1927 г. в план совместной экспедиции Кавказского историко-археологического института (Тбилиси) и Комитета охраны древностей Армении, но осуществлены они не были, был только составлен топографический генеральный план.³

Вопрос об Армавире интересовал в прошлом веке и зарубежных ученых, как, например, Сен-Мартена⁴ и особенно Дюбуа де-Монпэрё,⁵ а также Б. Шантра.⁶

Археологическому обследованию Армавира посвятил много сил С. В. Тер-Аветисян, поднивший вопрос „о необходимости систематического исследования развалин Армавира“ на Батумском краеведческом съезде в 1925 г. В качестве руководителя вышеупомянутой археологической экспедиции он в 1927 г. проводил работы по описанию наземных памятников Армавира, и при этом был обнаружен второй по счету камень с греческими надписями.⁷

Первый камень был, якобы, известен уже в 1908 г.,⁸ но ознакомление с ним специалистов началось в 1911 г., когда получено было сообщение эчмиадзинского ученого Галуста Тер-Мкртчяна о том, что в селении Курдуклю (около Армавира) обнаружен камень с греческой надписью. Для обследования его были направлены сотрудники Анийской экспедиции и фотограф.

Камень находился неподалеку от проселочной дороги, ведущей из Армавира в Шахриар; в настоящее время его больше нет на месте.⁹

¹ Протоколы Подготовительного комитета, стр. 48 и 321 и сл.

² Отчеты Археологической комиссии за 1892 г., стр. 84.

³ Бюллетень Кавказского истор.-археолог. инст., 1928, №№ 1—3 и 4.

⁴ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 72.

⁵ F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase..., v. III. Paris, 1839, стр. 418—419.

⁶ B. Chantre. A travers l'Arménie russe. Paris, 1893, стр. 282.

⁷ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 52, 61—62.

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ Он был еще на месте весной 1943 г., когда его видели и осматривали И. А. Орбели и Б. Б. Пиотровский. Позже были получены сведения, что камень этот разбит и обломки его использованы для какой-то постройки. В связи с этим была предпринята в начале ноября 1951 г. поездка в Армавир, в которой приняла участие и я, причем камня действительно на месте не оказалось, и только углубление в земле указывало на его бывшее местонахождение. При этом же обследовании обнаружен был еще один камень с очень интересными изображениями, о котором речь будет ниже (стр. 118 сл.).

Обследование первого камня (табл. 68), сопровождавшееся обмерами, фотографированием и зарисовками надписей, привело к следующим результатам.

Высота лицевой стороны камня—1.50 м, длина лицевой поверхности—2.90 м, ширина верхней поверхности камня—1.40 м.

На месте камень был в 1911 г. описан следующим образом (рис. 22—23).¹ „Камень—базальтовая глыба, очень пористая. Восточная сторона камня представляет очень неровную поверхность. Во время нанесения надписи поверхность камня тоже была

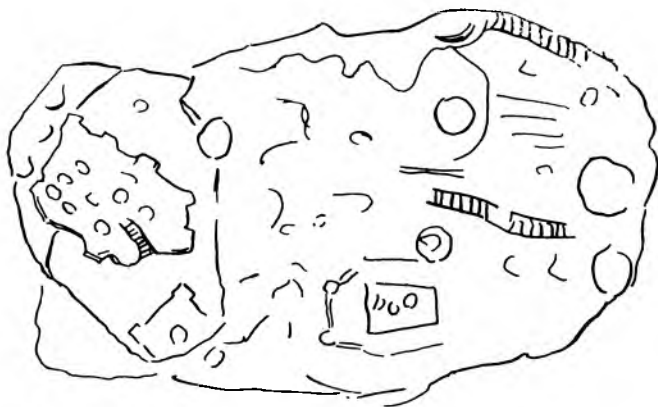

Рис. 22. Камень I, вид сверху. Армавир.

Рис. Я. И. Смирнова, 1912 г.

неровной. В верхней части, где приходится надпись, поверхность камня ровнее. Верхушка камня, находившаяся над поверхностью земли,—темнее. Западная сторона камня вся изрыта неровностями и какими-то полукруглыми выбоинами; такие же две выбоины имеются и на лицевой стороне; первая—немного выше надписи, а вторая—на седьмой строке надписи. Северная сторона камня—отлогий спуск, изрытый многочисленными выбоинами того же полукруглого характера. На этой стороне имеются искусственно сделанные лесенки, одна—из десяти ступеней, другая—из восьми. Южная сторона крутая, очень угловатая, тоже вся изрытая. На верхушке камня у южной стороны имеется искусственно высеченное прямоугольное возвышение с ребристыми боками, как бы полуколоннами, но очень неправильной формы“.²

¹ Архив ИИМК, ф. 11. Я. И. Смирнова, № 335, лл. 27—29.

² „После обследования камень был, во избежание порчи, обложен соломой и засыпан землею“ (Я. И. Смирнов).

Это описание и особенно рисунки Я. И. Смирнова дают некоторое представление о внешнем виде камня, обработка которого поражает своими деталями. Дело в том, что на рис. 22 показано нечто вроде цитадели, обнесенной стенами и башнями и ведущая

Рис. 23. Камень I, вид сбоку. Армавир.

Рис. Я. И. Смирнова, 1912 г.

наверх лестница; вне стен — план четырехугольного здания с выступающими углами (башнями?), а у подножия „цитадели“ — план другого здания, обнесенного как бы оградой со столбами (?) и затем еще две лестницы. На рис. 23 хорошо видна та же „цита-

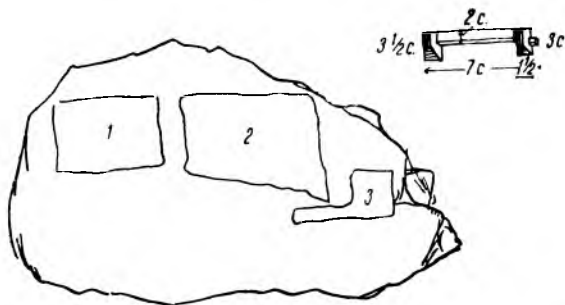

Рис. 24. Расположение надписей (№№ 1—3) на I камне и рисунок углубления около надписи № 3. Армавир.

Рис. Я. И. Смирнова, 1912 г.

дель“, возвышающаяся над „равниной“. Невольно напрашивается сопоставление ее с крутыми склонами Армавирского холма и допустимо предположение: не был ли изображен на этом камне план Армавира с его крепостью на холме и с какими-то зданиями у его подножия, среди которых, быть может, имелся в виду и храм Аполлона с его прорицалищем в платановой роще.

Надписи вырезаны на южной стороне камня (рис. 24).

По получении материалов первичного обследования камня, Я. И. Смирнов в том же 1911 г. „представил Классическому отделению Русского Археологического общества упомянутые фотографии и сообщил немного, что удалось ему разобрать на фотографии и по копии с греческих надписей на камне“.

В следующем, 1912 г. Я. И. Смирнов побывал в Армавире, обследовал камень, снял фотографии местности и сделал зарисовки с надписей.

3 ноября 1912 г. в Классическом отделении Русского Археологического общества был прочитан второй его доклад „Армавирский камень с греческими надписями“.¹ Я. И. Смирнов дал описание камня и доложил результаты своей работы над метрической надписью № 1 с текстом из Гесиода (рис. 25), обосновал вотивный характер короткой надписи № 3 (рис. 27) и особо остановился на сложном тексте надписи № 2 (рис. 26), высказав предположение, что в ней, быть может, мы имеем дело с отрывком из трагедии царя Артавазда.²

Второй камень (табл. 73) был открыт в Армавире, как уже говорилось, экспедицией 1927 г. под руководством С. В. Тер-Аветисяна. Он находился к востоку от первого камня, на расстоянии 12 м от него, по прямой линии с запада на восток, ближе к основанию холма.³ Этот камень был покрыт наносной землей, из-под которой была видна только верхушка камня, по форме очень похожего на камень, найденный в 1911 г. Высота этого камня — 1.86 м, толщина — 2.06 м. „Две верхние надписи этого камня сохранились хорошо, а нижние две пострадали от сырости и отчасти стерлись“.⁴ Камень был сфотографирован, но, насколько мне известно, детальным обмерам тогда не подвергся, и расположение надписей на камне не было зафиксировано (это было сделано в 1932 г. А. И. Болтуновой).

Так как, по словам С. В. Тер-Аветисяна, второй камень по форме очень похож на первый, то приходится думать, что оба они являются частями какого-то комплекса и найдены на своем первоначальном месте. Можно только пожалеть, что в 1927 г.

¹ Протокол заседания от 3 ноября 1912 г. Архив Русского Археологического общества, № 452 (ИИМК). — В архиве Я. И. Смирнова сохранились отрывки этого доклада (повидимому, устно изложенного), посвященного истолкованию надписей на камне I. Так как этот камень погиб, а в этих отрывках имеется очень интересный анализ текстов, и так как они едва ли могут быть изданы самостоятельно, я сочла нужным ввести их в качестве приложения к данному тексту (ниже, стр. 148 и сл.).

² В обсуждении доклада принимали участие известные эпиграфисты-классики, акад. П. В. Никитин и акад. А. В. Никитский (Протокол 3 XI 1912).

³ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 61.

⁴ Там же.

Армавирская экспедиция не произвела тщательной раскопки в районе нахождения камней.

В 1932 г. камни в Армавире были еще раз обследованы, сфотографированы и скопированы (главным образом — второй камень) по поручению Закавказского филиала Академии Наук СССР А. И. Болтуновой, которую все семь надписей и были впервые изданы.¹ В 1946 г. вышло исследование Я. А. Манандяна, посвященное этим же надписям.²

Экспедиция 1927 г. отметила тут наличие остатков стен, построек и зарегистрировала какие-то „квадратные, отгороженные камнями в один ряд, пространства, по всей вероятности, кромлехи“.³ Более вероятно, что это остатки недавнего происхождения. Кроме того, здесь был обнаружен еще третий камень, по словам С. В. Тер-Аветисяна, „барановидный“. Внешне этот камень очень похож на камни I и II, а главное — он находился „по прямой линии на восток“ от камня II и верхушка этого камня торчала из земли на расстоянии 22 м к востоку от первой греческой надписи, т. е. от камня I (следовательно, в 10—11 м от камня II).

В кратком отчете Армавирской экспедиции 1927 г. об этом третьем камне сказано, что три его стороны „покрыты чашеобразными, обыкновенными для армавирских памятников углублениями, один же угол покрыт вырезанными незнанными по своей форме знаками“.⁴ Длина этого камня 2.70 м, ширина 1.40 м. На одной стороне камня вокруг длинной борозды имеются 15 маленьких (8 × 1.5 см) и 2 больших чашеобразных углубления (15 × 8 см). По мнению С. В. Тер-Аветисяна, этот камень следует якобы относить к до-урартскому периоду истории Армавира.⁵

Неподалеку от „барановидного“ камня, к западу от него находится, как я видела в 1951 г., еще один очень интересный камень.⁶ Внешне он от остальных отличается плоским, несколько покатым верхом, на котором высечен ряд изображений: у обращенного к западу края камня — спиральные круги, имеющие вид „лабиринта“, а правее — пять округлых углублений разных раз-

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 35—61.

² Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946.

³ Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, 1928, № 1—3, стр. 20.

⁴ О них см.: *Revue archéologique*, 1929, стр. 43—45.

⁵ Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, 1928, № 1—3, стр. 20. — С. В. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости Древний Армавир, рис. на стр. 53 и 55 и стр. 62—63.

⁶ К сожалению, краткость нашего пребывания в Армавире в 1951 г. и условия освещения не позволили дополнить приведенное описание более точными рисунками.

меров (диам. 3—8 см., глуб. 2—3 см.), внутри которых возвышается—в двух случаях (в наиболее крупных)—рельефный четырехугольник с закругленными углами, разделенный врезанными линиями на четыре квадрата, в двух мелких углублениях имеется по два рельефных овала, а в пятом (около лабиринта)—два концентрических круга.

Этот камень не был замечен С. В. Тер-Аветисяном, хотя он отметил „барановидный“¹ камень, находящийся рядом.

Письмо Армавирских надписей, как правильно указывает А. И. Болтунова, не является эпиграфическим, лапидарным, а приближается к скорописному папирусному письму II—I вв. до н. э., „резчик воспроизводил эпиграфические знаки в том виде, в каком он находил их в бывшем у него в руках тексте, написанном папирологическим шрифтом“.² Б. Н. Граков, уточняя определение, предлагаемое А. И. Болтуновой, называет это письмо смешанным лапидарно-папирусным и сближает его с палеографией керамического шрифта второй половины II в. и начала I в. до н. э.³

Армавирские надписи, высеченные во II—I вв. до н. э., относятся к тому периоду в истории Армении, когда уже сложилась армянская народность и когда, после успешного восстания против Селевкидов в 189 г. до н. э., образовалось независимое армянское государство. Как говорилось уже, Армения в этот период достигла большого политического могущества и культурного расцвета. Наряду с родовой знатью, к этому времени превратившейся уже в рабовладельческую, большое место в общественно-политической жизни занимали и жрецы. Во II—I вв. до н. э. храм Арега-Аполлона был, несомненно, одним из тех богатых храмов Армении, которым принадлежали большие земельные владения, обрабатывавшиеся трудом рабов. Жрецы (их должность была наследственной) пользовались не только доходами с храмовых земель, но и другими видами поступлений, между прочим, несомненно, и теми взносами или дарами, которые полагались храму за вещание.

Надписи на греческом языке в Армавирском святилище являются одним из многих свидетельств, говорящих о близости в этот период армянской знати к культуре эллинистической Малой Азии, а также о знакомстве армянской знати, в том числе и жрецов, с греческим языком и письмом. Для вопрошателей, не знавших греческого языка, смысл вещания мог излагаться вкратце на армянском языке; может быть, существовали и другие, более

¹ Осмотр нами этого камня в 1951 г. показал, что определение „барановидный“ ни на чем не основано, так как он ни с какой стороны не напоминает барана.

² А. И. Болтунова, *ук. соч.*, стр. 55—56.

³ Б. Н. Граков, *ВДИ* 1946, № 1, стр. 168.

скромные сельские храмы и оракулы для широких слоев населения, где вещание носило иные формы: так, например, Павсаний упоминает оракул в гроте или пещере около Буры,¹ где гадание производилось с помощью метания костей (ἀστραγάλαι), на которых имелись какие-то изображения (σχημα).

О внешнем облике Армавирского храма ничего не известно, невыясненным является и вопрос о месте, где находился самый храм (вверху, на холме или внизу — на равнине).

Сходство некоторых форм Гарнийского храма и храма в Мусасире допускает предположение, что Армавирский храм, построенный, вероятно, при Ервандидах в III в. до н. э., мог иметь сходный с Мусасирским храмом облик, а толкование Армавирских надписей как текстов оракула при храме наводит на мысль, что храм находился на равнине, под южным склоном холма, а не в крепости наверху, где к тому же не было бы места для платановой рощи.

Надписи на первом камне

Надпись № 1 (табл. 69, рис. 25). В надписи, высеченной налево, вверху камня, имеется восемь строк разной длины² (в зависимости от сохранности камня); высота букв 1.5—2 см, расстояние между буквами 1 см, а между строками 1—2 см.

Я. И. Смирнов, первый исследователь и истолкователь этой, как и двух других надписей на этом камне, исходя из имени Гесиода в первой строке и выражения ὡς ἐπιεικές 'как подобает', повторяющегося в конце надписи, пришел к заключению, что мы имеем дело с отрывком литературно-философского содержания. С помощью С. А. Жебелева, указавшего на имя брата Гесиода, Перса, во второй строке (имя Перса в „Трудах и днях“ Гесиода упоминается неоднократно), Я. И. Смирнов в своем докладе на заседании Классического отделения Русского Археологического общества 3 ноября 1912 г. предложил следующее чтение надписи, обоснованное целым рядом его изысканий (ниже, стр. 149—151, дается неизданный отрывок из его доклада).

Ἡσίοδος ποτὲ κλεινός, ἐπεὶ Πέρσην [τὸν ἀδελφόν]
 χῆρο(ν) ἀπικ[νήσε...] τὰ πατρίαια...

¹ Павсаний, VII, 25, 10.

² Длина первой строки — 35 см, второй — 17 см (далее идет продолговатая выбоина), длина третьей строки — 16 см (далее выбоина), четвертой — 16 см (выбоина), пятой — 21 см (отколот кусочек в 7 см) и еще 6 см, шестой — 38 см, седьмой — 26 см, восьмой — 28 см; окончания седьмой и восьмой строк отбиты (обмеры 1911 г.).

ἀλλά δε τοι πα[νὸν πολλὰ] παρήνεσεν
 ὡς ἐπειχῆς...
 ὡς ἐπειχῆς ὄν τοῖσι...
 καὶ ταῦτα νεώτερι(χοῖσιν)...

А. И. Болтунова также истолковывает надпись как литературный отрывок, связанный с „Трудами и днями“ Гесиода, отмечает

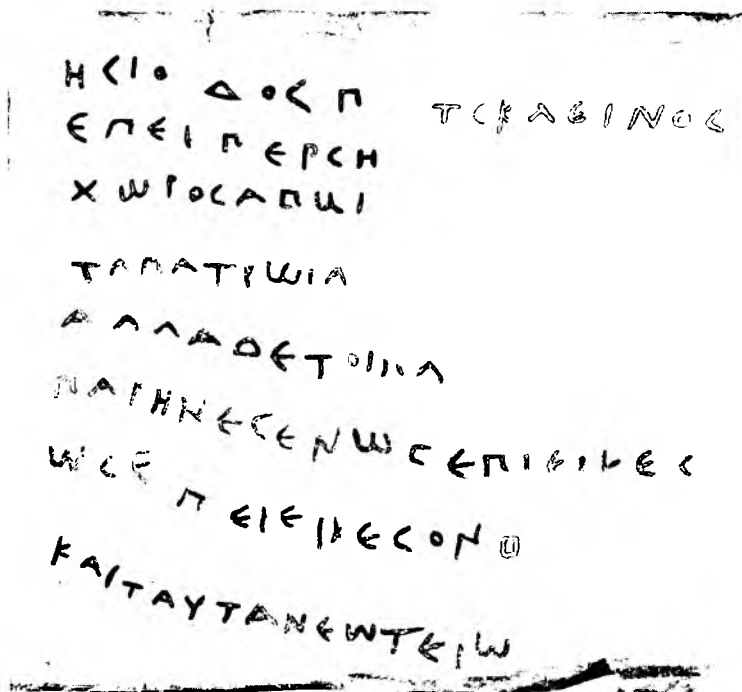

Рис. 25. Греческая надпись № 1. Армавир.

Рис. Я. И. Смирнова, 1912 г.

его нравоучительный характер и противопоставление в нем старого и нового. Примыкая к Я. И. Смирнову в восстановлении текста, А. И. Болтунова в пятой и шестой строках дает и другой возможный вариант восполнения надписи, а именно ἀλλά δε τοι πα[νὸν πολλὰ] παρήνεσεν ὡς ἐπειχῆς...

Б. Н. Граков исправляет чтение А. И. Болтуновой, указывая, что в надписи два раза имеется выражение ὡς ἐπειχῆς и ὡς ἐπειχῆς ὄν—явление, которое А. И. Болтунова не объясняет и которое

Б. Н. Граков считает не диплогафией, а литературным приемом.¹

Я. А. Манандян соглашается с А. И. Болтуновой по вопросу о связи этой надписи с поэмой Гесиода „Труды и дни“.² Но так как поэма Гесиода „написана в форме «увещания», обращенного к брату поэта Персу, который вел с Гесиодом тяжбу о наследство“,³ то не совсем понятно, почему Я. А. Манандян полагает, что смысл надписи „хотя, действительно, нравоучительный, но совершенно иной“. Оба автора говорят об одном и том же. А. И. Болтунова не раскрывает содержания надписи и делает упор на „противопоставлении в ней старого и нового“. У Я. А. Манандяна раскрывается содержание текста и предлагается такое его понимание: „Знаменитый некогда Гесиод, после того как лишился земли (χῆρος) и отцовского наследства (τῆ πατρῴα) и сам Перс, ободрил (παρηύεσεν) его, как это приличествует младшим братьям...“⁴

Следует указать на одну деталь, а именно на то, что имя Πέρσης встречается в одной надписи (найденной в 1842—1843 гг. в Анапе) рядом с таким негреческим именем, как Ἀταμάζα,⁵ и что знакомство с „Трудями и днями“ Гесиода наблюдается также в надгробной надписи римского времени, найденной в понтийском Амисе (ныне Самсун, порт на южном побережье Черного моря).⁶

Все исследователи сходятся на том, что Армавирская надпись № 1 является отрывком из литературного произведения, с чем нельзя не согласиться, как и с тем, что содержание ее носит нравоучительный характер.

В связи с моим истолкованием этой надписи как вещания большой интерес представляет имеющийся у Павсания рассказ о том, что Гесиод обладал даром прорицания и что ему приписывалась поэма об искусстве прорицания, которую Павсаний сам читал, а также поэма об истолковании чудесных предзнаменований.⁷

Надпись № 2 (табл. 70—71, рис. 26) находится на обращенной к югу плоскости камня, вверху, вправо от надписи № 1.

¹ Б. Н. Граков, Рецензия на статью А. И. Болтуновой „Греческие надписи Армавира“, ВДИ, 1946, № 1, стр. 168. — Е. М. Штаерман, ВДИ, 1947, № 3, стр. 53—55.

² Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 35.

³ И. М. Троицкий. История античной литературы. Л. 1951, стр. 66.

⁴ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 36.

⁵ В. В. Латышев. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Pontii Euxini*, т. II, 1890, стр. 219, № 409.

⁶ J. G. C. Anderson, Fr. Cumont, H. Grégoire. *Studia Pontica*, т. III, fasc. I. Bruxelles, 1910, стр. 11, № 6. (см. Изв. Русск. Археолог. инст. в Константинополе, т. I, 1896, „Хроника“, стр. 32, № 3).

⁷ Павсаний, кн. IX, гл. 31, 5.

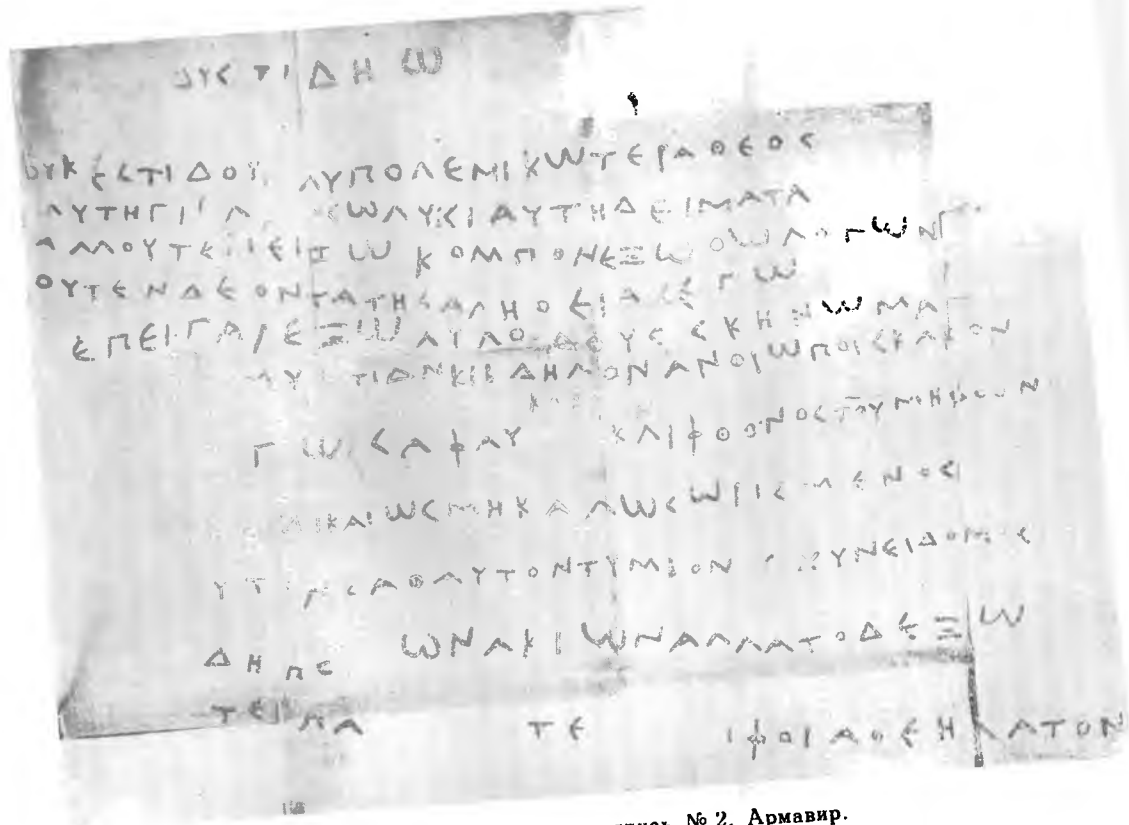

Рис. 26. Греческая надпись № 2. Армавир.
 Рис. Я. И. Смирнова, 1912 г.

Длина камня по лицевой стороне, где надпись, 2.90 м; высота на лицевой стороне, где надпись, 1.50 см; ширина верхней поверхности камня 1.40 см.

В надписи двенадцать строк.¹

Надпись сильно пострадала: в левой ее части выбито полу-круглое углубление,² вследствие чего отсутствуют начальные слова в шести нижних строках.

Об истории чтения этой надписи известно следующее. Вскоре по получении фотографий, копий и эстампажа Я. И. Смирнов сделал предварительное сообщение в Классическом отделении Русского Археологического общества, доложив „то немногое, что ему удалось разобрать“, а через год, в 1912 г., в развернутом докладе на заседании того же Отделения изложил свои соображения об этой надписи, предложил приблизительное чтение сохранившейся части, установил ее ямбический размер и высказал предположение, что в этой надписи мы имеем дело с отрывком из трагедии, автором которой мог быть армянский царь Артавазд II (55—34 гг. до н. э.), о котором Плутарх, как известно, сообщает, что он писал трагедии и другие сочинения.³

В бумагах Я. И. Смирнова не сохранилось отрывков чистового доклада, посвященного этой надписи, но имеются записи, в которых дается разбор этого текста (стр. 151—154).

В результате сопоставления начертаний, видимых на фотографиях, эстампаже и зарисовках, и тщательного разбора текста, Я. И. Смирновым было установлено следующее чтение надписи, судя по сохранившемуся черновому наброску.⁴

Οὐκ ἔστι δ' οὐ (πο)λύ πολεμικώτερα θεός...
 Αὐτῆ γιγάντας ὄλυσι αὐτῆ δαίματα
 ἀλλ' οὔτε (μ)εἴζω κόμπων ἔξω θῶ λόγων
 οὔτ' ἐνδέοντα τῆς ἀληθείας ἐγὼ
 ἐπεὶ γὰρ ἔξω Ἀ(ρ)λο(χ)ους(?) σκηνωμάτων
 μ } ὅστι δὴ κίβδηλον ἀνθρώποις κακόν
 καί] γ(λ)ῶσσα φαύ(λ)η καὶ φθονὸς τοῦ μὴ φθονεῖν)
 ...] δικαίως μὴ καλῶς ὠρισμένος
 (α)ὐτόν καθ' αὐτόν τυμβὸν (ἐκ)δύνει δόμος
 οὐ]δ' ἢ πε(ρ τ)ῶν ἀκ(ο)ῶν ἀλλὰ τὸ δ' ἔξω
 ὡς]τε πά(θ)ος ὡς]τε (συμ)φορᾶ θεήλατον

¹ Длина строк: первой — 16 см, второй — 50 см, третьей — 58 см, четвертой — 50 см, пятой — 65 см, шестой — на 2 см короче следующей строки; длина седьмой не указана; восьмой — 45 см; девятой — 50 см, длина следующих трех строк не указана (обмеры 1911 г.).

² Второе такое же углубление имеется выше, над надписью.

³ Плутарх. Красс, XXXIII.

⁴ Архив ИИМК, ф. 11, № 335, лл. 30—31.

Ввиду фрагментарности надписи, перевода ее Я. И. Смирнов не дает, как, впрочем, не дают связного перевода и другие исследователи надписи.

В конце текста этой надписи мы видим $\varphi\varrho\acute{\alpha}\ \delta\epsilon\eta\lambda\alpha\tau\omicron\nu$ — те два слова, о которых речь была выше (стр. 112) и которые подтверждают мое предположение о нахождении этих камней на территории оракула. Я. И. Смирнов восстанавливал первое слово, как [συμ]φ $\varrho\acute{\alpha}$ 'судьба, несчастье', но смысл его оставался неясным; на непонятность этих слов в данном контексте указывает и А. И. Болтунова.¹

Выше говорилось уже, что мне представляется возможным усматривать в этих словах как бы пояснение к тексту надписи, своего рода подтверждение: „[вещание], ниспосланное дуновением ветра“.

Следует указать, что над первой строкой сохранилось семь букв: $\delta\upsilon\zeta\ \tau\iota\ \delta\eta\omega$, причем три последние буквы даны крупнее первых. Я. И. Смирнов и А. И. Болтунова объяснения им не дают. Действительно, объяснить смысл этих знаков не удастся; только выделенные размерами буквы приводят на память одну из разновидностей имени богини Деметры — $\Delta\eta\mu\acute{\omega}$.

В бумагах Я. И. Смирнова имеется большое количество выписок из греческих трагедий Еврипида и Софокла и из комедий Менандра, которые он сопоставлял с отдельными стихами Армавирской надписи, а также материалы, показывающие, как он устанавливал ямбический размер надписи. Но истолкование содержания надписи в бумагах Я. И. Смирнова не сохранилось.

Транскрипция надписи, приведенная в работе А. И. Болтуновой, в основном не расходится с чтением Я. И. Смирнова, кроме второй строки, где у А. И. Болтуновой имеется восстановление $\gamma[\epsilon\nu\omicron\iota]\sigma\omega\ [N]\acute{\upsilon}\sigma\iota\ \dots$, а у Я. И. Смирнова $\gamma[\iota\gamma\acute{\alpha}\nu\tau\alpha]\zeta\ \acute{\alpha}\lambda\upsilon\sigma\iota$, и пятой строки, где Я. И. Смирнов в поврежденном слове усматривает имя или эпитет богини, а А. И. Болтунова восстанавливает $\alpha\tilde{\upsilon}\ \lambda\acute{o}[\varphi\omicron]\upsilon\zeta$; имеются еще два-три расхождения в восстановлении букв.

В начале шестого стиха, по мнению Б. Н. Гракова, следует читать $\lambda\upsilon\sigma\omega$ или $\lambda\acute{\upsilon}\sigma\omega$, а не $\lambda\acute{\upsilon}\omega$. (Я. И. Смирнов читает $[\delta]\acute{\upsilon}\sigma\tau\iota$ или $[\mu]\acute{\upsilon}\sigma\tau\iota$). Он указывает также, что между шестой и седьмой и между десятой и одиннадцатой строками должно быть (по смыслу и по копии) еще по одной строке и что первые слова десятого стиха по копии „начинают исчезнуть на камне строку“.²

Перевода надписи, хотя бы приблизительного, А. И. Болтунова тоже не дает, но предлагает следующий пересказ содержания этой надписи. „Речь идет о некоей воинственной богине, упоми-

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 49.

² Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 168.

наемой в первой строке. Далее, повидимому, эта богиня говорит от своего лица: она сама введет нисийские ужасы; слово ее не является хвастовством, а содержит правду. Далее непонятно вследствие плохой сохранности четвертого слова пятой строки, что богиня собирается делать ἔξω σκηνομάτων. Она устраняет некое ложное бедствие людей и γλώσσα φάυλη и зависть. Но непонятным остается выражение φθόνος τοῦ μη φθονεῖν. Окончание εἰν дополнено, и правильность этого дополнения нуждается в проверке по оригиналу. Далее говорится о том, что тот, кто держится несправедливых и дурных правил, тем самым сходит в могилу“, а в последней строке „отрицается в непонятной связи страдание и богом посылаемое несчастье“.¹

А. И. Болтунова, так же как Я. И. Смирнов, приходит к заключению, что надпись эта является отрывком из трагедии, близкой по оборотам и выражениям к трагедии Еврипида, и полагает, что „воинственная богиня“—это малоазийская Анаит, „культ которой носил оргиастический характер“.

Мысль о том, что автором армавирской трагедии мог быть Артавазд II, тоже разделяется А. И. Болтуновой.²

Я. А. Манандян в основном согласен с чтением А. И. Болтуновой, но не согласен с истолкованием ею содержания надписи, полагая, что речь идет о разделе владений и имущества и о богине Артемиде, поскольку она, по мнению Я. А. Манандяна, известна была как „богиня справедливого раздела и разграничения владений“; несогласен Я. А. Манандян с приписыванием этого отрывка Артавазду II, так как, по его мнению, „копирование на камне, совершенно бесцельно и беспричинно, отрывков в несколько строк из стихотворений и трагедий армянского царя Артавазда не могло иметь, конечно, никакого разумного смысла“.³ Как говорилось выше, „копирование“ на камне нескольких строк из трагедий Артавазда в действительности могло быть, а может быть и было, совершенно целеустремленно и вызывалось определенными причинами. Я. А. Манандян возражает также против датировок Я. И. Смирнова и А. И. Болтуновой, но об этом речь будет дальше.

С. Т. Еремян принимает истолкование и датировку надписи Я. А. Манандяном и полагает, что в ней в III в. до н. э. „греческие поселенцы-клерухи выражают свое недовольство, апеллируя к богине справедливого раздела земли и вообще имущества, Артемиде-Анаит“, жалуясь на отобрание царем розданной им

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 40.

² Там же, стр. 41.

³ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 40.

земли.¹ Как ни интересно такое историческое истолкование надписи, все же для него, мне кажется, в надписи нет достаточных оснований, и оно вытекает не из текста надписи, а лишь из „нового освещения“ акад. Я. А. Манандяна.

Г. И. Гоян, занимаясь вопросом об Артавазде-драматурге и пытаясь объяснить все три отрывка (№№ 1—3), высеченные на этом камне, рассматривает их как отрывки из трагедий. Он считает Евтихармида и Пеламида (надпись № 3) действующими лицами из трагедии, которая носила, как и подобало, нравоучительный характер и где речь шла о разделе имущества, подобно разделу между Персом и Геснодом.² Г. И. Гоян обосновывает эту тематику ссылкой на значение права собственности в рабовладельческом обществе, в котором нарушителю этого права „грозили не только земные кары, но и кары небесные“.³

Как ни остроумно обоснование Г. И. Гояном положения, что все три надписи (№№ 1—3) на первом камне являются отрывками из трагедии, — все же согласиться с этим трудно, особенно в отношении третьей надписи, которая носит скорее посвяtitельный, votивный характер.

Г. И. Гоян вполне соглашается с А. И. Болтуновой относительно того, что большая надпись (№ 2) является „первыми строками пролога, где, как известно, обычно выступает божество, излагающее основное содержание трагедии, и в первых словах божество характеризует самого себя“.⁴ С этим положением трудно не согласиться. Но не исключена, по моему, также возможность, что этот ямбический текст является отрывком из эпилога трагедии, где у Еврипида часто тоже появляется божество, „которое пророчествует о грядущей судьбе героев, устанавливает связанные с мифом культы и т. п.“⁵

Имеем ли мы дело с прологом или эпилогом — значения не имеет. Но очень большое значение имеет то обстоятельство, что автор этого отрывка из трагедии был не только хорошо знаком со структурой античной драмы, но был и весьма начитан в этой области, так как обнаруживает знакомство как с трагедиями Софокла (496—406) и Еврипида (480—406), так и с комедиями Менандра (342—292). Об этом говорят подобранные Я. И. Смирновым

¹ С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1948, № 11, стр. 57 и 61.

² Г. И. Гоян. Эллинистический театр Армении. Москва — Ереван, 1948, стр. 104 и сл.

³ Там же, стр. 111.

⁴ Письмо А. И. Болтуновой к Г. И. Гояну от 6 августа 1948 г., напечатанное в ук. соч. Г. И. Гояна, стр. 443—445.

⁵ И. М. Троянский, ук. соч., стр. 162.

цитаты, из которых приведу два примера, перекликающиеся с отдельными стихами армавирского отрывка.

Армавирский текст, стих первый:

οὐκ' ἔστι δ' οὐ πολὺ πολεμικωτέρα θεός...

Менандр, фрагм. CCLII:

οὐκ' ἔστι τόλμης ἐπιφανεστέρα θεός¹

Армавирский текст, стихи шестой-восьмой:

[δ]ύσφι δὴ κίβδηλον ἀνθρώποις κακόν
καὶ γλώσσα φαύλη καὶ φθόνος τοῦ μὴ φθον[εῖν]
... δικαίως μὴ καλῶς ὠρισμένος...

Еврипид, фрагм. 1034.4:

τὰ μὴ δίκαια δ' ὡς ἀπανταχοῦ κακόν
καὶ γλώσσα φαύλη καὶ φθόνος τοῦ μὴ φθονεῖν
ὄσφωσιν κακίαν μὴ καλῶς ὀγκωμένους²

В связи с этим большой интерес представляет то обстоятельство, что в тексте сочинения „Вещания эллинских богов“ (извлечение из „Теософии“ V в.), изданного К. Бурешем,³ оказались отрывки из Еврипида (§ 86) и Менандра (§ 87), которые дополняют количество дошедших до нас фрагментов из сочинений этих греческих авторов. Эта Армавирская надпись, быть может, явится еще одним отрывком из не дошедшего до нас творения Еврипида или Менандра.

В заключение укажу, что очень интересный, но и очень трудный текст второй Армавирской надписи является бесспорно отрывком из трагедии. Вопрос о том, имеем ли мы дело с произведением одного из греческих драматургов, или же с творением Артавазда II — сейчас решен быть не может. Кто бы ни являлся автором этой трагедии, начертание отрывка из нее на армавирском камне не было „бесцельным копированием строк“, не имевшим „никакого разумного смысла“, как полагает Я. А. Манандян.⁴ Все Армавирские надписи, как говорилось выше, имели одно и то же совершенно определенное назначение, будучи помещены в проциалище оракула.

Надпись № 3 (табл. 72, рис. 27) находилась справа, внизу, у края камня. Плоскость, занимаемая надписью, имела неправильные очертания и у правого края сильно попорчена.

¹ G. Kaibel, *Comicorum graecorum fragmenta*, IV, 1871, стр. 289.

² A. Nauck, *Tragicorum graecorum fragmenta*, 1889, стр. 689.

³ K. Buresch, *Klaros*, стр. 124—125; ср. стр. 94.

⁴ Я. А. Манандян, *ук. соч.*, стр. 40.

В надписи — пять строк разной длины (12—19 см), которые идут, несколько понижаясь к правому краю.

Под последней строкой в камне выбито удлиненное горизонтальное углубление в виде борозды длиной в 7 см, заканчивающейся на обоих концах более глубоким углублением четырехугольных очертаний (3 × 3.5 см, глуб. 1.5 см); около углубления справа — отходящая от него маленькая вырезка, тоже прямоугольная (рис. 24).¹

Τ Ε Τ Τ Α Ρ Κ Κ
 Ι Π Π Ο Ι Τ Ο Ι ΕΥ Γ Α Σ
 Ε Υ Θ Υ Χ Α Ρ Μ Ι
 Π Ι Ν Α Κ Ι Ο Ν Ε Ι
 Π Η Λ Α Μ Υ Δ Ο

Рис. 27. Греческая надпись № 3. Армавир.

П. А. И. Болтуновой, 1942 г.

Может встать вопрос — высечено ли это углубление одновременно с надписью и связано ли оно с нею, или же это одна из многих выбоин и борозд, испортивших камень в более позднее время. Но все, кто видел камень воочию, — участники обследования 1911 г., а затем Я. И. Смирнов в 1912 г. и А. И. Болтунова в 1932 г. — считают это углубление связанным с находящейся над ним надписью.

А. И. Болтунова дает следующую транскрипцию надписи:

τέτταρες ἱπποὶ τὸ ζεύγος Εὐθυχαρμίδης]
 πινάχιον ἔ(ν) Πηλαμύδο[ς]

и тоже устанавливает вотивный ее характер, усматривая в ней

¹ А. И. Болтунова так описывает это углубление под надписью: „своеобразной формы отверстие в камне, куда была вбита металлическая скоба для прикрепления посвященных предметов“. Наличие „скобы“ не было отмечено ни в 1911, ни в 1912 г. Я. И. Смирновым, упоминавшим, однако, возможные следы прикрепления.

перечень даров: „четыре коня, колесница, посвященные Евтихармидом, и небольшая картина одна, посвященная Пеламидом“.¹

А. И. Болтунова указывает на высказанное С. Д. Лисицианом мнение: „упоминание в числе посвященных даров колесницы с четырьмя конями следует поставить в прямую связь с изображением колесницы на монетах Артавазда“.

Очевидно, С. Д. Лисициан имел в виду какую-то причастность Артавазда к надписям в Армавире, поскольку сопоставлял с его монетами упоминаемые в этой надписи четверку коней и колесницу. Но я не уверена, что на монетах изображается в колеснице царь Артавазд; более вероятно, что возницей является бог Солнца, Арег-Михр, являвшийся, повидимому, богом-покровителем и Артавазда II и его отца, Тиграна II (стр. 62).

Во всяком случае, А. И. Болтунова права, полагая, что эта колесница с четырьмя конями может иметь отношение к культу бога Солнца, статуя которого стояла в Армавирском храме. Я. А. Манандян, соглашаясь с транскрипцией и толкованием надписи А. И. Болтуновой, высказывает некоторые свои соображения, связанные с этим текстом. Он полагает, что Евтихармид и Пеламид были „не местными уроженцами края, а эллинскими переселенцами“, жившими в районе Армавира, и что все три надписи „содержат обращения“ именно к ним.²

Поскольку оба эти греческих по форме имени — Евтихармид и Пеламид — больше нигде не встречаются,³ то с наименьшим основанием можно полагать, что их носили либо давно переселившиеся греки, либо, может быть, дети от браков между греками и армянами, либо, наконец, сами армяне. Вообще, мне думается, что вопрос об этническом происхождении на основании только имени⁴ или письма решать не следует и, тем более, на этом основании приходит к заключению, что в Армавире якобы находился греческий храм со статуями Артемиды и Аполлона.⁵ Каким же другим письмом могли пользоваться в то время образованные армяне, знакомые с произведениями Гесиода и Софокла, Еврипида и Менандра?

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 42. — Повидимому, А. И. Болтунова подразумевает подлинных коней и колесницу, а также небольшую картину.

² Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 39.

³ Я. И. Смирнов указывает, что у Павсания (кн. III, гл. 2, 7) имеется упоминание о некоем спартанце Хармиде, сыне Евтия, который при Алкамене (VIII в. до н. э.) был послан на Крит (см. стр. 155); обращает на себя внимание сочетание имен сына и отца — Хармидас и Евθυς.

⁴ Известно много примеров, когда коренные армяне в средние века давали детям арабские имена.

⁵ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 45.

Надпись эта, как первым указал Я. И. Смирнов, носит вотивный характер, что подтверждается и углублением для приспособления, поддерживавшего, быть может, подношение, свисавшее или стоявшее на полочке на фоне надписи.

В ряде надписей, найденных на стенах храмов в Дура-Европос, правда, относящихся главным образом ко II в. н. э., перечисляются дары пальмирскому храму Бэла,¹ причем надписи — греческие, но иногда греческими буквами передан текст семитический.² Но можно ли на этом основании пальмирский храм Бэла считать храмом греческим? Особенно интересна в этой связи надпись на стене пронаоса этого храма, где названы греческие имена — дарителей Патрокла и Конона.³ Таким образом, в пальмирском храме имеет место такой же случай, как в Армавире, где в надписи встречаем греческие имена Евтихармида и Пеламида в армянском святилище. Но возможно и совсем иное объяснение этих имен.

По поводу имени Евтихармида Я. И. Смирнов высказал очень интересное предположение, что если бы слово *ευδου* могло быть отделено от остального слова *χαρμι*, то мы имели бы основание говорить, что имеем дело с именем (в дательном падеже) того, кому посвящена была четверка, а именно имя *hАрмá*. Действительно, у Моисея Хоренского говорится: „Гелам, по истечении лет родит *hАрмá* в Армавире и, оставив *hАрмá* в Армавире... сам отправляется на северо-восток...“⁴ Мне это предположение Я. И. Смирнова представляется заслуживающим очень большого внимания, так как культ *hАрмá* в Армавире несомненно существовал, и, видимо, речь шла о нем, когда Моисей Хоренский писал, что Валаршак построил в Армавире храм и поставил в нем статуи „Арегу, Лусин и своим предкам“⁵ (в первую очередь, вероятно, *hАрмá*).

Неоднократное упоминание Моисеем Хоренским⁶ имени *hАрмá* в связи с городом Армавиром могло бы свидетельствовать о том, что в народном представлении и в народных преданиях, которыми, как известно,⁷ пользовался историк, *hАрмá* продолжал оставаться связанным именно с Армавиром. Поэтому присутствие имени *hАрмá* в одной из Армавирских надписей не может вызывать удивления и не дает почвы для обоснованных сомнений.

¹ Fr. Cumont. Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Paris, 1926, стр. 369 и сл., №№ 12—15, 20, 21, 23, 24.

² Там же, стр. 367, № 11.

³ Там же, стр. 386, № 24.

⁴ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 12.

⁵ Там же, кн. II, гл. 8.

⁶ Кроме указанного уже текста, см. также: „Гелам, умирая, повелел сыну своему *hАрмá* жить в Армавире“ (кн. I, гл. 12).

⁷ Моисей Хоренский, кн. I, гл. 3, 6, 10, 30, 31; кн. II, гл. 48—50 и др.

На монетах Артавазда четверка коней изображалась обычно в профиль или в три четверти, поэтому изображение ее скачущей прямо на зрителя могло быть особо отмечено, если предположить, что под надписью на полочке стояла изготовленная из золота или серебра небольшая группа вроде золотой колесницы аму-дарьинского клада (четверка коней и две фигуры в колеснице).¹ Но возможно, что в колеснице был изображен обращенный „прямо“ (εὐθῦ) на зрителя сам hАрма, сын Арамаиса, эпонима этого города.² В четвертой строке от слова εὐθῦ сохранились только ε и палочка, а окончание μι (отсутствие которого удивляло Я. И. Смирнова), могло быть вырезано в начале пятой строки, где перед Πηλαμῦδο(υ) имеется попорченное место, достаточное для двух букв.

Надпись тогда следовало бы читать: τέτταρες ἵπποι τὸ ζεῦχος εὐθῦ Χάρμι, πινάκιον εἶ(μι) Πηλαμῦδο(υ) 'четыре коня [и] колесница (посвящены) Харму, табличка [есмы] Пеламида'.³

Следует добавить, что в храме Аполлона Дидимейского около Милета (Малая Азия), среди даров Селевка I значилась также колесница... Ἀπόλλωνος ζεῦχος ἑν...⁴ очевидно, с четверкой коней, поскольку она названа Аполлоновой, и что на одной из табличек, найденной в помещении оракула в Додоне, тоже имеется имя божества (которому вопрошающий что-то преподносил) в дательном падеже, как в случае с hАрма, и затем идет имя дарителя: Δι Ναίω (sic) Φιλίνος Ἀθηναῖος.⁵

Если же и эта надпись является литературным отрывком, то возможно сопоставление Пеламида с участником Троянской войны Паламидом, прорицателем, изобретателем мер и весов, маяка, диска, игры в кости и нескольких греческих букв, героем одноименных трагедий Софокла и Еврипида. Ему было посвящено в Малой Азии святилище. Как изобретателя нескольких греческих букв его помнил еще в XII в. грузинский поэт Шавтели.⁶

Направо за рамкой Армавирской надписи №3, на уровне третьей строки, судя по рисунку, сотрудниками Анийской экспедиции в 1911 г. было усмотрено и списано⁷ φoρὰ θεηλατον, то есть та же формула,

¹ M. Dalton. The Oxus treasure. London, 1926, табл. IV.

² Но, несмотря на все приведенные соображения, смысл слова εὐθῦ все еще не может считаться установленным.

³ На античных памятниках надпись иногда дается как бы от имени самого предмета; см.: И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов северного Причерноморья. М.—Л., 1953, №№ 76, 107, 108, 129, 183 и стр. 151.

⁴ W. Dittenberger. Orientis Graecae Inscriptiones Selectae, t. I. Lipsiae, 1903, стр. 328, № 214, 39.

⁵ C. Carapanos, ук. соч., стр. 43.

⁶ Ш. Нуцубидзе. Шавтели, „Абдул-Мессия“. Тбилиси, 1942, стр. 110, строфа 77.

⁷ Архив ИИМК, ф. 11. № 335, л. 26.

как в конце надписи № 2 (стр. 125,) означающая „[вещание], ниспосланное божеством через дуновение ветра“.

Надписи на втором камне

Первое сообщение об открытии в Армавире еще одного камня с четырьмя надписями (табл. 73—75 и рис. 28—30) появилось в Отчетах Академии Наук за 1927 г., а затем в 1928 г. в Бюллетенях Кавказского историко-археологического института, где сообщалось вкратце о работах в Армавире экспедиции Кавказского историко-археологического института совместно с Комитетом охраны древностей Армении (под руководством С. В. Тер-Аветисяна) и о находке второго камня с надписями. Подробный отчет о работах этой экспедиции появился позднее; в нем С. В. Тер-Аветисян дает краткое описание памятника,¹ но воспроизведение общего вида камня и надписей в этом отчете отсутствует.

В 1932 г. надписи на этом камне изучала А. И. Болтунова (как об этом говорилось выше, стр. 118), издавшая их в 1942 г. по своим зарисовкам,² но без фотографического воспроизведения общего вида камня и отдельных надписей. Последняя надпись (№ 7) дана в этой статье только в транскрипции А. И. Болтуновой.

В 1935 г. в Ереване вышла статья, посвященная этим надписям,³ и в ней издан фотоснимок с камня и рукописная копия надписей №№ 4—5.

В 1946 г. надписи были изданы Я. А. Манандяном (по зарисовкам А. И. Болтуновой).⁴

Мною в этой моей работе использованы изданные А. И. Болтуновой копии, сделанные ею в 1932 г., а также любезно ею мне предоставленные снимки с общим видом второго камня (табл. 73—75).

Этот камень (табл. 73), отстоявший на 12 м к востоку от первого камня, был замечен благодаря торчавшей из-под земли верхушке, которая по форме была очень похожа на первый камень. Раскопки камня начали с южной стороны, так как на первом камне надписи были помещены обращенными на юг. И действительно, на южной стороне второго камня оказались четыре греческие надписи, „по палеографическим формам совершенно похожие на надписи первого камня“.⁵

¹ С. В. Тер-Аветисян. Археологическое обследование городища и крепости „Древний Армавир“. Научн. сб. к 20-летию Армении, изд. Арм. фил. АН СССР, Ереван, 1941.

² А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 43 и сл.

³ Вторая армавирская греческая надпись. Материалы по истории древней Армении, Ереван, 1935. (На арм. яз.).

⁴ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 34—35.

⁵ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 61.

Высота камня 1.86 м, толщина 2 м. 6 см. Две верхние надписи сохранились хорошо, а две нижние сильно пострадали.

По описанию А. И. Болтуновой, камень представляет „бесформенный обломок скалы с почти необработанной поверхностью и с северо-западной стороны засыпан землею... Камень — базальт красновато-бурого цвета, местами быстро выветривающийся“.

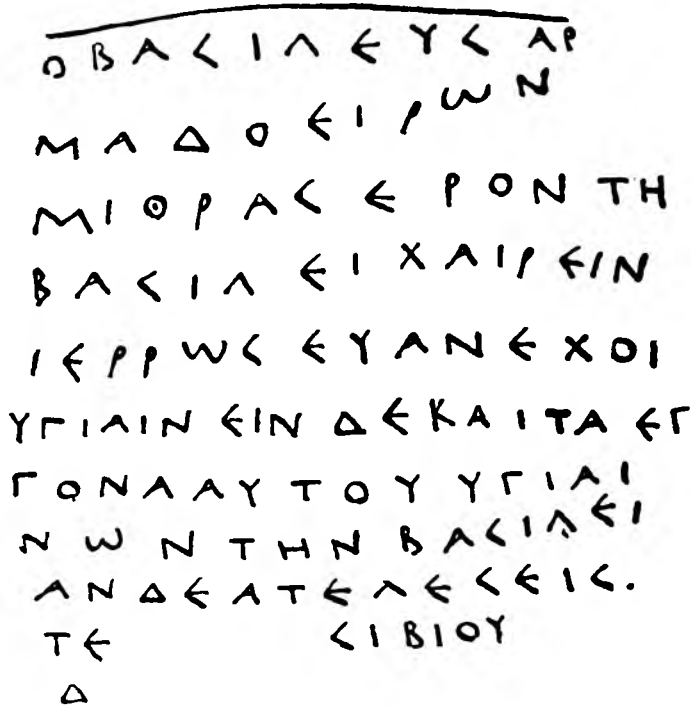

Рис. 28. Греческая надпись № 4. Армавир.
По А. И. Болтуновой, 1942 г.

В статье С. В. Тер-Аветисяна камень назван местным песчаником.¹ При посещении Армавира в 1951 г. породу камня мне не удалось точно установить, но во всяком случае это не базальт, а какая-то мягкая порода.

На камне имеются четыре надписи (№№ 4—7), расположенные одна над другой.

Надпись № 4. (табл. 74, рис. 28) вырезана у вершины камня в небольшом углублении.

¹ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., стр. 61.

Границами надписи являются: слева и снизу — стенки углубления, а сверху — врезанная черта; справа граница текста не показана. Две нижние строки выходят за пределы углубления.

Таким образом, только сверху, где имеется высеченная черта, текст может считаться не пострадавшим, и первая строка является действительно началом надписи.

Надпись занимает площадь высотой в 30 см, шириною в 29 см. и состоит из одиннадцати строк.

А. И. Болтунова читает надпись, восполняя лакуны,¹ следующим образом:

ὁ βασιλεύς Ἄρ[ταξίας]
 Μαδοείρων...
 Μίδρας Ἐβρόντη
 βασιλεῖ χαίρειν
 (εἰ) ἔρρωσται εὖ ἂν ἔχοι
 ὑγιαίνειν δὲ καὶ τὰ ἐγ-
 γονα αὐτοῦ. Ὑγιαί-
 νων τὴν βασιλεί-
 αν διατέλεσεῖς
 τ[.....]σι βίον
 δ[.....]

Общий смысл надписи А. И. Болтунова передает так: „Царь Ἄρταξίας Μαδοείρων Μίδρας царю Ебронту шлет привет. Если ты здравствуешь, то было бы хорошо, чтобы было здорово и потомство его (чьё? — К. Т.). Здравствуя, ты будешь завершать царствование...“.

Эту надпись А. И. Болтунова истолковывает как „обычную форму эллинистического письма“ (т. е. послания), хорошо известную по эпиграфическим и папирусным текстам с ее „обычной стереотипной формулой пожелания добра (formula valetudinis) εἰ ἔρρωσται εὖ ἂν ἔχοι“, которая встречается в документах со второй четверти II в. до н. э. и до 120 г. (в папирусах), а в надписях и позднее.² Восполняя Ἄρ в первой строке как Ἄρταξίας, А. И. Болтунова слова Μαδοείρων Μίδρας считает именами Арташеса, но допускает, что первое из них может быть и титулом. Надпись, по ее мнению, датируется временем „незадолго до или вскоре после объявления независимости Армении“, т. е. 189 г. до н. э. Эту датировку А. И. Болтунова обосновывает следующими соображениями: „В это время власть Артаксии была еще не столь сильна, пределы

¹ Чтение и транскрипции А. И. Болтуновой и Я. А. Манандяна передаются с сохранением всех особенностей воспроизведения этих надписей в данных изданиях Ср. διατέλεσεῖς в девятой строке, на камне — δεατελέσεῖς.

² А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 44.

³ Там же, стр. 50; в примеч. 3 ею приведена литература по этому вопросу.

его царства были еще, сравнительно с последующими временами, незначительны, и далеко не все армянские династы, величавшие себя, как и Артаксия, «царями» — βασιλεῖς, были ему подвластны и не в равной степени... При таких обстоятельствах его обращение к некоему Ебронту, как к царю, равного к равному, с пожеланием всяческих благ, делается вполне понятным¹.

Я. А. Манандян усматривает на фотографии во второй строке этой надписи букву F, (дигамма, произносилась как билабиальное „в“), где А. И. Болтунова видела Δ, и на этом основании он предлагает соединить две последние буквы первой строки Ар со второй строкой и читать Ἀρραγοείρων 'армавирцев', напоминая, что в Географии Птолемея Армавир назван Ἀρραγοίρα или Ἀρραγοῦρία.² Эта догадка мне представлялась весьма убедительной, пока я при осмотре камня в 1951 г. не убедилась, что все же четко вырезана Δ, а не F. Но если предположить, что резчик по ошибке вырезал Δ и что прав Я. А. Манандян, то в его передаче надпись начинается следующими словами: ὁ βασιλεὺς Ἀρραγοείρων Μίτρας Ἐβρόντη βασιλεὶ χαίρειν² 'царь армавирцев Митрас Ерванду царю — здравствовать!'

По мнению Я. А. Манандяна, надпись имеет большое историческое значение, так как сообщает якобы о следующих событиях. Когда царь Ерванд перенес столицу в Ервандшат, то он оставил в Армавире верховным жрецом своего брата, которого Моисей Хоренский называет Ервазом, но который в этой Армавирской надписи именуется Митрасом и царем: верховный жрец, будучи царского рода (как и в Каппадокии, по Страбону), мог тоже именоваться царем. Исходя из этого и своей датировки надписи концом III — началом II в. до н. э.,³ Я. А. Манандян приходит к никак не обоснованному заключению, что Митрас был верховным жрецом храма Аполлона и Артемиды, „служителями которого были эллинские жрецы и гиеродулы“.⁴

Но Я. А. Манандян прав, повидимому, усматривая в Ἐβρόντης греческую передачу армянского имени Ерванд. Кроме известной

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 50—51. — Непонятно, почему здесь и ниже А. И. Болтунова придает имени Арташеса женскую форму „Артаксия“ вместо „Артаксиа“, если уже брать его греческое наименование.

² Я. А. Манандян. Армавирские греческие надписи в новом освещении, стр. 47.

³ Там же, стр. 49.

⁴ Я. А. Манандян (ук. соч., стр. 40—41) в этой работе, как и в статье, посвященной Гарнийской надписи, датирует все семь Армавирских надписей, исходя только из того содержания, которое он в них усматривает, а именно — концом III — началом II в. до н. э., и ни одним словом не касается палеографических данных, которые обязан учитывать каждый исследователь эпиграфического памятника, не говоря уже о наличии в его чтении дигаммы, что для этого времени по меньшей мере сомнительно.

греческой формы этого имени Ὀρόντης существует еще другая транскрипция Ἀροάντης, более точно передающая армянское имя Ерванд, а именно в надписи Антиоха Коммагенского (I в. до н. э.) на Немруд-даге,¹ где на громадной статуе Антиоха высечено и это имя, — имя его предка.

Хотя ввиду фрагментарности надписи № 4 и не удастся установить ее чтение и дать осмысленный его перевод, все же вполне допустимо предположение, что в данном случае все в тех же целях вещания мог быть приведен отрывок из некоего послания, входившего в состав какого-то тогда широко известного литературного произведения, в котором, между прочим, имеется предсказание благополучного царствования и пожелание здравствовать.²

Надпись № 5 (табл. 75, рис. 29) вырезана ниже надписи № 4 и вправо от нее.

Поверхность камня не сглажена, А. И. Болтунова отмечает, что „письмо крайне небрежное, строки кривые; отдельные буквы вырезаны неразборчиво и некрасиво; размер букв неровный“.³

Расстояние от верхней строки до нижней — 40 см, длина нижней строки 46.5 см.

Надпись состоит из 12 строк; столбиком даны названия одиннадцати месяцев сиро-македонского (селевкидского) календаря, а название двенадцатого, Ἀύβωνατος, помещено справа в три строки (на уровне строк 2—4).

Следует отметить, что вместо Ἀύβωνατος вырезано Ἀυαβωνος, в Ἀύβωνος — лишняя сигма, в Ἀρτεμείσιος — ε: в третьем слове, а в последней строке вместо ἔχου имеется ἔχου; кроме того, резчик сначала пропустил, а потом надписал буквы λα в слове Ἀπελλατος — детали, на которых А. И. Болтунова не остановила внимания.

Первый издатель этой надписи ошибочно усматривал в буквах λα цифры, а именно дату — 282 г. до н. э.,⁴ тогда как мы здесь несомненно имеем дело с надписанными буквами, резчиком сначала пропущенными. Едва ли можно согласиться и с другим объяснением того же автора, усматривавшего в этой надписи фиксацию официального введения в Армении селевкидского календаря. Этому противоречит последняя строка, завершающая этот перечень месяцев.

В последней строке А. И. Болтунова усматривает „пожелание блага Фарнаку“ — понтийскому царю (190—169 гг. до н. э.),

¹ К. Humann und В. Puchstein. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Berlin, 1890, стр. 283, 304 и др.

² Толкуя Армавирские надписи как литературные отрывки, выражающие пророчества, я воздерживаюсь от рассмотрения по существу тех исторических соображений, которые приводятся Я. А. Манандяном и А. И. Болтуновой в обоснование своих объяснений.

³ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 44.

⁴ Материалы по истории древней Армении. Ереван, 1935, стр. 148.

с которым царь Арташес вел борьбу, став на сторону союзников Рима. Надпись эта, по ее мнению, была высечена по случаю подписания мирного договора в 179 г. армянским царем, Арташесом, который в этом тексте якобы желает Фарнаку „здо-

ΔΙΟC
 ΛΛ
 ΑΠΕΛΙΟC ΑΥΑ
 ΠΕΡΙΤΙΟC ΔΝΙ
 ΔΥCCTIOC ΟC
 ΞΑΝΔΙΚΟC
 ΑΡΤΕΜΕΙΚΙΟC
 ΔΑΙΚΙΟC
 ΠΑΝΗΜΟC
 ΛΩΙΟC
 ΓΟΡΠΙΑΙΟC
 ΥΠΕΡΒΕΡΕΤΑΙΟC
 Ϝ ΑΡΝΑΚ ΗΥΓΙΝΝΕΥΑΝΕΧΟΥ

Рис. 29. Греческая надпись № 5. Армавир.

По А. И. Болтуновой, 1942 г.

ровья в течение всех 12 месяцев года“. Но можно ли допустить, чтобы от имени царя другому царю было высечено „благопожелание“ с орфографическими ошибками, на необработанной поверхности, „небрежным письмом, кривыми строками... неразборчиво и некрасиво“, как говорит сама А. И. Болтунова, к тому же в пределах владений приветствующего царя.

По-моему, у нас нет никаких оснований к такому толкованию текста. Общий смысл его, по А. И. Болтуновой: „Было бы хорошо, чтобы Фарнак здравствовал в течение 12 месяцев года, т. е.

круглый год“, — толкование, которое мне представляется маловероятным и почти не имеющим смысла, принимая во внимание, где и когда эта надпись была высечена, к тому же якобы от царского имени.

Я. А. Манандян предлагает иное толкование: исходя из того, что в сиро-македонском календаре имелось двенадцать месяцев — по тридцати дней в каждом — и еще тринадцатый месяц из добавочных пяти или шести дней, он предлагает в слове *Φαρνάκη* усматривать не имя понтийского царя, а название этого тринадцатого месяца, т. е. „добавочных дней года“.¹

Я. А. Манандян полагает, что „при внимательном изучении надписи не трудно догадаться“, что эта надпись является продолжением надписи № 4, что в ней от имени верховного жреца Митраса высказывается пожелание Ерванду „здравствовать в течение всех тринадцати месяцев года“ и что она, следовательно, относится тоже к концу III в. до н. э. Но такое толкование надписи А. И. Болтуновой и Я. А. Манандяном мне не представляется убедительным, хотя бы по своеобразной шутливости формулировки здравицы царю.

Кроме того, Я. А. Манандян не объяснил, почему слово *Φαρνάκη*, если оно здесь является названием тринадцатого месяца, стоит в дательном падеже, тогда как все остальные даны в падеже именительном.

С толкованием Я. А. Манандяном слова *Φαρνάκη* никак нельзя согласиться. По его мнению, это слово является названием тринадцатого месяца в сиро-македонском календаре, содержавшего „добавочные дни (εραγομεναι)“. Название месяцев сиро-македонского календаря известны хорошо, и названия „Фарнак“ среди них не имеется. Но сам Я. А. Манандян правильно указывает, что слово „Фарнак“ было эпитетом Луны и, мне кажется, что это обстоятельство может дать основание к более правдоподобному объяснению этого имени.

В Армавире, как говорилось, рядом с Арегом-солнцем почиталась Лусин-луна. В соседних странах Малой Азии тоже существовал культ Луны, носившей мужское имя Мэн (Lunus),² причем в Понте эпитетом его являлось „Фарнак“ — „лучезарный“. По словам Страбона, Мэн-Фарнак пользовался особым почитанием у царского дома, клятвы скреплялись его именем, и святилище этого бога находилось около Кабиры (Себасты)³ в Понте. Исходя из вышесказанного, можно предложить несколько иное

¹ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 50—51.

² Fr. Reinach. *Mithridate Eupator*. Paris, 1890, стр. 241.

³ Страбон, кн. XII, гл. 3, 31.

толкование, чем то, которое дается двумя первыми издателями надписи. Имя „Фарнак“ в конце перечня месяцев в данном контексте может являться эпитетом божества — покровителя месяцев, и его именем мог быть завершен список месяцев, как бы ему посвященных, — его имя стоит в дательном падеже.

Если Фарнак последней строки не является тут в качестве Мэна, покровителя месяцев, то остается только предположить, что кажущаяся концом надписи строка с этим именем представляет собой отдельную, самостоятельную надпись, содержащую пожелание доброго здоровья некоему Фарнаку, поскольку „Фарнак“ может быть и именем человека.

Принимая во внимание, что в Дельфах вещание производилось только в один весенний месяц и что и в других оракулах принятию вопросов и даче ответов также отводилась определенная часть года,¹ не исключена возможность, что выделенное название месяца Ἀβουαῖος могло указывать на то время, когда оракул в Армавире был открыт для вопрошающих; следует учесть и то, что гадание по шелесту листьев могло и должно было быть приурочено, в соответствии с климатическими условиями, к определенному периоду, наиболее благоприятному для прорицателей.

Аналогичное назначение мог иметь перечень четырех месяцев в греческой надписи, вырезанной на храме Бэла в Дура-Европос,² где столбцом перечислены: Γορπῆτος Ὑπερβ(ερεταῖος), Ἐάνδιος, Δύστρος. Так как около каждого из названий месяцев высечено мужское имя (семитическое) в родительном падеже, Фр. Кюмон предполагал, что мы в данном случае имеем дело с перечнем месяцев, в течение которых определенные жрецы должны были нести службу в храме. Это предположение подтверждается местом, где вырезана надпись на стене храма, налево от входа, а также продолжением перечня другой рукою, где опять названы Γορπ(ῆτος) и Ὑπερβ(ερεταῖος).

Остается неясным, как следует связать пожелание здоровья, заключающееся в последних словах надписи, с предшествующим ему перечнем названий месяцев, если не предположить форму гадания, заключавшегося в указании месяца, когда следует ожидать выздоровления больного. Как ни гадательно такое толкование предполагаемого вещания, оно все же более вероятно, чем пожелание здоровья на круглый год, с поименным, высеченным на скале, перечнем всех двенадцать, а то и тринадцати месяцев.

Надпись № 6. (рис. 30) вырезана под надписью № 5 и обрамлена сверху и по обеим сторонам высеченными линиями; она

¹ K. Latte, ук. соч., стр. 348.

² Fr. Cumont, ук. соч., стр. 381—383, № 19.

занимает площадь в 30.5 см ширины (от черты до черты) и 22 см высоты (от вершины рамочки до нижнего края).

В надписи было пять строк (от пятой осталась одна буква). Отсутствуют (испорчены) концы всех строк, кроме первой.

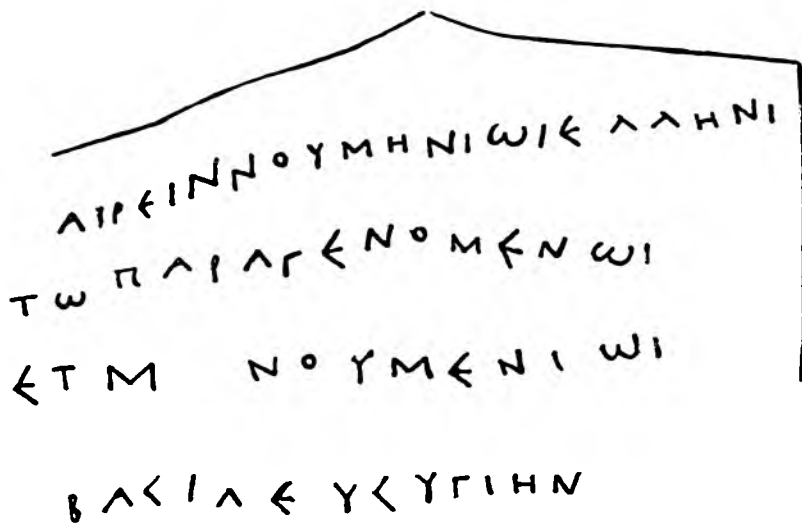

Рис. 30. Греческая надпись № 6. Армавир.

По А. И. Болтуновой, 1942 г.

А. И. Болтунова читает надпись следующим образом:

[X]αίρειν Νουμηνίω Ἑλληνι
 τῷ[ι] παραγενομένωι[...
 ..ετη.... Νουμενίωι...
 βασιλεὺς ὑγίην..
]ς[.....

А. И. Болтунова отмечает, что в третьей строке резчик по ошибке вырезал в слове Νουμηνίωι вместо η букву ε, а в четвертой строке надписи — ὑγίην вместо ὑγαίνειν. Содержание этой надписи она рассматривает в увязке его со смыслом надписи № 7; в обоих случаях говорится о некоем Нумении — „эллине, прибывшем, очевидно, в Армавир с какими-то дипломатическими целями“. Этот Нумений, по мнению А. И. Болтуновой, был правителем Антиоха Эпифана в Мизене; как об этом сообщает Плиний, он одержал победу над персами, пользовался большим влиянием и поэтому мог быть направлен в Армению, где якобы предложил „побежденному Артаксии свои условия. Если это было так, то Артаксия

вынужден был приветствовать эллина Нумения, прибывшего к нему в качестве представителя сирийского царя¹.

Я. А. Манандян тоже считает, что в этой неясной надписи упомянуто имя „прибывшего откуда-то эллина Нумения“².

Права ли А. И. Болтунова, усматривая в Нумении определенное историческое лицо, — сказать трудно. Надпись настолько фрагментарна, что можно говорить только о том, что перед нами, по всей видимости, опять отрывок, в котором речь, между прочим, идет и о пожелании здоровья.

Надпись № 7 вырезана в правой нижней части камня под надписью № 6. Она помещена, как и надпись № 4, „в искусственно сделанном углублении, площадью 40 см на 50 см“.

В надписи сохранилось одиннадцать строк; концы некоторых строк не сохранились: „средние и нижние строки правой стороны сильно смыты дождевой водой и едва заметны“. Буквы были глубоко врезаны, но так как поверхность пострадала, то об этом можно судить только по отдельным сохранившимся знакам.³

Надпись, по мнению А. И. Болтуновой — стихотворная, гласит:

Τῆι Φιλαδέλφῳ Νουμήνῳ [εἶ]πε· [φο]νέυει
 τοῦτ' ἔπος, ἀμείβω δ'οὐδὲν ἔχων ἀκλεές
 Ἀλλὰ μιν ὀπλοφοροῦντα λίπεν θ[υ]μ[ος], κατακεῖται]
 [δῆ]μαλ' αὐτῆσιν [τ]ὸν δὲ τὸ καινάπολι[ν]
 χῶρον Ἀρμενί[την κατ]ε[τ]υχ[εν]....
 ἀλλ' ἐγὼ οὐ[.....]
 καὶ [κα]λὸν Ἀρμενί[την] χῶρον ἐπικρατέ[οντα]
 οὐλοῖας δ'ἔνεκεν φυλ[οπίδος πολέμου]...
 οἱ στρατιῶται ἐπ[έφνον].....
 χαρίζ[.....]
 πένθει δ'ἀμφι[.....]

Общий смысл плохо сохранившейся надписи, по мнению первого ее издателя, А. И. Болтуновой, сводится к следующему: тот же Нумений, о котором, по ее мнению, говорится в надписи № 6, обращается в этой надписи к Филадельфе, т. е. Лаодике — жене Антиоха IV, с печальной вестью о том, что после победоносного похода на Армению ее муж, Антиох IV, убит своими солдатами. Эта весть, по Нумению, ἀμείβω δ'οὐδὲν

¹ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 52.

² Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 52.

³ Б. Н. Граков совершенно прав, спрашивая, почему эта надпись в статье А. И. Болтуновой дана только в транскрипции, и добавляя, что при трудности „всех этих надписей для контроля над толкованием копия в сущности необходима“ (ук. соч., стр. 167).

ἔχων ἀκλεές 'не содержит ничего бесславного', так как ἀλλὰ μιν ὄπλο-
σοφο[ύντ]α λίπεν θ[ύ]μ[ος] (Антиох) испустил дух с оружием в руках.

А. И. Болтунова обосновывает это свое толкование надписи ссылками на Полибия и Аппиана, в текстах которых имеются сообщения о событиях этого времени, и относит надпись к 163—162 гг. до н. э.

Это истолкование содержания надписи вызывает возражение Я. А. Манандяна, который справедливо отмечает, что надпись такого содержания могла бы быть начертана в резиденции Селевкидов, но никак не в Армении. Он полагает, что в этом тексте идет речь о гибели армянского царя Ерванда Последнего, предшественника Арташеса I, о чем Нумений сообщает царице Филадельфе — сестре Ерванда.

Содержание надписи, по мнению Я. А. Манандяна, находится в соответствии с рассказом Моисея Хоренского, который сообщает, что Арташес поставил над могилой Ерванда памятник.¹ Эта деталь рассказа приводит Я. А. Манандяна к мысли, что надпись № 7 является эпитафией и что камень этот находился, вероятно, „около надгробного памятника Ерванда, похороненного в царской усыпальнице в Армавире“.² Я. А. Манандян не объясняет, какие у него имелись основания помещать гробницу Ерванда и памятник над ней в Армавире, в царской усыпальнице, если Ерванд был убит в Ервандашате и если Моисей Хоренский о перевозке трупа не говорит. Почему Арташес не мог поставить этот памятник и в Ервандашате? Трудно согласиться и с предположением, что второй армавирский камень, являясь эпитафией, стоял „около надгробного памятника“; ведь эпитафии обычно высекались на самом надгробном памятнике, а не находились „около“ него.

Среди исторических выводов, к которым в результате изучения надписи приходит Я. А. Манандян, особо обращает на себя внимание его п. 5, поскольку изложенное в нем не имеет ни достаточных археологических обоснований, ни соответственных данных в письменных источниках.

Я. А. Манандян пишет: „Труп Ерванда последнего был похоронен в Армавире и над гробницей его был воздвигнут надгробный памятник, местонахождение которого следует предположить на южных склонах Армавирского холма, близ храма Аполлона и Артемиды“.³

Против этого предположения Я. А. Манандяна нельзя не возразить.

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 46.

² Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 55—56.

³ Там же, стр. 56—57.

Моисей Хоренский так описывает смерть Ерванда, захваченного Арташесом в Ервандашате, переименованном после этого в Мармет „ввиду желанья Арташеса упразднить имя Ерванда в этой местности“:

„Но Смбат, придя ночью с небольшим отрядом по пятам Ерванда, охранял ворота города до прибытия Арташеса и всех войск. И когда храбрецы сражались под крепостью, люди крепости [т. е. гарнизон] сдались и открыли ворота города. А один некий из воинов, войдя, поразил топориком Ерванда по голове, и разбрызгался его мозг по полу дома, и от такого сокрушающего удара он скончался, пробыв царем двадцать лет. Но Арташес, помня, что Ерванд — помесь Аршакида, приказывает труп его похоронить, с надгробным памятником“.¹

Моисей Хоренский не говорит о перевозке трупа Ерванда для погребения в Армавир. Однако, когда в древнеармянских источниках сообщается, что царь или князь погребен не там, где наступила смерть (а таких случаев много), то при этом всегда упоминается о перевозке тела и о том, где было произведено погребение.

Учитывая обстановку, в которой был убит Ерванд, трудно предположить, что он был погребен в царской усыпальнице, поскольку при ненавистности Ерванда для Арташеса уже самый факт его погребения, да еще с установкой памятника, является особым выражением воинских почестей этой „помеси Аршакида“. С другой стороны, Я. А. Манандян, говоря о погребении Ерванда „на южных склонах Армавирского холма, близ храма Аполлона и Артемиды“, упустил из виду, не зная условий местности, что по очертаниям профиля Армавирского холма на южном его склоне храм никак не мог быть возведен, а если считать, что Ерванд все-таки был погребен на склоне, пришлось бы вернуться к предположению, что этот камень с „эпитафией“, так мало похожий на надгробие, скатился с горы, о невероятности чего уже говорилось (стр. 109). Ко всему сказанному надо добавить, что никаких свидетельств о том, что в Армавире имелась „царская усыпальница“, в армянских источниках не имеется; но известно, что усыпальница древних армянских династий находилась в крепости Ани (позднейшем Камах) в области Даранали (Акилисена, Екелеац) в верховьях Евфрата.

Кроме того, если бы такая царская усыпальница была в Армавире, то она должна была бы представлять собою самостоятельное и довольно обширное сооружение, пещерное или наземное, но никак не могла являться средоточием или группой могил „около храма

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 46. (Перевод И. А. Орбели).

Аполлона и Артемиды“, так как этот прием захоронения „около храма“ возник только с укоренением христианства, а для языческой Армении таких сведений в источниках не имеется.

Если бы Я. А. Манандян был прав, полагая, что две первые надписи (№№ 4, 5) относятся к III в. до н. э., то пришлось бы допустить, что „эпитафия“ Ерванда в начале II в. была высечена на камне, на котором уже имелись две надписи, правда, по мнению Я. А. Манандяна, тоже с Ервандом связанные. Тогда следует говорить не об эпитафии, а о камне, на котором высечены были отрывки из документов или литературных произведений, связанных с биографией Ерванда.

Однако эта надпись все же не может быть истолкована более или менее удовлетворительно, принимая во внимание ее фрагментарность, а также отсутствие не только эстампажа и фотографии,¹ но и рукописной копии (имеется только транскрипция А. И. Болтуновой). Тем не менее Б. Н. Граков дает истолкованию этого отрывка А. И. Болтуновой следующую оценку: „Неясные сведения Полибия и Аппиана о гибели Антиоха IV, не то сошедшего с ума после похода на Армению, не то зачехнувшего после неудачного ограбления храма, исправляются четвертой надписью, где сказано, что он погиб с оружием в руках и был убит какими-то солдатами. Все это построено столь последовательно и подтверждено известным ранее ходом событий в Армении и Сирии, что оно приобретает силу почти достоверности, насколько это вообще возможно при всегдашней неполноте источников древней истории“.²

Можно было бы предложить и другой вариант толкования содержания этой надписи, хотя и он будет носить столь же предположительный характер.

Дело в том, что, во-первых, у нас нет никаких данных, позволяющих говорить о смерти Антиоха IV с оружием в руках в военной обстановке. Это обстоятельство отмечает и сама А. И. Болтунова, ссылаясь на сообщение Полибия, согласно которому Антиох кончил в Табах свою жизнь умопомешательством, а также на слова Аппиана, что Антиох, ограбив святилище в Элимаиде, „зачехнув“, умер.³ Имя Антиоха в надписи к тому же и не упоминается.

Во-вторых, нельзя в данном случае не согласиться с Я. А. Манандяном, который отмечал, что подобная надпись о смерти

¹ Надпись находится внизу камня, где фотографирование и снятие эстампажа крайне затруднено (в ноябре 1951 г. видны были только две верхние строки, остальное засыпано землей).

² Б. Н. Граков, ук. рецензия, стр. 167.

³ А. И. Болтунова, ук. соч., стр. 53—54.

Антиоха IV была бы уместна в Селевкии, но никак не в Армавире.

В-третьих, А. И. Болтунова ничего не говорит о характере этой надписи, т. е. о ее назначении и о причинах, которые могли вызвать появление этого текста наряду с тремя другими на этом камне.

Поскольку я считаю этот текст отрывком из литературного произведения, использованным в прорицалище при храме, то содержанием его мог быть трагический конец и другого лица, а не обязательно Антиоха IV, ходившего, правда, походом на Армению. Оставляя в стороне этого селевкидского властителя и возвращаясь в круг Армении и армянских государственных деятелей, можно вспомнить имя армянского царя, современника Антиоха IV, а именно Арташеса, о смерти которого могло быть получено извещение такого рода, как в тексте надписи.

Как уже выше отмечалось, у Моисея Хоренского сохранилось ценнейшее сообщение о каких-то „ужасных смутах“ и взаимоистреблении между воинами, находившимися в походе во главе с Арташесом, в результате каких-то смут и взаимоистребления Арташес бежал от своего войска, но при этом пал от руки своих же воинов.¹

Таким образом, все, что А. И. Болтунова относит к Антиоху IV, становится применимым к Арташесу, царю Армении.

Если признать, что в этом тексте речь идет об убийении Арташеса его же воинами, то вполне оправданы будут слова этой надписи о том, кто „владычествовал“ над „прекрасной страной Армении“ (*καλόν Ἀρμενίην ὑῶρον ἐπικρατέ[οντα]*), и о городе, который здесь назван *καὶνάπολις* (в чтении А. И. Болтуновой).

Характерно, что владычество этого лица над страной и этим городом определено термином *ἐπικρατεῖν*, а это слово, как видно из его состава, означает не просто владеть чем-либо, а „верховно владеть“, „над-владеть“, — термин, вполне применимый к верховному властителю.

Как известно, именно при Арташесе отдельные мелкие владения Армении объединились под верховной властью Арташеса, которого Полибий называет *τῆς πλείστης Ἀρμενίας ἄρχων*² „наибольшей [части] Армении правитель“.

Если под лицом, о котором, по чтению А. И. Болтуновой, говорится в этой надписи, подразумевать Арташеса, то становится понятным и выражение *καὶνάπολις* для определения какого-то города, очевидно — вновь, недавно построенного города.

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 12.

² Полибий, кн. XXVI, гл. 16.

Разумеется, это не известный из литературных памятников *Καινίπολις* Валаршапат, получивший свое греческое наименование в 163 г. при устройстве там главной квартиры римских войск (стр. 233), а город Арташат-Артаксата, действительно основанный Арташесом, названный по его имени и ставший его столицей.¹

Слова *το καινάπολις χωρον Ἀρμενίην* [*κατ'ε[ιχ]εν* А. И. Болтунова, применительно к Антиоху, переводит „новопрестольной страной Арменией овладел“, восполняя попорченное слово, от которого сохранились три буквы, как *κατ'ε[ιχ]εν* 'овладел'. Применительно к Арташесу мне представляется возможным иначе восполнить эти три буквы, а именно [*κατ'ε[λιπ]εν* 'оставил, покинул'.

Если полагать, что в этой надписи имеется отклик на сообщение о смерти царя от руки своих же воинов,² то, относя это сообщение к Арташесу, легче понять, почему это событие могло быть отмечено именно в Армавире, окруженном почитанием в качестве священной территории с храмом, оракулом и с неизжитыми еще воспоминаниями о том, что Армавир являлся и государственным центром Великой Армении.

Тема о гибели Арташеса, да и о многих событиях его жизни в Армении вполне могла быть сюжетом поэтического, в частности, драматического произведения — трагедии, хотя бы для того же Артавазда II, который „писал и трагедии, и речи, и исторические сочинения“.³

С другой стороны, создание такого литературного произведения имело бы и чисто местную параллель в тех „песнях армянских випасанов“ (сказителей), которые использовал Моисей Хоренский, описывая деяния Арташеса,⁴ и в тех „исторических песнях“ в которых „наизаны слова сказаний об Арташесе и его сыновьях“, как говорится у того же историка.⁵

Несмотря на возможность ряда ошибок в чтении надписи, значение ее — не только историческое, но и литературное — велико. Армавирский камень сохранил нам в этой надписи интереснейший отрывок из поэмы или трагедии исторического содержания II—I вв. до н. э., тогда как в Риме исторические персонажи появляются в литературных произведениях, повидимому, только в I в. н. э. („Фарсалия“ Лукана).⁶

¹ Страбон, кн. XI, гл. 14, 6.

² Показательны слова *οἱ στρατιῶται ἐπέφνον* воины убили [его]: если бы речь шла о гибели в бою с иноземным врагом, то вместо *οἱ στρατιῶται*, вероятно, сказано было бы *οἱ ἔχθροι*.

³ Стр. 12—13 наст. работы. — Плутарх. Красс, гл. 33.

⁴ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 48.

⁵ Там же, кн. I, гл. 30.

⁶ Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. М.—Л., 1951.

Отрывки из доклада Я. И. Смирнова, посвященного Армавирским надписям (№№ 1—3)

Читан в Классическом отделении Русского Археологического общества 3 ноября 1912 г. (по черновым записям)¹

[По получении известия о находке новой греческой надписи в окрестностях Эчмиадзина из Ани были командированы на место находки два сотрудника анийской экспедиции вместе с фотографом.]

9 июля 1911 г. посланные... тщательно осмотрели, измерили и описали камень, изготовили два эстампажа с надписей, списали их от руки и сделали фотографические снимки...

Я имел возможность еще в прошлом году представить Отделению упомянутые фотографии и сообщить то немногое, что удалось мне разобрать на фотографиях и по копии греческих надписей на камне.

Это немногое были последние слова 1-го стиха второй (правой) надписи: *πολεμικῶτέρῃ θεῷ* и начало третьей надписи: *τέτταρες ἴπποι*.

Присутствовавший в этом заседании финляндский филолог Зундваль указал мне на возможность того, что 2-я надпись — писана стихами, что естественно еще более увеличило мой интерес к памятнику. Отправляясь летом текущего года в Закавказье, я и поставил одной из своих задач разобрать, насколько то окажется возможным, надписи на армавирском камне. К сожалению, мне пришлось спешить, и я мог посвятить армавирскому камню всего лишь один день 19 августа и только 4 фотографические пластинки.

Камень с прошлого еще года засыпан землею по распоряжению Эчмиадзинского уездного начальника Л. Л. Леммермана. Поэтому нужно было предварительно получить его распоряжение об отрыве камня, каковое и было получено местным курдукулийским приставом И. Г. Нерясовым своевременно, так что, приехав утром к подножию Армавирского холма, я с сопровождавшим меня из Эчмиадзина Е. А. Лалаяном и с присоединившимся к нам в Курдукули приставом нашел камень уже наполовину отрытым. Пока рабочие осторожно отваливали землю и солому, которою обложена была вся поверхность надписи, мы имели время подняться на вершину холма.

Е. А. Лалаян имел время покопать землю на месте торчавших из нее черепков, причем обнаружилось, по его заключению, погребение каменного якобы века, с сидящим положением костяка

¹ Архив ИИМК, ф. 11, № 335, лл. 3—20. — Приводимые мною отрывки (стр. 148—156) даются в соответствии с рукописью, а необходимые мои пояснения обозначены квадратными скобками. — К. Т.

и с многочисленными горшками, характеризующими погребения этого рода. Я же сосредоточил все свое внимание на надписях, а потому, к сожалению, не мог ни ознакомиться подробнее с городищем, ни даже уделить самому камню, на котором вырезаны надписи, такого внимания, какого он заслуживает по своей странной форме и отделке, не оставшимся, конечно, не замеченными и Н. Л. Окуновым и другими, которые были столь любезны, что предоставили в мое распоряжение для настоящего сообщения подлинники своих заметок о камне и списков его надписей.

Благодаря этому ценному их содействию я могу представить приблизительный план камня, окружность которого вычерчена по многочисленным (до 50) промерам, а детали по фотографиям и моему примерному лишь наброску.

Надпись в четыре стиха (8 строк) гексаметрами

Имя Гесиода в первой строке и повторяющиеся рядом выражения *ὡς ἐπαικίς* в двух строках в конце надписи на месте же указали на вероятность литературно-философского, так сказать, содержания этой надписи.

Литературное ее содержание подтвердил мне потом здесь же С. А. Жебелев указанием во второй строке имени брата Гесиода, Перса, упоминаемого неоднократно в „Трудах и днях“, а философский или, вернее, моральный ее смысл, помимо значения слов *παραινέω* и *ἐπαικίς*, подчеркивался последними словами надписи, *νεώτεροι*, где, видимо, древность сопоставлялась с современностью. Слова *ἐπαικίς*, однако, в гесиодовских „Трудах и днях“, по справке, не оказалось, равно как и слова *παραινέω*.

Однако последнее слово, и именно в приложении к наставлениям Гесиода своему брату Персу, нашлось в одной из изданных Вестерманом¹ биографий, а именно в 3-й (у него) биографии Исократы, где о последнем говорится (стр. 255, 69—256, 71—74): *ὡσπερ καὶ ὁ Ησίοδος ὡς πρὸς τὸν ἀδελφὸν λέγων „ἐργάζω νῆπια Πέρση“, πᾶσι παραινέει...*

В биографиях же самого Гесиода (ук. соч., стр. 45—50) выражения этого не встречается. Там говорится лишь о состязаниях Гесиода с Гомером, о том, что устроивший состязание это халкидский царь Панид признал победителем не Гомера, а Гесиода.

В описывающем это состязание произведении я также не нашел чего-либо, что помогло бы мне восстановить армавирскую надпись.

¹ Westermann. [Βιογραφοί. Vitarum scriptores graeci minores. Brunsvigae, 1845].

Пускаться в более далекие и глубокие розыски рассказов о Гесиоде в древней литературе я не имел времени, да и не считал это своим призванием. Обращаюсь поэтому к надписи.

Правая половина ее пострадала: камень тут выбит, и лишь у двух строк (1-й и 6-й) сохранились концы; но и этого оказалось достаточным, чтобы притти к заключению о том, что надпись эта метрическая, что каждые две строки ее составляют один стих и что начало каждой строки представляет или начало стиха, или начало второй его половины после цезуры.

Слагая 1-ю строку надписи, т. е. первую половину первого стиха, с 6-й ее строкой, т. е. со второй половиной 3-го стиха, мы получаем правильный гексаметр.

Нечетные стихи были, следовательно, гексаметрами. Четные могли быть или гексаметрами же, или, как и в громадном большинстве стихотворных эпиграмм, пентаметрами. В решении этого вопроса я не вполне себе верю, так как вопрос превосходит мои слабые познания в греческом стихосложении. Благодаря любезности Е. М. Придика, напомнившего мне простейшие законы метрики, я склоняюсь все же к предположению, что четные стихи надписи (по крайней мере, второй) были гексаметрами же, так как при пентаметре после цезуры должен быть долгий слог с ударением, четвертая же строка начинается кратким слогом *τῷ*.

Четвертый и последний стихи, где вторая половина начинается долгим слогом *καί*, мог бы быть пентаметром, так как примеры соединения трех гексаметров с одним пентаметром встречаются (напр. Kaibel, 67, 81, 95, 156¹). Но беда в том, что последний стих не согласуется, видимо, с обычным типом пентаметра.

И я не знаю, возможно ли предположить допустимость двух столь явных ошибок в одном полустихе. Это недоразумение относительно последнего стиха затрудняет, конечно, и его восстановление, так как при пентаметре к предпоследней строке нельзя уже прибавить ни одного слога.

Приступая к попытке если не восстановить, на что я не могу и претендовать, то хотя бы понять надпись, я полагаю общим ее смыслом некоторое противопоставление или же сравнение старого и нового: ясно читаемое *νεωτέρων* в последней строке явно противопоставляется глубокой древности, определяемой именем Гесиода в первом стихе, еще более подчеркивается противоположение это наречием *πότε*, которое я осмеливаюсь восстановить в первом стихе.

¹ G. Kaibel. [Epigrammata graeca, Berlin, 1878].

Последнее слово κλεινός не противоречит тому, что я вижу на фотографиях и эстампаже и что видел и списал на камне.

Первая строка, следовательно, читается так:

Ἡσίωδος πρότε κλεινός.

Восстановление конца, отсутствующего на камне, должно было, как мне кажется, содержать какое-либо определение Перса и скорее всего указание на то, что это брат Гесиода: так или иначе, но тут могло или даже должно было стоять слово ἀδελφός и, как указал мне С. А. Жебелев, с предшествующим членом, т. е. образуясь с метром, или ὁ или τόν...

Но выбор того или иного падежа затрудняется вопросом о конструкции всего этого придаточного предложения: первое слово следующего стиха (которое входило, разумеется, в состав того же придаточного предложения, начинающегося словом ἐπεὶ, как и имя Перса) χῶρος — мужского рода. Потому оно и не допускает постановки имени Перса в именительном падеже: так как дательный исключается метром, то падеж должен был быть винительным: Ἡσίωδος πρότε κλεινός, ἐπεὶ Πέρσην τὸν ἀδελφὸν χῶρο(ν) ἀπωκνήσε...

[Надпись № 2]

[В первой строке Я. И. с помощью эстампажа восстановил первую букву — ο и четвертую — ε; после δὲ он предлагает, как] наименее искусственное чтение δουλλυ.

[Вторая строка:] первая лакуна допускает, кажется, восстановление γυγα(ντας), но не исключены и иные возможности... более вероятным является окончание слова ους, ... хотя эстампаж указывает скорее на ας.

[Третья строка:] единственную лакуну (восьмая буква) должно заполнить буквою μ, от которой на эстампаже видна средняя часть между двух выбоин... В конце этой строки на показанных мною в заседании рисунках в натуральную величину стояло ἐξωθῶ, появившееся вопреки фотографиям и обоим копиям (где видно ἐξοισῶ) под влиянием эстампажа, который, однако, допускает и чтение ἐξοχῶ. Во всяком случае, на нем нет ни точки, ни черточки внутри кажущегося ο, а показавшаяся мне ω на деле ο, т. е. οι.

[Четвертая строка:] Начальное οὐτ я вижу на фотографии, на эстампаже скорее τ чем χ, каковое является на обеих копиях — моей и Сычева, и было нарисовано мною. Предыдущее ἄλλ' οὐτε требует οὐτ, основания же в пользу χ не достаточно надежны, чтобы отстаивать χ...

[Пятая строка:] Важнейшая, повидимому, для смысла надписи лакуна после $\xi\zeta\omega$ заполняется $\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$... имя или эпитет богини? будет $\alpha\rho\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, $\alpha\iota\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ или $\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$...

[Шестая строка: первая буква не сохранилась. Вторая, по всей видимости, — ρ . очень широкое или же δ . Третья буква] не ясная на фотографиях и обеих копиях, где она является округлой выбоиной в виде σ , эстампажем определяется как σ , так как справа резкой углубленной черты явно нет... Буквы $\delta\nu$ (перед $\chi\iota\phi\delta\tau\lambda\omicron\nu$) [следует читать как $\delta\tau$, а не как $\delta\nu$].

Между строками 6 и 7 мелкими буквами вырезано, повидимому, повторение последнего слова 6-го стиха $\chi\chi\lambda\acute{\omicron}\nu$, как можно заключить из сопоставления фотографий, моей копии и отчасти эстампажа. Впрочем, это мелко написанное между строками слово может быть вовсе при чтении надписи во внимание не принимаемым, так как ему нет места ни в 6-й ни в 7-й строке.

[Седьмая строка:] начало строки разрушено, повидимому, выбитою тут лункою. Впрочем, на фотографии внутри ее мне представляется мелкая буква κ , т. е. начало этой (Euripides, fr. 1034, 3, № 2) строки, но полагаться на эту видимость не следует, и первое слово ($\chi\chi\iota$) надо считать уничтоженным лункою. [Далее,]... несмотря на отсутствие... буквы λ после γ , восстановление $\gamma\lambda\acute{\omicron}\sigma\sigma\alpha$ едва ли подлежит сомнению. После слога $\phi\alpha\nu$ следует лакуна (две буквы), лишь на фотографиях видна в конце ее наклонная палочка (конец предполагаемых букв $\lambda\eta$). В конце строки на фотографии видно, повидимому, последнее ν : $\tau\omicron\upsilon\ \mu\grave{\eta}\ \varphi\theta\omicron\nu$... [причем] судя по фотографии — тут места достаточно для двух букв ($\epsilon\iota$) между ν и ν .

[Восьмая строка:] двух первых слогов не сохранилось. Вертикальная черточка перед словом $\delta\iota\chi\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ отмечена на копии Сычева, у меня перед нею еще как бы нижняя часть σ ... Но что было левее ее, разобрать нигде нельзя. Слово $\delta\iota\chi\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ я ясно читаю на обеих фотографиях, и эстампаж чтение это вполне допускает. В конце строки на обеих копиях читается $\sigma\varsigma$, но на обеих фотографиях между этими буквами видна черта легкая и не резкая, какой была бы буква ι . Но если именительный падеж окажется недопустимым, то не исключена возможность читать $\sigma\varsigma$, как в 1034 fr. Еврипида.

[Девятая строка:] ...Наиболее вероятное (?) чтение $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$ $\chi\alpha\theta'$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$ $\tau\omicron\upsilon\beta\omicron\nu$... эстампажем с очевидностью не подтверждается, так как к наклонной левой черте буквы справа подходит только широкая щель, следовательно перекладину и вершину буквы надо предполагать при чтении α значительно выше сохранившейся линии..., т. е. первые две буквы стояли бы слишком близко одна к другой по сравнению с прочими. С другой стороны,

нельзя читать и τ]ϋϋτων, так как наклонная линия, параллельная нижней, не столь резка и, повидимому, не соединяется с нижнею. По фотографии же это представляется возможным. Но отсутствие черты на копиях от руки указывает, быть может, на случайный характер ее, тем более что она лежит несколько ниже строки.

Вторая лакуна перед концом строки... υνει δ̄ομος (последнее слово ясно читается на моей копии)... должна быть, кажется, восполнена словом ἀισγύνει.

[Десятая строка:]. В начале на эстампаже ясно читается δλ. σ.. ων; [сопоставление с копиями и фотографиями приводит к заключению, что следует читать] δ̄ηπε. ων, [причем четвертая буква является буквою ε, но округлой] иной формы, чем в остальных случаях.

Следующее слово: ἀκ. ων. Только моя копия [дает] ἀκωων (что невозможно по стиху): вместо ο надо читать, повидимому, ρ.

[Одиннадцатая строка:] Перед τεπεα на эстампаже σ, видимое, кажется, и на обеих фотографиях, так что начало (видимое теперь) στεπεα.

Перед этим на обеих фотографиях кажется видимой ω, но отсутствие ее на обеих копиях не позволяет настаивать на этом, так как тут может быть просто игра света и тени на неровном камне; впрочем, и на эстампаже усматриваются слабые следы той же буквы, но недостаточно ясные, чтобы наличность ее считать за факт, тем более, что всякое выступление начала строки влево за линию столбца само по себе невероятно. При восстановлении дальнейшего надо иметь в виду, что широкая наклонно идущая через весь камень трещина образовалась после вырезки надписи и потому погубила несколько букв. Перед самой щелью слева на эстампаже усматривается буква σ, нижняя часть которой несомненна, а верхняя сливается с выбоиной щели... Между этим σ и предыдущими буквами στεπεα... остается место для трех или двух букв; на эстампаже лишь неясные следы их: первая в виде большого кружка, а вторая, ближе к σ справа, округла, а слева — как будто вертикальная, но не глубокая черточка... начало строки будет ω]στε πάδος...

... Ясно читается конец слова φορά, т. е. вероятно συμφορά. Строка была бы: [ω]στε πάδος [ωσ]τε [συμ]φορά θεήλατος и в предполагаемом слове συμφορά мне видится μ. у самой строки 10-й, над выбоиной перед буквами φορά, но следов букв συ там же не видно.

Но все это писано после нахождения стиха: οὐδέ συμφορά θεήλατος, (Еврипид, Орест., стих 2), почему и реальные якобы наблюдения над строкой могут быть отчасти плодом моей фантазии.

[Среди бумаг Я. И. Смирнова сохранилось письмо акад. П. В. Никитина, посвященное этой надписи; оно написано 26 ноября 1912 г., т. е. после доклада Я. И. Смирнова, и содержит некоторые его соображения, вызванные дополнительным ознакомлением с материалами, предоставленными ему Я. И. Смирновым. Хотя он и замечает, что „ничего существенного к сделанному Вами прибавить не удастся“, он, тем не менее, сообщает следующее:]

„В 1-м стихе (строке) остатки начертаний ведут, повидимому, несомненно, к чтению: οὐκ ἔστι θούδ' αὐ̄ πολειμικότερα θεός. Но если так, приходится предполагать (из-за οὐδ' αὐ̄), что этому стиху предшествовал где-то другой такого гадательного содержания: οὐκ ἔστι Δηρός (или οὐκ ἔστι Ἀθάνας?) θεῶν τις προυμνέστερος.

„В середине второго стиха (строки) по размеру и по смыслу возможно, кажется, только ὄλεσε, т. е. для стиха — ὄλεσ?.. Во всяком случае, против ὄλυσι, которое пришлось бы поправлять в ὄλυσι, говорит не только отсутствие в этой надписи других примеров такой орфографии, но также и прежде всего долгота гласного ῡ в глагольном окончании υσι: стих требует тут краткости. Два следующих стиха в Вашем восстановлении совершенно безупречны, а потому необходимо думать, что и в других строках, если они стихи, соблюдена строгая форма трагического триметра...

„В 5-й строке между ἔξω и σκηνομάτων требуется 4 слога такого измерения: ῡῡῡ —. Первый из них должен быть начальным слогом слова и не может начинаться гласным звуком. Такого дополнения, которому не мешали бы или начертание ο, или υ, мне не удалось найти, а по смыслу и по стиху я ожидал чего-нибудь вроде διὰ τέγους или διὰ θύρας, или διὰ (т. е. δ') ὀροφῆς.

„В стихе 10-м (или лучше в строке 11-й) сочетание ἄλλα τόδ' ἔξω невозможно для ямбического стиха“.

[Это письмо П. В. Никитина подтверждает, что Я. И. Смирнов предложил в своем докладе возможное восстановление всей надписи; и действительно, среди бумаг его, кроме копии, сделанной на месте, в „Курдукули, Табадыби“ (как сказано у него), имеются многочисленные черновики с вариантами и один текст, имеющий вид окончательной сводки, а также транскрипция текста: (см. стр. 124)]

[Надпись № 3]

Надпись над вырезкой для приношения. Эстампажа ее не имеется, Надпись приходится у правого края плоскости и потому продолжения справа, вероятно, не имела. Впрочем, поломка камня тут такова, что могла образоваться после вырезки надписи, например, при том, когда камень катился с горы вниз (если он катился уже с надписями). Во всяком случае, на снимке камня сбоку (с пра-

вого конца надписей) на загибающейся назад части его продолжения строк не усматривается.

Строка 1. τέτταρες — на обеих фотографиях, на двух моих копиях и на копии [1911] г.: в последней — конец ἄρες.

Строка 2. ἴπποι τὸ ζεύγος.

Строка 3. εὐδουχарми.

... Не найдя имени Εὐδουχарμίδης или подобного — я не могу умолчать однако о некоем упоминаемом у Павсания (III. 2. 7) Хармиде, сыне Евтия [. Χαρμίδαυ τὸν Εὐδουος.], которого спартанский царь Алкамен послал на Крит заводить там порядок, о котором кроме этого никаких известий не имеется.

Несомненных следов окончания слова на фотографии не усматривается. А потому, если бы была возможность εὐδὺ отнести к ζεύγος, то явился бы соблазн в Харми искать дательный падеж имени того, кому посвящено было изображение четверки, так как у Моисея Хоренского эпоним Армавира является Гарм или Харм (Harm)...

Строка 4. πινάκιον. На фотографиях первая буква не особенно ясна, но обе мои копии дают π; кончается строка на моих обеих копиях... ε; фотографии и копии [1911 г.] не оставляют сомнения в последнем; но, странным образом, нет признаков продолжения слова (столь вероятного εἶμι).

Строка 5. πηλαμυδο. одинакова на всех копиях... Только буква μ на фотографии 1-й не ясна, но на 2-й яснее, а потому едва ли нужно сомневаться в верности копий. Несомненных следов нехваткающей последней буквы (или букв) на фотографиях не видно, а копии их не отмечают.

Былое священное значение камня или, по крайней мере, былое нахождение камня в святилище, помимо высказанных соображений и указанных аналогий, подтверждается, повидимому, и двумя из трех находящихся на гладкой стороне греческими надписями: самой большой и самой малой.

Но если большая надпись и говорит уже первую строкою своей о какой-то воинственной богине, то общее ее содержание остается для меня, к сожалению, настолько неясным, что я, не услышав еще конкретного ее толкования, не смею уверенно признавать ее вотивной, хотя это мне кажется наиболее вероятным.

Но если бы даже надпись эта и оказалась простым надгробием, то предполагаемое мною священное значение камня осталось бы и тогда непоколебленным, уменьшилась бы, пожалуй, лишь степень, так сказать, ее святости.

Третья, наиболее краткая, надпись — несомненно вотивного характера и по ее содержанию и по нахождению под нею особого приспособления для прикрепления к камню вотивного предмета.

К сожалению, однако, и эта надпись сохранилась не вполне, и три из пяти строк ее справа отбиты. Впрочем, как это видно и по общей форме этой части камня, так и по помещению в первую строку надписи одного лишь слова, три попорченных строки не должны были и не могли продолжаться далеко вправо, а потому пропавшими нужно предполагать лишь несколько букв.

[На этом заканчиваются черновики текста Я. И. Смирнова.]

2. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ В КАРАФТУ, ОБНАРУЖЕННАЯ В 1819 г.

(Табл. 76)

На территории исторической Армении (ныне в Персидском Курдистане), в бассейне среднего течения реки Джагату, впадающей с юга в Урмийское озеро, в горном районе между Саккизом и Тахт-и-Сулейман, находится гора Карафту (или Керефто).¹ В этой малодоступной горе имеются высеченные в скале помещения, расположенные в три яруса. Когда английский путешественник Р. Кер-Портер в 1819 г. объезжал этот район, ему удалось осмотреть и эту своеобразную крепость.²

По описанию Кер-Портера, в верхней половине скалы имеются ведущие вверх лестницы из белого мрамора; вход на высоте 9 м от подножья скалы.³ Лестница приводит к двум находящимся рядом и тщательно высеченным в скале входам (выс. 1.8 м, шир. 1.2 м). Вход справа ведет в главное помещение; вход слева ведет в несколько квадратных комнат размером 5.4 × 6.3 м со сводчатыми потолками (выс. 4.5 м); в них имеются три окна, высеченные в скале (толщ. 2.7 м). Особый интерес представляют выдолбленные по сторонам окон и дверей отверстия для закрепления железных решеток или ставен.

¹ Название „Керефто“ дает Кер-Портер, а „Карафту“ (Qaraftu) — F. Sarre und E. Herzfeld (Iranische Felsreliefs, Berlin 1910, стр. 190, примеч. 2) и K. Ritter, (Die Erdkunde, T. IX, Bd. III, Berlin, 1840, стр. 813, 816 и сл.). — Название „Карафту“ может рассматриваться как несколько искаженное персидским произношением армянское слово „Карапту“ *քարափակ*, что значило бы „скальный дом“ или „дом в утесе“. Быть может, это отголосок прежнего армянского названия.

² R. Ker-Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia..., т. II. London, 1822, стр. 538—552. Н. С. Rawlinson, Journal of the r. Geographical Society, v. X, 1840, стр. 100. — K. Ritter, ук. соч., стр. 816—822. — В. М. Яковлев. Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XXIV, 1917, стр. 24.

³ У Кер-Портера обмеры даны, конечно, не в метрах, а в английских мерах (футах и дюймах).

Вход направо ведет в коридор, который, расширяясь, поднимается вверх. Пройдя по нему 13.5 м, попадаешь в небольшое помещение, своего рода преддверие, ведущее во второй этаж. Здесь, в первой комнате — четырехугольной, сводчатой, несколько больших размеров, чем нижние помещения, — имеется в центре выступ скалы (выс. 0.9 м) в виде колонны „со следами алтаря или пьедестала для статуи“. Вокруг стен этой комнаты на высоте около 2 м от пола высечены мелкие, очень близко друг к другу расположенные ниши. В этих нишах, по мнению Кер-Портера, вероятно, помещались светильники, которые, будучи зажженными, должны были образовывать как бы „ленту огня“. Стены и потолок этого зала были покрыты толстым слоем копоти, под которой местами виден был белый мрамор. В углу этого зала имеется проем, ведущий во вторую четырехугольную комнату с двумя окнами, из которых „открывается дивный вид на юг и запад“.

В конце этого второго помещения находится платформа, высотой в 1.2 м, а в ее северной стене — полукруглая западина, из которой лестница ведет вверх к своего рода вестибюлю с проемом, над которым высечена греческая надпись. В этом верхнем помещении имеются опять две сводчатые комнаты с рядами ниш в стенах и третья большая комната, частично разрушенная.

Из „вестибюля“ с надписью можно было спуститься вниз, в большую галерею с очень высоким потолком и со сглаженными на высоту до 6 м стенами, снабженными и здесь двумя рядами ниш. Из этой галереи ступени ведут вниз, в большое круглое и очень высокое помещение, диаметром 18 м, с отделанными стенами и с двойным рядом ниш для светильников. Из этого, тоже покрытого копотью, зала ведут пять ходов: один (направо) — в круглое помещение, второй (налево) — в квадратную закоптелую комнату, три остальных входа открываются на северо-запад, север и северо-восток.

Коридор, идущий от северо-западного входа, вьется змеею и имеет много ответвлений и обработанных комнат, в которых тоже высечены ниши в стенах, покрытых копотью.

По одному из этих коридоров Кер-Портер и проводник прошли около 270 м, в поисках якобы имевшегося здесь большого помещения с квадратным камнем посредине, но не нашли его. Галерея, ведущая из другого зала в северо-восточном направлении, приводит в помещение, занятое отдельными кучами камней, с большим камнем в центре каждой, — вероятно, могилами. По словам проводника, где-то поблизости находился, якобы, глубокий пруд с растительностью вокруг него.

Кроме упомянутых галерей и коридоров имелось еще много других — высотой 2.40—3.60 м и шириной 0.9—2.10 м.

Кер-Портер полагал, что этот „замок в скале“, был, вероятно, связан с культом огня, но что едва ли здесь мог иметь место зороастрийский культ, „поскольку это не Мидия, а древняя Армения“, и что подобные пещеры якобы имеются и в горах около Севанского озера и в окрестностях Арташата.¹ Исходя из имеющегося у Порфирия описания пещер, где совершались обряды, связанные с религиозными таинствами, Кер-Портер полагал, что и замок Карафту с его лабиринтом ходов служил тем же целям. Что касается греческой надписи с именем Геракла (Ἡρακλῆς), то он бегло высказал мысль, что она может быть связана с византийским императором Ираклием, побывавшим в этой области — точка зрения, с которой, исходя из палеографических данных, никак нельзя согласиться.

Мы не имеем никаких данных, которые позволили бы ответить на вопросы — кем, когда и для чего было создано это архитектурное сооружение, если его так можно назвать. Но мы имеем все основания полагать, что высекание в скале этих высоких галерей и зал, отделка стен и выдалбливание бесчисленных „световых ниш“ потребовало тяжелого труда бесчисленных рабов на протяжении многих лет.

Греческая надпись, как говорилось, высечена на притолоке двери, которая ведет в первую комнату третьего яруса. Кер-Портер, единственный, насколько мне известно, путешественник, видевший эту надпись, зарисовал ее, но, к сожалению, подробного описания не оставил. У него сказано только, что она вырезана тщательно, неглубоко и что она попорчена.²

В первом слове Ἡρακλῆς сигма в конце отсутствует, если предположить, что это имя стояло в именительном падеже. Если же сигмы в конце его не было, то слово могло быть и в дательном, и в винительном падеже.

Во второй строке начальное слово $\mu\eta$ могло бы указывать на имеющуюся здесь запретительную формулу, начинавшуюся с „Не...“. Обращает на себя внимание знак в конце первой строки, который

¹ Возможно, что Кер-Портер, говоря о пещерах в горах около Севанского озера, имел в виду пещеры монастыря Айриванк (Гехард) в глубоком ущелье недалеко от Гарни, поскольку и зарисовка плато (табл. 76) была сделана им, повидимому, из того ущелья, которое, ответвляясь, ведет к Гехарду.

² К. Ф. Леман-Хаупту, путешествовавшему в 1898/99 г. в тех же районах Урмийского озера, где за 80 лет до него побывал Кер-Портер, попасть в пещерный „замок“ Карафту не удалось.

едва ли имел только декоративное значение, и последнее слово во второй строке — $\kappa\alpha\chi\acute{o}\nu$ 'зло'.

Палеографические данные в известной мере помогают датировке надписи, но у нас нет уверенности, что Кер-Портеру удалось в точности передать очертания и характер букв и что известные нам палеографические нормы обязательны для этого отдаленного района исторической Армении. Тем не менее, мне кажется возможным датировать надпись на основании характера некоторых букв (Σ , K , E , Θ , Φ)¹ временем III—II вв. до н. э. — периодом, который в истории Армении сравнительно мало изучен.

И. Франц предлагал в 1853 г. читать надпись следующим образом:

Ἡρακλῆς [πρὸς]κύ[ντημιχ]
Μη[θ]εν... π[ά]θει $\kappa\alpha\chi\acute{o}\nu$ ²

Гераклу поклонение... да не... страданию (?) зло', но для такого чтения в самом тексте надписи, как она списана Кер-Портером, нет достаточных оснований. И. Франц сопоставлял с этой надписью рассказ Тацита о парфянском царе Готарзе, который около 45 г. н. э., в ожидании сражения с претендентом на парфянский престол Мехердатом, приносил моления богам у некой горы Самбулос, „где особенно почитался Геракл“.³ Но сражение это произошло, повидимому, на территории Адиабены, где Готарз и должен был находиться, а не в бассейне Урмийского озера.

Более обоснованным представляется истолкование текста этой надписи, предложенное Г. Кайбелем, который сопоставляет ее с обнаруженной в Помпеях надписью-графито, гласящей:

Ὁ τοῦ Διὸς παῖς καλλίνεικος Ἡρακλῆς
ἔ[νθ]άδε κατοικεῖ, μὴδεν εἰσιάτω καχόν.

'Сын Зевса прекраснопобедный Геракл
здесь обитает. Да не внидет зло...'

Исходя из этого текста, Кайбель читает надпись в Карафту следующим образом:

Ἡρακλῆς ἐνθάδε κατοικεῖ
μὴδεν εἰσιάτω καχόν

¹ W. Larfeld. Handbuch der attischen Inschriften. Leipzig, 1902, стр. 474 и 479.

² SIG, т. III, ч. XXVIII, Берлин, 1853, № 4673.

³ Тацит, *Анналы*, кн. XII, гл. 13.

усматривая в словах *κλυκῆ* и *εἰσιχθῶ* — малограмотное написание.¹

Эта попытка чтения и объяснения текста надписи мне представляется весьма убедительной: возможно, что и в Малой Азии и в Армении полагалось в святилищах Геракла помещать надпись такого содержания и что пещеры Карафту являлись храмом Геракла-Веретрагны-Ваһагна.

Что касается культа Геракла в Армении, то, как известно, у Моисея Хоренского имеется следующий рассказ, связанный с походом царя Арташеса на запад, в Малую Азию: „Он нашел в Азии литые из меди золоченые статуи Артемиды, Геракла и Аполлона и приказал привезти их в нашу страну, чтобы поставить в Армавире. Главные жрецы из рода Ваһуни поставили в Армавире изображения Аполлона и Артемиды, а мужскую статую Геракла, изваянную Скиллом и Диленом Критским,² считая [за изображение] предка своего, Ваһагна, — поставили в Тароне, в Таронской области, в родовой их деревне Аштишате...“³ О судьбе этого храма рассказывает и Фавст Бузанд, вспоминая о деянии Григория Просветителя, а именно о разрушении им „алтаря в храме Геракла, то есть Ваһагна, в местности по названию Аштишат“.⁴

Об отождествлении Геракла с Ваһагном-Веретрагнуи свидетельствует также упомянутая выше надпись на рельефе в Немруддаге, где изображена встреча Антиоха Коммагенского с Гераклом-Веретрагнуи.⁵

Особенно интересно упоминание у Фавста Бузанда в рассказе о событиях IV в. „родника под высоким холмом храма Геракла, который находится против большой горы по названию Цул“⁶ (в Тароне — область к северо-западу от Ванского озера). Хотя здесь речь идет о другой области Армении, но, тем не менее, сопоставление слов Фавста Бузанда о „высоком холме храма Геракла“ с описанием осмотренного Кер-Портером пещерного замка, где над входом в самое в верхнее помещение высечено имя

¹ G. K a i b e l. *Epigrammata graeca ex lapidibus collecta*. Berolini, 1878, стр. 512, № 1138. — Это сопоставление Кайбеля приводится в редакционном примечании к статье В. Минорского (с ссылкой на Я. И. Смирнова), ук. соч., стр. 168—169.

² Скульпторы Дипойнос и Скилис, родом с Крита, изваявшие статую Аполлона, Артемиды, Геракла и Афины для города Сикиона, упоминаются у Плиния (кн. XXXV, гл. 9—10, 14), относящего их к VI в. до н. э., а также у Павсания (кн. II, гл. 15, 1 и гл. 22, 5).

³ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 12.

⁴ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 14.

⁵ Humann und Puchstein, ук. соч., стр. 327. (Ἀρτάγινος Ἡρακλῆος Ἄρης).

⁶ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 14.

Геракла, — допускает мысль, что холм Карафту мог быть тоже храмом Геракла и что статуя этого бога возвышалась в упомянутом выше помещении с каменным выступом (в виде колонны) в середине его.

Возвращаясь к надписи, следует отметить, что эта, единственная в своем роде надпись, притом греческая и начинающаяся с имени Геракла, не может быть случайностью, — принимая во внимание почти полную недоступность этой скалы. Поэтому возможно предположение, что в Карафту мы имеем дело с единственным пока отмеченным на территории исторической Армении храмом Ваагна-Геракла, по внешнему облику совпадающим с упомянутым у Фавста „высоким холмом храма Геракла“.

Ваагн пользовался в Армении большим почитанием:¹ песнь о его чудесном рождении приводится у Моисея Хоренского, который добавляет, что „в песне воспевали борьбу Ваагна с драконами и победу над ними. Все, что пели о нем, имело большое сходство с подвигами Геракла“.²

О храме „Геракла, то есть Ваагна“ в Аштишате (область Тарон) упоминается, как говорилось выше, у Фавста Бузанда, который отмечает нахождение этого храма на высоком холме.³ От этих двух историков мы, таким образом, узнаем об отождествлении Геракла с Ваагном и о том, что храм этого бога находился на высоком холме. И то и другое сведения имеют большое значение, если сопоставить их с храмом на вершине Карафту.

Но еще больший интерес представляет сообщение Агафангела, описывающего разрушение некоего храма при Трдате III.⁴ Храм этот находился „на вершине горы Каркэ около Евфрата, против Тавра“; здесь „приносили жертвы цари Великой Армении“ — золотые и серебряные дары в храм Ваагна, „истребителя драконов“. Григорий Просветитель отправил вверх на гору воинов и их начальников, чтобы разрушить молотами храм и алтари. Взобравшись наверх, воины не могли найти дверей и железными молотами не смогли разрушить стены (далее рассказывается, как ветер разнес храм).

Этот рассказ Агафангела подтверждает слова Фавста Бузанда о храме Ваагна на высоком холме. Воины Григория взбираются наверх и не находят двери; это может быть объяснено тем,

¹ И. А. Орбели. Бахрам Гур и Азадэ. Изд. Гос. Эрмитажа, 1934, стр. 10—14.

² Моисей Хоренский, кн. I, гл. 31.

³ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 14.

⁴ Агафангел, гл. CXIV—CXV, §§ 141—142 (см.: Langlois, ук. соч.).

что дверь была каменная¹ и что, будучи закрыта, она сливалась со скалою, и ее трудно было заметить. А это обстоятельство позволяет высказать догадку, не был ли храм Ваһагна в Аштишате тоже высечен в скале, как храм Геракла на горе Карафту. Этим и можно было бы тогда объяснить, что железными молотами (в греческом переводе λαζευτήριον 'инструмент каменщика') разрушить храм в скале было невозможно, тогда как повредить им здание, сложенное из камней, было бы вполне возможно.

Таким образом, рассказ Агафангела допускает возможность предположения, что храмы Ваһагна в древней Армении высекались в скале на вершине горы и что к их числу может быть отнесено пещерное храмовое сооружение на горе Карафту.

3. ДВЕ НАДПИСИ АРАМЕЙСКИМ ПИСЬМОМ, НАЙДЕННЫЕ В РАЙОНЕ ОЗЕРА СЕВАН В 1906 и 1932 гг.

(Табл. 77, рис. 31—32)

В Историческом музее Академии наук Армянской ССР хранятся два камня (I, II), из базальта, с высеченными на них надписями арамейскими буквами.

Камень I был обнаружен Е. А. Лалаяном в 1906 г. в селе Кулали, Нор-Баязетского района, в 6 км от западного берега озера Севан; по словам местного крестьянина, камень этот был найден в 1898 г., якобы во рву с человеческими костями.

Камень II найден в 1932 г. на правом берегу реки Адияман в деревне Верхний Каранлуг Мартунийского района, в 4—5 км от южного берега озера Севан. Обстоятельства находки этого камня не известны; он был обнаружен уже встроенным в угол стены дома местного священника. Таким образом, оба камня обнаружены на расстоянии 20—25 км друг от друга. Размеры камней: I—выс. 42 см, шир. 30 см, толщ. 16—20 см; II—выс. 42 см, шир. 23 см, толщ. 21 см.

Камни эти имеют одинаковую форму—толстой, хорошо обтесанной плиты, с тремя тупыми зубцами вверху, имеющими округлые очертания. У плиты II отбит правый край с одним зубцом (табл. 77).

На сохранившихся частях обеих камней имеется по четыре строки надписей.

Высота букв разная, в среднем около 4 см, глубина их на камне I—3 мм, на камне II—4 мм.

¹ В замке Аяберд (на склонах Арагаца) во время раскопок под руководством акад. И. А. Орбели в 1936 г. были обнаружены две каменные двери (базальтовые плиты с пятниками), закрывавшие вход в замок X в. Точно такими дверями из базальта запирались входы в башни города Ани.

Е. А. Лалаян издал в 1931 г. изображение камня I, не делая попыток расшифровать текст надписи.¹

Находчик камня II обратил внимание на то, что первые строки этой надписи совпадают по начертаниям с первыми строками на камне I, и высказал предположение, что в обоих случаях мы, возможно, имеем дело с надгробными надписями; он предполагает также, что эти надписи высечены письмом элевантинских папирусов ахеменидского времени.² На этом основании он полагает, что обе надписи следует относить к ахеменидскому периоду и что языком их является наречие народа ути (совр. удины), который,

Рис. 31—32. Две надписи арамейским письмом. Район озера Севан.

по его мнению, в древности занимал территорию в районе Севанского озера. На такой же точке зрения стоял А. Пайазат,³ пытавшийся прочесть надписи исходя из форм арамейского письма; однако, по словам А. Я. Борисова, А. Пайазату удалось „правильно опознать четыре знака, но остальные буквы были им прочитаны совершенно ошибочно, и это, в соединении с искусственными и фантастическими толкованиями, привело автора к совершенно неправильным выводам“.⁴

Фотографии надписей были направлены акад. П. К. Коковцову в Ленинград, а также Хайку Берберяну в Париж; последний

¹ Е. А. Лалаян. Раскопки могильников в Советской Армении. Ереван, 1931. (На арм. яз.).

² С. Бархударян. Две арамейские надписи. Сб. „Материалы по истории Древней Армении“ Ереван, 1935, стр. 207—208.

³ А. Пайазат, Сб. „Материалы по истории Древней Армении“, стр. 217—219.

⁴ А. Я. Борисов. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. ВДИ, 1946, № 2, стр. 98 (статья эта была издана посмертно).

передал снимки повидимому, известному кунеологу Тюрю-Данжену.¹ Оба крупнейшие специалиста признали, что буквы — арамейские, а язык — не арамейский, читается имя „Артаксеркс“.²

В 1934 г. А. Я. Борисов видел фотографии этих надписей, но снимки были настолько мелки, что кроме имени Артаксеркс он ничего разобрать не мог. Только по получении хороших снимков и эстампажей А. Я. Борисову удалось в конце 1940 г. прочесть первые три строки надписи;³ четвертую строку прочесть было труднее, и по поводу нее им была высказана только догадка.⁴ И. А. Орбели, соглашаясь с А. Я. Борисовым, тоже полагал, что эти надписи, составленные на армянском языке, начертаны были, ввиду отсутствия у армян во II в. до н. э. своего алфавита, письмом арамейским.⁵ Что касается назначения камней, то И. А. Орбели высказал предположение, что они могли являться межевыми, пограничными знаками, и ссылался при этом на имеющееся у Моисея Хоренского сообщение, что „Арташес приказывает определить границы деревень и агараков. Ибо он умножил население Армении, приведя много пришлых племен [родов] и поселив их в горах, долинах и равнинах. И знаки границ установил он так: приказал обтесать четырехсторонние камни, углубить их середину наподобие чаши,⁶ зарыть их в землю и поставить на них четырехугольные башенки, немного выше уровня земли“.⁷ Как видно из этих слов армянского историка, общий вид камней подходит под это описание: и четырехгранность камней-башенок с зубцами сверху, и их незначительная высота.

К этому вопросу Моисей Хоренский возвращается еще раз там, где подробно говорит о деяниях Арташира Папакана в Армении: „и границы, установленные Арташесом, он восстановил, водружая в стране камни, и переименовав их по своему имени, назвал Арташировыми (*արտաշիւրի քարեր*)“.⁸

¹ Как это удалось впоследствии (с помощью „изустных сведений“) выяснить А. Я. Борисову (ук. соч., стр. 98).

² С. Бархударян, ук. соч., стр. 208.

³ А. Я. Борисов. Надписи армянского царя Арташеса. Газ. „Советакан Айастан“, 16 II 1941. (На арм. яз.).

⁴ А. Я. Борисов. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении, стр. 97—104.

⁵ И. А. Орбели, Заметка в газ. „Известия“, М., 31 I 1941, № 25.

⁶ В подлиннике слово *չիւիւ* „пнак“, означающее не только чашу, тарелку, но и таблицу, доску; следовательно, форма углубления четко текстом не определяется.

⁷ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 56. (Перев. И. А. Орбели).

⁸ Там же, гл. 77. (Перев. И. А. Орбели).

О царе Арташесе известно сравнительно немного. По словам Полибия, Арташес (Артаксий) ὁ τῆς πλείστης Ἀρμενίας ἄρχων¹ 'правитель наибольшей части Армении' был при селевкидском царе Антиохе Великом стратегом Великой Армении.² В Софене такое же положение занимал Зарех (Зариандр), а в Малой Армении Митридат. Этническое происхождение их пока не поддается выяснению; наиболее вероятным представляется, что они являлись местными армянскими князьями, предки которых выполняли обязанности персидских сатрапов в предшествующие века.

Армения, по словам Страбона, „была вначале мала“, но Арташес (Артаксий) и Зарех (Зариандр) расширили пределы своих владений за счет земель, отнятых на севере и на востоке у Мидии и Иберии, а также за счет халибов, моссинойков, катаонов и сирийцев — на западе и юге.³

„Великая Армения“ Арташеса I (189—160), объединявшая ряд разобщенных армяноязычных племен и народностей, стала первым крупным и самостоятельным государственным образованием на территории Армении, „все жители которого“, по словам Страбона, „говорили на одном и том же языке“.⁴ Армению при Арташесе I следует, повидимому, рассматривать как восточную деспотию с рабовладельческим укладом общества, сохранившим пережитки первобытно-общинного строя. Я. А. Манандян, мне кажется, прав, когда полагает, что слова Страбона о „единоязычии“ в этот период надлежит „понимать в том смысле, что при нем в Армении господствующим и наиболее распространенным языком был армянский“.⁵

При Арташесе I в излучине Аракса (около нынешнего Хор-Вирапа, в районе селения Арташат) было заложено основание города Арташата, обнесенного рвом и стеною.⁶ Арташат стал центром армянского царства и царской резиденцией,⁷ а проходивший через Айрататскую равнину „магистральный путь транзитной торговли, шедшей из Средней Азии и Китая к черноморским портам“,⁸ содействовал росту торгового значения Арташата.

После расшифровки надписей из района Севана А. Я. Борисовым, они попутно упомянуты в трудах Х. Самуэляна⁹ и

¹ Полибий, кн. XXVI, гл. 6, 12.

² Страбон, кн. XI, гл. 14, 5.

³ Там же.

⁴ То же.

⁵ Я. А. Манандян. Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943, стр. 20.

⁶ Страбон, кн. XI, гл. 14, 6.

⁷ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 49.

⁸ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 22.

⁹ Хачик Самуэлян. История армянского народа, I. Ереван, 1943, стр. 52, рис. 37. (На арм. яз.).

Я. А. Манандяна,¹ а также в одной из статей В. Минорского.²

Но четвертая строка надписей продолжала оставаться нерасшифрованной.

В 1948 г. появилась посвященная этим надписям работа Дюпон-Соммера,³ предложившего чтение этой четвертой строки.

А. Я. Борисов полагал,⁴ что письмо этих надписей „со всей определенностью должно быть признано древнеарамейским письмом в той его форме, которая характерна для памятников ахеменидского и эллинистического времени“. Он устанавливает „существенное различие“ в графическом стиле Севанских надписей при сравнении его с почерком египетско-арамейских памятников ахеменидского времени, написанных „письмом, порою приближающимся к письму знаменитых эфефантинских папирусов“. С другой стороны, отмечая совпадение характера начертаний Севанских надписей с начертаниями арамейских надписей, находимых в Малой Азии, он приходил к заключению, что Севанские надписи должны быть отнесены к „группе малоазийских памятников древнеарамейского письма“.⁵ А. Я. Борисов при этом сопоставляет письмо Севанских надписей с письмом „еще не вполне разъясненных“ надписей II в. до н. э. из Арабиссона (Киликия), которые были обнаружены Я. И. Смирновым в 1895 г.⁶ и вызвали дискуссию по вопросу, являются ли они по языку арамейскими или пехлевийскими.⁷ Севанские надписи, отмечает А. Я. Борисов, являются „самыми восточными из обнаруженных до настоящего времени арамейских надписей малоазийской группы“ (остальные найдены в Мёзии, Лидии, Ликий, Киликии и Малой Армении).

¹ Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. I. Ереван, 1944. стр. 128. (На арм. яз.).

² W. Minorsky. Oriental studies in the URSS. Journ. r. Central-Asian Soc., t. XXX, 1943, стр. 82 сл.

³ А. Дюпон-Соммер прочел доклад на эту тему в 1946 г., о чем см. отчет в: C. R. de l'Acad. des inscriptions et belles-lettres, Paris, 1946, 125—130. — A. Dupont-Sommer. Deux inscriptions araméennes trouvées près du lac Sévan (Arménie). Syria, v. XXV, 1946—1948, № 1—2, стр. 149—155.

⁴ А. Я. Борисов. Надписи Артаксия... стр. 97 и сл.

⁵ Там же, стр. 98—99.

⁶ Б. А. Тураев доложил письмо Я. И. Смирнова на заседании Отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской Русского Археологического общества 18 декабря 1895 г. (Зап. Русск. Археолог. общ., т. VIII, вып. 3—4, СПб., 1896, стр. 444—447).

⁷ А. Я. Борисов, ук. соч., стр. 99; см.: M. Lidzbarski. Aramäische Inschriften aus Kappadokien. Ephemeris für semitische Epigraphik, I, стр. 59 сл., 319 сл.

На основании палеографических особенностей, роднящих Севанские надписи с Арабиссонскими,¹ А. Я. Борисов, учитывая мнение М. Лидзбарского о подобных начертаниях, датирует Севанские надписи II в. до н. э.²

А. Я. Борисов дает следующую транскрипцию текста надписей (чтение дается слева направо, в порядке латинского, а не семитического письма):

Надпись на камне I

1. 'RTHŠSY
2. MLKBRZY
3. ZRYTR...
4. RVNDKNHLT

Надпись на камне II

1. 'R]THŠSY
2. ML]KBRZY
3. ZR]YTR HLT]
4. . . BYN . . .

Как видно из сопоставления текста обеих надписей, первые две строки совпадают в обеих надписях полностью. Третья строка в надписи на камне II содержит кроме тех пяти знаков, которые вырезаны и в надписи на камне I, еще три буквы (HLT), и такими же тремя знаками заканчивается в надписи I следующая, четвертая строка. Четвертая строка носит в обеих надписях различный характер.

Исходя из этой транскрипции, А. Я. Борисов читает и переводит надписи следующим образом:

Надпись на камне I. Artaxš(a)si или Artaxš(a)sē | m'lekh bar zi | Zaritar... | ravandakan (?) HLT |

'Арташес, царь, сын Заритара... идущие (?)'. HLT (?).

Надпись на камне II. Ar]taxš(a)si или Artaxš(a)sē | m']lekh bar zi | Zar]itar HLT] | . . BYN . . . Y . . .

'Арташес, царь, сын Заритара HLT (?)... между (среди)...'

В пехлевийской передаче надпись читалась бы, как указывает А. Я. Борисов:

I. Artaxš(a)si | šāh pus i | Zaritar | ravandakan HLT (?).

II. Artaxš(a)si | šāh pus i | Zaritar HLT | andar

Интересно наблюдение А. Я. Борисова, „что после имени Зариадра текст надписей, оставаясь на почве арамейского письма, переходит с арамейского языка (или, по крайней мере, арамейских слов) на какой-либо местный язык — вероятнее всего, на армянский или же на иранский“.³ А. Я. Борисов ссылается на М. Лидзбарского, который в остатках арамейских письмен, найденных в Малой

¹ А. Я. Борисов анализирует и сопоставляет начертания отдельных знаков (ук. соч., стр. 99).

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 102.

Азии, считал возможным усматривать остатки текста на персидском или армянском языке.¹

Четвертая строка, по мнению А. Я. Борисова, не может вызывать сомнений в том, что текст ее не арамейский (ravandakan — в надписи I).

А. Я. Борисов относит надписи ко времени Арташеса I, правившего в Армении в первую половину II в. до н. э. (189—160), и отмечает, что Севанские надписи сообщают нам имя отца Арташеса — Заритар или Зариатр (греч. *Zaritar*), — имя, которое носил (в греческой передаче) и современник Арташеса — Zareh, стратег или сатрап Софены, добившийся, как и он, независимости после 189 г. и ставший царем Софены.²

Отсутствие слова „царь“ после имени Зариадра А. Я. Борисов объясняет тем, что отец Арташеса не обладал царским титулом и что, следовательно, сын его, не будучи по рождению своему царского происхождения, стал основателем царской династии. Эта деталь дополняет имеющиеся у нас данные письменных источников об основателе династии Арташесидов.

Вывод А. Я. Борисова сводится к следующему: „если принять, что четвертая строка надписи содержит не арамейский, а армянский, иранский или какой-либо иной текст, то станут понятными и те погрешности против арамейской грамматики, которые были отмечены нами в тексте второй строки [излишний изафет]. Арамейские слова, являющиеся здесь остатками прежней эпиграфической традиции, сохраненными для большей торжественности в имени и титулатуре царя, могут быть, вместе с тем, рассматриваемы как гетерограммы. . . Исторически вполне возможно предположить, что и армянские цари, употребляя на монетах, по образцу большинства восточных эллинистических правителей, греческий алфавит, для внутренних нужд применяли — или только пытались применить — арамейское письмо, приспособив его к своему языку и заимствовав вместе с ним известное число арамейских слов, употреблявшихся идеографически“.³

На вопрос о назначении севанских камней ответ должна дать, по мнению А. Я. Борисова, четвертая строка, не поддающаяся все же расшифровке. Исходя из слова ravandakan, А. Я. Борисов допускал, что слово это, обозначающее „идущие“, „проходящие“ (причастие от персидского глагола raftan), могло бы указывать на „дорожный“ характер этих камней, являвшихся, быть может, „пограничными знаками или путевыми столбами“.⁴

¹ А. Я. Борисов, ук. соч., стр. 99, примеч. 3, и стр. 102—103.

² Страбон, кн. XI, гл. 14, 5.

³ А. Я. Борисов, ук. соч., стр. 103.

⁴ Там же, стр. 104.

Возможность их истолкования как эпитафии, надгробной надписи, А. Я. Борисов отвергал.

По сложному и спорному вопросу о языке надписи (как говорилось выше) такой же ответ был в Ереване получен в 1934 г. от П. К. Коковцова. Он писал, что буквы Севанских надписей являются арамейскими, но что язык — не арамейский; такое же мнение, как говорилось выше, высказал и Тюрю-Данжен.¹

В 1946 г. Севанским надписям был посвящен доклад Дюпон-Соммера в Парижской академии,² затем им изданный (в 1948 г.). Французский исследователь получил фотографии от Х. Берберяна, по ним он прочел и перевел надписи³ до своего ознакомления в 1945 г. со статьей А. Я. Борисова в армянской газете, о которой он узнал из статьи В. Минорского.⁴

Как и А. Я. Борисов, Дюпон-Соммер относит надписи, на основании исторических и палеографических данных, к первой половине II в. до н. э., но расходится с ним в вопросе о языке надписи, высказывая твердое убеждение, что и язык и письмо надписи — арамейские; однако он не относит его к малоазийской группе, с которой ее сопоставляет А. Я. Борисов, отмечавший наибольшее сходство именно с надписями из Арабиссона. Дюпон-Соммер ограничивается указанием,⁵ что арамейские надписи были широко распространены в западной Азии в послеахеменидский период, что их находили в Киликии, Лидии, Каппадокии, Атропатене (Сенд-Кале), Афганистане, Индии (Таксиле) и Грузии (Армази) и что Севанские надписи являются первыми арамейскими надписями, обнаруженными в Армении.⁶ Как видно отсюда, Дюпон-Соммер не различает разнородные арамейские надписи, в то время как одним из достижений советской науки является именно дифференциация различных типов арамейского письма, связанного с культурой того или иного народа, что нашло освещение, с одной стороны, в статье А. Я. Борисова,⁷ а с другой — в посвященных армазско-арамейскому письму трудах Г. В. Церетели.⁸

Первые три строки Дюпон-Соммер читает так же, как и А. Я. Борисов, и так же усматривает в „Artaxš(a)si“ надписи

¹ С. Бархударян, ук. соч., стр. 208.

² C. R. de l'Acad. des inscriptions et belles-lettres, 1946, стр. 126—130.

³ A. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 55.

⁴ W. Minoriski, ук. соч., стр. 82 сл.

⁵ A. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 66.

⁶ Там же, стр. 66.

⁷ А. Я. Борисов. Надписи Артаксия. . .

⁸ Г. В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. Эпиграфика Востока, II, 1948; III, 1949.

упоминание армянского царя Арташеса I, сына Зариадра (арм. Зареха).

Четвертую строку I надписи, где А. Я. Борисов допустил возможность чтения „*gavandakan*“, Дюпон-Соммер, исходя из того, что это якобы арамейский язык, читает следующим образом: первые четыре знака, по его мнению, обозначают, слово „рыба“; следующие две буквы — наречие „тут, здесь“, а последние три знака (HLS) — прошедшее время (*perfectum*) от глагола „тянуть, тащить“, в данном случае, повидимому, „ловить, вылавливать“. Таким образом, французский исследователь четвертую строку читает так: „рыбу здесь ловил (тянул)“.

Аналогичный по содержанию текст, по Дюпон-Соммеру, начертан в конце третьей и в четвертой строке II надписи, с иной только расстановкой слов и с другим наименованием рыбы: в конце третьей строки, после имени Зариадра, стоит тот же глагол — „ловил (тянул)“, в четвертой же строке Дюпон-Соммер усматривает сначала остаток от слова, означающего „здесь“, а затем три первых знака от следующего слова — названия другого вида рыбы, карпа или усача (*barbus canis*). В надписи II, таким образом, дополнение стоит после сказуемого — „тянул (ловил) здесь карпа“.

Исходя из этого текста надписи, Дюпон-Соммер объяснял назначение этих камней: по его мнению, они были перенесены на место находки с берега озера, где служили для укрепления на них сетей, для чего, якобы, и имеются сверху две выемки между тремя зубцами, облегчавшие царю вытаскивание сетей. Далее он полагает, что Арташес ловил здесь неводом рыбу в религиозно-ритуальных целях и что на тех камнях, около которых эти церемонии имели место, были вырезаны памятные об этом надписи.

Предположение Дюпон-Соммера не выдерживает критики. Во-первых, маловероятно и ничем не доказано не только то, что с западного берега озера Севан камень был кем-то и зачем-то перенесен на 6 км в глубь страны, но и что с южного берега аналогичный камень перетащили в глубь страны на 4—5 км. Во-вторых, царь Арташес должен был быть карликом или же он лишь в детском возрасте занимался вытаскиванием сетей, если, как думает Дюпон-Соммер, выемки на камне должны были позволить царю не наклоняться при вытаскивании сети:¹ ведь высота камня — 42 см. К тому же, как выяснено в 1951 г., Севанское озеро было в древности меньших размеров, чем в настоящее время; значит, камни найдены на расстоянии не 4—6 км от берега, а дальше от него, что делает их истолко-

¹ A. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 62—63.

вание как приспособления для рыболовных сетей еще более нелепым.

Кроме всего этого, трудно предположить, чтобы такие „технические приспособления“ для вытаскивания сетей, укоренившиеся в местном быту до такой степени, что вошли даже в культовый обиход и церемониал, — ни в какой мере не повлияли на близкую к нашему времени местную технику рыболовства, учитывая непрерывность рыболовства в данном районе, особенно богатом рыбой, на протяжении двух тысяч лет в одной и той же основной этнической среде. Между тем, ничем сколько-нибудь похожим на эти „рыболовные приспособления“ Дюпон-Соммера ни севанские рыбаки, ни другие рыбаки не пользуются, хотя и тянут сети.

Против этой фантастической гипотезы говорит и то обстоятельство, что сходную с севанскими камнями форму с выступами-зубцами вверху имеют и известные пунические стелы с надписями,¹ содержание которых с рыбной ловлей никак не связано.

Возможно ли принять предлагаемое Дюпон-Соммером чтение, а затем, следовательно, и истолкование последних строк надписей — на это могут ответить только семитологи. В пользу гипотезы Дюпон-Соммера могло бы говорить одно только обстоятельство, отмеченное Х. Берберяном,² а именно, что оба камня найдены в том районе Севанского побережья, где и в настоящее время преимущественно производится ловля знаменитой севанской форели. Дюпон-Соммер отмечает также, что надписи на обоих камнях резали разные резчики, так как буквы надписи I имеют округлые очертания, а буквы надписи II — угловатые. Отмечает он и некоторые грамматические особенности языка („провинциализмы“ или „солецизмы“), такие, например, как лишний изафет во второй строке надписи, и др.

А. Я. Борисов обратил уже внимание и на этот излишний изафет, и на „грубую неуклюжесть буквенных очертаний, обнаруживающую малоопытного писца“³ — одна из деталей, позволяющих остановиться на вопросе о языке надписи. У нас нет решительно никаких данных для предположения, что в Армении II в. до н. э. мог быть в ходу арамейский язык. Самый строй семитического языка настолько отличен от древнеармянского, что трудно предположить возможность его распространения среди населения, для которого ведь и была высечена эта памятная или пограничная надпись. Но зато у нас есть определенные данные, свидетельствующие о применении армянами, ввиду отсутствия собственного алфавита, арамейского, греческого и пехлевийского

¹ На это мне указал И. М. Дьяконов.

² А. Dupont-Sommer, ук. соч., стр. 63.

³ А. Я. Борисов, ук. соч., стр. 98.

(т. е. тоже приспособленного арамейского) письма в период до конца IV в., когда, наконец, сложился и вошел в употребление армянский алфавит. Об этом нам сообщают армянские историки, об этом свидетельствуют надписи, находящиеся на территории Армении, а кроме того, это явление наблюдается у ряда народов, не выработавших еще своего собственного алфавита (стр. 99 сл.).

А. Я. Борисов, мне кажется, был более прав, полагая, что „после имени Зариадра текст надписи, оставаясь на почве арамейского письма, переходит с арамейского языка (или, по крайней мере, арамейских слов) на какой-либо местный язык — вероятнее всего, на армянский или же на иранский“. Этим обстоятельством А. Я. Борисов объясняет те погрешности против арамейской грамматики, которые были отмечены им в тексте второй строки. Арамейские слова, сохраненные в имени и титулатуре царя, по его мнению, „могут быть вместе с тем рассматриваемы и как гетерограммы“.¹

Изучение и истолкование текста и назначения Севанских надписей не может считаться законченным, так как определение языка (не письма) надписи как арамейского вызывает большие сомнения.²

В 1950 г. в том же районе Севанского озера, в сел. Дзорагюх обнаружен еще один, третий камень аналогичной формы с высеченной на нем надписью арамейскими буквами, но, к сожалению, этот камень отличается от двух первых более плохой сохранностью.³ Возможно, что он прольет некоторый свет на то, что остается неясным в тексте двух первых надписей.

За предположение, высказанное в 1941 г. И. А. Орбели, что севанские камни с надписями арамейским письмом, палеографически датируемые II в. до н. э., являлись пограничными, или межевыми, столбами,⁴ говорит, с одной стороны, то обстоятельство, что в настоящее время нам известны уже три камня, найденные все в одном и том же районе. С другой стороны, совпадение текста двух первых строк в обеих надписях (I, II) может говорить о том, что в следующих строках, различных по содержанию, указывалось либо географическое наименование, либо имя владельца участка. В пользу такого истолкования назначения камней свидетельствует и сохраненное народной памятью и Моисеем

¹ А. Я. Борисов, ук. соч., стр. 102 и 103.

² Над текстом этих надписей продолжают работу семитологи И. М. Дьяков и К. Б. Старкова.

³ Об этом камне мне сообщил архитектор Липарит Садоян.

⁴ А. Я. Борисов (ук. соч., стр. 104) считал, что „от правильной расшифровки четвертой строки зависит и определение назначения севанских стел, являются ли они пограничными знаками или путевыми столбами, или поставлены в ознаменование каких-либо особых событий“.

Хоренским приведенное выше свидетельство о расстановке пограничных камней Арташесом, по всей вероятности, в связи с распределением им земель между помогавшими ему воцариться представителями военно-рабовладельческой знати; в связи с этим „он повелел определить границы деревень и агараков“. Это мероприятие вызвало, по видимому, то „ужасное волнение смуты“, как говорит историк, т. е. восстание, во время которого Арташес погиб от руки своих воинов (см. выше, стр. 8—11, а также стр. 146 и сл.).

Помимо всего этого, особенно интересно совпадение описания межевых знаков Арташеса в тексте Моисея Хоренского с формой дошедших до нас севанских камней. Четырехгранные камни у Моисея Хоренского названы „башенками“, — и действительно, камни снабжены сверху зубцами. Эти башенки, по словам историка, должны были „слегка возвышаться над землею“ — и действительно, высота камня — только 42 см.

На этих башенках имелись надписи с именем Арташеса, судя по словам Моисея Хоренского, который к описанию вида этих камней добавляет: „Арташир, сын Сасана, возревновав к этому, подобное же приказал сделать и в персидской стране и назвать по его имени, чтобы больше не упоминалось имя Арташеса“.¹ Этот текст дает основание полагать, что на указанных пограничных камнях имелась надпись и было высечено имя Арташеса, не даром Арташир I (226—244) приказывает поставить такие же камни и по ту сторону границы (по видимому, на территории, отошедшей к персам). Об этом факте Моисей Хоренский говорит вторично в другой главе: после сообщения о том, что римский император, „заключив мир с Арташиром, разделил нашу страну и рвами обозначил границы“, говорится, что „границы, назначенные Арташесом, возобновил Арташир и обновил [на земле?] камни и, на свое имя переделывая, назвал их Арташировыми“.² Нельзя ли заключить из этого, что до III в. камни в виде башенок с именем Арташеса продолжали не только служить пограничными, или межевыми, знаками, но и носить название „Арташесовы“?

В связи с сообщением о том, что границы были обозначены рвами, нельзя ли высказать также предположение, что „Арташесовы камни“ при замене их „Арташировыми“ были местами сброшены в пограничный ров, поскольку камень I был найден, по словам находчика, во рву (стр. 162).

В заключение следует указать, что Дюпон-Соммер ошибался, полагая, что севанские камни являются первыми арамейскими

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 56 (перев. И. А. Орбели).

² Там же, гл. 77. (Перевод И. А. Орбели). — О пограничных рвах см.: Агафангел, гл. III, § 16.

надписями, обнаруженными в Армении. Дело в том, что в Государственном Эрмитаже хранится печать с арамейской надписью, в середине прошлого века находившаяся на руках у секретаря русского консульства в Эрзеруме (арм. Карин) Иванова. Эта печать из агата, найденная в Армении, имеет чечевичную форму и снабжена резьбой на обеих сторонах: на одной вырезаны арамейская надпись в две строки и бегущий влево кабан, на другой — скачущий козерог и бегущая за ним собака. Надпись состоит из двух слов, начертанных арамейским письмом, по мнению первого ее издателя, О. Блау, близким к письму на монетах малоазийских персидских сатрапов. Блау полагал, что на печати вырезаны собственное имя *Μιθράστας* или *Μιθράσττας*,¹ то есть какая-то местная форма имени „Митридат“.

Во втором слове он усматривает, с сомнением, титул *hamarkar*, лицо, ведавшее сбором податей, а также царскими охотничьими законами и парками,² на что, по мнению Блау, указывают и изображенные на печати козерог, кабан и собака.

Не исключена возможность, что арамейской является также надпись, фрагментарно сохранившаяся на порфировой скале на яйле Караташ, обнаруженная французскими исследователями³ на территории Малой Армении в районе города Никополя.

4. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ГАРНИ В 1945 г.

(Табл. 78—79, рис. 33)

В „Истории Армении“ Моисея Хоренского имеется рассказ о том, как „Трдат завершил постройку крепости Гарни из отесанных базальтовых глыб с железными скрепами и свинцом. В ней [крепости] он выстроил и летний дом с резьбой, с высокими рельефами для сестры своей Хосровидуخت и написал на нем [или „в нем“] памятную о себе [надпись] эллинскими буквами [эллинским письмом]“.⁴

Это ценное сообщение армянского историка давало основание ожидать нахождения такой надписи или обломков ее на территории Гарни, исходя из того, что Моисей Хоренский в конце V—

¹ O. Blau. Über einen aramäisch-persischen Siegelstein. ZDMG, Bd. XVIII, 1864, стр. 299—300.

² О. Блау ссылается при этом на данные Библии (Книга Есры, 7, 21).

³ Fr. Cumont et E. Cumont. *Studia Pontica*, v. II, Bruxelles, 1906, стр. 316.

⁴ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90. — Текст Моисея Хоренского не дает оснований для уверенности в том, что он говорит о надписи на здании (или в нем); с равным основанием его слова о „надписи эллинскими буквами“ могут быть отнесены к крепости в целом, все зависит от расстановки знаков препинания, каковых в подлиннике нет.

начале VI в. мог принять храм за дворец; но греческой надписи или надписи, „написанной эллинскими буквами“, раскопки 1909—1910 гг. не обнаружили.

В 1945 г. на территории современного кладбища около селения Гарни случайно была обнаружена базальтовая плита с греческой надписью, лежавшая боком на одной из могил в виде надгробной плиты, на верхней стороне которой был высечен крест,¹ вероятно, в VIII в. (табл. 78—79).

Находка эта вызвала большой к себе интерес ввиду исторического значения всего, что связано с древним Гарни, и особенно в связи с упомянутым рассказом Моисея Хоренского об имевшейся в Гарни надписи, — тем более, что в первой строке надписи читалось имя *Τριδύτης*.

Первым, через несколько недель после ее появления, издал эту надпись С. Д. Лисициан, поместивший свое чтение и перевод текста в ереванских газетах.² В 1946 г. вышла статья Я. А. Манандяна, в которой он ставил и по-своему разрешал также и вопрос о времени построения Гарнийского храма.³ В том же 1946 г. мною был прочитан доклад, в котором я предлагала свое чтение, датировку и истолкование этой надписи;⁴ текст этого доклада вышел из печати в 1949 г.⁵ В 1950 г. Я. А. Манандян вернулся к вопросу о надписи, предложив некоторые поправки к своему чтению и подвергнув критике мое истолкование ее текста.⁶ Как видно из этой статьи акад. Я. А. Манандяна, в 1947 г. в армянском журнале „Эчмиадзин“ была напечатана посвященная этой же надписи статья А. Абрамяна.⁷

Во время работы над текстом надписи в 1945—1946 гг. я располагала прекрасными эстампажем и фотографиями,⁸ только в 1950 г. я имела возможность увидеть камень, к этому времени перенесенный работниками Гарнийской археологической экспедиции

¹ Б. Н. Аракелян. Гарни, I, стр. 64, рис. 59.

² С. Д. Лисициан, газ. „Советакан Айастан“ (на арм. яз.) от 23 сентября 1945 г., № 201, и газ. „Коммунист“ от 30 сентября 1945 г., № 207.

³ Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма. Изд. Ерев. Гос. унив. им. В. М. Молотова, Ереван, 1946. (На арм. яз., со значительно сокращенным русским переложением).

⁴ Доклад на сессии Отделения истории и философии АН СССР, 29 ноября 1946 г. (см. ВДИ, 1947, № 2, стр. 212—213).

⁵ К. В. Тревер. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., 1949 (изд. Гос. Эрмитажа).

⁶ Я. А. Манандян. Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни. Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1951, № 4.

⁷ А. Г. Абрамян. Гарнийская греческая надпись. „Эчмиадзин“, 1947, март — апрель. (На арм. яз.).

⁸ За которые приношу В. М. Арутюняну и Н. М. Токарскому мою глубокую благодарность.

Акад. наук Арм. ССР обратно с кладбища в крепость и установленный у ее ворот. Осенью 1951 г., пользуясь длительным пребыванием в Гарни во время работы названной Гарнийской экспедиции, я еще раз внимательно проверила свое чтение надписи по подлиннику, при этом особенно тщательно проверила те места надписи, где мною еще в 1946 г. предлагались восстановления, в том числе и передача греческими буквами армянских терминов.

Хотя оба первых издателя — С. Д. Лисициан и Я. А. Манандян — и расходились в чтении и истолковании текста надписи, они, тем не менее, оба сошлись на том, что надпись эта была помещена на самом храме. Но для утверждения, что эта надпись помещалась первоначально на самом храме (или внутри его), у нас нет никаких оснований. Во время раскопочных и исследовательских работ 1909—1910 гг. было установлено, что на стенах храма для упоминаемой у Моисея Хоренского надписи подобающего ей места вообще не имелось: все камни, которые подходили бы для помещения на них такого текста, были во время раскопок тех годов обнаружены, но никакой надписи на них или следов ее установить не удалось. Дело в том, что такой надписи раскопки и не могли дать, так как раскопанное здание оказалось не дворцом, а храмом.

Хотя в 1909—1911 гг. археологическая экспедиция обследовала не только храм на мысу, но и территорию крепости, древний город и соседние холмы с развалинами и хачкарами, расчистке тогда были подвергнуты только храм и его ближайшее окружение. Площадь, на которой предположительно мог находиться дворец, раскопана не была, так же как и территория, прилегающая к стенам и башням.

Текст надписи

Надпись высечена на базальтовой плите, по породе камня, по форме, размерам и отеске соответствующей аналогичным плитам крепостной стены. Справа край плиты сбит во всю толщину ее, задний правый угол не сохранился, следовательно, установить первоначальную длину камня не удастся. Судя по сохранившимся камням в кладке крепостной стены, длина плит 154—205 см. Длина лицевой стороны плиты (где высечена надпись) 150 см, высота ее 52 см, толщина 77—78 см. Сохранившаяся часть надписи занимает в длину 109 см.

На верхней плоскости плиты в трех углах ее имеется по углублению (3 × 5 см при глуб. в 4 см) для металлических скоб и свинцовой заливки горизонтального крепления. Лицевая и левая боковая плоскости обтесаны. Левая часть лицевой стороны камня не повреждена; поверхность ее не сбита, а представляет

необтесанную часть плиты, которая уходила, видимо, в кладку, что и дает основание высказать ниже предположение об одном из возможных мест ее нахождения в стене.

Сохранившаяся часть надписи имеет следующий вид (прорисовка по эстампажу):

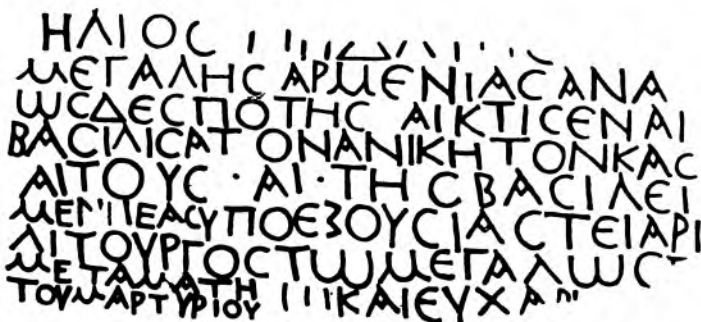

Рис. 33. Греческая надпись. Гарни.

Надпись содержит восемь строк, вырезанных лапидарными греческими буквами (высота букв в большинстве 5—5,5 см), но в левой стороне плиты не восемь строк, а девять, так как на пространстве, занятом в правой половине надписи одной (восьмой) строкой, в левой половине как бы втиснуты две строки более мелкими (выс. 3 см) буквами. Эти две строки отличаются от остальной надписи не только размерами букв, но и характером их очертаний. То же самое должно быть сказано и о первом слове шестой строки.

В первой строке отчетливо видно первое слово $\eta\lambda\iota\omicron\varsigma$, от второго слова сохранилась нижняя половина всех букв, дающая возможность читать $\tau\iota\rho\iota\delta\alpha\tau\eta\varsigma$. На остающемся отрезке первой строки могут уместиться еще пять таких же крупных букв. Я восполняю: $\mu\epsilon\gamma\alpha\varsigma$ или $\acute{o}\ \mu\epsilon\gamma\alpha\varsigma$ 'великий', как читаем в Апаранской надписи царя Тиридата.¹ Итак, первая строка читается: $\eta\lambda\iota\omicron\varsigma\ \tau\iota\rho\iota\delta\alpha\tau\eta\varsigma\ \acute{o}\ \mu\epsilon\gamma\alpha\varsigma$.

Два первых слова второй строки $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\eta\varsigma\ \text{A}\rho\mu\epsilon\nu\iota\alpha\varsigma$ 'великой Армении' читаются отчетливо, а следующее за ними слово начиналось с $\alpha\upsilon\chi$. Так как в упомянутой Апаранской надписи после имени Тиридата и слов $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\eta\varsigma\ \text{A}\rho\mu\epsilon\nu\iota\alpha\varsigma$ стоит слово $\beta\alpha\sigma\iota$

¹ М. И. Ростовцев. Апаранская греческая надпись царя Тиридата. Анийская серия, № 1, СПб., 1911, стр. 27—28; см. стр. 271 и сл.

λέως 'царь', то здесь мы вправе ожидать равнозначное слово, но начинающееся с ἀνα, каковыми могли бы быть или ἀναξ 'государь, царь' или же более пышный и поэтический термин — ἀνάκτωρ. Исходя из того, что размеры строки допускают после букв ἀνα еще 4—5 букв, я предлагаю читать требуемое словом и прекрасно уместяющееся слово ἀνάκτωρ 'владыка' ('царь', 'государь') — слово, встречающееся как у Эсхила и Еврипида, так и у Кассия Диона.¹ Принимая во внимание, что у Еврипида слово ἀνάκτωρ употребляется в применении к царю Понта и учитывая малоазийское происхождение Диона и то, что он одно время управлял Пергамом, — возможно, что этот термин был в ходу в Малой Азии и, может быть, в Армении.² Выбор этого именно слова мог быть обусловлен той исторической обстановкой, в которой составлялась и высекалась эта надпись, о чем речь будет далее (стр. 200).

Первые два слова третьей строки ὡς δεσπότης читаются хорошо, так же как и третье слово αἰκτιγεν — аорист от глагола κτίζω 'строю', 'основываю'. Передача в слове αἰκτιγεν начального ε через αι — обычное явление: утеря в это время в греческом языке различия между дифтонгами, долгими и краткими звуками и произвольное восстановление писцами или резчиками этих долгих звуков и дифтонгов по традиционному написанию. Это явление наблюдается и в ряде надписей Черноморского побережья,³ а также в надписях Малой Азии.⁴ В Гарнийской надписи это встречается вторично в пятой строке — в слове αἴτους⁵ (стр. 181).

¹ Эсхил. Ховфоры, ст. 356. — Еврипид. Ифигения в Тавриде, ст. 1414. — Кассий Дион, кн. 76, гл. 4 (Codex Vaticanus и Codex Coislinianus). — См. словари: М. А. Bailly (Dictionnaire grec-français, Paris, 1910). Константи́ниди (Μεγα λεξικόν τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης Ἀνέστη Κωνσταντινίδου ἐν Ἀθήναις 1901) и Софоклис (Greek Lexikon of the Roman and Byzantine Periods . . ., 1890).

² Этот термин встречается также в надписи II—III вв., найденной на острове Филы (SIG, t. III, 4944-в).

³ В. В. Латышев. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini, т. II, стр. 334; здесь сопоставлены случаи передачи ε через αι. — П. Леонтьев. Разыскания на устьях Дона (Танаис). ПроPILEI, М., 1854, стр. 425: μεγάλου βασιλείως (надпись № 8, строка 4); там же, стр. 432 о надписях из Танаиса: «из орфографических ошибок видно, что некоторые буквы произносились совершенно так, как их теперь произносят новые греки: η за ι, υι за ι, αι за ε, ει за ι».

⁴ W. H. Buckler and W. M. Calder. Monuments and documents from Phrygia and Caria. Monumenta Asiae Minoris Antiquae, v. VI, № 238, Manchester, 1939 (ср стр. 162).

⁵ О многочисленности и разнообразии орфографических ошибок в греческих надписях римского времени ср.: Fr. Blass. Palaeographie. Handb. d. klass. Altertumswissensch., Bd. I, München, 1892, стр. 314—315; на первом месте он указывает на смешение ε и αι (см. также: В. В. Латышев, ук. соч., т. II, стр. 334—335).

После $\alpha\chi\tau\iota\sigma\epsilon\upsilon\varsigma$ следует слово, которое должно обозначать то, что было построено Тиридатом; от этого слова сохранились А и палочка, по всей вероятности, от γ . Сначала мне казалось, что тут можно было бы, отбросив от слова $\alpha\chi\tau\iota\sigma\epsilon\upsilon\varsigma$ конечное N аориста, читать $\nu\chi\gamma$, а в целом — слово $\nu\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha\tau\alpha$, встречающееся у Иосифа Флавия¹ и в словарях переводимое как «стены». Но несмотря на большую смысловую значительность этого термина, правильнее от него отказаться не только ввиду единичности его применения (только у Флавия Иосифа), но и ввиду того, что по контексту этим словом у него, вопреки указанию Софоклиса,² может быть, обозначаются не стены, а какие-то ходы, связанные со стенами.

Изучая в 1945—1946 гг. надпись по фотографиям и эстампажу, я в 1946 г. во время своего первого доклада предложила следующее: оставив ν в слове $\alpha\chi\tau\iota\sigma\epsilon\upsilon\varsigma$ (следующее слово начинается с гласной), читать $\alpha\gamma$, восполняя или $\alpha\gamma\rho\omicron\iota\kappa\iota\alpha$ ³ ($\alpha\gamma\rho\omicron\iota\kappa\iota\alpha$ 'загородное поместье', 'усадебн⁴'), или, что не только в высшей степени соблазнительно, но и более правильно, — созвучный, но не греческий, а армянский термин աղարակ („агарак“),⁵ употребляемый и в грузинском — აგარაკი („агараки“), где „и“ является падежным окончанием.

Правда, вторая буква в виде палочки могла бы допустить и наличие буквы ν , и в таком случае возможно было бы восстановить греческое слово $\alpha\nu\acute{\alpha}\chi\tau\omicron\rho\omicron\varsigma$ 'царский дворец', встречающееся у Геродота, Еврипида и у писателей II в. — Лукиана, Павсания и Плутарха,⁶ и хотя оно заняло бы столько же места, сколько $\alpha\gamma\rho\omicron\iota\kappa\iota\alpha\nu$, мы имели бы дело с греческим словом, обозначающим то, что Тиридат не то построил, не то возобновил в крепости Гарни (стр. 204). Но осмотр камня в 1951 г. мною и И. А. Орбели подтвердил, что отчетливо видная после А прямая черта может быть только I или частью буквы Г, потому что вправо от этой черточки камень сохранился достаточно, и можно

¹ Флавий Иосиф. Иудейская война, кн. I, гл. 21, 7.

² Софоклис, ук. соч., $\nu\acute{\alpha}\gamma\mu\alpha$.

³ Термин $\alpha\gamma\rho\omicron\iota\kappa\iota\alpha$ встречается, между прочим, и в одной малоазийской греческой надписи (W. Dittenberger. *Orientalis Graeci inscriptiones selectae*, т. II. 1905, № 519, строка 30).

⁴ Софоклис (стр. 73) переводит *rus, villa* — „country“ и указывает, что в этом значении оно встречается у Дюдора, Плутарха, Марка Аврелия и др. Ср. также надпись у Диттенбергера (W. Dittenberger. *Sylloge inscriptionum graecarum*. Lipsiae, 1898, № 177, 100).

⁵ С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1, стр. 13—14.

⁶ W. Pape, *Griechisch-deutsches Handwörterbuch*, Braunschweig, 1849. — Fr. Passow, *Handwörterbuch der griechischen Sprache*, Leipzig, 1841. — Константиниди, ук. словарь; M. A. Bailly, ук. словарь.

было убедиться, что в эту сторону могла отходить только прямая головка Г (возможность предположения тут N, P или K отпадает, а тем более отпадают Т и П, так как влево от вертикальной черточки камень совершенно цел, и никаких следов левого выступа Т или П не имеется).

Проверка чтения по камню привела меня к заключению, что восстановление *ἀγροίκην* требует больше места и что следует предпочесть имеющее примерно то же значение армянское слово *աղարակ* „агарак“, которое лучше укладывается в конец строки. Восстанавливая *αγ* в форме *ἀγάρακον*, я исходила из следующих соображений. Поскольку в армянском языке грамматического рода нет, то естественно, что армянское слово *ἀγάρακ* или, с определенным местоимением — *ἀγάράκην* должно было восприниматься как существительное среднего рода: известно, что при заимствовании греческим языком слов из других языков эти заимствованные слова обычно воспринимались в греческом языке в форме среднего рода.

Итак, третья строка читается мною так: *ὅς δεσπότης κτίτισεν ἀγάρακον* 'когда властитель построил усадьбу...'

Четвертая строка начинается словом *βασίλισσα* 'царица' (или 'царевна') с орфографической ошибкой — одна буква *σ* вместо двух, — ошибка, которая в надписях встречается неоднократно.¹ Слово это по контексту должно быть в дательном падеже: *jota subscriptum* в надписях, как известно, под буквою не ставится.

Дальше читается полностью *τόν ἀνίκητον* 'непобедимый' в винительном падеже — определительное к следующему слову, начинающемуся с *κασ*, которое можно восполнить как *καστρον* 'замок', 'крепость';² в этом случае перед нами ошибка — *τόν* вместо *τό* (слово *καστρον* — среднего рода), объясняющаяся, вероятно, тем, что следующее слово, *ἀνίκητον* начинается с гласной.³ Но если предположить, что здесь мы имеем дело с позднегреческой передачей латинского *castellum* — *καστελλος*, то тогда вопрос об ошибке отпадает, так как *καστελλος* мужского рода. Ведь Тацит, говоря о Гарни, называет его *castellum*⁴ — латинским словом, которому

¹ W. Dittenberger. *Sylogae Inscriptionum Graecarum*. Lipsiae, 1898, № 183, 10. — CIG, t. II, № 374, 8; ср.: S. Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*. Paris, 1885, стр. 325. — W. Larfeld. *Handbuch der griechischen Epigraphik*. Leipzig, 1907, стр. 269.

² Софоклис, ук. соч., стр. 632-в. — В текстах I—II вв. *καστρον* употребляется и для обозначения „акрополя“ (Птолемей, кн. III, гл. 1, 21; см.: PWK, *Kastron*, стр. 2357).

³ См. перечни всевозможных грамматических ошибок, встречающихся в надписях, в „*Monumenta Asiae Minoris Antiquae*“, v. V, стр. 197—198. Ср. также аналогичные случаи, когда „при существительном среднего рода ставилось причастие мужского рода“, в надписях Танаиса (Н. Леонтьев, *Прописки*, кн. II, стр. 432).

⁴ Тацит, *Анналы*, кн. XII, гл. 45—46.

в позднегреческом могли соответствовать и *κᾶστρον* и *κᾶστελλος*,¹ но должна оговориться, что в конце этой строки лучше уместилось бы слово *κᾶστρον*.

В середине пятой строки точками выделены две буквы: ·ΑΙ· — это явно цифры² и дата, так как перед ним читается *χιτους* 'год' в родительном падеже; в начале этого слова — та же передача ε через χ,³ как и в *χᾶτισεν* (стр. 178).

После цифр стоит в родительном падеже *τῆς βασιλείας* 'царствования этого'; член *τῆς* указывает на определенное царствование, о котором идет речь, то есть правление Тиридата.

Итак, эта строка читается: *χιτους ·ΑΙ· τῆς βασιλείας* 'в год одиннадцатый этого царствования'.

Первое слово шестой строки начинается с *με*, следующие два знака полустерты, но все же видны отчетливые следы буквы Ν, повторенной два раза, а за ними буквы εχς. Таким образом, читается *μεννεχς*.

Обращают на себя внимание следующие обстоятельства: 1) буквы в этом слове несколько меньшего размера, чем остальные буквы этой строки; 2) иначе написана буква ε — она не округлых, а прямоугольных очертаний; 3) последние буквы — *χς* — поставлены как-то криво и отличаются меньшими размерами, чем четыре первых; получается впечатление, как будто эти две последние буквы втиснуты. Все вместе взятое производит впечатление, точно другая рука и в другое время написала это слово, едва уложившееся на предоставленном ему месте. Это обстоятельство, как и особенности начертания еще одного слова в последней строке, имеют большое значение для правильного понимания надписи (стр. 185).

Я считаю, что это слово *Μεννέας* — имя собственное,⁴ которое очень редко встречается в надписях греческой метрополии (судя по изданиям, мне известен один только случай — в надписи в Амфиполе, в Македонии),⁵ но очень часто встречается в надписях

¹ Софоклис, ук. соч., стр. 632-в. — У Страбона, Плиния и Птолемея *κᾶστελλος* употребляется в значении „укрепление“ (см.: РВК, Kastellon, стр. 2343).

² О сохранившемся и в „римский“ период обычае выделять цифры знаками препинания, а именно точками, помещенными в середине высоты строки, см.: W. Larfeld, ук. соч., Bd. I, стр. 427 и 431; ср. надпись, найденную в Дюра-Европос на Евфрате: Excavations at Dura-Europos, Report of 1930/31, стр. 68, № 168 (табл. XV, 1).

³ Ср. Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. VI (надписи из Карии и Фригии), № 238.

⁴ W. Pape, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, 1884, Bd. II, стр. 900. — A. Fick, Griechische Personennamen. 1894, стр. 203.

⁵ W. Dittenberger, Sylloge..., 1898, № 832, 3 (Μεννέας Ἀσάνδρου).

малоазийских городов: в Приене,¹ в городах Фригии,² Памфилии,³ Галатии,⁴ Ликии,⁵ Кариин,⁶ а также Сирии,⁷ то есть и на территории древней Киликии.⁸

После имени *Μεννέας* идут четко начертанные слова *ὕπὸ ἐξουσίᾳ;* 'с соизволения', 'с разрешения' — формула, часто встречающаяся в посвятительных и строительных надписях.⁹

Последние шесть букв этой строки — *ταίχρῃ* — никакого смысла не имеют, если исходить из лексики греческого языка. Если допустить, что здесь мы имеем дело с сокращением имени какого-либо магистрата, *Τει(μόθιος)*, например, и *Ἄρι(στον)* или какие-либо другие имена, начинающиеся со слогов *Τει* или *Ἄρι*, то против этого говорят следующие обстоятельства: 1) трудно предположить в данном контексте сокращенную передачу имени, 2) предшествующие слова *ὕπὸ ἐξουσίᾳ;* 'с соизволения' требуют постановки в родительном падеже термина, обозначающего должность, должность или социальное положение лица, которое могло давать то или иное разрешение. В условиях древней Армении времени трех Тиридатов таким лицом мог быть глава того знатного рода, который являлся родовым владельцем данной области. Владелец области, глава рода, в Армении именовался *տէր* „тэр“ — родовой термин, перешедший в нахарарскую терминологию, как указывает Н. Г. Адонц.¹⁰ В этом термине „тэр“ Н. Г. Адонц видит сложное из армянских слов *ti* (родственного латинскому *deus*, греческому *θεός*; 'бог') и слова *aug* 'мужчина', т. е. *ti-aug*.¹¹ Таким образом, слово „тэр“ 'глава рода и владыка области' является производным от *ti-aug*. Этот армянский термин и применен в конце шестой строки, где мы читаем *ταίχρῃ;* конец слова отсутствует. Так как слово, которого мы имеем

¹ F. Hiller v. Gaertringen. *Inscriptionen von Priene*. Berlin, 1906, стр. 313, №№ 500, 501, 502.

² *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. I, №№ 40, 63, 73, 164, 187, 307 323, 368, 377-а и др.

³ Ch. Lanckoronski..., ук. соч., т. I, стр. 189, № 98, 17.

⁴ *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. IV, №№ 124, 132, 137, 189, 197, 208, 209, 222, 227, 229, 240, 253, 254, 258, 259, 334.

⁵ O. Benndorf und G. Niemann. *Reisen in Lykien und Karien*. Wien, 1884, стр. 174, № 223.

⁶ W. Dittenberger, *Sylloge...*, 1898, № 96, 14, 26 и 36.

⁷ E. Littmann and D. Magie Jr. *Greek and Latin Inscriptions in Syria*. Publ. Princ. Univ. Archaeol. Exped. in Syria in 1904—1905 and 1909, div. III, Leyden, 1921, стр. 412, № 794.

⁸ M. Rostovtzeff. *Social and economic history of the hellenistic world*, v. 1. Oxford, 1941, стр. 975.

⁹ В надписях латинских — „*permissu*“, „*ex auctoritate*“ и др. (ср.: R. Cagnat. *Cours d'épigraphie latine*, Paris, 1890, стр. 223).

¹⁰ Н. Г. Адонц. *Армения в эпоху Юстиниана*. СПб., 1908, стр. 400, 434—435, 451—452.

¹¹ Там же, стр. 404—406.

основание ждать после слов ὑπὸ ἐξουσίας 'с соизволения', должно стоять в родительном падеже, — здесь могло быть начертано, с прибавлением окончания родительного падежа οἰ, слово *ταιαρίου*.

При передаче греческими буквами этого армянского слова писец мог считаться с тем, что основа слова *tî-aug*, впоследствии в армянской письменности *têr*, в косвенных падежах видоизменяется и звучит не *tî-aug*, а *տիանի տե-ար*, то есть, как в надписи.

Можно было бы возразить, что территория Гарни входила в состав остана, царского удела или вотчины, и поэтому *тэра* в Гарни быть не могло. Но, во-первых, нет никаких доводов против возможности применения в I в. термина „тэр“ и к царю как к владыке определенной области, как к первому тэру страны. Ведь надпись высечена не от имени царя — в ней сообщается, как будет дальше показано, что в царствование Трдата некто Менней выкупил стоимость участка возводившейся стены. Кроме того, самое понятие „остан“ могло сложиться только тогда, когда произошло распределение областей между царем, танутэрами и храмами, а именно в III—IV вв.¹

При особенно тщательной проверке в Гарни осенью 1951 г. тех мест надписи, где мною еще в 1946 г. предполагались восстановления и где я полагала возможным видеть передачу греческими буквами армянских терминов, выяснилось, что к чтению слова, передающего армянский термин „тэр“, я ничего прибавить не могу и не могу ничего изменить в нем, потому что начертания на камне оказались точно соответствующими фотографии и эстампажу, которыми я располагала в 1945—1946 гг.

Итак, исходя из анализа текста и соответственной формулы в греческих и римских надписях, я читаю эту строку так: *Μεννέας ὑπὸ ἐξουσίας ταιαρίου* 'Менней, с соизволения тэра' (имя этого тэра не названо, так как называть его по имени необходимости не было — на каждую область имелся в каждый данный отрезок времени один только тэр).

В строке седьмой читается совершенно бесспорно: *λιτουργός τῷ μεγάλῳ*; дальше идет σ и верхняя часть буквы π.

Восстановлению последнего слова помогает примененный здесь термин *λιτουργός*.

Как известно, *λιτουργία* или *λιουργία* 'литургия' и в эллинистической Греции и в Римской империи — термин юридический, обозначавший институт выполнения отдельными состоятельными гражданами тех или иных государственных потребностей за свой счет: постройка военных кораблей, постановка хоров, строительные ра-

¹ История армянского народа, ч. I, Ереван, 1951, стр. 61—62.

боты и т. п.,¹ сюда входила иногда и ответственность за поступление налогов.²

В Армении эти литургии должны были носить свой, местный характер, обусловленный местными нуждами.

Лицо, за свой счет выполнявшее определенные задания в пользу государства — ту или иную литургию, носило по-гречески название *λιτοῦργος*.³ Слово это, судя по надписям, требует после себя дательного падежа,⁴ и действительно, за ним идет τῷ μεγάλῳ 'великому' в дательном падеже, вслед за которым должно следовать слово, обозначающее лицо, которое распределяло и принимало эти работы, вообще заведывало литургиями, — его должностное наименование.

В надписях материковой Греции и эллинистических восточных городов в этой связи часто упоминается стратег.⁵ В Армении в первые века н. э. термину „стратег“ соответствовал термин *սպապետ* („спайапет“), или *սպարապետ* („спарапет“), причем верховный военачальник носил титул „великого спарапета“.

В конце седьмой строки мы после слов τῷ μεγάλῳ, действительно, видим буквы *σπ*, что дает мне основание восполнить слово как *σπαρχαπέτῳ*. Так как это длинное слово не уместилось, то последнюю букву резчик перенес на последнюю, короткую строку, которая началась у него в середине камня.⁶ Что касается уплотненного размещения букв в конце этой строки и в конце третьей, тоже восполняемой мною строки, то разная длина строк, более тесное или сжатое помещение букв в той или иной части строки (чаще всего — в конце ее), а также растяжение строки (размещение букв, отставляя их друг от друга, как в пятой строке) — обычное в надписях явление.⁷

Но написание *σπαρχαπέτῳ* мною предлагается условно: с равным основанием можно было бы предположить и *σπαρχαπέτῳ*, а также, учитывая тесноту текста, и *σπαπέτῳ*, в соответствии с армян-

¹ U. v. Willamowitz-Moellendorff. Staat und Gesellschaft der Griechen u. Römer. Berlin — Leipzig, 1910, стр. 109 и 176. — M. Rostovtzeff, ук. соч., стр. 1463, примеч. 22.

² А. Ранович приводит ряд документов I—III вв. (египетские папирусы), из которых явствует, что „римляне сделали литургию чрезвычайно тяжелым бременем, от которого приходилось спасаться бегством“ (Восточные провинции римской империи в I—III вв. М. — Л. 1949, стр. 27—28).

³ Oehler. Leiturgie. PWK, стр. 1875. — CIG, t. II, №№ 2882, 2886. — D. Fimmen. Eine neue attische Archontatsliste. Athen. Mitt., Bd. XXXIX, 1914, стр. 130. — CIG, t. I, №№ 181, 182, 200, 201; t. II, №№ 2774, 2881 и др.

⁴ W. Dittenberger, Sylloge... 1898 г., №№ 411, 17 и 653, 75. — CIG t. V, 1, №№ 583, 594; t. IX, 2, № 1228.

⁵ CIG, t. II, №№ 316, 404 и др. — W. Dittenberger, Sylloge..., № 521 и др.

⁶ Об обычаях переносить не поместившееся окончание слова см.: W. Larfeld. Handbuch der griechischen Epigraphik, Bd. I, стр. 224.

⁷ Там же, стр. 215.

ской же формой этого слова *σπαρπέτω* „спарпет“ и невозможностью передачи греческой буквой армянского звука *h* в середине слова.¹

После проверки на месте в Гарни в 1951 г. этого конечного слова седьмой строки я ничего нового предложить не могу, но, проверив количество букв, которых предположительно недостает, я из трех предлагавшихся мною форм этого термина предпочитаю теперь остановиться на второй форме — спарпет — как на более обычной: во всяком случае остается неизменным, что не полностью сохранившееся слово начиналось буквами *σπ* и заканчивалось *ω* и что при этом оно означало должность лица, ведавшего заданием, проверкой и принятием общественных поручений (литургий). Поэтому я продолжаю держаться своего чтения *σπαρπέτω*.

Итак, седьмая строка гласит: *λιτουργός τῶ μεγάλῳ σπαρπέτω* ‘литург великого спарпета’.

Наиболее сложной является последняя строка надписи. В правой половине ее помещена сначала *ω* — последняя буква от слова *σπαρπέτω* предыдущей строки; затем идут слова *καί* и второе слово, от которого сохранились буквы *ευχαρ*.

В греческих посвячительных надписях, особенно в надписях о выполнении литургии, часто в конце текста встречается термин *εὐχαριστία*² или *εὐχαριστήριον*³ ‘благодарность’, когда город в общественном месте его ставил в знак благодарности тому или иному своему гражданину ставил в общественном месте его статую с соответственной надписью. Когда надпись начертана от имени одного лица, посвятившего статую или какой-либо иной памятник в знак благодарности, то в конце надписи стоит *εὐχαριστός* ‘благодарный’.⁴

¹ Существует еще один термин, обозначающий начальника военного отряда, начинающийся с букв *στ* — *στραρχος* или *στραρχος* (см. надпись из окрестностей Керчи: В. В. Латышев, Материалы по археологии России, № 9, стр. 49, № 6) — начальник, возглавлявший небольшую войсковую единицу — спейру, т. е. одну треть когорты. Принимая во внимание, что работы по литургиям обычно возглавлял стратег — спарпет, я термин „спирарх“ не считаю нужным привлекать.

² W. Kelly Prentice. Greek and latin inscriptions. Publ. Amer. Archaeol. Exped. to Syria, 1899—1900, v. III, New York, 1908, стр. 278, № 352 (Пальмира). — Ch. Lanckoronski. . . ук. соч., v. II, стр. 211, № 39—40 (Термесс). — F. Hiller v. Gaertringen, ук. соч., № 99, 22; № 105, 25; № 119, 21 (Приена). — W. Dittenberger. Sylloge. . ., 1898, № 529, 44 (Томис в Мёзии) и № 303, 49 (Теос в Андии) и т. д.

³ SIG, t. II, № 2017 (Фракия), № 2791 (Вифиния); t. III, № 4684 (Александрия), № 5735 (Сицилия), № 6813 (Дакия). — F. Hiller v. Gaertringen, ук. соч., № 108, 372 (Приена) и т. д.

⁴ Ср. найденную в Керчи в 1830 г. посвячительную надпись царя Римиталка (II в.) под статуей Адриана (В. В. Латышев, IosPE, т. II, стр. 34—35, № 33. — F. Hiller v. Gaertringen, ук. соч., № 103, 8 (Приена). | W. Dittenberger, Sylloge. . ., № 270, 12 и 491, 18 (о. Карпатос); № 935, 38 (Эретрия); № 928, 14 (Магнесия) и т. д.

Исходя из контекста нашей надписи, я полагаю, что слово $\epsilon\upsilon\chi\alpha\rho$ в последней строке надо восполнить именно $\epsilon\upsilon\chi\alpha\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$, потому что оно является прилагательным к Μεννέας λυτουργος , который, будучи благодарен за что-то, ему оказанное, выполнил предложенную ему спарапетом литургию, а может быть, был благодарен именно за то, что ему разрешили запечатлеть в надписи свое имя.

Возвращаясь к двум мелким строчкам слева внизу. Их трудно прочесть, но трудно понять. Начертаны слова $\mu\epsilon\tau\alpha\ \mu\alpha\tau\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$, которые находятся, видимо, в связи с именем Μεννέας , поскольку и то и другое написано мелко, одной и той же рукою (прямоугольный E), и производит впечатление вписанного в готовый текст. Эти две строчки я предлагаю читать „с Матеем, свидетелем“, т. е. „при Матее, свидетеле“.

Дело в том, что в малоазийских надписях собственное имя Ματεΐς ¹ засвидетельствовано и, мне казалось, оно могло дать в родительном падеже неграмотную или сокращенную форму Μάττη(?) Воспринимая $\tau\omicron\upsilon\ \mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\iota\omicron\upsilon$ как „со свидетелем“, я допускала в этом слове наличие грамматической ошибки, а именно окончание $\iota\omicron\upsilon$ вместо $\omicron\varsigma$ или $\omicron\upsilon$ (имея в виду вульгарный именительный падеж $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$).

По мнению акад. И. И. Толстого,² эти слова надписи можно читать и несколько иначе, а именно $\mu\epsilon\tau\alpha\ \text{Ματτίου} \tau\omicron\upsilon\ \mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$. Смысл остается тот же — „с Матеем, свидетелем“, но три последние буквы слова Ματτίου , за неимением достаточного места, могли быть перенесены на нижнюю строчку, вследствие чего пришлось сократить слово $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$, отбросив окончание $\omicron\varsigma$. После изучения камня на месте и учитывая, что буквы $\iota\omicron\upsilon$ в последней строке явно мельче, чем $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho$, я теперь считаю предпочтительным такое чтение, какое предлагал И. И. Толстой, что, впрочем, не меняет смысла.

Упоминание свидетелей в греческих надписях, говорящих о купле-продаже, — явление обычное,³ присутствие свидетелей в нашей

¹ Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. I, № 435 (вост. Фригия). — W. P a r e, Wörterbuch d. griechischen Eigennamen, t. II, стр. 871. — Известно и другое малоазийское имя Μάταιος (W. P a r e, там же); ср. латинское имя *Matius* (Гай Матий — друг Цезаря и Цицерона, Гней Матий — переводчик Илиады при Цезаре).

² Высказано им после заслушания моего доклада, посвященного Гарнийской надписи, на заседании Отделения истории и философии АН СССР, 29 ноября 1946.

³ Из десятков примеров приведу только два — вышеупомянутую надпись из Амфиополя, где при купле-продаже дома в числе свидетелей упоминается и сосед, кстати носивший имя Μεννέας (W. D i t t e n b e r g e r, Sylloge... , 1898, № 832), и найденный в Дура-Европос пергамент с надписью-договором 121 г. н. э. об условиях дачи в долг денег, где внизу, после слова $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\omicron\varsigma$, перечисля-

надписи, связанной, как будет видно дальше, с определенной уплатой, — вполне естественно и подчеркивает официальный юридический характер текста.

Отсутствие глагола удивлять не должно. — Это обычное явление в строительных надписях римского времени. Не должно удивлять также и отсутствие указания того, что именно было выполнено Меннеем при свидетеле Матее, — и то и другое подразумевалось, так как об этом должно было свидетельствовать само местонахождение надписи, вделанной в кладку здания или крепостной стены (стр. 208).

Найденную в Гарни надпись, исходя из моих воспоминаний и толкования слов, я читаю и перевожу следующим образом.

Ἦλιος Τιριδάτης [ὁ μέγας] Μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[κτωρ]. Ὡς δεσπότης ἀίτησεν ἀγ[άρακον] βασιλεῖ(σ)α τον ἀνίκητον κάσ[τρον] αἴτους ΑΙ· τῆς βασιλεῖ[ας] Μεννέας ὑπὸ ἐξουσίας τειαρ[ί]ου λιτουργός τῳ μεγάλῳ σπ[αραπέτ]ῳ καὶ εὐχάρι[στος] μετὰ Ματθίου τοῦ μάρτυρος[ος].

Гелиос! Тиридат Великий, Великой Армении государь. Когда властитель построил агарак царице [и] эту неприступную крепость в год одиннадцатый своего царствования, Менней с соизволения тэра, [как] литург великого спарапета, [в знак] благодарности при Матее свидетеле [выкупил].

Другие издания надписи

Иные чтения и переводы дали первые издатели надписи — проф. С. Д. Лисициан и акад. Я. А. Манандян.

С. Д. Лисициан переводил: „Солнце Тиридат, недостойный деспот Великой Армении, выстроил крепкий дом для царицы от родного брата, выше большого царского дворца, под сенью богов для светских развлечений, обращающийся с молениями к большой пещере... и радостный“.¹

Я. А. Манандян переводил в 1946 г.: „Элий Тиридат, царь Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, вновь построил храм, неприступный, для царицы, своей сестры, по просьбе великой царицы. Под покровом строения пусть священнослужитель слагает песнопения великому святому и благодарение за благовествование“.²

ются свидетели (Excavations at Dura-Europas, Report of 1928 — 1929 /II season/, стр. 203, X); ср. также Авроманские пергаменты I в. до н. в. (см. выше, стр. 102).

¹ С. Д. Лисициан. Греческая надпись Гарнийского храма. Газ. „Советакан Айастан“, Ереван, 23 сентября 1945, № 201.

² Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма. Ереван, 1946.

В 1950 г. Я. А. Манандян внес некоторые изменения в свой первоначальный перевод, а именно: „Тиран Тиридат Великий Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, воздвиг часовню царевне, непобедимую, сестре своей, вне великого царского домена. Под покровом строения (букв. „под защитой кровли“) пусть священнослужитель великому... и благодарение за благовествование“.¹

С. Д. Лисициан считает Гарнийскую надпись принадлежащей Трдату I, а Я. А. Манандян — Трдату III.

В обоснование своих переводов С. Д. Лисициан и Я. А. Манандян исходят из нижеприводимых соображений.

В конце второй строки, там, где я читаю ἀνάκτωρ, С. Д. Лисициан к ἀνὰ добавлял ζ и ι, к ним присоединял ως от начала следующей, третьей строки и читал ἀνάζιως ‘недостойный’; он видел в нем прилагательное к δεσπότης. Но, во-первых, прилагательное не может оканчиваться на ως, а затем — главное — самый факт такого самоуничтожения царя Армении и психологически и исторически невозможен, да и никогда и нигде не встречается, тем более, что С. Д. Лисициан относит надпись к Тиридату I — язычнику, а не к Тиридату III — христианину; в устах христианина такое самоуничтожение, может быть, и было бы допустимо перед лицом христианского бога, но о нем в надписи нет и не может быть упоминания.

В конце третьей строки, где я читаю ἀγάρχηον, С. Д. Лисициан читал υχόν, хотя после χ стоит прямая палочка, а не дужка от ο. Слово υχόν С. Д. Лисициан переводил как „дом“, хотя оно означает только „храм“, и к нему относил прилагательное ἀνίκητον ‘непобедимый’, создавая неубедительный образ „крепкого“, по С. Д. Лисициану, дома.

В четвертой строке слог κχσ, который я восполняю κάρσρον, С. Д. Лисициан читал κασιγνήτου ‘брата’, прибавив к нему начальное слово следующей, пятой строки χίτους, которое я читаю и перевожу „года“.

Очевидную дату в пятой строке „в одиннадцатый год царствования“ — ни С. Д. Лисициан, ни Я. А. Манандян не усматривают, хотя цифры выделены с помощью точек, отделяющих их от текста.² У С. Д. Лисициана эта строка переведена следующим образом: „брата выше царского дворца“.

Слово Μεννέας С. Д. Лисициан читает μεγάλης и относит его к βασιλείας, переводя: „большого царского дворца“.

¹ Я. А. Манандян. Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни. Изв. Акад. наук. Арм. ССР, 1951, № 4, стр. 18 и 21.

² W. Larfeld. Handbuch der griechischen Epigraphik, Bd. I, стр. 427 и 429.

Далее, в шестой строке, там, где у меня ὕπὸ ἐξουσίας , С. Д. Лисициан читает $\text{ὕπὸ θεούσι ἀστειάν}$ и переводит „под сенью богов для светских развлечений“, хотя θεούσι — форма архаическая, а ἀστειάν не обозначает „светские развлечения“ (ἀστειός ‘городской’, ‘образованный’, *urbanus*).

В седьмой строке С. Д. Лисициан λιτουργός переводит „обращающийся с молениями“, а в στ в конце строки видит σπέος ‘пещера’. Εὐχάριστος переводится С. Д. Лисицианом „радостный“, а μυστήριον — „святыня“.

Перехожу к чтению Я. А. Манандяна.

Слово “ Ἡλιος ” в начале надписи Я. А. Манандян сначала читал „*Aelius*“, полагая, что это — римское имя Трдата III, воспитывавшегося в Риме. Но если бы даже это было так, то это римское имя было бы написано Αἴλιος ,¹ но никак не с η , а тем более, если бы это было в IV в., когда η читалось, как *i*. Нет у нас также основания полагать, что Трдат сам себя величал или что его величали Гелиосом; известно, правда, что Нерона в посвячительных надписях называли „новым Гелиосом“,² а не просто Гелиосом; применение же этого имени к Трдату I было бы таким политическим вызовом, какой едва ли был допустим в обстановке того времени.

В 1950 г. Я. А. Манандян согласился с тем, что имя *Aelius* было бы по-гречески передано как Αἴλιος , и предложил другое объяснение — он усматривал в слове “ Ἡλιος ” греческий перевод имени Тиран, тождественного с именем древнеармянского бога Тир, греческим соответствием которому был Гелиос-Аполлон. Он ссылается на то, что Е. Г. Тер-Минасян „выяснил недавно, что в некоторых древнеармянских рукописях Истории Елише внук царя Тиридата III носит не имя Тиран, а двойное имя «Тиран-Трдат»“ и что К. Мелик-Оганджаниян на этом основании „сделал любопытный вывод, что внук Тиридата III назывался «Тиран-Трдатом» по имени своего деда“.³ Я. А. Манандян добавляет, что „нетрудно поэтому заключить, что “ Ἡλιος Τιριδάτης ” в начале надписи следует считать личным именем Тиридата III, означающим «Тиран-Трдат»“.⁴

¹ Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. I, №№ 22, 22a, 36, 37, 38, 39; т. IV, №№ 134, 178, 226, 245; т. V, №№ 6, 23, 26, 134, 203, 204; т. VI, №№ 12, 58a, 134, 170, 188, 201, 222, 378. — Греческая надпись начала II в. с именем Αἴλιος найдена на территории Закавказья, у сел. Бююк-Дегне б. Нухинского уезда (Азербайджанская ССР); см.: В. В. Латышев. Заметки о Кавказских надписях. Изв. Археолог. комисс., вып. 10, 1904, стр. 104.

² Ch. Lanckoronski. . . , ук. соч., т. II, стр. 242, № 221 — надпись на наличнике двери в Сагалассе: $\text{Νέωι Ἡλίωι Νέρωνι Τιβερίω Κλαυδίω Καίσαρι}$ и т. д.

³ К. Мелик-Оганджаниян, Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1947, № 7, стр. 61.

⁴ Я. А. Манандян. Новые заметки. . . , стр. 13.

Мне кажется, что с таким заключением трудно было бы согласиться по следующим основаниям.

Оставляя в стороне вопрос о контексте, в котором в „некоторых“ рукописях Истории Елише встречается имя „Тиран-Трдат, а также характер этих рукописей и время их переписки, полагаю, во-первых, что К. Мелик-Оганджянян, а за ним и Я. А. Манандян были бы совершенно правы, если бы внук Трдата III был в истории известен под именем Трдата, а не Тирана, тогда наименование его — Тиран-Трдат „по имени деда“ помогло бы нам понять появление имени Тиран в той или иной надписи, связанной с Трдатом III; во вторых, „по имени деда“ он носил, вероятно, имя Трдат (в Армении, как и в других странах Востока, внук очень часто носит имя деда), которое прибавлялось к его имени — Тиран. Кроме того, если бы Трдат III носил имя Тиран, то или у Моисея Хоренского, или у Агафангела, или у других армянских историков это имя хоть раз было бы упомянуто в тех случаях, когда излагаются события, связанные с жизнью и царствованием Трдата III. Наконец, главное — совершенно невероятно, чтобы только что принявший христианство и так жестоко его насаждавший Тиридат III, в надписи которого проявились, по Я. А. Манандяну, черты христианского мировоззрения, начинал надпись не своим армянским именем Тиран, а скрыл бы его в имени Ἡλῖος, — имени, означающем языческое божество. Но если бы Я. А. Манандян был прав, то мы имели бы основание и вместо имени Τιριδάτης ожидать (во всяком случае, в IV в.) греческую форму — Ἡλιόδωρος,¹ соответствие восточному Τιριδάτης.

После слова Τιριδάτης Я. А. Манандян в 1946 г. читал βασιλεύς, хотя столько букв не могло бы уместиться в отрезке строки, если полагать, что в заглавной крупной строке буквы едва ли были начертаны прижатými друг к другу. К тому же в титулатуре мы имеем все основания ожидать обычного μέγας, как в надписи Апаранской (стр. 272), и с этим Я. А. Манандян в 1950 г. согласился.

Восстановление Я. А. Манандяном ἀνα во второй строке как причастной формы ἀνάσσειν (у меня — ἀνάχτωρ) синтаксически в данный контекст не укладывается, мало вероятно это и в смысловом отношении („властвуя в качестве верховного владыки“ — переводит Я. А. Манандян).

Слово δεσπότης Я. А. Манандян переводит как „тэр“ ‘господин, владыка; суверен’, а в контексте „властвуя в качестве верховного

¹ R. Cagnat. Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes, v. I. 1901, №№ 43—45.

владыки“. Но $\omega\varsigma$ в начале этой третьей строки, по-моему, следует переводить „когда...“, если исходить из того, что первые две строки являются как бы заголовком, указывающим на то, что в правление именно Тиридата имело место событие, в память о котором высечена эта надпись. Напомню в этой связи строительные надписи в Танаисе, где речь тоже идет о литургиях, выполняемых определенными лицами, и где в начале тоже имеется заголовок с именем царя (стр. 207).

В слове $\alpha\iota\chi\tau\iota\sigma\epsilon\upsilon$ Я. А. Манандян иоту после альфы читает как υ и расчленяет это слово на $\alpha\upsilon$ 'вновь', 'обратно' и $\chi\tau\iota\sigma\epsilon$ с выпавшим начальным ϵ (стр. 39); но в другом месте (стр. 5) это же слово он читает иначе, сливая $\alpha\upsilon$ и $\chi\tau\iota\sigma\epsilon$ в одно слово (хотя такое слово в греческом не известно), и переводит его „вновь построил“, хотя „заново построил“ звучало бы $\alpha\prime\nu\epsilon\chi\tau\iota\sigma\epsilon$ — форма, часто встречающаяся в ряде надписей этого времени, происходящих из Сирии и Малой Азии.¹

Начальные буквы последнего слова третьей строки Я. А. Манандян восполнял сначала $\nu\alpha\acute{\omicron}\nu$, а в 1950 г. $\nu\alpha\iota[\sigma\chi\omicron\nu]$ 'часовню', 'домовую церковь', 'капеллу', исходя из малых размеров храма. С этим весьма трудно согласиться, так как едва ли сам Трдат, а тем более Менней, позволили бы себе именовать замечательный Гарнийский храм бытовым, ласкательно-уменьшительным термином „храмик“ (архитектурный же термин $\nu\alpha\iota\sigma\chi\omicron\varsigma$ 'навес' к Гарнийскому храму неприменим). К тому же Я. А. Манандян не приводит ни одного примера, где бы в греческом тексте христианский храм, христианская церковь или часовня назывались бы $\nu\alpha\acute{\omicron}\varsigma$ или $\nu\alpha\iota\sigma\chi\omicron\varsigma$, а между тем он в истолковании надписи приписывает Трдату восстановление древнего здания именно как церковного, для целей христианского культа. Сколько мне известно, $\nu\alpha\acute{\omicron}\varsigma$ и $\nu\alpha\iota\sigma\chi\omicron\varsigma$ для определения христианских культовых зданий не применяются.

Слова $\tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\iota\chi\eta\tau\omicron\nu$ 'непобедимый' в четвертой строке Я. А. Манандян и в 1950 г. продолжает относить к $\nu\alpha\iota\sigma\chi\omicron\nu$ 'непобедимую капеллу', хотя не может не согласиться с тем, что такой эпитет „может показаться странным“.

Слог $\chi\alpha\sigma$ в конце четвертой строки Я. А. Манандян продолжает восполнять как $\chi\acute{\alpha}\sigma\sigma\iota$ — дательный от $\chi\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ 'сестра' (у меня — $\chi\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\nu$ 'замок').

В пятой строке, в которой я еще в 1946 г. усматривала дату „11-й год этого царствования“, Я. А. Манандян сначала читал $\epsilon\iota[\xi]\ \acute{\alpha}[v]\tau\eta\varsigma\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\iota[\alpha\varsigma]$ 'по просьбе царицы', а в 1950 г. предложил читать эти же слова как „вне царского домена“, исходя из того, что в IV в. область Гарни находилась якобы „не в непосредствен-

¹ E. Littmann and D. Magie Jr., ук. соч., стр. 415, № 795 и стр. 418, № 795—796.

ном управлении Тиридата III, а в ленном владении какого-либо нахарского рода“.¹

Против наличия даты в этой строке — „11-го года царствования“ — Я. А. Манандян выставляет тот аргумент, что в тексте речь идет о Трдате-христианине, следовательно, надпись „не могла быть составлена раньше второй половины царствования Трдата III (298—330), т. е. раньше двадцатых годов IV в.“.²

Я. А. Манандян возражает против моего чтения в начале шестой строки *Μεννέας*, поскольку это имя „не засвидетельствовано в произведениях древнеармянской литературы“, а предлагает усматривать здесь слово *με[γαλ]ε(i)ας* ‘величественного’, ‘великого’, относимое им к *βασιλει[ας]* в предыдущей строке.

Следующие два слова в шестой строке Я. А. Манандян правильно читает *ὕπο ἐξουσία* (почему-то в дателном падеже); относя конечную сигму к последнему слову этой строки, где явно читается *τειαρῖ*, Я. А. Манандян считает возможным читать *στεγᾶ-νου* ‘кровли’. Формула *ὕπο ἐξουσίας*, как известно, часто встречающаяся в строительных и посвятительных надписях (стр. 182), никак не может обозначать „под покровом“ или „под защитой“, но мое возражение, как это ни странно, Я. А. Манандяном квалифицировалось как основанное „на явном недоразумении“.³ Возражение его вызвано, очевидно, тем, что чтение „под защитой кровли“ требуется тем содержанием, которое Я. А. Манандян вкладывает в последние строки.

В седьмой строке *λιτουργός* Я. А. Манандян переводит „священнослужитель“, *σπ* восполняет *σέμνῃ* (с оговоркой, что это чтение „спорно и сомнительно“) ‘святому’, а слово *μεγάλῃ* в этой строке не переводит вообще (в 1946 г.).

Последнюю строку Я. А. Манандян в 1946 г. читал, не деля ее на две части, *μέλεα ματήτω καὶ εὐχαριστίαν τοῦ μαρτυρίου* и усматривал здесь слова „песнопение“ (*μέλεα*), „пусть слагает“ (*ματήτω*), „благодарение“ (*εὐχαριστία*) и „благовествование“ (*μαρτυρίον*), но сочетание этих слов в действительности никакого разумного смысла не дает. Учитывая мою критику этого чтения, Я. А. Манандян в 1950 г. предлагал следующее — новое чтение

6. ὑπό ἐξουσία στε[γ]ᾶν[ου]
7. λιτουργός τῷ μεγάλῃ σ[.]
8. με[·]α ματή[·]ω καὶ εὐχάρ[. . .]
9. τοῦ μαρτυρίου

¹ Я. А. Манандян. Новые заметки. . . , стр. 16—17.

² Там же, стр. 18. — Годы царствования Трдата III иначе устанавливаются в „Истории армянского народа“ (ч. I, стр. 55), где указываются 287—330 гг.

³ Там же, стр. 19.

и перевод: „под покровом строения (буквально „под защитой кровли“) пусть священнослужитель великому... и благодарение за благовествование“.¹ Слова *λιτουργός, εὐχαριστία, μαρτύριον*, по его мнению, определенно указывают, что надпись должна быть отнесена ко времени после принятия Трдатом III христианства.²

Новый вариант чтения и понимания текста надписи акад. Я. А. Манандяном мне представляется столь же малоубедительным, как и вариант 1946 г.

На этом заканчиваю разбор первых двух изданий Гарнийской надписи, предшествовавших моему докладу о ней, читанному в 1946 г., и нового чтения Я. А. Манандяна, изданного в 1950 г.

Со статьей А. Г. Абрамяна (1947) я, к сожалению, могла ознакомиться только по статье Я. А. Манандяна и по труду Б. Н. Аракеляна, в которых приводится на русском языке армянский перевод А. Г. Абрамяна³.

В передаче Я. А. Манандяна перевод А. Г. Абрамяна гласит: „Солнцем озаренный Тиридат Великий, царь Великой Армении в качестве деспота; построил храм [посвященный памяти] царской дочери непобедимый брат в год одиннадцатый своего величественного царствования. Под сенью строения пусть священнослужитель обращается с молитвами к большой пещере и вместе с тем возносит молитву благожелания [в память] мученика“.

В передаче Б. Н. Аракеляна тот же перевод А. Г. Абрамяна несколько отличается а именно, вместо „Под сенью“ и далее — тут читаем: „Молящийся под сенью дома прохлады к большой пещере пусть молитвы приносит. Вместе с тем возносит молитву благословения (в память) мученика“.

В чтении А. Г. Абрамяна с удовлетворением можно отметить, что он, в отличие от первых двух издателей, правильно понял пятую строку, в которой содержится дата, и правильно же отнес надпись ко времени Трдата I. В остальном, однако, А. Г. Абрамян, повидимому, поддался толкованию первых двух издателей. Как и Я. А. Манандян, он воспринимает слова в их христианском значении, хотя датирует надпись I веком; его перевод переключается и с переводом С. Д. Лисициана („брат непобедимый“, „большая пещера“) и с переводом Я. А. Манандяна („построил храм“ и вся заключительная христианская формула).

Настоящая моя работа была уже в производстве, когда вышел в свет указанный выше труд Б. Н. Аракеляна, в котором он

¹ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 24.

² Там же, стр. 11.

³ А. Абрамян. Гарнийская греческая надпись. Журн. „Эчмиадзин“, 1947, март — апрель, стр. 61—72.

возвращается к Гарнийской надписи. Он полностью присоединяется к моему мнению, что камень этот принадлежал не к зданию храма, а к крепостной стене, и согласен с датировкой надписи временем Трдата I. Что касается чтения надписи и ее перевода, то Б. Н. Аракелян, не давая нового чтения, приводит текст всех пяти изданий, указывая предпочтительность, по его мнению, тех или иных чтений. При этом, повидимому, у него не возникает сомнений в правильности предложенного мной чтения до слов *Μεννης ὑπὸ ἐξουσίας*, кроме восстанавливаемого мной последнего слова третьей строки. Что касается второй половины надписи, после этих слов, то, повидимому, его не удовлетворяет ни одно из существующих чтений, хотя он принимает в моем понимании слова „Менней с соизволения“, „литург велико...“, „при Матее свидетеле“, „и благодар...“.

Остановлюсь на несогласиях Б. Н. Аракеяна с моим чтением, так как они касаются имеющего принципиальное значение восстановления армянских терминов в греческом написании.

Б. Н. Аракелян возражает против восстановления *ἀγαράκην* или *ἀγροκία* в третьей строке и *σπαραπέτω* или *σπαπέτω* в седьмой строке, потому что, по его мнению, эти слова не могли бы уместиться на камне. Но остается неоспоримым факт, что камень надписи обломан с правой стороны, т. е. в конце строк, по *всей* своей вертикальной плоскости, а обмер камня, приводимый Б. Н. Аракеяном, дает ведь только длину сохранившейся части плиты, но не длину в ее первоначальном виде.¹ Что от камня отбит значительный кусок, подтверждается тем, что при первоначальной установке его на христианском погребении, т. е. при высекании на нем креста, рассчитывали на вертикальное положение, как видно из наличия изображения постамента; следовательно, было учтено, что нижний край плиты должен был быть для устойчивости врыт в землю, а для этого плита должна была быть длиннее в нижней части, там, где концы строк.

Во всяком случае, при восстановлении конца седьмой строки требуется слово, которое означало бы титул или звание, сочеталось бы с предшествующим *μεγάλω*, было бы дано в дательном падеже с окончанием на *ω* и имело бы смысл в данном контексте. Мне более подходящего слова, чем *σπαραπέτω*, подыскать не удается.

Что касается последнего слова шестой строки, то, читая на камне те же буквы, какие вижу я, Б. Н. Аракелян отвергает предлагаемое мною чтение без обоснования, говоря только: „однако

¹ Б. Н. Аракеян. Гарни, I, стр. 64, рис. 59.

трудно согласиться, что перед нами армянское слово тэр¹. При этом он тут же приводит, без отрицательной оценки, мнение, что буквы τειρη следует читать „тиара, т. е. корона“. Б. Н. Аракелян, мне кажется, должен был учесть, приводя чтение „тиара, т. е. корона“, что после слов ὑπὸ ἐξουσίας 'с соизволения' слово „корона“ в значении головного убора явно не подходит, что, к тому же, отличительный головной убор армянских царей этого времени назывался уже не тиарой, а по-гречески διαδήμα, по-латыни diadema. Если же видеть в этой „короне“ церемониально-иносказательное указание на властителя, то, во-первых, такое словоупотребление было бы уместно только в развитом феодальном обществе, а во-вторых — в этом смысле, для замены слов „государь, царь, властитель“, в армянском, как известно, используется не наименование головного убора царей, а слово „дворец“ или „двор“ (буквально „дверь“).

Заключительные слова Б. Н. Аракеляна: „возможно, что более точная передача самого текста надписи облегчит дело специалистов по греческой эпиграфике“, при всей неясности их значения, позволяют надеяться, что Б. Н. Аракелян предполагает дать такую „точную передачу самого текста надписи“.

Истолкование надписи

Перехожу к историческому истолкованию содержания надписи, в чтении и понимании которой, как видно из приведенных выше трех переводов, я резко расхожусь с первыми ее издателями.²

Для истолкования надписи необходимо прежде всего выяснить, кто был упоминаемый в ней Тиридат, и тем самым уточнить дату ее начертания.

Имя Трдат (Тиридат) носили три армянских царя Аршакида. Трдат I, основатель династии армянских Аршакидов, правил с 54 по 63 и с 66 по 100 г.(?) н. э. Время царствования Трдата II, о котором известно очень мало, падает на начало III в. Трдат III правил от 287 до 330 г. и известен, главным образом, тем, что при нем в 298—301 гг. Армения приняла христианство.

¹ Здесь уместно вспомнить надгробие Серапиты в Армази, в надписи которого мы имеем еще один пример (притом в монументальной надписи) передачи греческими буквами грузинской формы титула „питиашх-и“ (в армянском — „бдешх“, „бдешх“), т. е. полное соответствие способу передачи греческими буквами армянского титула „тэр“ (Г. В. Церетели, ВДИ, 1948, № 2, стр. 51, рис. 1.).

² Ввиду того, что по вопросу о чтении, восстановлении и понимании текста Гарнийской надписи я в корне расхожусь с Я. А. Манандяном, естественно, я воздерживаюсь от оспаривания предложенного им исторического истолкования этой надписи.

Сопоставляя начертания нашей надписи с весьма многочисленными датированными надписями, найденными в соседних областях Малой Азии и Сирии,¹ приходим к заключению, что Гарнийская надпись ближе к надписям I в. н. э.²

При рассмотрении палеографических особенностей Гарнийской надписи в первую очередь надлежит привлечь для сравнения наиболее близкую и по времени начертания и по месту нахождения греческую надпись в составе Армазской двуязычной эпитафии Серапиты, дочери иберского питиахша Зеваха; надпись найдена в 1940 г. близ Мцхета, в Грузии.³

Сопоставление общего характера букв, их пропорций и очертаний приводит к заключению о полном совпадении и общего их облика и таких деталей, как, например, выступающие концы перекладины π , доходящая до верха средняя черта в ω , характерное начертание ξ в виде двух параллельных горизонтальных линий, соединенных зигзагообразной чертой, и др.

В отношении орфографии в обеих надписях встречаем иотаизмы. Что касается дополнительных знаков, то цифровое значение букв в Армазской надписи обозначается чертой над буквой, а в Гарнийской соответственные буквы выделяются точками.

Учитывая время начертания Армазской надписи (не позднее начала II в. н. э.)⁴ мы вправе видеть в ней подтверждение предлагаемой датировки Гарнийской надписи четвертой четвертью I в. н. э.

Следует учесть, что если исходить из палеографических норм аттических надписей, то начертания близких к курсиву ϵ , σ , ω , а также формы α , μ и π , появляются в начальный период Римской империи, а при Адриане (около 120 г.) заменяются формами архаизированными,⁵ а это дает возможность относить Гарнийскую надпись к I в. или началу II в. При всех возможных местных особенностях едва ли следует предполагать, что процесс развития греческого письма в Армении, Иберии, северном Причерноморье, Малой Азии и Сирии мог принимать резко иные формы, хотя, разумеется, на окраинах греческого мира и в провинции это раз-

¹ Я пользовалась тт. I—VI издания „Monumenta Asiae Minoris Antiquae“, вышедшего в Лондоне в 1928—1939 гг., и многотомным изданием „Publications of the Princeton University Archaeological Expeditions to Syria in 1904—1905 and 1909“ (Leyden, 1921), а также соответственными специальными изданиями надписей, найденных во Фригии, Памфилии, Писидии, Ликии и Карии, на которые я ссылаюсь по мере надобности.

² Fr. Cagnat, *Studia Pontica*, t. III, Bruxelles, 1910, стр. 168, № 152 (Amasia); *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. IV, №№ 113, 160, 163, 255, 317 и мн. др.

³ Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхета, ВДИ, 1948, № 2, стр. 51, рис. 1.

⁴ Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр. 250 и сл.

⁵ W. Larfeld, *Handbuch der griechischen Epigraphik*, т. I, стр. 405—407.

вите могло несколько отставать. Особый интерес представляет сопоставление букв Гарнийской надписи с двумя надписями из Керчи. В найденной в 1895 г. в Керчи надгробной надписи, гласящей: „Алким, сын Асклы, и жена его Филопагира, дочь Алкия, соорудили сей памятник в 311 году“ (по боспорской эре, т. е. в 14—15 г. н. э.),¹ все буквы по формам своим совпадают с очертаниями букв Гарнийской надписи (особенно μ , σ , ϵ , ω , на которых обычно заметно то или иное отличие). В. В. Латышев отмечает, что Керченская надпись интересна в палеографическом отношении и что „в числе датируемых боспорских надписей это самый ранний пример употребления округленных букв ϵ , σ , μ и ω .“² Другие надписи, по словам В. В. Латышева, свидетельствуют о том, что „такие формы очень медленно прививались на Востоке и рядом с ними долгое время продолжали употребляться формы E , M , Σ , и Ω .“³

Округленные формы мы наблюдаем и в буквах Гарнийской надписи, что дает основание относить ее именно к I в. н. э.

Другая, тоже надгробная надпись, найденная в Керчи, по общему характеру букв также близка к Гарнийской надписи, хотя две буквы — Σ и E — отличаются своими прямоугольными очертаниями. Именно к данной надписи применимы вышеприведенные слова В. В. Латышева, что прямоугольные формы букв долгое время продолжали употребляться на Востоке, что в связи с другими данными и обосновало, очевидно, датировку им этой керченской надписи временем „не позднее I в. по р. х.“⁴ Принимая во внимание, что в Гарнийской надписи прямоугольные очертания E тоже засвидетельствованы во вставных строках, отнесение ее, по совокупности данных, именно к I в. представляется еще более обоснованным. Ведь помимо самой формы букв, общий характер Гарнийской надписи, ее строгость и монументальность говорят также в пользу I в., то есть времени Трдата I.

Царь Трдат I, основатель династии армянских Аршакидов, был возведен на армянский престол своим братом, парфянским царем Валаршем III (в западных источниках — Вологес) в 54 г., после изгнания из Армении Радамиста.⁵ В тяжелой борьбе Парфии

¹ В. В. Латышев. Древности южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895—1898 гг. СПб., 1899, стр. 59—60, № 6.

² Найденная в 1931—1932 гг. в Дура-Европос надпись на рельефе Афлада, по очертаниям букв полностью совпадающая с Гарнийской надписью, датируется первой половиной I в. н. э. (Excavations at Dura-Europos, Report of 1931—1932, Cambridge, 1934, табл. XIII).

³ В. В. Латышев, ук. соч., стр. 59—60.

⁴ В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг. Мат. по археолог. России, № 17, 1895, стр. 34, № 14.

⁵ О Радамисте см. стр. 26 и 203.

и Армении против Рима Трдат проявлял большое упорство. В 59 г. ему пришлось покинуть Армению после поражения под Арташатом, нанесенного ему римскими войсками под командованием Корбулона.

Собрав с помощью Парфии новые силы, он выступил в 61 г. против римского ставленника в Армении Тиграна V и с помощью начальника своей конницы Моисея так удачно повел осаду Тигранакерта, где засел Тигран, что Корбулону „из опасения потерять славу, приобретенную в течение многих лет“, ¹ пришлось просить о присылке другого полководца вместо себя. ² Был прислан Пэт, который в 62 г. понес поражение у Рандеи (арм. Харберд, ныне Харпут) и должен был согласиться на вывод всех легионов из Армении и на очистку всех ее крепостей от римских гарнизонов. Явившийся ему на помощь Корбулон соглашался предоставить Трдату Армению, но с тем, чтобы он „сложил у статуи Цезаря знаки царской власти и взял их снова не иначе, как из рук Нерона“. ³ Трдат принял эти условия и сложил свой венец в 63 г. в той самой Рандее, где римское войско за год до этого было проведено под ярмом (стр. 215). ⁴

Надо полагать, что Трдат, даже несмотря на блестящую победу армяно-парфянских войск при Рандее, все же учитывал соотношение сил и, сознавая общее превосходство сил Рима, вынужден был признать верховенство римского императора; хотя начиная с 57 г. он упорно отказывался от признания своей зависимости от Рима, ⁵ теперь он все же решил „побороть свою гордость и подчиниться неизбежности в своих же интересах“. ⁶

О. В. Кудрявцев полагает, что „превращение одного из представителей династии Аршакидов в царя, зависимого от Рима, оказалось наиболее приемлемым исходом“ ⁷ — тем компромиссом, которым окончилась борьба за Армению: ни Парфия, ни Рим не могли рассчитывать на победоносное завершение этой войны.

В 65 г. Трдат отправился в Рим, в девятимесячное путешествие, которое было обставлено с большой пышностью. Его сопровождали жена и дети, а также дети его братьев, парфянского царя Валарша

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 6.

² Возможно, что борьба Трдата с Корбулоном нашла отражение у Моисея Хоренского (кн. II, гл. 4—5) в рассказе о борьбе Валаршака (так историк называет Трдата) с Морфиликом (предполагается, что это графическое на армянской почве искажение имени Корбулона); см.: Н. Г. Адоиц, *ук. соч.*, стр. 433.

³ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 29.

⁴ Евтропий, кн. VII, гл. 9.

⁵ W. Schur. Zur neronischen Orientpolitik. *Klio*, Bd. 20, № 2, 1925, стр. 215—216.

⁶ Кассий Дион, кн. 63, гл. 5.

⁷ О. В. Кудрявцев. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. *ВДИ*, 1949, № 3, стр. 59.

и царя Мидии Пакора, свита и трехтысячный отряд парфянской конницы. Замечательное описание этой поездки сохранено римскими авторами, отмечающими громадные затраты, производившиеся римской казной и в пути и во время пребывания Трдата в Неаполе, а затем в Риме (66 г.).¹ Особенно интересно объяснение длительности этого путешествия у Плиния, который сообщает, что, будучи магом (т. е. жрецом),² Трдат отклонил поездку морем, дабы в пути не осквернить водной стихии, и предпочел долгое путешествие по суше,³ до возможного предела сократив переезд морем.

Описывая торжества в честь Трдата, устроенные Нероном, римские авторы⁴ не придают приезду армянского царя в Рим характера унижения, того, хотя бы в самой слабой степени, оттенка, который носило обычно пассивное участие побежденного противника в триумфе победителя. Даже Моммсен, не скрывающий, что его симпатии в этом вопросе на стороне Рима и его захватнической политики, отмечает, что эта пятилетняя борьба Армении и Парфии с Римом была вызвана, главным образом, категорическим отказом гордых Аршакидов — Валарша и Трдата — признать верховенство Рима и получить армянский венец из рук римского императора, пока их к этому не принудили обстоятельства.⁵

У римских историков своеобразно и красочно изображается и торжественное сложение Трдата с себя царского венца и возложение венца на Трдата Нероном,⁶ а также торжественная речь армянского царя, величавшего императора богом,⁷ но отказавшего предстать во время церемонии безоружным. А само приветственное слово его содержит деталь, чрезвычайно для нас важную, как увидим, в связи с текстом Гарнийской надписи.

В полном соответствии с отмеченной и Тацитом и Кассием Дионом торжественностью и богатством приема Трдата императором стоит сообщение о дарах Нерона⁸ стоимостью в 50 мил-

¹ Кассий Дион, кн. 63, гл. 7.

² Плиний. *Nat. Hist.*, кн. XXX, гл. 2, 6: „Magus ad eum Tiridates... navigare noluerat, quoniam expuere in mari aliisque mortalium necessitatibus violare naturam eam fas non putant“.

³ Там же, кн. XV, гл. 24.

⁴ Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей. „Нерон“, гл. 13.

⁵ Th. Mommsen, ук. соч., Bd. V, Berlin, 1885, стр. 385 и сл. — W. Schur, ук. соч., стр. 216.

⁶ Как и Тигран II в 66 г. до н. э. снял с себя диадему перед Помпеем, который снова возложил ее на него (Кассий Дион, кн. XXXV, гл. 52, 3); см. также: Я. А. Манандян. Тигран II и Рим. Ереван, 1945, стр. 190.

⁷ Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.

⁸ Не являются ли эти „дары“ той субсидией, которую Рим выплачивал Армении для укрепления северных границ вплоть до 217 г. (Кассий Дион, кн. 78, гл. 27, 4; ср.: Th. Mommsen, ук. соч., стр. 411 и проч.; J. Marquart. *Eranšahr*. Berlin, 1901, стр. 95 и 102, примеч. 4).

лионов денаров и о разрешении восстановить Арташат,¹ разрушенный Корбулоном, что также имеет непосредственное отношение, как я думаю, к тексту Гарнийской надписи, к истолкованию которой я и перехожу.

В надписи имеется дата — одиннадцатый год царствования Трдата. Счет годам правления его в официальных документах (каковым являлась надпись) велся, по всей вероятности, от 66 г., когда Нерон возложил на Трдата царскую корону. Ведь если бы мы отсчитывали одиннадцатый год от первого его воцарения в 54 г., то дата надписи падала бы на 65 г., когда Трдат, после событий при Рандее, то есть под чрезвычайно отдаленным от Гарни Харбердом, дал согласие на поездку в Рим и когда он едва ли мог уже заниматься широким по замыслу строительством в своей резиденции.

Гарнийскую надпись следует датировать 77 годом. В это время императором был уже Веспасиан (70—79 гг.), после смерти Нерона прошло уже девять лет, чем, вероятно, и объясняется возможность появления в надписи торжественного и редкого термина *ἀνάκτωρ* 'государь', без какого-либо оттенка зависимости этого государя от иной, высшей власти.

К этому же времени относится и известная греческая надпись 75 г. об укреплении Веспасианом и Титом стен Мцхеты для иберского царя Митридата, который правил Иберией после своего отца Фарасмана.² Этот же царь Митридат упоминается также в тексте еще одного эпиграфического памятника I в. н. э. — в арамейской надписи, найденной в 1940 г. в Армази (в 2 км от Мцхеты).³ В этой надписи говорится о его многочисленных походах и победах, между прочим, и о продолжении им ведшихся его отцом Фарасманом⁴ походов и набегов на Армению.

Гарнийская надпись составлена не от имени царя, а одним из его подданных, как это следует из контекста и подтверждается наличием в надписи термина *δеспότης*: термин этот встречается в надписях этого времени, найденных в Причерноморье,

¹ Кассий Дион, кн. 63, гл. 6: *δῶρα τε παντοδατὰ πεντακισχίλιων μυριάδων ἄξια, ὡς φασι, ἔλαβε, καὶ Ἀρτάσατα ἀνοικοδομήσαι ἐπετρέψθη* 'всяких даров стоимостью в 50 миллионов [денаров], как говорят, получил и разрешение восстановить Арташат'.

² И. Помяловский, ук. соч., № 129. — А. И. Амиранашвили. Греческие надписи Музея Грузии, т. IV, 1928, стр. 191 и сл.

³ Г. В. Церетели. Армазская билингва, Тбилиси 1941. — Г. В. Церетели. The bilingual inscription from Armasi... Изв. Инст. яз., ист. и мат. культ. Акад. наук Груз. ССР, т. XIII, 1943, стр. 77. — Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мцхета. ВДИ, 1948, № 2, стр. 52—53.

⁴ Тацит, *Анналы*, кн. VI, гл. 31—36; кн. XI, гл. 8 и сл.; кн. XII, гл. 6, 37 и гл. 44 и сл. — Кассий Дион, кн. 58, гл. 26, 3—4.

Малой Азии и Сирии,¹ но всегда применяется лицом подчиненным — иногда рабом или вольноотпущенником, которые этим словом называют своего господина. Можно привести в качестве примера случай, когда сам Трдат применил этот термин, но в отношении Нерона, произнеся на форуме Рима: *Εγώ, δεσπότης, Ἀρσάκου μὲν ἔχρονος, Οὐαλογαίσιου δὲ καὶ Παχόρου τῶν βασιλέων ἀδελφός, σὸς δὲ δούλος εἶμι.*² Государь, я, потомок Аршака, брат царей Валарша и Пакора, — но тебе я слуга.

Не исключена, конечно, и другая возможность, а именно, что слово *δεσπότης* в Гарнийской надписи должно было в 77 г. подчеркнуть самостоятельность и могущество Трдата, в свое время вновь принявшего из рук римского императора уже принадлежавшую ему ранее царскую диадему.

Современник Трдата Плиний сообщает, что Армения была разделена на 120 префектур (военно-административные единицы), „которые назывались стратегиями“.³ Это его сообщение особенно интересно, принимая во внимание, что свою „Естественную историю“ Плиний писал в 77 г., т. е. в том же году, когда высекалась Гарнийская надпись. О стратегиях в Армении впервые говорится именно у Плиния, на что обратил уже внимание Н. Г. Адонц, полагавший, что „если армянские стратегии возникли по чьему-либо почину в промежутке времени от Страбона до Плиния, то почин может принадлежать только Трдату“;⁴ так как умерший в 23 г. Страбон ничего о 120 стратегиях не знал, хотя имел очень точные сведения об Армении.

Этим стратегиям Н. Г. Адонц приписывает несомненно местное происхождение,⁵ полагая, что Трдат упорядочением, приведением в известную систему существовавшего в Армении территориального деления на округа (Плиний называет одну из стратегий —

¹ Термин *δεσπότης* по отношению к царю Савромату применяет хилиарх Юлий Менестрат в посвянительной надписи, найденной в Фанагории (В. В. Латышев, *IosPE*, т. II, стр. 183, № 357), а также хилиарх Ульпий Антисфен в применении к царю Рескупориду — в надписи, найденной в Керчи (В. В. Латышев, ук. соч., т. II, № 41), и к царю Савромату — в надписи на Тамани (там же, № 357); ср. также: *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. IV, № 125 о Севере (в Метрополисе, Фригия); t. V, № 199 о Макрине (в Наколее, Фригия); t. I, № 18 о Диоклетиане (в Мейдане, Фригия); ср.: *W. Kelly Prentice*, ук. соч., № 318 и т. д.

² Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.

³ Плиний, *Nat. hist.*, кн. VI, гл. 9, 10: „*Dividitur quod certum est, in praefecturas quas στρατηγίας vocant, quasdam ex iis vel singula regne quondam, barbaris nominibus CXX*“.

⁴ Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 433—434.

⁵ „Этому не мешает даже греческое наименование, подобно тому как парфянские монеты остаются парфянскими, несмотря на греческие надписи их“ (Н. Г. Адонц, ук. соч., стр. 434).

Карениту, соответствующую армянскому Карин) санкционировал положение, которое застала в стране новая династия.¹ Что касается содержания понятия „стратегия“ в Армении, то словопотребление античных писателей „не отличается точностью в отношении делений иноземного происхождения. В противоположность *ἑπαρχία* или *provincia*, *στρατήγία* является одним из нехарактерных выражений для обозначения всякой другой области, не подходящей под понятие римских учреждений“.²

Греческому термину „стратег“ соответствовал в значении военачальника древний армянский термин, „спарапет“ „спайпет“ или „спһпет“, и надо полагать, что этим же армянским словом определялись те, кто ведал этими стратегиями, имена которых были, по свидетельству Плиния, „варварскими“, что указывает на местные корни такого деления страны. Главный военачальник страны именовался „великим спарапетом“. В нашей надписи „великий спарапет“ выступает в качестве лица, ведавшего литургиями, то есть совершенно так же, как стратег на Западе, о чем говорилось выше.

Что касается самих литургий, то институт этот в Армении мог именоваться этим греческим термином *λειτουργία*, вероятнее всего, в I в. В IV в. в Армении существовал институт, родствен- ный ангарии,³ именовавшийся местным термином „хашар“⁴ (набор для выполнения повинности); ведал им также спарапет. Об этом сообщает Фавст Бузанд: царь приказал своему военачальнику „произвести набор (хашар) великий по стране и насадить дубовые леса, начиная от сильной крепости Гарни... до того холма, который называется Двином... и построить дворцы“.⁵

Апаранская греческая надпись дала первому ее издателю основание усмотреть в обычае распределения между знатными родами забот об известных отраслях дворцового управления — „соединение почета и известной тяготы — литургии“,⁶ „параллель к свидетельству Хоренского⁷ об организации дворцового управления Валаршаком“ (то есть Трдатом I).

¹ Н. Г. А д о н ц, ук. соч., стр. 434.

² Там же, стр. 434.

³ То есть трудовой транспортной повинности.

⁴ С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. Акад. наук Арм. ССР, 1948, № 211, стр. 51. Фавст Бузанд в одной и той же главе (кн. III, гл. 8) дает и термин „хашар“ в указанном значении и, в другом контексте, термин „гугаз“ в значении войскового набора, в обоих случаях отмечая количественные размеры набора: „хашар великий (или многочисленный)“ и „гугаз свыше меры“. Оба термина, кажется, встречаются только у Фавста.

⁵ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 8.

⁶ М. И. Ростовцев. Апаранская греческая надпись царя Тиридата, стр. 23.

⁷ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 7.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Гарнийская надпись сообщает, что Трдат строит в 77 г. крепость и агарак в Гарни, но уже в 52—53 гг., то есть за двадцать пять лет до этого, в Гарни имелись и стены и царское жилище, судя по рассказу Тацита,¹ и в этой крепости (*castellum*) сидел римский ставленник царь Митридат.

В этом сообщении Тацита для нас важно, что в 52—53 гг. Гарни был крепостью, что надежность этой крепости для укрывшегося в ней Митридата определялась не только римским гарнизоном, но и местоположением, то есть природными условиями (*castellum... tutum loco ac praesidio militum*), причем Тацит на первом месте ставит *loco*, а не пишет *tutum praesidio militum atque loco*. Для суждения о качествах этой крепости важное значение имеют и слова Тацита о том, что насильственно, без применения хитрости захватить эту крепость Радамист не мог в силу наличия укреплений, посильных для преодоления только римскому войску, но не „варварам“: *Nihil tam ignarum barbaris, quam machinamenta et astus oppugnationum... Ita Radamistus frustra vel cum damno temptatis munitionibus obsidium incipit; et cum vis neglegeretur avaritiam praefecti emercentur* „Ничто так не неизвестно варварам, как орудия и искусство осады... Поэтому Радамист после напрасных или даже связанных с потерями попыток [взять] укрепления, начал осаду; а так как пришлось отказаться от применения силы, он подкупает корыстолюбивого префекта [римлянина Целия Поллиона].²

Следовательно, крепость Гарни с северной стороны, обращенной к равнине, была уже в то время ограждена стенами, так как для преодоления вала, рва или фашинных заграждений осадные машины не могли понадобиться, да и особого искусства, недоступного „варварам“, не требовалось бы.

Все это происходило в 52—53 гг., а в 77 г. Трдат опять строит крепость и царскую усадьбу. За эти 25 лет произошли тяжелые события для Армении — нашествие римских войск под командованием Корбулона, в 58—60 гг. огнем и мечом прошедших по Армении и разрушивших до основания Арташат, столицу Армении. Пострадал тогда, видимо, и Гарни, находящийся в 20—30 км от Арташата.

В 52—53 гг. стены Гарнийской крепости уцелели благодаря коварной уловке Радамиста во время его нападения на Митридата, но нет никаких оснований полагать, что стены крепости и царской резиденции могли уцелеть в период нашествия Корбулона, не

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XII, гл. 45—46.

² Там же, гл. 45.

оставившего камня на камне при уходе в 60 г. из Арташата¹ и едва ли имевшего основания оберегать оборонительные сооружения царской крепости и резиденции царя Трдата, который занял в 54 г. армянский престол после изгнания римских ставленников.

Если исходить из того, что восстановление Гарни Трдатом I имело место после его возвращения из Рима и в связи с восстановлением разрушенного Корбулоном Арташата, на средства, отпущенные Нероном, то можно быть уверенным, что в числе первоочередных задач были строительные работы в Гарни и что имелось в виду не только восстановление крепости, но и царской резиденции, притом резиденции летней.

Ведь мы можем исходить в этом своем утверждении не только из простого умозаключения о неблагоприятном в летнее время климате города Арташата, расположенного в низине, притом близко от русла Аракса, который в этом месте изобиловал камышевыми зарослями, но и из указания Моисея Хоренского: историк сообщает о причинах перенесения из Арташата и зимней резиденции, вызванного вредоносностью климатических условий древней столицы.² Разумеется, это свидетельство Моисея Хоренского имеет в виду несколько более позднее время, но в его сообщении идет речь не о выносе личной резиденции царя, а о переселении всех жителей, об оставлении города.

Климатические и оборонительные преимущества Гарни (уже Тацит называет Гарни *tutum loco* 'безопасный по местоположению', а Фавст называет его *անկր բերդ* 'крепкий замок'),³ расположенного очень недалеко от Арташата, определяли целесообразность устройства именно там царской резиденции, а от Гарни почти до самого Арташата шел прямой путь по ущелью реки Азата. Путь этот был, видимо, и удобным и излюбленным, поскольку при преемнике Тиридата III, Хосрове Котаке (330—338), именно это ущелье было избрано для насаждения „начиная от сильной крепости Гарни... до холма, именуемого Двин“, дубового леса, в котором был устроен охотничий царский зверинец, но, как подчеркивает Фавст,⁴ с оставлением вне ограды этого зверинца дороги, то есть дороги от Гарни к Арташату.

Это свидетельство Фавста Бузанда, как и слова надписи об

¹ *Artaxatis ignis immissus, deletaque et solo adequata sunt* 'Арташат был предан огню, разрушен и сравнен с землею' (Тацит, *Анналы*, кн. XIII, гл. 41; ср. там же, кн. XIV, гл. 23. — Кассий Дион, кн. 62, гл. 20).

² Моисей Хоренский, кн. III, гл. 8: „...ибо в то время Арей сопутствовал Солнцу и дули знойные, зараженные, зловонные ветры. Жители Арташата, будучи не в состоянии выносить это, охотно согласились на перемещение“.

³ Фавст Бузанд, кн. III, гл. 8.

⁴ Там же; об этом же см.: Моисей Хоренский, кн. III, гл. 8.

агараке царицы, говорят о стремлении армянских аршакидских царей к устройению местности Гарни и его округи в качестве излюбленных царских „угодий“.

Возвращаясь к вопросу о Трдате I.

В начале надписи стоит слово "Ἡλιος. Греческие надписи этого типа обычно начинаются с упоминания бога или богов: θεοί, Ἀθηνᾶ и др.¹ В Гарнийской надписи (поскольку она высечена на греческом языке), упомянут бог Солнца Гелиос, являвшийся, как известно, греческим соответствием восточному Митре—армянскому Михру,² которому поклонялся Трдат; это видно из рассказа Кассия Диона, передающего слова, сказанные, якобы, Трдатом перед Нероном: ἦλθον τε πρὸς σὲ τὸν ἑμὸν θεόν, προσκυνήσω σε ὡς καὶ τὸν Μίθραν 'Я пришел к тебе, моему богу, поклониться тебе, как Митре'.³

С. Д. Лисициан тоже относил надпись к Трдату I, но он исходил из предположения, что Гарнийская надпись была помещена на храме, который носит следы работы римских мастеров, из чего С. Д. Лисициан заключает, что его строил не Трдат-христианин, а Трдат I по возвращении своем из Рима, после 66 г. На деле же, как будет дальше показано, надпись находилась не на храме, а в кладке крепостной стены.

Я. А. Манандян, исходя из своего толкования текста и основываясь на том, что λειτουργός, εὐχριστίχ — термины, якобы, христианские, приписывает надпись Трдату III и тоже считает ее надписью, находившейся на Гарнийском храме, который, по его мнению, был построен в III в. до н. э. (sic! — К. Т.), а Трдатом возобновлен, о чем и гласит надпись.

Если согласиться (что было бы неправильно) с Я. А. Манандяном, что эти два термина надо понимать в значении, в каком они применялись в христианском обиходе, да еще в этом видеть доказательство, что надпись начертана после принятия Трдатом III христианства, то возникает вопрос: как мог Трдат после принятия христианства и в период насаждения им этого учения в Армении, да еще с тем рвением, о котором говорится у Агафангела,⁴ потерпеть, чтобы в надписи в его резиденции рядом с его именем стояло обращение к языческому богу?

Исходя из всех этих соображений я полагаю, что Гарнийская надпись, бесспорно, относится ко времени Трдата I, к 77 г. н. э.

Здесь необходимо вернуться к первому слову Гарнийской надписи, а именно упоминанию бога Гелиоса. Нет никаких оснований

¹ SIG, t. II, № 1651; ср.: W. Larfeld, ук. соч., стр. 553—554.

² О надписях Ἡλιῶ Μίθρα ἀνιχίτῳ см. стр. 88 и сл. наст. работы.

³ Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.

⁴ Fragmenta Historicorum Graecorum, v. V, p. I, Paris, 1870, стр. 164, гл. § 129—132 и др.

связывать это имя с именем Трдата и усматривать в нем перевод имени „Тиран“, как это делал Я. А. Манандян (стр. 189); помимо общепринятости упоминания имени божества в начале подобных надписей это же явление имело место и на территории Армении за восемь веков до этого — в клинописных надписях царей Урарту, текст которых начинался с упоминания верховного бога, „Халда могущественного“.¹ Это же, как известно, имеем в средневековых армянских и иных христианских надписях, начинающихся обычно словами „во имя бога“ или „во имя Христа“, „именем Христа“.

Возвращаясь к моему предположению, что имя Μεννέζς и две строчки в левой половине нижней строки вписаны другой рукой, когда основной текст был уже готов. Только этим можно объяснить, что в слове Μεννέζς конечные α и ζ как-то втиснуты и мельче остальных букв, в то время как вся остальная строка как бы растянута и буквы ее свободно расставлены.

Исходя из сказанного и из устойчивости формулировок строительных надписей в Армении, я предполагаю, что отдельные башни или участки крепостной стены строились отдельными гражданами, вернее, что определенные участки стены или башни выкупались ими у государства, т. е. они оплачивали их стоимость. За это им разрешалось поставить свое имя в соответствующей надписи, начертанной на плите, входящей в кладку данного участка или данной башни: это было установлено И. А. Орбели в отношении городских стен Ани и даже отдельных приделов церквей и обосновано им в специальной статье.²

В связи с этим вполне естественно предположить, что в иных условиях такие надписи на плитах могли заготавливаться заранее и с пропуском места для имени или имен тех, кто пожелал бы выкупить данный участок стены. Таким именно образом, мне думается, и могло появиться в Гарнийской надписи имя Меннея,

¹ Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 25.

² И. А. Орбели. О двух терминах в надписях Ани. Изв. Росс. Акад. ист. мат. культуры, т. I, 1921, стр. 111—117: „Во многих участках стен и на башнях сохранились вложенные в кладку плиты с обрамлениями, точно такие же, как те, на которых начертаны надписи о построении башен и стен, но совершенно гладкие и чистые, без единой буквы; при этом на каждом данном простенке или башне имеется не больше одной такой стелы. Плиты эти, несомненно, подготовлены для начертания на них надписи. Башни и стены Ани сооружались... по общему плану и на средства государства или города, большими группами и участками одновременно. Затем желающим предоставлялось выкупать ту или иную башню или прясло стены, уплатив приблизительную стоимость ее сооружения, и таким образом приобрести право начертать на заранее заготовленной в стене стеле надпись о построении от своего имени...“ (стр. 115).

вписанное позднее, когда он оплатил стоимость определенного участка стены, и имя свидетеля Матея, присутствовавшего при этом.

Упоминание свидетеля подтверждает, мне кажется, мое предположение о выкупе Меннеем части построенной Трдатом стены, устанавливая, что имела место платёжная операция, при которой всегда присутствовали упоминаемые в соответственных надписях свидетели.¹

Как известно, целый ряд датированных плит с надписями II—III вв. о построении такими-то лицами башни или ворот, или агоры найдены были в Недвиговке — в древнем Танаисе.² Начинаются эти надписи со слов Ἀγαθῆ Τύχη и указания, что происходило это при царе Савромате или при Рескупориде (как в нашей надписи — при Трдате), и далее сообщается, что именно эти лица (в большинстве местные имена) построили на свои средства, то есть здесь мы имеем дело с таким же явлением, как и в Гарни, где башню или часть стены выкупил Менней. В надписях Танаиса повествуется, например, что ἐκ τῶν ἰδῶν ἀναλωμάτων ἀπεκατέστησα τῆ πόλει: на свои личные средства восстановил городу в 220 г. рыночную площадь Василид Феоникон,³ а затем и временем испорченную плиту;⁴ ἐκ τῶν ἰδῶν — были восстановлены также и ворота неким Мэнием, сыном Харитона.⁵ Применяется равным образом и термин διὰ ἐπί μελέας, т. е. „печением“ такого-то, и в надписях Танаиса⁶ и в надписях Керчи, где была „отстроена от основания башня печением Юлия Эрота“ в 225 г. при царе Рескупориде.⁷ В городской стене города Зары в Далматии сохранилась латинская надпись, в которой после титулатуры императора сообщается более мелкими буквами: T. Julius Optatus turris vetustate consumptas impensa sua restituit — Т. Юлий Опат башни,

¹ Ср. надписи, где речь идет о платежах, при которых присутствуют свидетели и которые начинаются призывом бога, словом θεός (W. Dittenberger, Sylloge..., №№ 141 и 142) или словами θεός Τύχη (там же, № 517, 51; № 832, 5; № 839, 4, а также надписи № 846, 8; № 853, 3 и др.); ср. также документы (пергамент), найденные в Дуре-Европос, а именно договор 86/87 г. н. э. (Excavations et Dura-Europos, Report of 1933—1934 and 1934—1935, стр. 427) и договор 121 г. н. э. (Excavations at Dura-Europos, Report of 1928—1929, стр. 203, № X).

² П. Леонтьев. Разыскания на месте древнего Танаиса и его окрестностей. Прописки, кн. IV, М., 1854, стр. 411—431. — В. В. Латышев, ук. соч., т. II, №№ 427—435. — Н. И. Новосадский. Греческая эпиграфика, ч. I, 1915, стр. 182.

³ В. В. Латышев, Ios PE, т. II, 1890, стр. 236—238, № 430.

⁴ Там же, стр. 238—239, № 431.

⁵ Там же, стр. 240—241, № 432.

⁶ Там же, стр. 232—238, №№ 427, 428, 430 и др.

⁷ Там же, стр. 48, № 48.

ветхостью разрушенные, на свои средства восстановил'.¹ Я подчеркиваю, что эта часть надписи сделана более мелкими буквами: именно это же мы видим и в Гарнийской надписи.

Таким образом, институт литургии, связанный преимущественно с восстановлением стен, башен, ворот, существовал, как мы видим, не только в римских провинциях, но и в Армении и в городах северного Причерноморья.²

Все вышеизложенное приводит к заключению, что Гарнийская надпись никакого отношения к храму не имела. Подтверждается это и тем, что по цвету и строению базальта плита наша отличается от тех камней, из которых построен храм; отличается она от них и по форме и по своим размерам. Совпадает же она — по цвету и по строению породы и по размерам — с камнями, из которых построена крепостная стена. Все это дает мне основание полагать, что плита с надписью, найденная в 1945 г., происходит из кладки крепостной стены. Левая, необтесанная часть плиты входила в кладку, вероятно, в таком месте, где к ней примыкали башни, а может быть, надпись была помещена и на самой башне, там, где она примыкала к стене. За предположение, что плита эта происходит из кладки стены, говорит и то обстоятельство, что в тексте ее не назван предмет постройки, — а такое „умолчание“ обычно имело место в тех именно случаях, когда надпись предназначалась для укладки в оборонительную стену.³ Это же явление мы наблюдаем и на строительных латинских надписях из Валаршапата. (стр. 265 и 268).

У нас нет никаких данных, которые позволили бы высказать то или иное предположение относительно личности этого Меннея, который выкупил стоймость башни или части стены Гарни. Нам известно из окружения Трдата только одно лицо, носившее сходное имя, — начальник конницы Монаесес,⁴ который, как говорится у Тацита, сопровождал Трдата I в походе против римского ставленника Тиграна V.⁵ Не могло ли в изложении Тацита принять форму Монаесес имя, знакомое нам по другим греческим надписям в форме Μεννέας? Во всяком случае, некий Μεννέας в благодарность (εὐχάριστος) за оказание ему той или иной почести или за предоставление ему какой-то должности взял на себя литургию — по-

¹ Corpus inscriptionum latinarum, t. III, fasc. 1, № 2907.

² Стоймость постройки храма Антонина Пия в Сагалассе тоже была частично выкуплена, о чем сообщается в надписи на колоннах (Ch. Lanckoroński, ..., ук. соч., т. II, стр. 236, № 188).

³ М. И. Ростовцев, Изв. Археолог. комисс., вып. 33, 1909, стр. 4—5.

⁴ Греч. Μοναίσσης (см.: W. Pape, Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 1884, стр. 493), у Свида — Μόναισος, у Аппиана — Μονέσσος.

⁵ Тацит, Анналы, кн. XV, гл. 2, 4—5. — Кассий Дийон, кн. 62, гл. 20.

стройку части стены, придя тем самым на помощь Трдату при восстановлении разрушенной крепости Гарни. Он был, вероятно, армянином, а не греком, и самое имя его *Μεννέας*, встречающееся в десятках надписей, найденных на территории Малой Азии (стр. 181 и сл.), повидимому, грецизировано, а по-армянски оно звучало, вероятно, иначе.

В этой связи интерес представляет надпись начала II в. н. э., найденная к западу от Дамаска, которая свидетельствует о том, что имя „Менней“ носили представители местного населения Малой Азии и Сирии, поскольку Менней в надписи назван: *Μεννέας Βεβλιάρχου τοῦ Βεβλιάρχου πατρὸς Νεταίρου*.¹

Имя *Μεννέας* встречается, между прочим, в греческих надписях этого времени, находимых в тех же областях Малой Азии, где в надписях встречается и имя Гаяне² — в специфически армянской форме.

Возвращаясь к вопросу об общем характере Гарнийской надписи, интересно сопоставить ее с редакцией, близкой по времени латинской надписи в Харберде (стр. 220 и сл.). Харбердские три надписи (с аналогичным текстом) были высечены Корбулоном в 64 г. н. э., в период борьбы Трдата за власть, в ознаменование завершения римлянами какой-то постройки (моста?) на территории Армении. И в Гарнийской и в Харбердских надписях (их разделяет 13 лет) буквы первой строки — имя Трдата и имя Нерона — высечены более крупными, чем в остальных строках. И в том и в другом случае имя царя и имя императора стоят в именительном падеже (без сказуемого), хотя ни тот, ни другой не являлись заказчиками этих надписей: имя властителя давало дату и указывало на государственный, а не частный характер сооружения. В обеих надписях — и греческой и латинской — предмет постройки не назван, из чего следует, что надпись помещена в кладку, встроена в сооружение.

Наша надпись подтверждает правильность высказывавшегося в ряде трудов суждения, что Моисей Хоренский многое, связанное с личностью и деятельностью Трдата I, следуя народной традиции, приписывал Трдату III, более близкому ему по времени и более известному в армянской письменной традиции и народных преданиях.

Моисей Хоренский, ознакомившись в Гарни с надписью или с надписями, в которых сообщалось о построении Трдатом (которым именно — ведь не сказано) неприступной крепости и усадьбы,

¹ W. Dittenberger. *Orientalis Graecae inscriptiones selectae*, v. II. 1905, стр. 307, № 611.

² *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. VI, №№ 274, 301, 315.

вероятно, добросовестно записал это в своей „Истории Армении“,¹ приписав их Трдату III. Так, он прочел *Τρδάτης ἔκτισεν ἀγύρακον βασιλίσσα* и перевел: „Трдат выстроил летний дворец... для сестры своей [царевны]“: „сестра“ у Моисея Хоренского могла появиться в связи с тем, что у Трдата III была упоминаемая Агафангелом сестра Хосровидукт, для которой Трдат III, быть может, и выстроил где-то дворец. Об *ἀνίκητον κάστρον* Моисей Хоренский сообщает: „Трдат завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепив их железными скобами и свинцом“. На нашем камне, действительно, имеются следы скоб и заливки свинцом. Таким образом находят себе объяснение выбоины на плитах крепостной стены в тех именно местах, где находились скобы и свинцовая заливка. Как уже упоминалось, Я. И. Смирнов высказывал предположение, что извлечением этих скоб и свинца занималось население в период Шах-Аббасовских войн, когда ощущался недостаток в свинце для военных нужд. Это было, во всяком случае, до того как уровень земли внутри крепости поднялся выше четвертого ряда кладки, то есть около 3 м, так как в нижних рядах кладки нет выбоин, сделанных для извлечения металла.

Во время раскопок в Гарни в 1909 и 1910 гг. были найдены и железные скобы в виде полос, загнутых с обоих концов, для скрепления рядом стоящих плит кладки (табл. 22), и штыри, служившие как для скрепления вертикально поставленных кусков ствола колонн, так и ствола с капителями и базами (табл. 21), причем часть этих штырей была выкована в виде квадратных в сечении брусков, а часть отлита в аналогичной форме из бронзы. И эти скобы и штыри закреплялись в камне свинцовой заливкой, которая также была найдена в раскопках, причем эти куски свинца сохранили идущие в сторону развилки, соответствующие тем желобкам, по которым свинец заливался сбоку в гнезда, служившие для закрепления скоб и штырей. Таким образом, находки полностью подтверждают правильность свидетельства Моисея Хоренского о железных шипах и свинцовой заливке.

Можно с уверенностью сказать, что Моисей Хоренский сообщает нам о тех же постройках Трдата в Гарни, о которых повествуется и в Гарнийской надписи, содержание же этой надписи тесно переплетается с событиями, описанными у Плиния, Тацита, и Кассия Диона.

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 90. — Как Я. А. Манандян и С. Д. Лисицян, так и Н. М. Токарский допускает, что, может быть, в 1945 г. в Гарни была „найдена именно та надпись, которая в свое время послужила Моисею Хоренскому источником для его сообщения о строительстве в Гарни“ (Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 20), однако все трое считают, что надпись относится к храму.

Предлагаемые мною понимание и толкование надписи приводят к следующим выводам.

1) Текст надписи позволяет говорить о существовании и в Армении обычая применять литургию — факт, для Армении I в. до сих пор не засвидетельствованный.

2) Если правильны мои воспоминания, то термин „тэр“ для I в. засвидетельствован так же впервые Гарнийской надписью, как и связанные с литургией функции спарапета.

3) Впервые этой надписью засвидетельствованы также древние корни средневекового армянского обычая строить городские стены при помощи общественных средств, вносимых отдельными частными лицами.

4) Наконец, особенно ценным в тексте нашей надписи является факт применения в греческом ее тексте армянских терминов в транскрипции греческими буквами. Следует подчеркнуть, что если один из этих терминов, „спарапет“, засвидетельствован в надписи лишь первыми, бесспорно читающимися буквами, а остальные буквы отломаны, что если второй из этих терминов предлагается нами к восстановлению в качестве возможного армянского варианта *արարախոս* к греческому *ἀρχομήχαν*, то третий термин „тэр“, в косвенном падеже *τῆς ἀρχῆς*, сохранился полностью, поскольку нехватает только падежного греческого окончания. Таким образом, текст нашей надписи впервые дает реальный и вполне конкретный пример того, как в период, предшествовавший созданию национальной армянской письменности, греческий алфавит применялся для начертания армянского текста, и, таким образом, надпись опять-таки реально подтверждает правдивость свидетельства Моисея Хоренского о применении древними армянами греческого письма. Ведь Моисей Хоренский говорит здесь не о греческой надписи, не о надписи на греческом языке, а о том, что Трдат начертал надпись *հիլևհայտի գրով* 'эллинскими буквами', буквально 'эллинским письмом'. Не исключена возможность, что на такую своеобразную редакцию текста Моисея Хоренского могли повлиять два или три армянских слова, начертанных в исследуемой нами надписи греческими буквами. Но поскольку Моисей Хоренский говорит о надписи, начертанной самим Трдатом, — а писатель этот, бесспорно, владел греческим языком, — вполне возможно, что он говорит не об этой надписи, а о другой, которая еще не обнаружена раскопками и которая, быть может, полностью или в большей своей части была высечена от имени армянского царя Трдата на армянском языке, но греческими буквами.

Систематические раскопки крепости и дальнейшее всестороннее исследование Гарни прольют, надо надеяться, некоторый свет на этот вопрос.

5. ЛАТИНСКИЕ НАДПИСИ, НАЙДЕННЫЕ ОКОЛО ХАРБЕРДА

В 1879 и 1882 гг.

(Табл. 80)

На протяжении своей многовековой борьбы с армянским народом, мужественно отстаивавшим свою независимость, мощному Риму неоднократно приходилось испытывать и тяжкие поражения.

Одно из самых тяжелых и позорных поражений римские легионы понесли в 62 г., когда объединенные силы армян и парфян вынудили их капитулировать в Харберде (Рандея, ныне Харпут)¹ и испытать самое большое воинское унижение — пройти „под ярмом“.

После изгнания армянами римского ставленника Радамиста, в 52/53 г. в Армении воцарился аршакид Трдат, юный брат парфянского царя Валарша. Так как Рим был поставлен перед совершившимся фактом, то Нерон решил начать военные действия, поручив верховное командование Домицию Корбулону, легату Каппадокии и Галатии. Ему были предоставлены для этого похода два легиона — III Gallica и VI Ferrata, и вспомогательные отряды, с которыми он в 58 г. и выступил против Трдата.

Учитывая, повидимому, соотношение сил, Трдат уклонился от боевой встречи с римлянами и начал применять партизанские методы борьбы с наступающим врагом. Когда же, пользуясь тяжелым положением Армении, на нее одновременно напали еще и иберский царь Фарасман, и хениохи с севера, и коммагенцы с юга, Трдату пришлось отступить в Албанию (или Мидию).

В 59 г. Корбулон после тяжелой осады занял сильную крепость, которую Тацит называет Воландум (к югу от Аракса, у Каравансарайского, или Зорского, перевала),² и которая являлась, быть может, не чем иным, как упомянутой у Страбона³ крепостью Ὀλύνη, сокровищницей Тиграна II и Артавазда, неподалеку от Арташата. За Воландумом наступила очередь Арташата, который не смог оказать сопротивления. Корбулон с войсками зимовал в Арташате, а когда весной выступил, то город был „сожжен, разрушен и сравнен с землею, так как его нельзя было удержать без сильного гарнизона, ввиду протяженности [величины] стен и так как у нас не хватало военных сил, чтобы можно было разделить их и на надежное прикрытие и на ведение войны; а если бы оставить его [Арташат] в целости и без обороны [гарнизона], то от

¹ К востоку от Евфрата, южнее реки Арацани (ныне Мурад), левого притока Евфрата.

² Тацит, *Анналы*, кн. XIII, гл. 39.

³ Страбон, кн. XI, гл. 14,6 (529).

захвата [Арташата] не было бы ни пользы, ни славы“.¹ Так излагаются у Тацита причины, побудившие Корбулона сжечь Арташат.

В 60 г. Корбулону после тяжелой, повидимому, осады сдался и Тигранакерт.² Тацит, прекрасно осведомленный о событиях этого похода и пользовавшийся записками Корбулона (стр. 216), не мог не знать того, о чем у Юлия Фронтин (вторая половина I в. н. э.) говорится как о чем-то хорошо известном. Фронтин сообщает о военной хитрости, которую Корбулон применил, когда видно было, что армяне собираются упорно защищаться: „Домиций Корбулон осаждал Тигранакерт, и казалось, что армяне собираются упорно выдерживать осаду. И вот он казнил Вананда, одного из захваченных им мегистанов, и голову его пустил из баллисты внутрь неприятельских укреплений. Случайно голова попала в середину собрания, которое как раз происходило у варваров; при виде головы, усматривая в ней как бы предзнаменование, пораженные варвары поспешили сдаться“.³

Историку Тациту — этому последнему представителю оставшихся еще в живых старо-римлян патрицианской складки и патрицианского образа мыслей, как его называет Ф. Энгельс,⁴ — и в этом случае, как и в ряде других, приходилось замалчивать факты, когда армянам удавалось оказывать прославленным римским легионам упорное и порой успешное сопротивление. Нельзя было скрыть от потомства и от современников только страшной катастрофы под Рандеей, — события, которому, главным образом, и посвящена настоящая глава.

Северная и южная столицы находились теперь в руках римлян. Попытки Трдата возобновить борьбу в данной обстановке успеха не имели. К тому же в это время в Тигранакерте был римлянами объявлен армянским царем Тигран из рода Арташесидов. С помощью римских легионов он напал на смежную с Парфией Адиабену — обстоятельство, побудившее медлившего с решением парфянского царя Валарша приступить к военным действиям. Военные приготовления Корбулона на Евфрате (постройка укреплений и мостов) принудили Валарша после переговоров с

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XIII, гл. 41: „Artaxatis ignis inmissus deletaque et solo aequata sunt, quia nec teneri [poterant] sine valido praesidio ob magnitudinem moenium, nec id nobis virium erat, quod firmando praesidio et capessendo bello divideretur, vel si integra et incustodita relinquerentur, nulla in eo utilitas aut gloria quod capta essent“.

² Там же, кн. XIV, гл. 2.

³ Фронтин, *Стратегемы*, кн. II, гл. 9,5.

⁴ Ф. Энгельс, *Бруно Бауэр и раннее христианство*. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XV, стр. 606.

посланцем Корбулона отозвать армяно-парфянские войска из-под Тигранакерта и направить послов в Рим с сообщением о согласии Трдата получить армянскую корону из рук Нерона. Дело в том, что внутренние осложнения в Парфии и борьба с гирканцами принудили Валарша пойти, наконец, навстречу пожеланиям Рима, от удовлетворения которых он с 54 г. упорно отказывался.

Согласно договору, Корбулон вывел римские войска из Армении и, казалось бы, можно было ожидать мирного разрешения дальнейших вопросов. Но, учитывая слабость Валарша, Нерон отказался удовлетворить его желание, военные действия были возобновлены, причем, по просьбе Корбулона, командование тремя отправляемыми против Армении легионами было поручено Цесению Пэту, который хвалился, что „наложит на побежденных дань, навяжет им законы и, вместо тени царя, — римское владычество“ (*se tributa ac leges et pro umbra regis Romanum ius victis impositurum*).¹

Пэт перешел Евфрат, занял несколько укреплений и сообщил Нерону „как бы об окончании войны“ (*quasi confecto bello*),² а война только начиналась. Корбулон в это время укреплял берег Евфрата, а Валарш с большим войском, состоявшим из армян и парфян, шел против Пэта.

Весной 62 г. Валарш около Харберда напал на римлян. Несмотря на то что в распоряжении Пэта имелись три легиона, он неумело произвел распределение сил, полагаясь при этом на свое собственное разумение, „чтобы не казаться имеющим нужду в чужом мнении (*ne alienae sententiae indigens videretur*). Три тысячи солдат отборной пехоты он поставил на ближайшей возвышенности Тавра с целью запретить проход царю [Валаршу], а часть равнины занял паннонскими всадниками... Жену и сына укрыл в крепости *Arsamosata* [Аршамашат], давши им в охрану когорту...“, и „с трудом согласился на то, чтобы сообщить Корбулону о своем тяжелом положении“.³

Валарш выступил, „опрокинул [римскую] конницу, раздавил легионеров“ и навел на врага такой страх, что „те из пехотинцев, которые уцелели, бросились в глухие места и дебри, а раненые — в лагерь, от страха преувеличивая доблесть царя, жестокость и многочисленность его войска“. Пэт растерялся, „покинул все свои военные обязанности“ и вторично послал к Корбулону за помощью, чтобы спасти „знамена, орлов и оставшееся имя не-

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 6.

² Там же, гл. 8.

³ Там же, гл. 10.

счастливого войска“ (*signa et aquilas et nomen reliquum infelicis exercitus*).¹

Римские легионеры, которых „едва [удавалось] вытащить из палаток, не защищали ничего другого кроме укреплений, одни по приказу полководца, а другие по собственной трусости или в ожидании Корбулона“.² В обстановке „отчаяния в войске“ и так как Корбулон шел ему на помощь довольно медленно, Пёт обратился с посланием к Валаршу, предлагая переговоры. Валарш ответил ему, что ждет своих братьев, Трдата и Пакора, „так как это место и время назначено для совещания, чтобы принять решение относительно Армении и, к этому боги прибавили, — одновременно постановить, как подабают Аршакидам, относительно римских легионов“. Тогда Пёт сообщил Валаршу о своей капитуляции, и после этого с начальником конницы Васакем (судя по имени — армянином) был заключен договор, согласно которому „все солдаты уходят из пределов Армении, а крепости и обозы передаются парфянам“.³

Слово „капитуляция“ в тексте Тацита отсутствует, признание Пэтом своего поражения изложено в туманных выражениях, но описываемые им далее факты свидетельствуют именно о том, что Пёт просил о пощаде, хотя в лагере его еще имелись запасы продовольствия, тогда как армяне и парфяне нуждались в самом необходимом. За эту преждевременную сдачу, как увидим, и упрекал Корбулон Пэта при встрече на Евфрате.

Армяне и парфяне ознаменовали свою победу, подвергнув римские легионы величайшему воинскому позору, а именно заставили их пройти *sub iugum* 'под ярмом', то есть согнувшись пройти под сооружением из трех копьев — двух воткнутых в землю и третьего, положенного поперек, сверху.

Тацит смягчает и эту деталь, говоря: *addidit rumor sub iugum missas legiones et alia ex rebus infaustis, quorum simulacrum ab Armeniis usurpatum est*⁴ 'молва добавляла, что легионы были пропущены под ярмом и еще иное позорное, так что нечто подобное со стороны армян к ним, действительно, было применено'. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь Тацит впервые говорит об участии армян в окружении римского войска и именно им приписывает проведение легионов „под ярмом“. Все военные события начиная с 58 г. имели место на территории Армении, уже четыре года армяне испытывали все ужасы войны, поэтому весьма возможно, что им было предоставлено право осуществить предание позору Пэта и его легионеров.

¹ Там же, гл. 11.

² Там же, гл. 13.

³ Там же, гл. 14.

⁴ Там же, гл. 15.

О поражении римлян в Рандее у Кассия Диона говорится как о чем-то общеизвестном,¹ а о прохождении под ярмом упоминается у Евтропия (IV в.).²

Осведомленность Тацита, наиболее подробно описавшего поход Пэта, объясняется тем, что он пользовался записками Корбулона,³ из которых, видимо, им черпнут был эпизод, имевший место после договора о сдаче легионов: армяне „вошли в лагерь прежде чем римское войско вышло из него и обступили дороги, опознавая ранее захваченных [римлянами] рабов и вьючный скот, и отбирали их“.⁴

Очень ярко Тацит описывает далее паническое отступление римских войск, за день прошедших 40 римских миль (около 57 км) и встречу их на Евфрате с шедшими им на помощь легионерами Корбулона, когда полководцы осыпали друг друга упреками, а „грустные солдаты, жалея об участии товарищей, не могли преодолеть слез и при встрече едва произносили воинские приветствия. Отступили соревнование в доблести и гордость славою, сопутствующие людям в счастье. Преобладала только жалость и особенно у младших (minores)“.⁵

Здесь нельзя не упомянуть о том, что традиции Тацита в наше время продолжены в трудах некоторых буржуазных ученых, которые предпочитают обойти молчанием неслыханное поражение, понесенное Пэтом, когда подвергшиеся нападению армяне и парфияне, боровшиеся за свою независимость, провели под ярмом „непобедимые“ легионы могучего Рима. Я имею в виду соответствующую главу в „Кембриджской древней истории“,⁶ где о прохождении под ярмом вовсе не говорится, а также книгу Нельсона Дибвойза, где Рандейское позорище тоже не упомянуто, но зато подчеркнута, что когда римляне уходили, армяне „забирали их оружие и одежду“,⁷ вместе с тем замалчивается, что армяне отнимали у отступающего врага захваченных им у местного населения рабов и вьючный скот.

Слишком свежи были в памяти современников Тацита детали Рандейского поражения, чтобы можно было умолчать о таких наиболее характерных деталях, как прохождение под ярмом и тот

¹ Кассий Дион, кн. 62, гл. 23.

² Евтропий, кн. VII, гл. 9. — О. В. Кудрявцев. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. ВДИ, 1949, № 3, стр. 57.

³ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 16 (contraque prodiderit Corbulo... 'Корбулон, напротив, сообщает...').

⁴ Там же, гл. 15.

⁵ Там же, гл. 16—17.

⁶ Cambridge Ancient History, v. X, стр. 770.

⁷ N. C. Neilson Debevoise, *ук. соч.*, стр. 191.

„холм из оружия и трупов убитых“, который был сооружен по приказу Валарша, чтобы подчеркнуть поражение Рима.¹ Затем Валарш отправил к Корбулону полководца Монеса для переговоров об условиях перемирия. Кассий Дион кратко, но красочно описывает встречу обоих полководцев на мосту через Евфрат „после того, как среднюю часть моста [они] велели сломать“.²

Валарш свои требования основывал, вероятно, на том, о чем Тацит прочел в записках Корбулона, т. е. что перед своим стремительным уходом из Рандеи Пэт „клятвенно перед знаменами в присутствии лиц, которых царь послал быть свидетелями, поручился за то, что ни один римлянин не вступит в Армению, пока не будет получено письмо Нерона о том, согласен ли он на мир“.³ Послы Валарша обратились к Корбулону „с требованием, чтобы он передвинул укрепления за Евфрат и сделал реку, как прежде, рубежом“. Корбулон в свою очередь потребовал, чтобы „Армения очищена была также от войск противника [парфян]. И, наконец, царь уступил и было разрушено то, что построил Корбулон за Евфратом, и армяне были оставлены без властителя“ (et Armenii sine arbitro relictis sunt).⁴ Слово *arbiter* имеет два значения — „посредник“ и „правитель“, но в данном историческом контексте едва ли может быть речь о „посреднике“; Тацит, несомненно, имеет в виду „властителя“ — Рим, отстраненный этим договором от хозяйничанья в Армении.

Тацит излагает все эти события, как историк, сочувствовавший политике Рима, направленной к мировому господству, а также его политике сеяния раздора между отдельными народами. Так, например, у него чувствуется удовлетворение тактикой Корбулона, который выслав иберов против мардов, принявших участие в отражении римского нашествия, — таким образом Корбулон *hostilem audaciam externo sanguine ultus est*⁵ ‘отомстил за их враждебную дерзость чужою кровью’. В этой эпически спокойной фразе характерно выражение „дерзость“ в применении к защите своей независимости, а также одобрительное отношение к тому, как с помощью „чужой крови“ Корбулон наказал посмевавшихся защищаться мардов.

В Риме, после получения посланий Пэта об окончании войны, начали сооружать трофеи и ставить арки в честь победы над Арменией и Парфией,⁶ когда к Нерону прибыли послы Валарша,

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 15.

² Кассий Дион, кн. 62, гл. 22.

³ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 16.

⁴ Там же, гл. 17.

⁵ Там же, кн. XIV, гл. 23.

⁶ Там же, кн. XV, гл. 18.

отправленные им после Рандейской победы. „Центурион, который прибыл с послами, будучи спрошен, в каком состоянии была Армения, ответил, что все римляне оттуда вышли“ (*interrogatus centurio, qui cum legatis advenerat, quo in statu Armenia esset, omnes inde Romam excessisse respondit*).¹

В своем послании Нерону Валарш выражал, несмотря на победу над Пэтом, согласие Трдата на прибытие в Рим „для принятия диадемы, если бы его не задерживали обязанности жречества, но что он отправится к знаменам [римским] и к изображению императора и там в присутствии легионов будет посвящен на царство“ (*pec recusaturum Tiridaten accipiendo diademati in urbem venire nisi sacerdotii religione attineretur; iturum ad signa et effigies principis ubi legionibus coram regnum auspicietur*).² Из этих слов лишний раз явствует, как долго и упорно не соглашались Трдат и Валарш на принятие армянского венца из рук Нерона, — ведь об этом именно шла речь в Риме во время переговоров с каждым из парфянских посольств. Теперь же, когда успех был на стороне Армении и ее союзника Парфии, согласие Трдата явиться в Рим, если бы его „не удерживали жреческие обязанности“, могло объясняться тяжелым положением, в котором находилась Армения в результате почти непрерывных войн с Римом за свою независимость.

Но эта уступка в Риме сочувствия не встретила, так как в ней усмотрели „насмешку варваров, которые просили того, что они [сами] вырвали“ (*tum intellecto barbarum inrisu, qui peterent quod eripuerant*),³ и решено было „бесчестному миру предпочесть войну с сомнительным исходом“. Было постановлено продолжать войну, однако послов отпустили с подарками, дав им понять, что „Трдат не напрасно будет просить того же, если сам явится с просьбой“ (*non frustra eadem oratorum Tiridaten, si preces ipse attulisset*).⁴ Командование было поручено Корбулону; он выступил со своими III и VI легионами, к которым в Мелитене присоединились еще V (из Понта) и XV (из Паннонии).

Но, видимо, и Корбулон и Валарш предпочитали разрешение конфликта дипломатическим путем;⁵ поэтому, когда к Корбулону

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 25.

² Там же, гл. 24.

³ Там же, гл. 25.

⁴ Там же. — Кассий Дион, кн. 62, гл. 22.

⁵ В „Истории дипломатии“ (М., 1941, т. I, стр. 77—78) излагается рассказ Тацита о дипломатических переговорах, которые вел Валарш, и при этом два факта одновременных переговоров автором ошибочно слиты воедино, а именно — послание Валарша к Нерону после поражения Пэта в 62 г. (Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 24) и ответ Корбулона послам Валарша на территории Армении в 64 г. (Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 27).

явились послы от противной стороны, то он через центуриона вступил с ними в переговоры, однако одновременно начал разрушать замки армянских мегистанов (вельмож, знати, арм. *մեգիստան*),¹ „которые первые отпали от нас“ (... *megistanas armenios qui primi a nobis defecerunt*). Корбулон посоветовал Валаршу „послать брата в Рим“,² а самому предпочесть „союз с Римом обоюдным потерям“ (... *societate romana quam damnis mutuis*).³ Трдат и Валарш, наполовину уже уступив, приняли совет Корбулона. Трдат просил назначить место и время для переговоров. Парфяне и армяне выбрали Рандею. Тацит так мотивирует этот выбор: армяне и парфяне помнили радостное для них событие, здесь именно происшедшее, а Корбулон полагал „разницей в положении увеличить свою славу“.⁴ Дион также останавливается на причинах выбора именно Рандеи и отмечает, что парфянами руководило желание встретиться именно там, где окруженные римские легионы были ими отпущены, а римлянам казалось возможным встречей в Рандее смыть свой позор.⁵

В назначенный день Корбулон и Трдат встретились в Рандее и договорились, что Трдат отправится в Рим, а пока сложит знаки царской власти у статуи Нерона.

Несколько дней спустя состоялась встреча парфянской и армянской конницы с римскими легионами, причем оба войска появились в „большом блеске“.⁶ Между войсками было сооружено возвышение, „на котором стояло курульное кресло, а на нем изображение Нерона“. После жертвоприношения Трдат „снял с головы диадему и положил ее у ног статуи“.⁷

Затем Тацит сообщает о пире, устроенном Корбулоном в честь Трдата, и о подготовке армянского царя к далекому пути.

На фоне вышеизложенных событий и надлежит рассматривать факт нахождения в районе древней Рандеи (армянск. Харберд, турецк. Харпут) трех сходных по содержанию, но не по написанию латинских надписей, в которых упомянуты Корбулон и легион III Gallica.

В 1849—1852 гг. в Харберде побывал Е. И. Чириков, отметивший „живописные развалины древней крепости“ по гребню горы и „остатки прекрасных построек давнего времени“.⁸ Леман-Хаупт,

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 27.

² Кассий Дион, кн. 62, гл. 23.

³ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 27.

⁴ Там же, гл. 28.

⁵ Кассий Дион, кн. 62, гл. 23.

⁶ Тацит, *Анналы*, кн. XV гл. 29.

⁷ Там же. — Кассий Дион, кн. 62, гл. 23.

⁸ Е. И. Чириков. Путевой журнал 1849—1852 гг. Зап. Кавказск. отдел. Русского Географического общества, кн. IX, СПб., 1875, стр. XXXIX.

посетивший Харпут в 1898 г., пишет о развалинах средневекового замка на горе, построенного на месте крепости „западно-халдского“ или хеттского типа, с лестницами, террасами, подземными сводчатыми коридорами и ходами и потайным ходом к воде.¹ Полагая, что слова Страбона о местоположении Софены в районе между Тавром и Антитавром относятся к району Харпута, Леман-Хаупт усматривает в названии Харпут, т. е. Харберд, искаженное название Страбоновского *Καρχαδιοχέρτης* — резиденции царей Софены.²

Этот же район, у Полибия носящий название *καλὸν πεδῖον* 'прекрасная равнина', принято считать оперативной базой Пэта, где имели место события 62 и 64 гг., но остатки армянских поселений I в. н. э. и следы пребывания здесь римлян археологически еще не засвидетельствованы;³ исключение представляют вышеупомянутые три латинские надписи, найденные в разных местах, не на месте своего первоначального нахождения.

Две латинские надписи были зарисованы в 1882 г. в селении Кезрик, находящемся в 2—3 км к юго-востоку от Харпута. Надписи эти, найденные в 1879 г. в окрестностях селения, были встроены в притвор каменной армянской церкви (на внутренних сторонах двух передних столбов), на высоте 50 см выше пола.⁴ Последствия Леман-Хаупт снял с них эстампажи, один из которых им издан.⁵ Плиты эти (песчаник) обрамлены рельефным краем-рамкой, который сохранился частично.

Размеры плиты, находящейся справа от входа: выс. 195 см (высота плоскости внутри обрамления 134 см), шир. 95 см (внутри — 75 см).

Размеры плиты, находящейся налево от входа: выс. 185 см (внутри — 133 см), шир. 95 см (внутри — 73 см).

Несовсем понятно, почему Моммсен называет эти плиты базами и столбами (*capitula*);⁶ он сам этих надписей не видел, тогда как Вюнш, их впервые обнаруживший, называет их „плитами“,⁷ встроеными в столбы, поддерживающие купол притвора.

Первая надпись (направо от входа) гласит:

Nero Claudius | Caesar Augustus Germanicus | Imperator pontifex
maximus, tribunicia potestate XI | consul IIII, imperator VIII, pater

¹ K. F. Lehmann-Haupt, *Armenien einst und jetzt*, t. I, 1910, стр. 476—477.

² K. F. Lehmann-Haupt, *ук. соч.*, т. I, стр. 513.

³ Kiessling, *Randea*, PWK.

⁴ J. Wünsch, *Inschriften aus Armenien. Archäol.-epigraph. Mitteil. aus Österreich*, Bd. VIII. Wien, 1884, стр. 241. — См.: *Ephemeris Epigraphica*, т. V, 1884, стр. 25, № 35.

⁵ K. F. Lehmann-Haupt, *ук. соч.*, т. I, стр. 478.

⁶ *Corpus inscriptionum latinarum*, t. III, Suppl., p. I, 1889, стр. 1232.

⁷ J. Wünsch, *ук. соч.*, стр. 241.

patriae. | Cn. Domitio Corbulone | legato Augusti pro praetore |
T. Aurelio Fulvo legato Augusti | legio III Gallica |

Вторая надпись (налево от входа) гласит:

Nero Claudius | Caesar Augustus Germanicus | Imperator Pontifex
maximus tribunicia | potestate XI consul IV imperator IX, pater patriae. | Cn. Domitio Corbulone | legato Augusti pro praetore | T. Aurelio Fulvo | legato Augusti | legio III Gallica.

Нерон Клавдий, Цезарь, Август, Германик, Император, Верховный жрец, в одиннадцатый год его трибунской власти, в четвертое его консульство, в девятый раз [провозглашенный] императором, отец отечества. При Гнее Домиции Корбулоне, легате Августа, пропреторе, и Тите Аврелии Фульве, легате Августа, Третий Галльский легион' (в переводе обе надписи совпадают).

Третья надпись аналогичного содержания была обнаружена в 1883 г.¹ в армянском селении Кованк, в трех часах пути от Кезрика, к юго-востоку от него; она тоже была помещена в действующую церковь, налево от алтаря, на высоте 2 м над полом. Высота ее 90 см, ширина 70 см.

Текст ее сильно искажен, так как прямо по ней высечен большой крест. Но расположение строк и сохранившиеся буквы дают основание полагать, что мы имеем дело с третьим экземпляром той же надписи Корбулона, каким-то образом попавшим в более отдаленное селение.

Из сопоставления текста обеих надписей видно, что они по написанию не повторяют друг друга в точности. В первой восемь строк, во второй девять. Во второй строке в первом случае cognomen „Germanicus“ сокращен „Germanus“, во втором — „Germ“. Идентичный текст третьей и четвертой строк расположен не одинаково; „pater patriae“ в одном случае сокращено „pat. p.“, в другом — „p. p.“. Текст седьмой строки первой надписи растянут во второй надписи на две строки.

Обращает на себя внимание ряд деталей, свидетельствующих о том, что эти надписи, хотя и вырезанные четкими буквами прекрасных очертаний, тем не менее составлены и высечены были не специалистами этого дела. Уже Моммсен обратил внимание на то, что титул Нерона „император“ в этой надписи высечен дважды, причем в первом случае он помещен не в начале текста, как полагалось, перед преномен „Nero“, а после cognomen „Germanicus“.² Судя по встампажу, резчик разделял, как было принято, отдельные слова и цифры точками, поставленными не на

¹ J. Wünsch, ук. соч., стр. 242. — Corpus inscriptionum latinarum, t. III, Suppl., p. I, № 6742 a.

² Corpus inscriptionum latinarum, t. III, Suppl., p. I, стр. 1232 сл.

строке, а на середине высоты букв, но в последней строке он отделил почему-то друг от друга и три буквы слова „легион“ — „L. E. G.“.

Наиболее вероятно, что обе надписи, сохранившиеся на столбах церкви в сел. Кезрик, происходят из одного и того же места, связаны были с одним и тем же сооружением. Строительные надписи I—II вв., и греческие и латинские, в тексте часто не содержат ни сказуемого-глагола „соорудил, построил“, ни наименования того, что именно было сооружено, так как само местонахождение надписи об этом повествует.¹ В кладке какого-то другого сооружения, возведенного Корбулоном, должна была находиться надпись, найденная в сел. Кованк.

Моммсен полагает, что в данном случае речь идет о постройке крепости, предназначавшейся для римского сторожевого отряда² и расположенной в пограничном районе, между римскими владениями и Арменией.

Мне думается, что можно предложить и другое объяснение. Дело в том, что в северной Сирии около р. Кахты сохранились три строительные надписи (из предполагаемых четырех) с одинаковым текстом, с такими же рамками, встроенные в парапет римского моста через реку Балам-су (в надписи река названа „*Chabinas*“) неподалеку от ее слияния с р. Кахтой.³ Эти надписи датируются 200 г., и в них упоминаются Септимий Север, Каракалла и Гета и сообщается, что мост этот строил XVI легион, стоявший у Самосаты.

Принимая во внимание, что в *Анналах* Тацита сообщается о мостах, построенных римлянами во время военных действий в 61—64 гг. на Евфрате и Арадани (*Arsania*), можно было бы и Харбердские надписи отнести к какому-то мосту, построенному при Корбулоне. Речь могла бы идти и о том мосту, который Корбулон строил на Евфрате, пока Пёт продвигался по Армении,⁴ и постройке которого всячески мешали армяне, пока их, с помощью катапульт и баллист, установленных на судах, не „отогнал“ (*proturbat*) Корбулон. На этом мосту, а может быть, и на другом, встретились в 62 г. на Евфрате Корбулон и Монес для переговоров после поражения Пэта; средняя часть моста перед встречей была разобрана.⁵

¹ Ср. надпись из Гарни (табл. 78) и обе надписи из Валаршпата (табл. 85—86).

² *Corpus inscriptionum latinarum*, t. III, Suppl., p. I, стр. 1232.

³ K. Humann und O. Puchstein. *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*. Berlin, 1890, табл. XLIII; текст, стр. 395—396.

⁴ Тацит, *Анналы*, кн. XV, гл. 9.

⁵ Кассий Дийон, кн. 62, гл. 22.

Леман-Хаупт и Моммсен правильно относят надпись к 64 г., так как на это указывает в надписи титул Корбулона „*legatus Augusti pro praetore*“, присвоенный ему при назначении его командующим на Востоке после поражения Пэта, когда он повел против Армении, между прочим, и упомянутой в надписи легион III *Gallica*. Очередная постройка моста через Евфрат в районе слияния его с Арацани (район Рандеи — Харберда) могла быть одной из мер, ускорившей начало вышеописанных мирных переговоров по инициативе Трдата. Этой дате, т. е. 64 году, не противоречит и дата надписи, которая может быть установлена на основании титулатуры Нерона. Титул *pater patriae* он получил в 55/56 г.; консульство в четвертый раз было присвоено ему в 60 г.; титул императора в девятый раз — в 61 г., а *tribunicia potestas* в одиннадцатый раз — в 64 г., следовательно, надпись не могла быть высеченной до 64 г.

Хотя эти надписи высечены врагами армянского народа и являются свидетельством временной оккупации армянской территории римлянами, они в то же время связаны с событиями и районом, где армянами и их союзниками парфянами была в борьбе за свою независимость одержана одна из самых блестящих побед, какие знает история противодействия Риму на Востоке.

6. ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ НА ОБЛОМКЕ КОЛОННЫ, НАЙДЕННОМ В АЛЕТЛУ

(Табл. 81)

В Историческом музее Академии наук Армянской ССР хранится облом колонны из белого камня (мрамор?), на котором сохранились остатки латинской надписи.

Размеры облома колонны: выс. 45 см, диам. 49 см, выс. букв. 8—9 см.

На камне вырезано:

IMP
CAES DIVI

Надпись относится, вероятно, к I—III в. н. э.; для более точной датировки мы пока данными не располагаем.¹

Несмотря на незначительность надписи, этот фрагмент интересен тем, что он найден около селения Алетлу,² на южном берегу

¹ Надпись издана в *Corpus inscriptionum latinarum*, t. III, Suppl., pars posterior № 13627 а; см. также: М. И. Ростовцев, *Изв. Археолог. комисс.*, вып. 33, стр. 17.

² Происхождение этой надписи именно из Алетлу удостоверяется сообщением армянского ученого Галуства Тер-Мкртчяна издателям *Corpus inscriptionum latinarum* (см. там же).

Аракса, против места древнего Арташата (нын. Хор-Вираб). Здесь римлянами был воздвигнут или памятный столб, или здание с колоннами. В обоих случаях надпись может свидетельствовать о том или ином, может быть стратегическом, значении района Алетлу в период римской оккупации.

7. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В XVI в. В РИМЕ

(Рис. 34)

При императоре Траяне Армения подверглась очередному вторжению римских легионов и в 115 г. была объявлена римской провинцией, управляемой легатом. Но уже через два года, после смерти Траяна, в 117 г. Адриан „разрешил армянам иметь царя, тогда как при Траяне они имели легата“ (*Armeniis regem habere permisit cum sub Traiano legatum habuissent*),¹ как говорит историк Адриана Элий Спартиан.

Это изменение политики по отношению к Армении отнюдь не было вызвано „великодушием“ Адриана; причиной являлась затруднительность для Рима держать необходимое количество оккупационных войск в Армении. Несомненно, значение имело и то враждебное отношение, которое римляне встречали со стороны армянского народа на всем протяжении своей агрессивной политики и деятельности, особенно обострившееся в годы правления Траяна.

Не могло не вызывать раздражения в Армении и то обстоятельство, что римляне, номинально признавая независимость Армении — „позволив ей иметь царя“, как говорит Элий Спартиан, в то же время старались рекламировать фактическую зависимость Армении от Рима выпуском монет, на которых изображением или надписью отмечалось подневольное состояние Армении. Тяжелое положение Армении усугублялось и тем, что, находясь с 117 г. на положении политически зависящего от Рима царства, Армения династически была связана с Аршакидами Парфии. Эта двусторонняя зависимость Армении и от Рима, и от Парфии, сложность в этот период взаимоотношений с другими народами (хениохами, аланами и др.), а также усиление классовых противоречий, — все это обуславливало направление и характер событий, развернувшихся во вторую половину II в.

В 140 г. умер армянский царь Валарш I, и с этого года на монетах Антонина Пия появляется изображение армянского царя, преемника Валарша, на которого римский император возлагает венец. Армянский царь показан в уменьшенных, по сравнению

¹ Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана, гл. 21.

с Антонином Пием, размерах и с поднятой правой рукой — жестом почитания. Вокруг этой сцены идет надпись: *rex armeniis datus* 'царь армянам дан'¹ (табл. 82, 1).

По Моисею Хоренскому,² этим армянским царем был Тигран Последний, царствование которого армянский историк приурочивает ко времени правления, как он говорит, „Тита II, названного Антонином“, т. е. Антонина Пия, правившего в 138—161 гг.

Но западные источники называют преемником Валарша другое лицо, а именно Аршакида Соэма, „из рода Ахеменидов“ добавляет Ямвлих (автор знаменитого романа „Вавилониака“), который был не только современником Соэма, но и жил при его дворе во вторую половину его царствования (о чем речь будет дальше). О воядерии Соэма у Ямвлиха говорится, что *ὡς βασιλεύς ἦν ἐκ πατρῴων βασιλείων γέγονε δὲ ὁμῶς καὶ τῆς συγκλήτου βουλῆς τῆς ἐν Ῥώμῃ* 'он был царем по рождению, от отцов-царей и он стал им также по решению сената в Риме'.³

Сличение сведений, которые даются Моисеем Хоренским, с теми, которые имеются у западных писателей-современников, приводит меня к заключению, что Тигран Последний Моисея Хоренского и Соэм Ямвлиха — одно и то же лицо. Соэм — по отцовской линии, видимо, сириец — был царевичем из династии, владевшей Эмесой,⁴ а аршакидом он был, видимо, по роду матери.

Став по решению римского сената царем Армении, он заменил, вероятно, свое сирийское имя местным, армянским именем Тигран, которое носили до него прославленные цари Армении.

Возведение на престол римского ставленника и укрепление тем самым влияния Рима на Армению не могло не беспокоить Парфию, для которой связанная с Римом Армения представляла опасность. Этим объясняются попытки парфянских царей при Адриане и особенно при Антонине Пие восстановить политическое равновесие в Передней Азии. В чем именно они заключались, мы не знаем, но, вероятно, это были попытки тем или иным способом подчинить себе Армению. Историк Антонина Пия Юлий Капитолин сообщает, что *Antonini Pii parthorum regem ab Armeniorum expugnatione solis literis repulit* 'парфянского царя удерживал от завоевания Армении [с помощью] одних только

¹ H. Mattingly. *Roman imperial coinage*, v. III. London, 1930, табл. V, № 106.

² Моисей Хоренский, кн. I, гл. 64.

³ Текст Ямвлиха сохранился у Фотия (*Bibliotheca*, § 10, изд. 1601 г., стр. 133).

⁴ Иосиф Флавий. *Иудейская война*, кн. VII, гл. 7, 1. — Эмеса, город в Сирии, на реке Оронте, — резиденция сирийской княжеской династии, подчиненной Риму.

посланий¹. Нет никакого сомнения в том, что „одни только послания“, о которых говорит Юлий Капитолин, на деле подкреплялись римскими легионами, стоявшими и в Сирии, и в Каппадокии, и на месопотамской границе.

Политическая обстановка при Антонине Пие явно не благоприятствовала парфянам. Но после смерти Антонина Пия и провозглашения императором Марка Аврелия (161) соотношение сил, видимо, изменилось, так как в этот год парфянский царь Валарш III приступил к военным действиям, направленным против Армении, где правил Соэм — римский ставленник. О Валарше сообщает Моисей Хоренский в главе, посвященной Тиграну Последнему, т. е. Соэму: „царь персидский совершил нашествие на римское государство, отчего и назван Перозом, то есть победителем, ибо прежде он назывался Вологасом по-гречески, но как его называют персы — не знаю“.² О том же писал Кассий Дион в конце II — начале III в., т. е. вскоре после описываемых событий: ὁ γάρ Ουλογάσιος πόλεμον ἤρξε, καὶ στρατόπεδον τε ὄλον Ῥωμαίων τοῦτο Σεβηριανῶ τεταγμένον ἐν τῇ Ἐλεγγίᾳ χωρίῳ τινὶ τῆς Ἀρμενίας, περισυῶν πάντοθεν αὐτοῖς ἡγεμόσι κατετόξευσε καὶ διεφείρε.³ Вологас начал войну, и все римское войско, расположенное под начальством Севериана в Элегии, некой крепости в Армении, окружив его [войско] со всех сторон, разбил и уничтожил вместе с [их] начальниками⁴.

Эта лаконическая запись Кассия Диона, если ее сопоставить с другими, правда, еще более отрывистыми и краткими сообщениями, которые сохранились в приводимых ниже текстах, дает возможность восстановить следующую картину военных действий в 161 г.

Инициатива военных действий принадлежала Парфии. Парфянское войско вторглось в пределы Армении и принудило римское войско под начальством наместника Каппадокии Севериана (галла по происхождению), пришедшего на помощь римскому ставленнику Соэму, запереться в крепости Элегии (около Харберда, нын. Харпута). После трехдневного боя римское войско было полностью уничтожено, а Севериан покончил жизнь самоубийством.⁴

Вторжению парфян в Армению сопутствовало возведение на армянский престол брата Валарша III, аршакидского царевича Пакора (Бакура), который, повидимому, принимал участие в военных действиях против римлян. О деятельном участии армян в во-

¹ Юлий Капитолин, Жизнеописание Антонина Пия, § 9.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 64. Армянский историк совершенно правильно называет имя Вологас греческим; в этой именно форме имя Валарша передается в текстах греческих и римских историков и писателей.

³ Кассий Дион, кн. 71, гл. 2.

⁴ Л у к и а н. Как следует писать историю, 21 и 25.

енных действиях при Элегии можно заключить на основании слов современника Пакора и Севериана — писателя Лукиана (120—180), который в рассказе „Александр, или лжепророк“ высмеивает веру в оракулы и приводит ответ, полученный Северианом перед его вторжением в Армению, а именно благоприятное напутствие оракула, звучавшее:¹ Παρθούς Ἀρμενίους τε θεῶν ὑπὸ δουρὶ δαμάσσας, νοστήσεις Ῥώμην... 'парфян и армян быстрым копьем подчинив, ты вернешься в Рим...'. Но когда Севериан и его войска погибли, оракул изъял из записи свое предсказание и поместил другое: Μὴ σοῦ γ' ἐπ' Ἀρμενίους ἔλασαν στρατὸν, οὐ γὰρ ἄμεινον, μὴ σοὶ θηλυχίτων τις ἀνὴρ τοῦτου ἀπὸ λυγρὸν πόντον ἐπιπρωίεις παύσῃ βίτου φάεός τε 'Не веди против армян войско, как бы воин в длинной одежде не метнул из лука гибельный рок и не лишил тебя жизни и света'.²

Во втором тексте Лукиана обращает на себя внимание то обстоятельство, что упоминаются только армяне: весьма возможно, что основную силу под Элегией составляли именно армяне, защищавшие свою крепость от римлян. Лукиан сообщает также о большом количестве исторических трудов, появившихся ἀλλ' ἀφ' οὗ δὴ τὰ ἐν ποσὶ ταῦτα κενήνεται, ὁ πόλεμος ὁ πρὸς τοὺς βαρβάρους καὶ τὸ ἐν Ἀρμενίᾳ τραῦμα... 'с тех пор, как начались теперешние события, война с варварами, поражение в Армении и т. д.' и приводит, высмеивая, среди многих других заглавие и такого труда: Ὁ γὰρ μιαιφάτος καὶ κάκιστ' ἀπολούμενος Οὐολόγεστος ἤρξατο πολεμεῖν δι' αἰτίαν τοιαύτην 'Нечестивейший и проклятый Вологас начал войну по следующей причине'. В этом труде, вероятно, излагались события, связанные с поражением римлян при Элегии.³

После победы под Элегией парфяне вторглись в Сирию. Навстречу им выступил в 162 г. соправитель Марка Аврелия Люций Вер; оставшись в Антиохии, он передал командование Статию Приску, Авидию Кассию и Мартио (Martius) Веру, как говорится у Юлия Капитолина.⁴ Римляне начали с того, что предложили парфянам начать мирные переговоры, но Валарш ответил отказом, и тогда Статий Приск, идя из Каппадокии, вступил в Армению, осадил и занял в 163 г. ее столицу Арта-

¹ Лукиан. Александр, или лжепророк, 27.

² Лукиан. Как следует писать историю, 2.

³ Там же, 14. — В вышедшей в 1951 г. статье И. Ревая, венгерский ученый высказывает и обосновывает предположение, что в сочинении „Как следует писать историю“ Лукиан высмеивает, главным образом, „Историю парфянской войны“ Фронтона, который в панегирическом тоне и в преувеличенных выражениях восхваляет Люция Вера за одержанную им, якобы, победу, тогда как известно, что Люций Вер дальше Антиохии не пошел, предоставив начальствоование Авидию Кассию (И. Ревая. По следам исчезнувшего труда Фронтона. Acta antiqua, t. I, № 1—2. Будапешт, 1951, стр. 186 и сл.).

⁴ Юлий Капитолин. Жизнеописание Люция Вера, § 7.

шат, Артаксату античных авторов: *gestae sunt res in Armenia prospere per Statium Priscum, Artaxatis captis* 'события в Армении велись благоприятно Статием Приском, Арташат был взят...', пишет Юлий Капитолин.¹

Большинство историков полагает, что Арташат при занятии его Приском был разрушен, хотя и Юлий Капитолин² и Фронтон³ говорят только о занятии города (*capta*). В какой-то своей части город, вероятно, и был разрушен, но затем был вновь отстроен.

Этим и объясняется, что, вопреки общепринятому мнению, Арташат продолжал существовать и в III в., как об этом свидетельствует упоминание его на подорожной карте, изображенной на фрагменте кожаного щита, который был найден во время раскопок 1923 г. в городе Дура-Европос на Евфрате, в одной из засыпанных песком башен; в ней, судя по эпиграфическим данным, в середине III в. стоял отряд пальмирских стрелков.⁴

Так как сопоставление археологических и исторических данных приводит к датировке щита серединой III в., то нельзя не согласиться с Кюмоном, который на этом-то основании и приходит к заключению, что в III в. Арташат продолжал существовать,⁵ а не лежал в развалинах после его якобы полного разрушения Приском в 163 г.

Но труднее согласиться с Кюмоном, когда он, на основании упоминания Арташата на изображенной на щите карте, приходит к заключению, что и в III в. в Арташате все еще стоял римский гарнизон: из помещения на подорожной карте названия Арташата это еще никак не вытекает.

Возвращаясь к событиям 163 г. в Армении, следует указать, что приблизительно в это же время в городе Валаршапате (Эчмиадзин) или около него римляне начали строить укрепление и поместили в нем сильный гарнизон. Это укрепление римляне называли *Καὴνὴ πόλις*,⁶ 'Новый город'; у Моисея Хоренского Валаршапат носит название Нор-калак 'Новый город'. Согласно армянской исторической традиции, город этот был построен царем Валаршем I на месте торгового села⁷ (117—140).

Вышеописанные события — захват Арташата, постройка специального укрепления для римского гарнизона в Валаршапате и явное

¹ Юлий Капитолин. Жизнеописание Марка Аврелия, § 9.

² Там же, § 9.

³ Фронтон, Письма к Люцию Веру, II, 1.

⁴ Fr. Sumont. Fouilles de Douara-Europos (1922—1923). Paris, 1926, текст — стр. 329—336, табл. СIХ.

⁵ Там же, стр. 324.

⁶ Под словом *Μάρτιος* в словаре Свиды (т. II, стр. 101).

⁷ Мсисей Хоренский, кн. II, гл. 65.

намерение римлян вновь объявить Армению римской провинцией — привели к большому восстанию. Об этом восстании у Кассия Диона сохранились только следующие строки: *Τιριδάτην σατράπην τὰ τε ἐν τῇ Ἀρμενίᾳ ταραξάντα καὶ τὸν τῶν Ἡνιόχων βασιλέα ἀποσφάξαντα, τῷ τε Οὐήρῳ ἐπιτιμῶντι οἱ περὶ τούτων τὸ ξίφος ἐπανατείναντες μὴ κτείναντες ἄλλ' ἐς Βριτανίαν πέμψας Ἵσατραπ Τιριδάτῃ ἀνέστησεν ἡμεῖς τὴν Ἀρμενίαν ὑποτάξασθαι τῷ Ῥωμαίῳ κράτει*.¹

Эти более чем скудные содержанием строки все же дают возможность установить следующий ход событий.

Нужно представить себе население, и без того истощенное непрерывными войнами, в которых Армении приходилось участвовать то на стороне римлян против Парфии, то на стороне парфян против римлян. Если учесть, что к этому гнету, вызванному внешнеполитическими обстоятельствами, несомненно, прибавлялась еще эксплуатация населения со стороны местной знати, то становится понятным, что малейший повод должен был привести к взрыву и особенно после вторжения римских легионов на территорию Армении, когда был захвачен и, вероятно, частично разрушен Арташат, когда пострадали от военных действий поля, сады и виноградники, когда римские войска надо было кормить и содержать. К этому прибавились еще строительные работы в Валаршапате и, вероятно, в других местах, в больших размерах принятые римлянами в целях возведения для своего гарнизона укрепления и стен. Работы эти в принудительном порядке велись, несомненно, силами местного населения, которое должно было заготовить и материал, т. е. добывать и обтесывать камни для укреплений. Дело в том, что две римские латинские надписи, найденные в Валаршапате и датированные 175 и 185 гг. (стр. 265 и сл.; стр. 268 и сл.), свидетельствуют о том, что работы эти велись больше 20 лет, если только во второй из них речь идет действительно о постройке, а не о восстановлении стен.

Что именно послужило поводом к восстанию — мы не знаем. Но это восстание приняло настолько большие размеры, что римлянам, очевидно, пришлось обратиться за помощью к хениохам, которые обитали на восточном побережье Черного моря и уже в I в. были подчинены римлянам, как об этом сообщает Иосиф Флавий (I в. н. э.); он называет хениохов одним из тех племен, „которые раньше не имели понятия даже о туземной власти“ и которых теперь „обуздывают три тысячи тяжеловооруженных, а сорок военных кораблей удерживают мир на бурном и

¹ Кассий Дион, кн. 71, гл. 14.

прежде непроедем море“.¹ Во II в., при Траяне и Адриане, хениохи, повидимому, продолжали находиться в какой-то зависимости от Рима, хотя Арриан, посетивший во время объезда Черноморского побережья и страну хениохов,² в своем отчете Адриану к имени царя хениохов Анхиала не прибавляет слов „получил власть от тебя“, как он это делает, упоминая другие соседние народности³ (возможно, что Анхиал получил власть еще при Траяне).

В повествовании Кассия Диона сохранилось имя одного из главарей восстания в Армении — Тиридата. Вызванные на помощь Риму для подавления этого восстания хениохи были встречены армянским отрядом и, по всей видимости, потерпели поражение. В схватке или в бою царь хениохов пал от руки Тиридата, как об этом говорится у Кассия Диона, который счел нужным записать только одну эту деталь.

К сожалению, мы не располагаем никакими данными, которые позволили бы нам выяснить вопрос о том, какие именно общественные слои армянского народа подняли это восстание и в нем участвовали, но, судя по тому, что это восстание у Кассия Диона вообще упоминается (римские историки обычно замалчивают такие факты), можно думать, что оно охватило самые широкие слои населения. О размерах и силе восстания свидетельствует и тот факт, что римляне не посмели предать Тиридата смерти, когда он ими был захвачен, не посмели они и отнять у него меч; он замахнулся им на Вера в ответ на его укору по поводу убийства царя хениохов. Повидимому, Дион имел в виду Люция Вера (и действие происходило в Антиохии), а не Мартия Вера, который едва ли имел право решать вопрос об участи Тиридата. Смертную казнь заменили ссылкой его в Британию, как говорится у Диона, который сообщает, что римским императором руководило человеколюбие;⁴ на деле он руководствовался одним расчетом: в это время начиналась война с маркоманами, шла борьба с Парфией, и в интересах Рима было поскорее внести „успокоение“ в Армению, чему, видимо, и должно было содействовать проявленное Марком Аврелием, якобы, великодушие.

Все это свидетельствует о серьезности положения в Армении, о силе и размахе восстания. Очевидно, эти-то события в Армении, в связи со сложностью всей военной и политической обстановки на Востоке, и имели в виду в своих письмах к Фронтону Марк Авре-

¹ Иосиф Флавий. Иудейская, война кн. II, гл. 16, 4.

² См.: И. А. Орбели. Город Близначев *Διοσχοῦρας* и племя Возниц *Ἰννίχοι*. ЖМНП, 1911.

³ Арриан, Перипл, гл. 15.

⁴ Кассий Дион, кн. 71, гл. 14.

лий, писавший, что его „тревожит положение на Востоке“, и Люций Вер, в 163 г. сообщавший о своем „несчастнейшем“ состоянии и о том, что совокупностью событий он „доведен до отчаяния“.¹

В трудах по истории Армении об этом периоде говорится очень немного и, ввиду скудости источников, ход событий излагается разноречиво. Что же касается восстания, то имеется только упоминание самого факта, тогда как анализ нескольких строк Кассия Диона и сопоставление сообщаемых им сведений с другими данными дают все же возможность пролить некоторый свет на этот замечательный период в истории Армении, когда мужественный, но сравнительно малочисленный народ противостоял, и не без успеха, могущественному Риму.

В этой связи заслуживает упоминания, что в посвященном истории Парфии труде американского ученого Нельсона Дибвойза² это восстание в Армении упоминается, но освещено очень своеобразно — так, как подобает представителю буржуазной науки: оказывается, в Валаршапате восстал не армянский народ, а возмутился стоявший в этом городе римский гарнизон, подстрекаемый к этому парфянским сатрапом Тиридатом. Почему автору, несмотря на четкие слова Кассия Диона о восстании в Армении, понадобилось приписывать его римскому гарнизону и зачем при этом армянина Тиридата надо было превращать в парфянина? Повидимому, автору трудно было допустить мысль, что армянский народ посмел восстать против Рима.³

Кроме сведений, сообщаемых Кассием Дионом, других источников по этому вопросу не имеется, а слова Диона иного толкования не допускают, и они правильно были поняты, например Сандальчином, хотя он и старался несколько смягчить факт восстания, называя его „национальным движением“.⁴ Что касается Моммсена, то он об этом восстании вообще не упоминает.

Мы не знаем, какую роль играл во время охватившего Армению восстания царь Пакор, — в источниках об этом никаких указаний не имеется. Поскольку он являлся ставленником Парфии, то едва ли он оставался в Арташате или Валаршапате при прибли-

¹ См. подробнее об этих письмах в указ. статье И. Ревая, стр. 161 и 168.

² N. C. Neilson Debevoise. A Political History of Parthia. Chicago, 1938, стр. 254.

³ Такими же соображениями вызвано, повидимому, объяснение этих же событий другим буржуазным ученым: царь хенихов, якобы, „стал жертвой преследования со стороны армянского сатрапа Тиридата“ (Kiessling, PWK, *Ἱνδύου*, стр. 270).

⁴ J. Sandaljian. Histoire documentaire de l'Arménie, v. II. Rome, 1917, стр. 554.

жении римлян и, следовательно, во время последовавшего в 163 г. восстания в Армении его, вероятно, не было.

В дошедшем до нас в отрывках труде Асиния Квадрата (160—230), посвященном истории рассматриваемого нами периода, сохранилось одно только упоминание царя Пакора, а именно — во фрагменте, сохранившемся у Стефана Византийского.¹ Здесь дается ссылка на третью книгу „Парфики“ Асиния Квадрата и приводится цитата: ὁ δὲ τῆς Ἀρμενίας Πάκορος ἐν τούτῳ περὶ Ἀρτάξατα καὶ τὴν Ὠτήνην Ἀρμενίας διάγων... 'царь Армении Пакор пребывал в это время у Арташата и Отены² в Армении'.

К какому именно году относится эта заметка о пребывании царя Пакора в Арташате — сказать трудно, но, во всяком случае, это имело место до занятия Арташата Приском в 163 г.

Г. А. Халатьянц полагал, что при приближении римлян в 163 г. царь Пакор „отступил в восточные области страны и оттуда, повидимому, подстрекал армян через своих сторонников к возмущению против римлян“.³ Эта догадка Г. А. Халатьянца, ни на чем, между прочим, не основанная, находится в противоречии с теми данными, которые могут быть извлечены из текста надписи царя Пакора (стр. 238 и сл.).

Восстание в Армении продолжалось. Статий Приск, захвативший Арташат, к этому времени умер. Его место в Армении занял Мартий Вер, блестящий полководец и хитрый политик, судя по той характеристике, которая дается ему, по Кассию Диону, у Свиды: ... ὁ Μάρτιος οὐ μόνον ὄπλοις βιάσασθαι τοὺς ἀγέτολμοιους, ἢ ἐξύπνι προλαβεῖν, ἢ ἀπάτη κατασοφίσασθαι, ἢ πέρ ἐστὶ στρατηγῶν ἀλλή, ἀλλὰ καὶ λόγῳ πιδανῶ πείσθαι, καὶ δωρεαῖς μεγαλόφροσιν οἰκείωσασθαι καὶ ἐλπίδι ἀγαθῆ δελεάσαι.⁴ 'он умел не только сжимать врага оружием, предупреждать его быстротою и обходить его хитростью — в чем сила полководца, — но и убеждать его доводами, располагать к себе роскошными дарами и привлекать добрыми посулами'.

Все перечисленные качества, вероятно, помогли Мартию Веру привлечь на свою сторону какую-то часть населения Армении, в первую очередь представителей верхушки общества и примыкавших к ним слоев, и тем самым разъединить силы восставших, а затем подавить борьбу армянского народа за свою свободу и независимость. Об этом Кассий Дион (у Свиды) рассказывает так: Ἀρχόμενος οὖν εἰς τὴν Καινὴν πόλιν ἣν φρουρὰ Ῥωμαίων κατεῖχεν ἐκ Πρίσ-

¹ K. Müller. *Fragmenta historicorum graecorum*. Paris, 1849, v. III, стр. 660, фрагмент 6 (Ὠτήνη).

² Ὠτήνη — область Ути, зимняя царская резиденция (Агафангел, кн. II, гл. 14; Елише, гл. 3).

³ Г. А. Халатьянц. *Очерк истории Армении*. М., 1910, стр. 311.

⁴ Suida, под словом Μάρτιος.

κου καταστῆσα, νεωτερίζειν πειρωμένους λόγῳ τε καὶ ἔργῳ σωφρονίσας, ἀπέστειλε πρῶτον εἶναι τῆς Ἀρμενίας, прибыв в Кайнеполь [Валаршапат], в котором имелся поставленный еще Приском гарнизон, [Мартий Вер] словом и делом образумил склонных к мятежу и объявил [Кайнеполь] первым [городом] в Армении.¹

В этих строках обращают на себя внимание слова о том, что Мартий Вер образумил „склонных к восстанию“, т. е. тех, видимо, чей образ мыслей и действий внушал подозрение, и образумил их не только увещеванием (λόγῳ), но и делом (ἔργῳ). „Образумить делом“ в данной обстановке могло означать, вероятнее всего, насилие и террор, но римский историк, вообще замалчивавший совершавшиеся римлянами преступления при подавлении свободы народов, не решился и здесь назвать вещи своим именем и ограничился термином „образумил делом“.

Итак, восстание было подавлено, соотношение сил и методы воздействия поработителей обусловили этот исход.

В трудах по истории Армении почти не обращено внимания на заключительные слова приведенной цитаты, а именно, что Мартий Вер „объявил Кайнеполь первенствующим городом в Армении“, т. е. столицей.² Это мероприятие должно было иметь глубокий политический смысл. Арташат был римлянами занят, в Валаршапате пребывал, несомненно, усиленный в это время римский гарнизон, римские отряды были, вероятно, введены и в другие города и крепости, и вот Валаршапат — „Новый город“ объявляется „первенствующим городом Армении“. Это мероприятие римлян объясняется, вероятно, следующими соображениями: так как в Валаршапате стояли римские войска, под наблюдение римских легионов и надлежало перевести в столицу Армении весь государственный аппарат. Не исключена возможность, что это перемещение столицы должно было, по мысли римлян, содействовать погашению в сознании армянского народа памяти об Арташате как о центре самостоятельного армянского царства, как о символе независимой Армении. Этот факт дает также основание предполагать, что центром народного восстания в Армении должен был быть именно древний, овеянный славой Арташат, в который некогда были собраны все святыни армянского народа.

¹ В параллель выражению λόγῳ καὶ ἔργῳ σωφρονίσας можно привести свидетельство, хотя и более позднее, но, несомненно, отражающее глубокую древность, из армянского судебного Мхитара Гоша (XII в.): казнь отсечением руки или иной части тела или ослеплением эвфемистически называется там „поучением“ или „наставлением“ через такую-то часть тела, что, мне кажется, и соответствует выражению λόγῳ καὶ ἔργῳ σωφρονίσας (беру эти сведения из комментариев И. А. Орбели к армянским средневековым басням).

² Попутно об этом упоминает Я. А. Манандян (О торговле и городах Армении. Ереван, 1930, стр. 93).

Восстание армянского народа, боровшегося с неизмеримо более сильным врагом, было подавлено, но оно не прошло бесследно, как будет дальше показано.

Подавление восстания армян было в Риме ознаменовано выпуском золотых монет (163/164 г.) Марка Аврелия, на обороте которых изображена Армения в виде сидящей на земле в скорбной позе женщины и сооруженного позади нее трофея; под фигурой внизу надпись (сокращенно) ARMEN (табл. 84, 2);¹ на некоторых вариантах этих монет женщина в опущенной левой руке держит лук (?).²

На монетах соправителя Марка Аврелия, Люция Вера, относящихся к 163/164 г., поражение армянского народа еще более подчеркнуто: император изображен в виде всадника, бросающего копье в упавшего армянина, причем сцена поясняется словом Armeniacus, включенным в титулатуру Люция Вера;³ на третьей группе монет Армения изображена сидящей у ног богини победы, которая держит в руках трофей.⁴

Эти монеты должны были, с одной стороны, возгласить победу Рима над армянским народом и содействовать славе императоров, а с другой, надо полагать, они должны были, помимо всего прочего, служить еще и моральным наказанием — психологическим воздействием на непокорных армян, однако — как показала история — цели этой достигнуть не удалось.

Мартию Веру, усмирявшему восстание, пришлось прибегнуть к еще одной мере воздействия — посадить на пустовавший армянский престол римского ставленника и этим подчеркнуть власть Рима над Арменией, сменившую верховенство Парфии.

О последовавших за этим в Армении событиях у Кассия Диона сообщается: Μάρτιος Οὐρὸς τὸν Θουκυδίδην ἐπέμπευε καταχῆρειν Σοᾶμον εἰς Ἀρμενίαν Μαρτίῳ Βερὸν послал Фукидида, чтобы привезти Соэма обратно в Армению.⁵ Упоминаемый здесь Фукидид, по всей вероятности, тот же Фукидид, который в это время возглавлял один из двух стоявших в Каппадокии легионов (XII Fulminata и XV Apollinaris),⁶ поскольку историк говорит о нем как о хорошо известном лице. Соэм, которого он „привез обратно“ (καταχῆρειν), являлся тем римским ставленником, который уже правил Арменией в 140—161 гг. и которого, по-моему, следует отожде-

¹ Н. Mattingly, ук. соч., т. III, табл. VIII, № 152.

² Там же, табл. X, № 197.

³ Там же, стр. 324, №№ 1402—1407.

⁴ Там же, стр. 324, № 1408.

⁵ К а с с и й Д и о н, см. Suida, Μάρτιος.

⁶ PWW, Thukydides.

ствлять с армянским царем, носящим у Моисея Хоренского наименование Тиграна Последнего (стр. 225).

В тексте Ямвлиха говорится, что Соэм, который был уже царем по своему рождению, стал таковым еще и по постановлению римского Сената, то есть говорится о его первом воцарении при Антонине Пие в 140 г., — событии, отмеченном римскими монетами, этими своеобразными выразителями политики Рима. „Он был консулом“ (ὕπατος), говорится у Ямвлиха; это обстоятельство могло иметь место в те три года, когда Соэм отсиживался в Риме или в другом каком-то городе, а в Армении правил Пакор, а затем произошло восстание, о котором только что говорилось. Ямвлих далее сообщает, что Соэм был „затем опять царем Великой Армении“ (εἶτα καὶ βασιλεύς πάλιν τῆς Μεγάλης Ἀρμενίας),¹ т. е. подтверждают слова Кассия Диона о „возвращении“ Соэма в Армению.

Тем не менее, Моммсен,² а за ним и некоторые другие³ исследователи полагают, что в 164 г. Соэм впервые появился на армянском престоле. Мне думается, что мы имеем все основания доверять Ямвлиху, современнику Соэма, жившему в Арташате, писавшему там свой роман и, повидимому, лично знавшему Соэма, поскольку, по его словам, он жил „при нем“ (ἐπὶ τοῦτου).⁴

Существует предположение, что Соэм был сирийцем из династии, правившей в Эмесе, и поэтому с ним связывают латинскую надпись, в которой он назван „великим царем“ (rex magnus), Каем Юлием Соэмом, сыном великого царя Самсегерама (у Моисея Хоренского есть форма — Шамшаграм),⁵ другом цезаря и другом римляна,⁶ хотя имеются основания относить эту надпись к I в. н. э. — ко времени Нерона.

Если эта надпись действительно относится к Соэму — царю Армении, то сирийское имя его отца подсказывает нам, что аршакидом Соэм был по роду матери (Ямвлих называет его, как говорилось уже, Аршакидом и Ахеменидом). Эпитеты „филокесарь“ и „филоромей“ подчеркивают его проримскую ориентацию. Надпись эта не датирована, и в ней не сказано, в какой именно стране Соэм являлся „великим царем“, — идет ли речь об Армении (издавна титул армянских царей, судя по монетам и надписям, звучал βασιλεύς μέγας), или же имеется в виду Эмеса (за это говорит титул его отца). Вопрос этот значения не имеет; важным и решаю-

¹ Ямвлих у Фотия (Bibliotheca, § 10).

² Th. Mommsen, Römische Geschichte, стр. 407, прим. 2.

³ A. Premerstein, Klio, Bd. XIII, 1913, стр. 88—91.

⁴ Само значение местоимения τοῦτου показывает, что роман „Вавилоняка“ писался в Арташате при Соэме, то есть в то время, когда он еще царствовал.

⁵ Моисей Хоренский, кн II, гл. 30.

⁶ K. Dessau, Inscriptiones latinae selectae. Bd. III, № 2, Berlin, 1916. стр. XXVIII, № 8958.

шим при поставлении его царем Армении было то обстоятельство, что он являлся „другом римлян“, от которого Рим мог ожидать обеспечения своих интересов в Армении.

Другим современным Валарша, Пакора и Соэма являлся римский писатель Фронтон, близкий ко двору и, следовательно, хорошо осведомленный в политических событиях своего времени (ум. ок. 170 г., т. е. через 6 лет после описываемых событий 164 г.). Он отмечает, что *Marcus Aurelius quod Sohaemo potius quam Volagaeso regnum Armeniae dedisset, aut quod Pacorum regno privasset* „Марк Аврелий предпочел Соэму, а не Валаршу предоставить царствование в Армении, а Пакора царства лишил.“¹ Здесь упоминаются Валарш III, парфянский царь, упорно пытавшийся установить свою власть в Армении, и Пакор, которого Марк Аврелий лишил царства, а также имеется указание на воцарение Соэма. Событие это было озаглавлено в Риме выпуском в 163/164 г., по примеру 161 г., специальных золотых и серебряных монет Люция Вера и Марка Аврелия, на которых имеется изображение императора, возлагающего венец на армянского царя, и надпись: „*rex armeniis datus*“ „царь армянам дан“² (табл. 82, 2—3).

Итак, в одном и том же 163/164 г. в Риме выпускаются монеты, возвещающие о победе над Арменией, а затем и монеты, возглашающие о возведении на армянский престол угодного Риму царя (первое воцарение Соэма, как говорилось выше, также было озаглавлено в 140 г. Антонином Пием выпуском специальных монет). Монеты 163/164 г., видимо, преследовали двоякую цель: еще раз напомнить армянам о их подчиненном положении и одновременно предостеречь и парфян, удержать их от стремления стать хозяевами Армении. Дело в том, что в это время все еще продолжалась начатая в 161 г. война Рима с Парфией. Она закончилась в 165 г. полным поражением Парфии, столица которой (Селевкия-Ктесифон) была занята римлянами и разграблена. Дальнейшее продвижение римских войск было приостановлено вспыхнувшей эпидемией оспы или чумы.

Рим в 165 г. отпраздновал победу. Сенат предоставил обоим императорам-соправителям — Марку Аврелию и Люцию Вере — почетные титулы „*Armeniacus*“ и „*Parthicus*“, что нашло, конечно, отражение на монетах этого года.³

¹ Фронтон, (в изд. S. A. Naber. M. Cornelii Frontonis... epistulae. Lipsiae, 1867, стр. 127).

² H. Mattingly, ук. соч., т. III, табл. XIII, № 256, ср.: Г. А. Халатьянц, ук. соч., стр. 313, примеч. 2.

³ H. Mattingly, ук. соч., т. III, табл. VIII, № 157; в тексте см. стр. 224 сл., №№ 144—210.

Заключенный в 166 г. мир с Парфией восстановил то положение, которое имело место до 161 г., то есть Армения номинально объявлялась независимой, но с условием, что цари ее будут ставленниками Рима, — это было наибольшее, чего на данном этапе могла добиться Армения.

Буржуазные историки в лице Моммсена пытаются оправдать агрессивную римскую политику, направленную к подчинению восточных народов, находя, что Марка Аврелия якобы „нельзя упрекнуть ни в честолюбии, ни в стремлении к экспансии: то, что было [им] сделано, вызвано было необходимостью и проводилось в скромных размерах“.¹ Но Моммсен упускает из виду, что „скромные“ размеры едва ли входили в расчеты римлян, что эти „скромные“ результаты экспансии являлись следствием героического сопротивления армянского народа, его восстаний против Рима, которому пришлось пятилетнюю борьбу закончить не завоеванием Армении, не обращением ее в свою провинцию, как это за полвека до того пытался сделать Траян, а возвращением Армении к тому состоянию, в котором она находилась до начала этой войны.

С событиями, имевшими место в Армении в 161—164 гг., связаны два эпиграфических памятника с именем царя Пакора: надгробие его брата — надпись, высеченная на алтаре (рис. 34), и надпись на серебряной чаше (стр. 242 и сл.).

Хотя эти надписи ничего не прибавляют к освещению политической обстановки 60-х годов II в., все же первая из них дает возможность вычитать в ее тексте некоторые детали, связанные с судьбой самого Пакора, а чаша с надписью свидетельствует о высоком уровне культуры армянского народа и в тот период II в., когда Армения жила в обстановке постоянных войн с Римом и напряженных отношений с Парфией.

В конце XVI в. в Риме на территории коллегии маронитов² находилась греческая надпись „Аврелия Пакора, царя Великой Армении“, высеченная на мраморном алтаре.

Θ Κ
ΑΥΡΗΛΙΟΣ
ΠΑΚΟΡΟΣΒΑΣΙ
ΛΕΥΣΜΕΓΑΛΗΣΑΡ
ΜΕΝΙΑΣΗΓΟΡΑΣΑΣΑΡ
ΚΟΦΑΓΟΝΑΥΡΜΕΡΙΘΑ
ΤΙΑΔΕΛΦΩΓΛΥΚΥ
ΤΑΤΩΖΗΣΑΝΤΙ
ΣΥΝΕΜΟΙΕΤΗ
ΝΣ.ΜΗ.Β

Рис. 34. Греческая надпись. Рим.

По SIG, т. III, № 6559.

¹ Th. Mommsen, ук. соч., стр. 409.

² Марониты — христианская католическая секта ливанских арабов.

По рисунку видевшего ее Ж. Сирмонди (1559—1651) надпись эта впервые была издана в 1602 г. под наблюдением знаменитого филолога И. Скалигера¹ и затем несколько раз переиздавалась.²

Надпись³ гласит:

Θ(εοῦς) Κ(αταχθονισίς) | Ἀβρήλιος | Πάκορος βασι|λεύς Μεγάλης Ἀρ|μενίας
ἠγόρασα σαρ|κοράγο(ν) Ἀβρ(ηλίω) Μεριδά|τι (sic) ἀδελφῶ γλυκυ|τάτω ζήσαν-
τι | συν ἔμοι ἔτη | .vς. μῆνας. β̄.!

‘Бо[гам] п[одземным]. Аврелий Пакор, царь Великой Армении, купил саркофаг Авр[елию] Меритату, брату сладчайшему, прожившему со мною годов 56, месяцев два’.

Палеографические данные позволяют относить надпись ко II веку:⁴ курсивные очертания букв ε, ζ, ϑ, π, σ, ω, а также применение сигмы остроконечных очертаний в середине и в конце слов и сигмы округлой в начале слова. Для I—II в. характерно также имеющееся в надписи указание на возраст умершего и отделение слов друг от друга с помощью точек.⁵

В надписи имеется орфографическая ошибка: в шестой строке отсутствует окончание винительного падежа ν в слове σαρκοράγο(ν); в седьмой строке в последнем слоге имени Меритата вырезано τι вместо τη (иотаизм).

В исторических трудах, посвященных Армении II века, надпись царя Пакора упоминается только вскользь.

Моммсен,⁶ признавая, что упоминаемый в ней Пакор, судя по его имени, происходил из рода Аршакидов, воздерживается от отнесения надписи к Пакору, правившему в Армении в 161—163 гг. Если бы Пакор находился в качестве пленника в Риме, то это нам было бы известно, полагает Моммсен; его смущает также то обстоятельство, что в „римской надписи“ Пакор посмел именовать себя царем Великой Армении. Но Моммсен упускает из виду, что не о всех без исключения пленниках, пребывавших в Риме, мы поставлены источниками в известность. Не исключена возможность,

¹ J. Gruyters. *Inscriptiones antiquae totius orbis Romani...* cura Jani Gruteri, auspiciis Jos. Scaligeri ac M. Velsleri. Heidelberg, 1603.

² G. Fleetwood. *Inscriptionum antiquarum sylloge*. London, 1691, стр. 143, № 4. — J. Franz. *Corpus inscriptionum graecarum*, Bd. III. Berlin, 1853, № 6559. — G. Kaibel. *Inscriptiones Graeciae, Siciliae et Italiae*. Berlin, 1890, № 1472. — W. Dittenberg. *Oriens graeci inscriptiones selectae...*, Bd. I, 1903, № 382. — *Prosopographia imperii romani, saec. I—II—III*. Berlin, 1898, Bd. III, № 22. — R. Cagnat. *Inscriptiones Graecae*, v. I, № 222.

³ Мне не удалось выяснить, где она в настоящее время находится, если она вообще уцелела. Размеры надписи не известны.

⁴ *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. III. № 72 (Киликия).

⁵ В *CIG* (t. III, № 6559) эти точки не показаны, но они имеются в издании 1691 г. (G. Fleetwood, № 4, стр. 143), и о них говорится у Диттенберга (*Oriens graeci inscriptiones selectae*, Bd. I, стр. 590—591).

⁶ Th. Mommsen, *ук. соч.*, т. V, стр. 404, примеч. I.

что именно о Пагоре и о его пребывании в Риме было написано в не дошедшем до нас труде Асиния Квадрата, посвященном 161—163 годам, то есть тому времени и тем событиям, с которыми связано было появление армянского царя в Риме; отрывок из этого труда был приведен выше (стр. 232). Не учитывает Моммсен и того, что на фоне бурных, многообразных и сложных событий, которые переживал Рим при Марке Аврелии, личность и судьба низложенного армянского царя являлись деталью мало существенной и, наконец, того, что низложение царя не должно было обязательно означать лишение личного титула, к тому же, как я указываю ниже (стр. 240), в надписи пропущено слово „великий“.

Вслед за Моммсеном и М. И. Ростовцев склоняется к точке зрения, что в этой надписи упоминается „один из армянских царей или претендентов на армянский престол смутной эпохи II века“.¹ Не останавливаясь на вопросе о дате надписи и личности Пагора, говорит об этой надписи попутно и Я. А. Манандян.²

Царь Пагор и его брат Меритат носят в надписи римский *гепотеп* „Аврелий“ — обычное явление в царствование Марка Аврелия, а также Коммода, засвидетельствованное большим количеством надписей, найденных на территории Малой Азии³ и Сирии,⁴ где *Αυρηλιος* стоит перед именами и греческими и семитическими.

Если полагать, что имя Аврелий было Пагором и его братом принято по прибытии в Рим (до этого парфянский ставленник на армянском престоле едва ли стал бы носить римское имя) и что принятие им этого имени, по существу унижительного, явилось компенсацией за сохранение за ним фактически ничего не значившего титула „царь Армении“, — то вполне допустимо отнесение надписи ко времени Марка Аврелия (161—180), то есть к тому времени, к которому нас приводят и палеографические и исторические данные.

На фоне исторических событий времени Марка Аврелия и надлежит, по-моему, рассматривать эту единичную надпись царя Пагора и сближать ее с событиями, имевшими место в Армении в 163—164 гг.

В Риме Пагор мог появиться в конце 163 г. или в начале 164 г., то есть вскоре после занятия армянской столицы римскими легио-

¹ М. И. Ростовцев. Апаранская греческая надпись царя Тирidata. Анийская серия, № 6, СПб., 1911, стр. 16.

² Я. А. Манандян. Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма. Ереван, 1946, стр. 5—6.

³ W. M. Calder. Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. I. 1928, стр. XXI (Фригия). — Ch. Lanckoroński. . . , Les villes de la Pisidie. . . , надписи №№ 193, 194, 202 и др. (Сагаласс); см. также стр. 249—255 (указатель).

⁴ Ср. надписи в Дура-Европос (Excavations at Doura-Europos, Report of 1932—1933, стр. 509 — указатель).

нами и в связи с тем, что „он был лишен царства“, как говорит Фронтон. Более чем вероятно, что низложенный армянский царь не был оставлен в Армении и едва ли был отпущен в Парфию, где его пребывание могло осложнить для римлян политическую обстановку на „упорядочиваемом“ ими Востоке. Как и многие другие низложенные цари, Пакор был, очевидно, привезен именно в Рим, судя по месту нахождения его надписи. В Риме и удобнее и проще было держать под наблюдением возможного претендента на армянский престол,¹ на который в это время призывался обратно другой „Аршакид“ — угодный Риму Соэм (стр. 234).

В Рим Пакор прибыл очевидно, вместе со своею семьей, поскольку вместе с ним тут пребывал и его брат Меритат. В надписи указывается возраст Меритата (по контексту — явно младшего брата) — 56 лет.

Время низложения Пакора (163—164 г.) дает нам дату *post quem* для нашей надписи, но едва ли ее можно отодвигать на много лет позже. Этого не позволяет применяемый Пакором титул „царь Великой Армении“, что могло иметь место только до прибытия в Армению Соэма и его вторичного воцарения, когда, мне кажется, Пакор мог продолжать именоваться в Риме царем Великой Армении, поскольку это никак и ничему в Риме повредить не могло. Поэтому мне кажется наиболее вероятным, что надпись Пакора может быть отнесена ко времени не позднее начала 164 г., т. е. ко времени вскоре после прибытия его в Рим.

В титулатуре Пакора обращает на себя внимание одна существенная деталь — отсутствие в ней эпитета μέγας или ὁ μέγας. Судя по Гарнийской надписи I в. и Апаранской надписи III в., титулатура армянского царя гласила: Τυριδάτης ὁ μέγας Μεγάλης Ἀρμενίας βασιλεύς (или ἀνάκτωρ) 'Тиридат Великий Великой Арменин царь (или властелин)'. Низложенный и находящийся в Риме в ссылке царь Пакор, естественно, должен был отказаться от эпитета „великий“, поэтому-то он в его титулатуре и отсутствует.

Помещенные в начале и конце первой строки надписи буквы Θ и Κ являются обычным сокращением определенной формулы обращения к „подземным богам“ — θεοῖς καταχθονίοις, в латинских надписях — *diis manibus*, заключающее в себе своего рода просьбу или поручение охранять данную гробницу.²

¹ J. Sandalagian считает Пакора псевдоцарем, а надпись его — мистификацией, если только „оба брата не были отвезены в Рим“ (ук. соч., т. II, стр. 553, прим. 5). Направленность И. Сандаляяна характеризуется его определением восстания 163 г. как „беспорядков“ (*désordres*), за которые он порицает Тиридата; оккупацию Армении римскими войсками он называет восстановлением „порядка“ (ук. соч., стр. 555).

² W. Dittenberger. *Sylloge inscriptionum graecarum*, t. II. 1900, № 890.

Это сокращенное обращение (только начальные буквы) к подземным богам, носящее трафаретный характер, говорит о рядовом, массовом характере выполнения этой надписи. Подтверждается это обстоятельство и термином ἀγοράζειν 'покупать', примененный (в аористе) вместо обычных ἀνέστηκεν или ἀνέστησα 'соорудил', 'построил', что свидетельствует о скромном достатке Пакура, который для своего брата „купил гроб“. Термин ἀγοράζειν в надгробных надписях, насколько мне известно, больше не встречается, так же как и термин σαρκοφάγος 'гроб', во всяком случае, в надписях Малой Азии.¹

В некоторых рядовых надписях Малой Азии в этой связи встречается другой термин для слова „гроб“, а именно ἡ πύελος,² — вероятно, гроб деревянный, так как это слово обозначает также деревянное корыто и другие деревянные предметы этого типа. „Саркофаг“ в таком случае мог обозначать гроб каменный, ведь „царь Великой Армении“ едва ли стал бы хоронить своего брата в деревянном гробу, тем более, что он кроме саркофага соорудил в память его еще и алтарь с надписью.

Чем объяснить выбор именно этих терминов — ἀγοράσα и σαρκοφάγος — сказать трудно, но непривычность их для резчика объясняется, видимо, отсутствие конечного υ в слове σαρκοφάγον. Может быть, эти термины были в ходу в Армении и Парфии среди знати, пользовавшейся греческим языком.

Парфянское имя Митридат здесь дано в форме Μεριδάτης, т. е., по-видимому, в том виде, в каком оно во II в. произносилось. Сходно оно произносилось и в I в. до н. э., судя по Авроманским пергаментам (стр. 102): среди имен свидетелей имеются Μεριδάτης и Μιριδάτης.³ У Тацита сохранилась форма Meherdates — имя претендента на парфянский престол в 47 г. н. э.⁴

Обычным является в этой надписи применение прилагательного „сладчайшему“ — γλυκυστάτω (в превосходной степени) после имени Меритата и слова „брату“, встречающегося на многих рядовых надписях Малой Азии.⁵

¹ Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. I—VI; см. указатель в т. III, стр. 237.

² X. Hommaire de Hell. Voyage en Turquie et en Perse 1844—1848, v. IV. Paris, 1860, стр. 341 и сл., табл X, 1: κατέστησα τὴν πύελον ἐαυτῷ καὶ τῇ γυναίκί μου 'соорудил гроб мне самому и жене моей...'

³ E. Minns, ук. соч., стр. 17, 28—30, 45.

⁴ Тацит, кн. XI, гл. 10.

⁵ Ср.: Monumenta Asiae Minoris Antiquae, t. I, стр. 42, № 73; стр. 190, № 368 (восточная Фригия). — Heberdey-Wilhelm. Reisen in Kilikien. Denkschriften d. k. Akad. d. Wiss., Wien., Bd. 44, 1896, стр. 96, № 178; стр. 154, № 260; стр. 162, № 269 (Киликия).

Все это вместе взятое дает основание полагать, что Пакор заказывал эпитафию своему брату уже не в качестве правящего царя, а в качестве стесненного в средствах человека, для которого рядовой мастер вырезал надпись с ошибками в мало знакомых ему словах.

Надпись Аврелия Пакора, несмотря на ее бытовой характер, представляет, тем не менее, некоторый интерес в историческом отношении. Она дает титулатуру армянского царя, которая, видимо, не менялась в продолжение трех, а может быть, и четырех первых веков, как об этом говорилось выше. Эта надпись увеличивает то небольшое число греческих надписей, которые нам известны и которые свидетельствуют о том, что в Армении со II в. до н. э. и до IV в. н. э. верхушка общества пользовалась не только греческим письмом, но и греческим языком.

В Риме найдена еще одна греческая надпись, связанная с историей закавказских народов во II в., а именно эпитафия иберского царевича Амазаспа, „ибера, сына ибера“ — брата Митридата, царя Иберии. Из текста явствует, что юный Амазасп погиб, выступив во главе пешего и конного войска для участия в походе против Парфии (поход Траяна в 114/115 г.).¹

8. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА СЕРЕБРЯНОЙ ЧАШЕ, НАЙДЕННОЙ В СТ. ДАХОВСКОЙ В 1934 г.

(Рис. 35)

С личностью Пакора, „царя Великой Армении“ и с временем его правления в Армении, т. е. 161—163 гг., следует, повидимому, приводить в связь серебряную чашу, найденную в 1934 или 1935 г. в погребении около станицы Даховской Майкопского района².

На стенках этой чаши изображены различные театральные сцены, а на дне имеется пунктирная, пунсоном нанесенная надпись: Παρά βασιλέως Παχόρου 'от царя Пакора' (рис. 35).

Оба издателя чаши, Б. В. Луний и Г. И. Гоян,³ связывают эту чашу с Пакором римской надписи, которого они, между прочим, ошибочно именуют Пакором III.

¹ G. Kaibel. *Inscriptiones graecae Italiae et Siciliae*. Berlin, 1890, № 1374. — R. Cagnat. *Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes*, t. I. 1901, стр. 75—76, № 192; ср.: А. И. Амиранашвили (Болтунова). Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, 1938, № 4, стр. 164.

² Б. В. Луний, ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 221, рис. 9.

³ Б. В. Луний, Изв. Ростовск. обл. муз. краеведения, Ростов, 1940, стр. 14 сл., рис. 1—2. — Г. И. Гоян. Эллинистический театр Армении. Москва — Ереван, 1948. — Г. И. Гоян, ВДИ, 1950, № 3, стр. 184, рис. 2.

Надпись на чаше на основании палеографических данных, действительно, может быть отнесена ко второй половине II в., т. е. ко времени царя Пакора. Следует отметить, что очертания букв на чаше близки к характеру письма Гарнийской надписи 77 г., Из этого можно заключить, что в основном греческое письмо в надписях Армении на протяжении I—II вв. видоизменялось очень незначительно. Объясняется это, вероятно, тем, что, будучи письмом чужим, заимствованным, оно на протяжении этих веков применялось в том виде, как оно было усвоено; для развития и видоизменения греческого письма в Армении местных внутренних причин, условий или побуждений, мне думается, не было.

Рис. 35. Греческая надпись на серебряной чаше.

Чаша с надписью Пакора по своей форме и технике близка к той группе серебряных чаш, которые в зарубежной науке принято приписывать мастерам Александрии. Углубленного изучения этой группы памятников, которое привело бы к выяснению их действительного происхождения, насколько мне известно, еще не производилось. Очень большое значение имеет поэтому факт нахождения одного такого сосуда, да еще с именем армянского царя, к северу от Кавказа и другой чаши этого же типа в Армази (Грузия), в погребении II в.¹

Сейчас в мою задачу не входит разбор сюжета на чаше Пакора, ограничусь указанием, что в результате анализа изображенных на ней театральных сцен Г. И. Гоян пришел к заключению, что отдельные детали сюжета связывают эту чашу с культурой именно Армении.² Как известно, уже в I в. до н. э. имелись театры эллинистического типа в Арташате и Тигранакерте, в которых

¹ Чаша еще не издана.

² Г. И. Гоян, ук. соч., стр. 183 сл.

ставились не только трагедии Еврипида,¹ но, по всей вероятности, и трагедии, написанные армянскими драматургами (стр. 12 и сл.).

Так как чаша найдена в погребении, относящемся ко времени не позднее рубежа II—III вв.,² и ввиду того, что начертания ее букв тоже указывают на II век, не лишено основания предположение, что сосуд этот может быть отнесен ко второй половине II века. Имя же царя Пакора на чаше уточняет эту дату, приурочивая ее к 161—163 гг., так как низложенный Пакор, хотя бы и продолжавший титуловать себя царем Армении, едва ли раздавал подарки.

Кроме армянского царя Пакора, правившего в Армении в 161—163 гг., известно еще несколько исторических лиц — носителей этого же имени, но ни к одному из них чаша с именем царя Пакора отнесена быть не может, так как они жили или в I в. до н. э. (парфянский царевич Пакор, временно правивший Сирией),³ или же в I в. н. э. (Пакор, царь Мидии,⁴ и Пакор II,⁵ царь Парфии). А чаша эта, как говорилось выше, и по форме, и по технике, и по стилю, может быть отнесена ко времени не ранее II в. н. э.

Какое же назначение могла иметь чаша с дарственной надписью „от царя Пакора“? В первую очередь на память приходят те серебряные votivные чаши, которые в храмовых реестрах этого времени значатся десятками,⁶ и среди них чаша со сходной по очертаниям и тоже пунктирной надписью начала III в., найденная в Дуре-Европос. Но эта чаша имеет форму патеры, характерную для культовых сосудов этого времени, и на омфале ее имеется медальон с изображением головы Зевса, храму которого она и была принесена в дар.⁷

Чаша Пакора, судя по форме ее и по сюжету, посвятельного назначения иметь не могла, а в надписи говорится, что она „от царя Пакора“. Эта надпись могла быть нанесена в 161—163 гг., когда Пакор правил Арменией и мог подарить эту чашу кому-нибудь из своего окружения.

Можно допустить и другой случай, объясняющий появление чаши к северу от Кавказского хребта, а именно, что она входила

¹ Плутарх. Жизнеописание Красса, гл. 33.

² Б. В. Лукин, ВДИ, 1939, № 3, стр. 220—223.

³ Иосиф Флавий. Иудейская война, кн. I, гл. 13.

⁴ Там же, кн. VII, гл. 7.

⁵ 78—115/6 гг.

⁶ Fr. Simonet. Fouilles de Doura-Europos, Report of 1922—1923, стр. 369, № 12; стр. 383, № 21.

⁷ Excavations at Dura-Europos, Report of 1931—1932, № 610, стр. 307 и сл., рис. 13 на стр. 309.

в состав даров, полученных от Пакора кем-либо из аланских вождей, в могилу которого ей суждено было вскоре попасть.

Не исключена, однако, и возможность того, что чаша попала из Армении в Майкопский район не столь мирным путем, а в результате грабежа, сопровождавшего нападение аланов на Закавказье. В конце II в., в 197 г. имело место очередное вторжение аланов на территорию Армении,¹ и может быть, тогда-то находившаяся в чьем-то владении чаша — подарок Пакора — была захвачена в числе прочей добычи и увезена на Северный Кавказ.

9. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА СКАЛЕ В РАЙОНЕ МАЛАТИИ

(Рис. 36)

Во время путешествия по западной Армении К. Ф. Леман-Хаупту удалось обнаружить неизвестную до того греческую надпись, высеченную на отвесной скале (на высоте 6 м) около селения Ванк (в районе Малатии — древней Мелитены, на территории Малой Армении).² Селение Ванк находится в 95 км севернее Малатии и в 53 км севернее Агина, в ущелье реки Арабкир, левого притока Евфрата. Непоздалеку от древней крепости с пещерным городом, носящей название Ванк-кала, несколько ниже по реке и находится надпись.

Размеры надписи у К. Ф. Леман-Хаупта не указаны, так же как высота и глубина букв.

Чтение надписи представило известные трудности, так как текст нарушается выбоинами, а некоторые из них существовали, по видимому, и тогда, когда надпись высекалась (рис. 36).

Первые слова надписи ἐνθάδε κείται 'здесь покоится' свидетельствовали о том, что здесь поблизости должна была находиться гробница, вернее, место погребения, и действительно, ниже надписи скала отходит назад, образуя как бы нишу. Полагая, что под сводом скалы могла находиться могила и так как было заметно углубление в почве, К. Ф. Леман-Хаупт произвел здесь раскопки, но ничего не нашел кроме нескольких костей, относительно которых он не был уверен, что они принадлежат человеческому костяку.

Надпись состоит из десяти метрических строк элегическим размером, который местами не выдержан.

¹ О предыдущих нападениях см.: Иосиф Флавий. Иудейская война, кн. VII, гл. 7, 4.

² К. Ф. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. I. 1910, стр. 491. — К. Ф. Lehmann. Inschriften aus Klein-Armenien und Kommagene. Festschr. zu O. Hirschfelds 60. Geburtstag, Berlin, 1903, стр. 391 и сл.

На основании палеографических данных надпись может быть датирована II веком н. э.; форма букв ε, σ, ω, ϑ, α, υ и полное отсутствие лигатур сближают ее как с Гарнийской надписью Трдата I (77 г. н. э.), так и с Апаранской надписью (начало III в.). В надписи обращают на себя внимание случаи замены в некоторых словах долгого ι дифтонгом ει (τείσι вместо τίσει в третьей строке и εἶλεω вместо ἴλεω в четвертой) и наоборот, замена дифтонга ει долгим ι (последний слог в том же слове τείσι) при наличии обычного написания ἄνθει и ἔχειν (в четвертой и шестой). Здесь мы имеем дело с монофтонгизацией дифтонгов или так называемым позднегреческим иотацизмом — явлением, широко распространенным и часто встречающимся в надписях и папирусах этого времени (II в. н. э.).

Текст надписи был прочитан К. Ф. Леман-Хауптом с помощью А. Моммсена и Хиллер фон-Герtringена.

Надпись гласит:

Ἐνθάδε κεῖται ἀνασσα Ἀθηναίς ἦν ποτ' ἔγωγε
 ἠγαγόμην εὖνουν πρὸς γάμον ἡμέτερον.
 ταυτήν ὅς παριῶν τείσει ρόδωκι ἢ ἕτι ἄλλωι
 ἄνθι εἶλοι εἶλεωκι πάντας ἐπουρανίους.
 εἰ δ' ἄλλος ἔλθοι τις ἀτάσθαλα μεμνηρίζων
 τοῦτον ἔχειν δύνους πάντας ὑποχ(θ)ονίους.
 ὁ γράψας Δεϊμαρίης πατὸς ὁμώνυμος
 ζῆσαν ἐπιστέργων σύγγαμον ἡμ(έ)ριον
 καὐτήν πατὸς εὐσαν ὁμώνυμον πατὸς ἐμεῖο,
 μητρὸς τ' Ἀντωνίης Λουκίου θυγατέρος.

‘Здесь покоится госпожа Атенаис, с которой я некогда, согласно взаимному влечению, вступил в брак.

К тому, кто, проходя, посвятит [ей] розу или иной цветок, пусть будут милостивы все небожители.

Если же кто придет, замышляя дурное, того пусть накажут все подземные боги.

Писал это Дэймарит [сын] одноименного отца,

которому она за короткую жизнь свою была любящей супругой.

Отец ее был одноименен моему отцу,

матерью же — Антония, дочь Лукия’.

Начальные слова ἐνθάδε κεῖται — обычная формула, которой начинаются эпитафии этого времени. Так, в соседней Киликии обнаружена стихотворная надгробная надпись, тоже в десять строк, тоже начинающаяся с ἐνθάδε κεῖται ἀνθρ¹ и того же приблизи-

¹ Heberdey-Wilhelm, ук. соч., стр. 96, № 179.

ΕΝΘΑ ΔΕ ΚΕΙΤΑΙ ΑΝΑΣΣΑ ΘΗΝΑΙΣ ΗΝ ΠΟΤΕ ΓΩ ΓΕ
 ΗΓΑΓΟΜΗΝ ΕΥΝΟΥΝ ΠΡΟΣ ΓΑΜΟΝ ΗΜΕΤΕΡΟΝ
 ΤΑΥΤΗΝ ΟΣ ΠΑΡΥΝΤΕΙΣΙ ΡΩΔΗΝΕΤΙΑΛΛΩ
 ΑΝΘΕΙΧΟΙ ΕΓΛΕΨΑΝΤΑΙ ΣΕ ΠΟΥΡΑΝΙΟΥΣ
 ΕΙΔΑΛΛΟ ΣΕ ΛΘΟΙΤΙΣ ΑΤΑΣΘΑΛΑ ΜΕΡΑ ΜΗΡΙΖΩΝ
 ΤΟΥΤΟΝ ΕΧΕΙΝ ΔΥΣΝΟΥΣ ΠΑΝΤΑΣ ΥΠΟΧΡΗΝΙΟΥΣ
 ΟΓΡΑΥΑΣΑ ΕΙΜΑΡΤΗΣ ΠΑΤΡΟΣ ΟΜΩΝ
 ΖΩΣΑΝΕΡΙΣΤΕΡΓΩΝ ΣΥΝΓΑΜΟΝ ΗΡΙΑΝ
 ΚΑΥΤΟΝ ΠΑΤΡΟΣ ΕΟΝΣΑΝ ΟΜΩΝ ΥΜΟΥ ΠΑΤΡΟΣ ΕΜΕΙΟ
 ΜΗΤΡΟΣ ΤΑΝ ΤΩΝ ΗΝ ΣΛΟΥΚΙΟΥ ΘΥΓΑΤΕΡΟΣ

0 50 100 CM

Рис. 36. Греческая надпись. Район Малатии.

По К. Ф. Леман-Хаупту.

тельно времени; на территории Малой Армении в районе города Никополя найдена еще одна метрическая надпись — эпитафия греческого поэта и ритора;¹ на территории Причерноморья (в Керчи) обнаружено несколько греческих метрических эпитафий, относящихся к I в. н. э., не отличающихся особой складностью стиха;² известна также надгробная метрическая надпись двух братьев, Гастиса и Адиманта, найденная в Анапе, по характеру письма датируемая А. И. Болтуновой I веком н. э.³

На основании приведенных примеров можно заключить, что греческие стихотворные эпитафии (элегическим размером) были в I—II вв. обычным явлением как в Малой Азии и Причерноморье, так и на территории исторической Армении.

Призыв к небесным и подземным богам как охранителям гробницы встречается в эпитафиях довольно часто, как на это указывалось при рассмотрении надписи царя Пакора (стр. 240). В соседней с Малой Арменией Киликии (в Узунджа-бурдж — древней Диокесарии) сохранился саркофаг с греческой надписью того же времени, в которой родители просят „небесных и подземных богов“ защитить гробницу их ребенка.⁴

Слово *ὀμώνυμος* 'одноименный', дважды встречающееся в надписи Атенаис, в обоих случаях связано со словом *πατρός* — в родительном падеже, что грамматически допустимо, хотя более обычен в этом случае был бы дательный падеж.⁵ Обращают на себя внимание имена собственные. Муж, свекор и отец Атенаис носили одно и то же имя, по Леман-Хаупту — Аэймарит. Нет никаких оснований полагать, как это делает Леман-Хаупт, что Атенаис и ее муж были, якобы, по обычаям того времени, братом и сестрой по отцу (от разных матерей). Для допущения этого предположения нужно было бы считать доказанным, что эти супруги были царского рода, а это предположение Леман-Хаупта, как указано ниже, не убедительно. Текст надписи в своих формулировках не дает для этого никакого основания — в нем, наоборот, как бы подчеркнута случайность совпадения имен этих трех лиц. К. Ф. Леман-Хаупт к этому заключению привела, вероятно, единичность этого имени (в его чтении 'Αεψαρίης), нигде больше не встречаемого. Он подробно останавливается на этом вопросе, указывая, что это

¹ Fr. Cumont et E. Cumont. *Studia Pontica*, t. II. Bruxelles, 1906, стр. 307, № 363.

² В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895—1898 гг. СПб., 1899, стр. 57, № 3. — Он же, *IosPE*, т. II, № 419.

³ А. И. Амиранашвили (Болтунова). Греческие надписи Музея Грузии. Бюлл. Музея Грузии, т. IV, Тбилиси, 1928, стр. 189—190.

⁴ *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. III, № 77.

⁵ W. Dittenberger, *Sylloge...*, 1898, № 381, I.

имя не известно ни в классической, ни в христианской эпиграфике, что оно не может быть объяснено „ни греческим, ни фрако-фригийско-армянским (о чем в первую очередь следовало бы подумать), ни иранским“.¹ И арамейское происхождение этого имени ему тоже кажется маловероятным.

Правильность чтения этого имени как *Ἀειμαρίης*, на чем все же останавливается К. Ф. Леман-Хаупт², вызывает большие сомнения; независимо от того, что оно встречается впервые, его действительно нельзя объяснить полностью ни исходя из греческого языка, ни из латинского, ни из армянского, ни из арамейского.

Можно было бы предложить другое чтение плохо сохранившейся начальной буквы этого имени, а именно *Δειμαρίης* — имя, на греческой почве неизвестное и этимологически не осмысленное, но фонетически все же более приемлемое, чем *Ἀειμαρίης*.

Что касается этого *Δειμαρίης*, то, учитывая наблюдаемый в этой надписи иотаизм и смешение в написании *ε* и *ι*, мы имеем основание предполагать другую форму этого имени — *Δημαρίης* или *Διμαρίης*. В таком случае, быть может, следовало бы вспомнить о наличии в древнеармянских источниках имени *Dimaros* и *Dimareios* или *Dimareos*. Это — имя одного из семи армянских монахов-подвижников, погибших около 604—605 г., согласно сообщению армянского историка Иоанна Мамиконяна³ (в написании „Димариос“). А в написании „Димарейос“ или „Димареос“ он упоминается в армянской Минее (30 сентября).

Таким образом, есть возможность указать армянское, фонетически очень близкое соответствие имени, начертанному в данной надписи в форме *Ἀειμαρίης*.

Что касается имени *Ἀθηνάϊς*, то оно встречается довольно редко: в эпиграфических памятниках Малой Азии оно пока известно только в одном случае, а именно в надписи надгробия в Корике (Горной Киликии).⁴ В северном Причерноморье имя Атенаис встречается на двух надгробиях из Керчи,⁵ причем в одном случае имя мужа — римское, Гай Юлий Сестилий, а другое как будто греческое — Ипсигон (*Ἰψιγόνης*), насколько мне известно, только в этой надписи встречающееся, значит, столь же уникальное в литературе и в эпиграфике этого времени, как и *Ἀειμαρίης* (возможно, что в имени *Ἰψιγόνης* скрывается какое-то местное, но грецизированное имя).

¹ К. Ф. Lehmann, ук. соч., стр. 400, примеч. I.

² Там же, стр. 399—400.

³ Иоанн Мамиконян. История Тарона. Венеция, 1832, стр. 19.

⁴ *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. III, №№ 498, 1.

⁵ В. В. Латышев, *IosPE*, т. II, 1890, стр. 119, №№ 241 и 215.

По К. Ф. Леман-Хаупту, имя Атенаис носили члены царского дома в Понте и Каппадокии,¹ на основании чего он и делает попытку выяснить ее родословную.

Деда Атенаис по материнской линии звали Λούκιος (Люций) — имя, которое встречается в надписях Малой Азии, датируемых второй половиной I в. н. э.² и которое в это время употреблялось наравне с формой Λεύκιος. Таким образом, с помощью имен можно установить, что Атенаис по матери была римлянкой, а по отцу, быть может, армянкой. Она названа в надписи ἄνασσα 'царица', 'властительница, из чего К. Ф. Леман-Хаупт заключает, что муж ее, соорудивший надгробный памятник, мог быть ἄναξ, данной территории, т. е. 'царьком' или 'князьком', который царского титула не имел. Леман-Хаупт думает также, что мы имеем дело с местным армянским династом, который правил частью Малой Армении, будучи римским ставленником. То обстоятельство, что имя Атенаис встречается среди членов царского дома Понта и Каппадокии, дает К. Ф. Леман-Хаупту основание предполагать, что через своего деда по матери (Антонии) — некоего Лукия или Люция — Атенаис могла бы быть правнучкой Котиса, брата Полемона II, которому Калигула пожаловал Малую Армению, отнятую у него потом Нероном. На этом основании надпись Атенаис и датируется К. Ф. Леман-Хауптом временем около 130 г., но на этой родословной он не настаивает и допускает, что Атенаис могла быть и просто знатной дамой из семьи римских граждан в Малой Армении.

Однако не только К. Ф. Леман-Хаупт, но и А. Моммсен и Хиллер фон-Гертринген упустили из виду, что архаичный термин „анасса“ (ἄνασσα) 'владычица' был эпитетом, который мог применяться к любой покойнице. Слово это в смысле „госпожа“ как бы подчеркивало уважение к усопшей и было близко по заключенному в нем смыслу к греческому термину δεσποινίς 'госпожа'.³

Поэтому все рассуждения К. Ф. Леман-Хаупта о возможно царском происхождении Атенаис и о ее муже — царе должны были бы отпасть.

Надпись Атенаис представляет интерес как единственная большая стихотворная эпитафия, найденная на территории исторической Армении, как бытовой и литературный памятник начала II в. н. э., когда представители верхушки местного армянского населения вступали в родство с римлянами.

¹ K. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. I. 1910, стр. 493.

² W. Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae, 1903, т. I, № 487, 4—5; № 594, 1.

³ На значение термина „анасса“ в эпитафиях мне указал академик И. И. Толстой.

10. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ЭЧМИАДЗИНЕ В 1914 г.

(Табл. 83)

163/164 год был одним из многих тяжелых годов в истории Армении, которой уже третий век приходилось вести неравную борьбу с Римом, — борьбу, обострившуюся в 161 и в 163 г. приведшую к большому восстанию (стр. 229 и сл.). Соппротивление армянского народа было подавлено, и одной из карательных мер явилось перенесение, по приказу Мартия Вера, столицы Армении из Арташата в „Новый город“ — Нор-калак — *Καίνηπολις* (Валаршапат).

О причинах, побудивших римского военачальника к принятию этой чрезвычайной меры, говорилось выше, в главе, посвященной надписи царя Пакора. Восстание, имевшее место в 163 г., еще раз показало отношение армянского народа к римским захватчикам и его решимость бороться за свою независимость. Для предотвращения повторения таких восстаний и решено было, видимо, длительно оккупировать страну. Центр восстания — столица Арташат — была в какой-то мере разрушена еще Статием Приском при осаде города; пострадал город, вероятно, еще дополнительно и при подавлении восстания Мартием Вером. Это обстоятельство побудило римлян начать сооружение на территории существовавшего уже городка Валаршапата (а может быть, рядом с ним) укрепления для размещения в нем римского гарнизона. Крепость свою, как будет показано в следующей главе, римляне продолжали усиливать мощными стенами еще в 175 г. и даже в 185 г.

Нет никакого сомнения, что подавление восстания в Арташате и перенос столицы в Валаршапат являлись внутренне связанными между собой событиями. Если учесть то обстоятельство, что в Арташате находились основные святилища, посвященные богам Арегу и Лусин, что именно с Арташатом было связано представление о свободной некогда Армении, освобожденной от чужеземной зависимости царем Арташесом (II в. до н. э.), и принимая во внимание трагический исход недавнего восстания, легко можно представить себе то моральное состояние, в котором должен был пребывать армянский народ, когда в 165 г. нагрянула новая беда — занесенная с Востока страшная эпидемия чумы или оспы.

В то время как Мартий Вер был занят подавлением восстания и строительством укрепления в Валаршапате, легат Авидий Кассий продолжал преследовать парфян, царя Валарша и его полководца Хосрова, и дошел до Вавилона. Столица Парфии Селевкия-Ктесифон была захвачена римлянами и разграблена. Дальнейшее продвижение Авидия Кассия было приостановлено в 165 г.

вышеупомянутой эпидемией, от которой начали редеть ряды римского войска и которая вынудила Авидия Кассия вернуться в Сирию. Вслед за этим, в 166 г. последовало заключение мира между Римом и Парфией.

Победа над Парфией была торжественно отпразднована в Риме с поднесением Марку Аврелию и Людию Веру сенатом титула Parthicus, в дополнение к ранее присвоенному им наименованию Armeniacus.¹ В связи с этим в Риме в 165 г. был начат выпуск специальной серии серебряных и золотых монет, на которых в титулатуре императора значатся эпитеты „Armeniacus, Parthicus“, а на обороте изображена богиня Счастья (Felicitas) и имеется слово „Pax“ ‘мир’.² На другой серии тогда же выпущенных золотых монет поражение Парфии было символически изображено в виде сидящего на земле парфянина, руки которого связаны за спиною, а у ног лежат колчан и лук³ (табл. 84, 7). На этой серии монет можно, мне кажется, усмотреть явную пародию на парфянские монеты, на обороте которых обычно показан сидящий на троне парфянский царь, держащий лук с натянутой тетивой.

Но еще больший интерес представляет другая серия монет, выпущенных в Риме тоже в 165 г., — серебряные денарии, на обороте которых изображена богиня, сыплющая зерна или ладан на треножник.⁴ Так как этот тип изображения на обороте чеканился обычно на монетах, выпускаемых во время тяжелого заболевания императора, то появление в 165 г. такой серии можно было бы привести в связь со страшной болезнью, занесенной возвращающимися с Востока⁵ войсками и в Закавказье, и в Малую Азию, и в Италию (в частности в Рим),⁶ и дальше на Запад.

Мне кажется, не исключена возможность, что в этом-то тяжелом 165 г., когда в Передней Азии и Европе свирепствовала

¹ „Когда окончена была война и тот и другой [Марк Аврелий и Люций Вер] получили наименование «парфянский»“ (Юлий Капитолин. М. Ant. Philosophus, гл. 9: Profligato autem bello uterque Parthicus appellatus est). В посвятительной греческой надписи на базе колонны в Термессе (стр. 52 сл.) Марк Аврелий назван Ἀρμενιάκος Παρθικός Μύθιος (Ch. Lanckoronski... , ук. соч., т. II, стр. 219, № 91).

² H. Mattingly, ук. соч., т. III, табл. VIII, № 159.

³ Там же, табл. X, № 202.

⁴ Там же, стр. 258, № 560.

⁵ Юлий Капитолин. Verus Imperator, гл. 8.

⁶ Юлий Капитолин. M. Antonius Philosophus, гл. 13: Tante autem pestilentia fuit, ut vehiculis cadavera sint exportata sarracisque... et multa quidem milia pestilentia consumpsit, multosque proceribus...² и такая была чума, что трупы вывозили в повозках и телегах... и многие тысячи истребила чума, и многих из знати...’.

чума, и был высечен, судя по содержанию, текст греческой надписи Элия (в греческом написании — Айлия) Валента, палеографический анализ которой также приводит ко второй половине II в.

В 1914 г. около Валаршапата (Эчмиадзин) производились работы по рытью оросительного канала, во время которых была найдена плита с греческой надписью (около второго моста, по дороге, ведущей от церкви Рипсимэ к храму Звартноц).¹

В этой надписи хилярх Элий Валент сообщает, что он сооружает памятник жене и дочери одновременно. Заблаговременно изготавливать надгробные памятники и перечислять в надписи на них целый ряд членов семьи еще при их жизни — было обычным явлением, но в таком случае возраст перечисленных лиц, естественно, не указывался. В надписи Элия Валента мы видим другое — указание на возраст жены (35 лет) и дочери (10 лет), наводящее на мысль, что одновременная смерть молодой еще женщины и ее дочери могла последовать или от несчастного случая, или в результате тяжелой одновременной болезни обеих.

Надпись гласит:

Μνημης χάριν
 Αιλ(ίαν) Μαξιμη(ν) σύμβιον
 ζήσασαν ἔτη. ΔΕ.
 καὶ Αιλ(ίαν) Οὐαλεντίαν
 θυγατέ(ρ)α [ζ]ήσασαν,
 ἔτη ·Ι·Π Αἰλ(ίος) Οὐάλης χι
 λιάρχης λεγ(εῖνος) ·ΕΙ· Ἀπολ(ινάρις)
 ταῖς αἰζιεις(sic) ἀνῆρ καὶ
 πατῆρ ἀνέθῆκεν...

‘Ради памяти. Элии Максиме, жене, прожившей 35 лет, и Элии Валентине, дочери, прожившей 10 лет, Поплий Элий Валент, хилярх 15 легиона Apollinaris, им, отошедшим, муж и отец, соорудил’.

Надпись эта была издана сначала М. И. Ростовцевым,² а затем С. А. Жебелевым,³ причем последний предложил свое толкование нескольких знаков и слов. Ниже я излагаю и свои соображения, которые, мне кажется, могут способствовать лучшему пониманию текста.

¹ С. А. Жебелев. Раскопки древнего Валаршапата. Ереван, 1935, стр. 81.

² М. И. Ростовцев. Христианский Восток, т. III, вып. 3. СПб., 1915, стр. 243 и сл.

³ С. А. Жебелев. Раскопки древнего Валаршапата. Ереван, 1935, Прил. 1.

М. И. Ростовцев полагал, что надпись была помещена над дверью или в стене надгробного сооружения или же в погребальной ограде и что она найдена была не среди развалин города, а за его стенами, в некрополе.

Производившиеся в 1931 г. на территории около Валаршапата разведки и пробные раскопки не дали таких результатов, которые помогли бы составить себе представление о топографии древнего Валаршапата. Но все же выяснено, что древний Валаршапат находился на том месте, где находится и сейчас Валаршапат современный (ныне город Эчмиадзин), и что некрополь находился к востоку от города, недалеко от церкви Рипсимэ, на треугольнике между шоссе, ведущим в Ереван, и дорогой на Звартноц.¹ Вскрытые здесь погребения, по мнению производивших раскопки, должны быть отнесены к I—V векам.²

На территории этого треугольника—древнего некрополя—и была найдена надпись Элия Валента. Надпись высечена на плите из местного темнокрасного туфа, высотой (с рамкой) в 44 см, шириной в 72 см; толщина плиты 12 см.

Надпись обнесена выступающей рамкой, что создает впечатление, как будто плита с надписью вставлена в небольшую нишу,—форма, обычная для надписей, которые встраивались в стены какого-либо сооружения, и не только надгробного.

Самый текст надписи занимает в высоту 34 см, в ширину 50 см и углублен на 2.5 см от поверхности плиты.

Камень несколько пострадал—вероятно, от ударов лопаты или кирки при рытье канала. В середине плиты имеются две крупных выбоины, кроме ряда мелких; низ плиты отбит, но сохранился и, будучи приставлен, дает возможность прочесть и последнюю строку. Рамка в нескольких местах тоже пострадала.

Обращает на себя внимание размещение надписи. Первая строка высечена на верхней плоскости рамки, а последняя—на покатой части нижней рамки. В связи с этим следует отметить и неодинаковую высоту букв: в верхней и нижней строках—4 см, в остальных—от 2.5 до 3.5 см. Вызвано это, вероятно, следующим обстоятельством: мастер начал высекать текст со второй строки, со слов Αἰλ(ἰαν) Μαξιμην , как это обычно делается в надгробных надписях, а когда он дошел до седьмой строки, то увидел, что ему не поместить на плите весь остальной текст, и тогда он несколько крупнее высек предпоследнюю строку, а последнюю перенес на покатую часть нижней рамки, заняв всю высоту ее крупными буквами. А непоместившиеся слова, которыми обычно

¹ Раскопки древнего Валаршапата, табл. III, стр. 73.

² Там же.

заканчиваются надгробные надписи — *μνήμης χάριν* 'ради памяти', мастер перенес наверх, на плоскость рамки, и дал их тоже несколько крупнее.

На целом ряде надгробных надписей этого периода, найденных на территории Киликии, наблюдается то же явление: неопытный мастер не рассчитал размеров плиты и текста и поэтому последнюю строку, а иногда и две строки, ему приходилось помещать ниже или выше рамки.¹ Но надпись Элия Валента, несомненно, высекал мастер местный, во всяком случае, мастер, не связанный традицией мастеров-камнерезов Малой Азии, которые этой заключительной формулы в начале надписи не ставили.

На покатую часть рамки справа пришлось мастеру поместить и неумещавшуюся букву Ν — в первой строке, в слове *σύμβιον*.

На рамке справа вырезан обращенный острием вниз плющевый листик, — не то заполнительный орнамент, не то символическое изображение, довольно часто встречающееся на надгробных надписях этого времени.²

Палеографические показатели — несколько удлиненные формы букв, курсивные начертания некоторых из них и близость облика письма к датированным надписям второй половины II в.,³ позволяют относить надпись Элия Валента ко второй половине II в. н. э.

Близкой палеографической аналогией к надписи Валента является (если можно судить по изданию, не виде оригинала), греческая надпись Серапиты, дочери Зеваха, найденная в Армази и датируемая временем не позже начала II в.,⁴ то есть временем надписи Элия Валента.

В надписи Элия Валента и в Гарнийской надписи 77 года (табл. 78) цифры среди текста выделены точками, которые и здесь помещены на середине высоты строки.⁵

При установлении чтения надписи первые издатели ее разошлись в истолковании последних четырех строк. М. И. Ростовцев читает:

¹ Heberdey-Wilhelm, ук. соч., стр. 120, № 190; стр. 122, № 192; стр. 123, №№ 193 и 195.

² Ср., например, надписи в Киликии (Heberdey-Wilhelm, ук. соч., стр. 20, № 50 и стр. 68, № 116) и в Дура-Европос (Excavations at Dura-Europos, Report of 1933—1934, стр. 172, табл. LIII, 1).

³ Ср.: Heberdey-Wilhelm, ук. соч., стр. 20, № 50 (имеется тоже плющевый листик). — Excavations at Dura-Europos, Report of 1929—1930, стр. 44, табл. IX, 1.

⁴ Г. В. Церетели. Эпиграфические находки в Мдхета. ВДИ, 1948, № 2, стр. 52. — Т. С. Каухчишвили, ук. соч., стр. 250 и сл.

⁵ Ср. надпись начала III в. в Дура-Европос (Excavations at Dura-Europos, Report of 1930—1931, стр. 68, № 168, табл. XV, 1).

... ἔτη ·Ι· Π(όπλιος) Αἴλ(ιος) Οὐάλης χιλιάρχης λεγ(εῖνος) ·ΕΙ· Ἀπολ-
(λιναρίας) ταῖς ἄξιας(ἄξιας) ἀνὴρ καὶ πατὴρ ἀνέθηκεν.

[дочери, жившей] *десять лет*, П[оплий] Элий Валент хилиарх легиона 15 Апол[лиinarieва] *им достойным*, муж и отец соорудил.

С. А. Жебелев эти строки читает следующим образом:

... ἔτη ·ΙΓ· Αἴλ(ιος) Οὐάλης χιλιάρχης λεγ(εῖνος) ·ΕΙ· Ἀπολ(λινα)ρίας
αὐτῶν ἀνὴρ καὶ πατὴρ ἀνέθηκεν.

[дочери, жившей] *тринадцать лет* Элий Валент хилиарх легиона 15 Аполлонова, *их муж и отец посвятил* [богам].

Разница в чтении вызвана следующими обстоятельствами. В шестой строке после четвертой буквы имеются мелкие повреждения камня, которые помешали С. А. Жебелеву усмотреть после буквы I, т. е. „10“, такую же точку, какая видна и перед этой цифрой. Поэтому он связал с I часть следующей буквы Π, также поврежденной, похожую на букву Γ (вторую палочку буквы Π он не усмотрел), и таким образом установил цифру „13“. М. И. Ростовцев, усмотрев точку за буквой I, в следующем знаке видит Π — сокращение личного имени Поплиос, за которым следует родовое имя Элий, а затем и *signomen militare* Валент.

Сопоставление обоих вариантов чтения и истолкования этих строк и внимательное изучение текста по оригиналу (оба первых издателя располагали только фотографией и эстампажем) приводят меня к следующим замечаниям и выводам.

В шестой строке надо читать „10“, а не „13“, так как после I „10“ стоит точка. В конце седьмой строки последнее слово Ἀπολ является сокращением слова Ἀπολλινάρις; никак нельзя согласиться с тем, что в этом слове пропущены только средние четыре буквы (λινα) и что последние четыре буквы ριας следует усматривать в начале следующей строки, принимая первую букву τ за ρ, ошибкой резчика объяснять появление ριας вместо ριας. Следующее попорченное слово, где на оригинале четко видны буквы α·ξιας, С. А. Жебелев читает αὐτῶν, хотя кроме первой α ни одной из следующих букв (υ, τ, ω, ν) на камне не имеется. Неизвестны также случаи, когда слово при переносе со строки на строку сокращается с выкидкой четырех средних букв (λινα). Чтение и толкование С. А. Жебелевым двух последних строк как „их муж и отец посвятил [богам]“, мне представляется неубедительным. Неубедительны и доводы М. И. Ростовцева, который читает эти строки иначе, а именно таῖς ‘им’, затем ἄξιας переводит „достойным“, исходя из того, что здесь ошибка мастера, вместо ἄξιας вырезавшего ἄξιας. Но М. И. Ростовцев упускает из виду, что между α и ξ получается слишком большой промежуток и что здесь явственно виден низ какой-то буквы с одной палочкой: или I, или P, или T,

или Υ . Мне кажется наиболее вероятным, что здесь была вырезана Γ , и тогда возможна причастная, правда, не вполне грамотно образованная форма от глагола $\acute{\alpha}\iota\sigma\sigma\omega$, 'удаляться', 'убегать', 'отходить'. Аористная форма от $\acute{\alpha}\iota\sigma\sigma\omega$ будет $\acute{\alpha}\lambda\chi\alpha\iota$, и тогда в восьмой строке мы имели бы $\tau\alpha\iota\varsigma \acute{\alpha}\lambda\chi\iota\alpha\iota\varsigma$ (но с передачей второго $\alpha\iota$ в виде ϵ и с лишним ι : после ζ — $\acute{\alpha}\lambda\chi\epsilon\iota\varsigma$), то есть „им, отошедшим (удалившимся)“, что по смыслу мне представляется более подходящим.

Кроме орфографической ошибки, в тексте надписи имеется также грамматическая ошибка, на которую первые издатели не обратили внимания. М. И. Ростовцев почему-то не приводит своего связанного перевода надписи, считая его, повидимому, и без того ясным для специалиста. Об основном глаголе — сказуемом $\acute{\alpha}\nu\epsilon\delta\eta\kappa\epsilon\nu$ он говорит только, что термин этот „вместо обычных $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta\sigma\alpha\nu$ или $\epsilon\pi\omicron\iota\upsilon\eta\sigma\alpha\nu$ попадаетея в греческих надгробных надписях римского времени довольно часто“.¹

Все три приведенных им глагола обозначают „поставил“, „соорудил“, „сделал, выполнил“, и в данном контексте подразумевают сооружение надгробного памятника. А если это так, то в тексте лицо или лица, в память которых сооружается и которым посвящается памятник и надпись, должны быть названы в дательном падеже, как это и бывает обычно в подобных надгробных надписях.² В надписи же Элия Валента имя жены, Элии Максимы, дано в дательном падеже: Αἰλ. Μάξιμη (иота subscripta в эпиграфических надписях не обозначается); слово $\sigma\upsilon\mu\beta\iota\omicron\nu$ 'жену' и имя дочери Ουαλεντῖαν , так же как и причастие $\zeta\eta\sigma\alpha\sigma\alpha\nu$ 'прожившую', даны в винительном падеже, а в заключительной формуле, продолжающей то же построение фразы, мы видим опять дательный падеж в слове $\tau\alpha\iota\varsigma$ 'им' и в $\acute{\alpha}\iota\chi\iota\alpha\iota\varsigma$.

На это странное чередование разных падежей при одном и том же глаголе $\acute{\alpha}\nu\epsilon\delta\eta\kappa\epsilon\nu$ оба первых исследователя внимания не обратили. Возможно, что они имели в виду посвятельные надписи Пальмиры³ III в., где стоящее перед датой в конце $\tau\epsilon\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ сочетается с именами и титулами в винительном падеже. Многочисленные же надгробные надписи I—III вв., найденные в Малой Азии, дают имя и титул умершего в дательном падеже, с $\mu\eta\tau\eta\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ в конце.

Приходится думать, что М. И. Ростовцев мысленно ставил точку после второго $\zeta\eta\sigma\alpha\sigma\alpha\nu$, если во второй части надписи чи-

¹ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 245.

² Не буду приводить многочисленных примеров, напомним только греческую надпись из Анапы: $\alpha\upsilon\tau\eta\sigma\tau\alpha \acute{\alpha}\nu\delta\rho\iota \acute{\alpha}\gamma[\alpha\theta\acute{\omega} \mu\eta\tau\eta\mu\eta\varsigma \chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ 'поставила мужу доблестному памяти ради' (И. Помяловский й. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа, № 57).

³ J. Cantineau. Inventaire des inscriptions de Palmyre. Paris, 1932—1933.

тал в дательном падеже „им, достойным“, но смысл этой первой части надписи был бы тогда совершенно непонятен, потому что с *μνήμης χάριν* оно грамматически не может согласоваться, да и не согласуется.

Не могу согласиться с истолкованием надписи С. А. Жебелевым, который тоже усматривает везде винительный падеж и, добавляя, как и М. И. Ростовцев, N к имени Максимы, в заключительной формуле в слове *ἀνέδθηκεν* привлекает еще одно его значение — „посвятил“, и, таким образом, *αὐτῶν ἀνὴρ καὶ πατὴρ ἀνέδθηκεν* переводит „их муж и отец посвятил [богам]“. Содержание надписи сводится тогда к тому, что Элий Валент свою жену и дочь посвятил богам — толкование, совершенно не оправданное и не имеющее аналогий в надписях.

Как говорилось уже, посвящение богам подземным — *θεοῖς κατὰχθονίοις*, встречается довольно часто в надгробных надписях и обозначает оно, что богам подземным поручается охрана гробницы (стр. 240), но им не посвящаются погребенные. Такое понимание надписи стояло бы в смысловом противоречии с первой строкой — *μνήμης χάριν*. К этому выводу С. А. Жебелева, видимо, привело наличие винительного падежа в женских именах и незамеченный им дательный падеж множественного числа — *ταῖς* в начале предпоследней строки, что и помешало ему перевести *ἀνέδθηκεν* как „соорудил“.

Мне думается, что путаница в падежах является доказательством того, что и заказчик и мастер-резчик плохо или вовсе не владели греческим языком. Тем не менее, Элий Валент, повидимому, по образцу хорошо ему известных надписей латинских, заказал текст греческой надписи, а мастер, может быть, римский легионер, греческим языком не владевший, или армянин, хорошо знавший греческое письмо, применявшееся в Армении, но не разбиравшийся в греческих падежах и согласованиях, вырезал эту надпись.

В латинских надгробных надписях второй половины II в., действительно, текст распадается иногда на два самостоятельных предложения, как, например, в надписи, найденной в некрополе Херсонеса в 1894 г., сопровождавшей надгробный рельеф.¹

Надпись гласит:

D(is) M(anibus)
Aur(elius) Victor mil(es) leg(ionis)
I Ital(icae) vixit an(nis) XXXVI

¹ В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 гг. Материалы по археологии России, № 17. 1895, стр. 17—18. № 16.

mil(itavit) an(nis) XVIII. Val(eria)
 Marcia uxor eius
 et Val(eria) Bessa filia
 heredes b(eatis) m(anibus) p(osuerunt).

‘Богам-манам. Аврелий Виктор, солдат легиона Первого Италийского, прожил 36 лет, служил в войске 18 лет. Валерия Марция, жена его, и Валерия Бесса, дочь, наследники, блаженным манам поставили [соорудили].’

В этой херсонесской надписи *dis manibus* ‘богам подземным’ — формула, соответствующая греческому *θεοῖς καταχθονίαις* ‘богам подземным’, стоит в начале текста, как и в надписи Пакора. Имя и годы жизни умершего приводятся в первой части латинской надписи в именительном падеже и согласуются со сказуемыми „прожил“ и „прослужил“. Во втором предложении говорится, что жена и дочь поставили (*posuerunt*) этот памятник „блаженным манам“.

Воздействие строя латинских надгробных надписей на надписи греческие было отмечено также издателями греческой надписи, найденной в храме Адониса в Дуре-Европос, датируемой началом III в. В этой надписи, между прочим, имеется еще одна деталь, сближающая ее с надписью Валента, а именно обращенные острием вниз листики в конце каждой строки.¹

Заказанный по образцу такой латинской надписи Элием Валентом текст должен был бы выглядеть так:

Αἰλ. Μάξιμα σύμβιος
 ζήσασα ἔτη ·λε·
 καὶ Αἰλ. Οὐαλεντίνα
 θυγάτηρ ζήσασα
 ἔτη ·Ι·
 Π. Αἰλ. Οὐάλης χιλιάρχης
 λεγ·ει· Ἀπολ(ινάριος)
 παῖς αἰξίαις ἀνὴρ καὶ
 πατὴρ ἀνέδηκεν
 μνήμης χάριν

‘Элия Максима, жена, прожившая 35 лет, и Элия Валентина, дочь, прожившая 10 лет. П. Элий Валент хилиарх 15 легиона *Arrollinarius* им, отошедшим, муж и отец соорудил [воздвиг, поставил] памяти ради.’

¹ Excavations at Dura-Europos, Report of 1933—1934 and 1934—1935, № 876. табл. LIII, 1.

Это предположение о зависимости структуры некоторых греческих надписей от надписей латинских подтверждается двуязычной (греческой и латинской) надписью римского времени, найденной в Кустандже: стоящий на втором месте греческий текст, являясь переводом латинского, повторяет его структуру и тоже составлен из двух самостоятельных предложений.¹

Возвращаясь к надписи Валента, полагаю, что, следуя заключительной формуле латинских надписей, С. А. Жебелев, видимо, и добавил в конце последней строки в скобках слово „богам“ и тем лишил весь текст стройности.

По поводу отдельных деталей надписи Валента хочу заметить, что имя *Μαξιμα* известно по малоазийским надгробным надписям этого времени,² а формула *ζησασα* с указанием годов жизни имеется как в надписи царя Пакора (стр. 237), так и в некоторых надписях Малой Азии этого времени.³

В ряде малоазийских надписей тоже встречаются грамматические ошибки, а именно применение винительного падежа вместо дательного.⁴ Это имело место, повидимому, в тех случаях, когда надпись заказывали находившиеся на Востоке римские воины или члены их семей, не владевшие греческим языком, но заказывавшие именно греческие надписи, письмо которых было известно местному населению.

Развернутое историческое истолкование надписи уже дано М. И. Ростовцевым, который, между прочим, указывает и на то, что официальные документы этого времени (строительные надписи, найденные в Валаршапате) писались на латинском языке, а надпись бытового характера, как надпись военного трибуна Элия Валента, вырезана на греческом языке потому, что „ее должны были читать посетители кладбища, если и знавшие какой-либо из общераспространенных языков того времени, то, конечно, только греческий“.⁵

Этому аргументу следует противопоставить другой, более веский, — то, что в этот период и в последующие два века армянам, не имевшим еще своего письма, приходилось пользоваться греческим письмом, то есть греческими буквами, а также и арамейскими (сирийскими), при изложении текста на армянском языке (стр. 99 и сл.); язык же греческий мог быть „распространенным“ только среди верхов общества, как об этом выше говорилось.

¹ Christ. Weickum's *Inscriptionensammlung aus der Türkei*. Sitzungsber. phil.-philol. Cl., 1875, стр. 93.

² *Monumenta Asiae Minoris Antiquae*, t. V, 1937, № 234.

³ Там же, №№ 20 и 201.

⁴ Там же, Appendix, R. 18.

⁵ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 245.

Элий Валент является (по М. И. Ростовцеву) одним из первых командиров оккупационной армии в Армении, а может быть, и Иберии и Албании. Охрана Армении была, видимо, поручена легиону XV *Apollinaris* (и связанным с ним вспомогательным отрядам).

Этот легион и упоминается в надписи, и из состава его, вероятно, и выдвинулся Элий Валент, как и два других командира, упоминаемые в латинских надписях Валаршапата, о которых речь будет ниже.

Особый интерес представляют имена самого Валента, его жены и дочери: *Valens* — *cognomen*, *Aelius* — родовое имя, а *Publius* — *preponen*. Эти имена часто встречаются в списках солдат, получивших римское гражданство при Адриане и принявших его имя (*Publius Aelius*). При Адриане римское войско комплектовалось главным образом из „провинциалов“, как их называет М. И. Ростовцев,¹ который на этом основании полагает, что Элий Валент начал свою службу рядовым при Адриане и только в качестве легионера получил право римского гражданства и мог принять личное имя императора.

Солдаты вспомогательных отрядов получали римское имя по имени офицера, принимавшего их на службу.²

Публий Элий Валент получил римское гражданство не только сам, и новые имена получил не только он, но и его жена и дочь, Элия Максима и Элия Валентина. Был ли Валент римлянином или уроженцем одной из римских провинций — на этот вопрос надпись ответа не дает. Но имеются основания полагать, что если бы Валент был римлянином, то он составил бы надпись, вероятно, на латинском языке, как это имело место в Пальмире, где, как известно, надписи местных жителей высекались обычно на греческом или на сирийском языке, а надписи римлян — на латинском.

Историческое значение этой надписи заключается в том, что она указывает на время поста римского оккупационного войска в Армении и на расквартирование в Армении частей легиона XV *Apollinaris*, а также характеризует социальное происхождение его командного состава в определенные годы. Кроме того, надпись дает представление о распространенности греческого письма в Армении, о степени усвоенности греческого языка римскими командирами и о некотором воздействии определенных формул латинских надписей на греческие надписи II в., находимые в Армении.

¹ М. И. Ростовцев, *ук. соч.*, стр. 216 и примеч. 1.

² W. M. Ramsay and J. G. C. Anderson. *The social basis of Roman power in Asia Minor*. Aberdeen, 1941, стр. 9.

11. ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ЭЧМИАДЗИНЕ В 1907 г.

(Табл. 85)

Найденная в 1907 г. в Эчмиадзине латинская надпись связана с историческими событиями одного из темных, еще мало изученных периодов в истории Армении, а именно с последней четвертью II в. н. э.

Об этом периоде известно только, что в Армении царствовал сначала Соэм (164—185),¹ а после него Санатрук II (185—197), которого иногда смешивают с Санатруком I, правившим после Трдата I (100—110) и упомянутым армянскими историками — Фавстом Бузандом² и Моисеем Хоренским.³

Одни историки правильно различают двух армянских царей, носивших имя Санатрук: один из них правил в самом начале II в., другой — в конце того же II в.;⁴ другие исследователи полагают, что во II в. правил только один Санатрук, между Трдатом I и Ашхадаром, т. е. в 100—110 гг.;⁵ третьи этого одного Санатрука относят к концу II в.⁶

В настоящее время мы о 70—80-х годах II в. в Армении ничего вполне определенного и бесспорного сказать не можем. Наиболее вероятным представляется, что в конце II в. после римского ставленника Соэма (164—185) правил Санатрук II (185—197) и что похвальная характеристика, данная Свидой („он был первым в делах военных, строгим блюстителем правосудия и таким воздержным, как лучшие из греков и римлян“), должна относиться именно к Санатруку II — преемнику Соэма, как это предполагает Г. А. Халатьянц.⁷ Время его правления представляет мирный период во взаимоотношениях Армении с Римом и Парфией, и только в конце его царствования ему пришлось вести борьбу с сарматами, во время которой он и погиб.⁸

На вопрос, к которому из двух Санатруков должен быть отнесен замечательный надгробный памятник, сооруженный царю Санатруку в Ани (Камах — область Даранали), который не смогли разрушить персы в IV в.,⁹ ответить трудно. Открытым также

¹ Соэма, повидимому, можно отождествлять с Тиграном Последним (Моисей Хоренский, кн. II, гл. 64); см. стр. 225 наст. работы.

² Фавст Бузанд, кн. IV, гл. 14 и 24.

³ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 35.

⁴ С. Т. Еремян, в кн.: История СССР, т. I, ч. 1—2, 1939, стр. 367 (макет).

⁵ Я. А. Манандян. О торговле и городах в Армении. Ереван, 1930, стр. 90 и сл.

⁶ Г. А. Халатьянц. Очерк истории Армении. М., 1910, стр. 314—315.

⁷ Там же, стр. 315.

⁸ С. Т. Еремян, в кн.: История СССР, т. I, ч. I—2, стр. 367.

⁹ Фавст Бузанд, кн. IV, гл. 24.

должен остаться вопрос, действительно ли перенес Санатрук II свою резиденцию из Валаршапата, где обосновались римские легионеры, в город Нисибин.¹ Предположение, основанное на свидетельстве Моисея Хоренского, по которому царь Санатрук основал город Мцбин,² т. е. Нисибин, должно отпасть, так как Я. А. Манандян убедительно разъяснил,³ что Моисей Хоренский ошибся, упомянув Мцбин вместо Мдури; последний, по словам Фавста Бузанда, был основан Санатруком.⁴

Принимая во внимание, что этими немногими данными исчерпывается все, что мы знаем об этом периоде, особое значение приобретают найденные в Валаршапате две латинские надписи, которые датируются 175 и 185 годами, то есть тем временем, когда в Армении правили Соэм и Санатрук II, а императорами были Марк Аврелий (161—180) и Коммод (180—192).

Существует предположение, что после 172 г. к Марку Аврелию, находившемуся в стране маркоманов, явилось армянское посольство из тех трех лиц, которые изображены на колонне Марка Аврелия.⁵ Чем могло быть вызвано направление такого посольства от Соэма к берегам Дуная, в страну маркоманов — нам не известно; может быть, парфяне угрожали римскому ставленнику в Армении, а может быть, начинался один из опустошительных набегов аланов или сарматов с севера.

О взаимоотношениях Армении и Рима во второй половине II в. ни западные, ни восточные источники ничего не сообщают, за исключением нескольких строк историка Аппиана (II в.),⁶ который говорит, что над Великой Арменией „римляне не господствуют и не получают дани, но они указывают им царей“.⁷ С. П. Кондратьев в комментариях к выполненному им переводу „Римской истории“ Аппиана указывает, что „если вместо $\delta\epsilon\ \alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$ читать $\delta\prime\ \acute{\epsilon}\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$, как в некоторых рукописях, то перевод будет „но они [армяне] сами себе избирают царей“.⁸ Последнее толкование имело бы особенно большое значение, если бы известно было, какие именно годы имел в виду Аппиан, когда писал, что армяне сами себе избирают царей. В тот период, когда жил Аппиан (до 170 г.)

¹ Г. А. Халатьянц, ук. соч., стр. 314—315.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 35.

³ Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 90.

⁴ Фавст Бузанд, кн. IV, гл. 14.

⁵ A. Domaszewski. Die Marcussäule, стр. 119, табл. 56 и сл. — A. Premerstein. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus. Klio, Bd. XIII, 1913, стр. 94.

⁶ Аппиан умер в 170 г.

⁷ Аппиан, Римская история (Ρωμαϊκῆ), Предисловие, § 2.

⁸ С. П. Кондратьев, ВДИ, 1950, № 2, стр. 264, примеч. 3.

эти слова были бы применимы только к двум годам правления Пакора (163 и 164); остальные армянские цари времени Аппиана (Валарш I и Соэм) являлись римскими ставленниками. Поэтому, как ни интересно толкование, что армяне „сами себе избирали царей“, от него все же следует отказаться, так как Аппиан в общей форме говорит не о двух годах, а о большом отрезке времени, когда римляне „указывали армянам царей“.

Указание Аппиана на то, что римляне не получают дани от армян, должно быть нами учтено как единственное и важное свидетельство, освещающее взаимоотношения Армении и Рима в этот период.

В 1907 г. в Эчмиадзине при вспахивании земли была найдена латинская надпись, высеченная на плите из местного камня (табл. 85).

Плита обнесена рельефным краем, образующим рамку. Размеры плиты: 46×45 см, толщина 10 см; площадь, занимаемая текстом, 37×34,5 см. Ширина рамки вверху 7 см, по сторонам 4—5 см. Высота букв 3—4 см.

Строки отделены друг от друга процарапанными линиями; вверху и внизу текст окаймлен такой же линией. Слова отделены друг от друга точками. В надписи семь строк, причем седьмая строка помещена на нижней рамке. На верхней рамке тоже видны следы каких-то букв. Текст, вырезанный на рамке вверху и внизу, почти совсем стерт. Очертания букв носят курсивный характер.

Надпись гласит:

Imp(eratore) Caes(are) M(arco) Aure(li)o Antoni(no) | Aug(usto) Ger-
m(anico) vex(illationes) le(gionis) XV Ap(o)llinaris) et | XII Ful(mi-
natae) fec(erunt) sub C. Arri(us) (sic!) | Antoninus (sic!) pres(es) (sic!)
p(rovinciae) | Pop(illius) Macri(nus) tr(i)b(unus) c(o)h(ortis) militiae
eq(uitatae) c(ivium) r(omanorum) | et Tit(us) Aur(elius) Varus centurio
l(e)g(ionis) XV Ap(o)llinaris) | prepositi (sic!) . . .

[При] императоре Цезаре Марке Аврелии Антонине Августе Германике вексилляции легионов XV Apollinaris и XII Fulminata соорудили [сие] под (начальством) К. Аррия Антонина, заместника. Попиллий Макрин, трибун конной военной когорты римлян и Тит Аврелий Вар, центурион легиона XV Apollinaris, начальствующие. . . .¹

Надпись эта была издана вскоре после нахождения ее и датирована временем не ранее 173 г. (так как титул Germanicus,

¹ М. И. Ростовцев. Надпись из Эчмиадзина. Изв. Археолог. комисс., вып. 33, 1909, стр. 1—19.

который сопровождает в надписи имя Марка Аврелия, был принят им в 172 г.) и не позднее 175—176 г. (в 176 г. Марк Аврелий принял титул *Sarmaticus*, который в надписи отсутствует).

Упомянутый в надписи Аррий Антонин известен как легат Каппадокии и по ряду других, вне Армении найденных надписей.¹ В период его наместничества вексилляции XV и XII легионов выполняли (*fecerunt*) на территории Валаршапата какую-то строительную работу под руководством трибуна военной конной когорты Попилия Макрина и центуриона XV легиона *Apollinaris*, Тита Аврелия Вара.²

Упомянутые в надписи вексилляции (от *vexillum* 'знамя', 'стандарт') являлись отрядами легионеров, во главе которых стояли *praepositi* 'начальники', 'старшины';³ имена их в последней строке надписи не сохранились.

Так как в тексте надписи предмет постройки не назван, то можно заключить, что плита входила в кладку того сооружения, которое возведено было римлянами. Речь идет, вероятно, о постройке крепостной стены, окружавшей крепость Кайнеполя (Валаршапата), в которой помещался римский гарнизон; как говорилось уже, отсутствие в надписи наименования того, что выполнили (*fecerunt*), свидетельствует именно о строительном характере надписи, помещенной на самом сооружении.

Выше говорилось уже о том, что в 163 г. Мартий Вер перенес столицу Армении в Валаршапат, прозванный римлянами *Καλή πόλις* 'Новый город' (арм. Нор-калак). Это перемещение столицы вызвано было политическими соображениями (стр. 233) и повлекло за собой необходимость постройки крепости для римского гарнизона. К этому делу и было приступлено вскоре после 163 г.

Раскопки, производившиеся в Валаршапате в 1931 г.,⁴ не дали никаких материалов, которые позволили бы судить о плане и размерах этой крепости. Описание римской крепости в колхидском городе Фасисе оставил Арриан, объезжавший по поручению императора Адриана в 134 г. Черноморское побережье. Он сообщает, что крепость, „в которой помещались 400 отборных воинов“, была обнесена стеною и двумя широкими рвами; стена и башни, возведенные на прочном фундаменте, были построены из обожженного кирпича, и на них были поставлены военные машины.⁵

¹ *CIG*, №№ 4168, 4193 (см.: J. Marquart. *Römische Staatsverwaltung*, Bd. I. Leipzig, 1873, стр. 214, примеч. 3).

² Во главе отрядов (вексилляций) в городах Северного Причерноморья также стоял военный трибун (см.: М. И. Ростовцев. *Римские гарнизоны на Таврическом полуострове*. ЖМНП, 1900, март, стр. 146).

³ Ritterling, *Legio*, PWK, стр. 1303.

⁴ Раскопки древнего Валаршапата, Ереван, 1935.

⁵ Арриан, *Перипл*, § 8.

Это описание римской крепости в Колхиде соответствует общему виду развалин римской крепости I—II в. в Крыму — в Ай-Тодоре (Харакс у Птолемея), где стоял отряд I Итальянского легиона.¹ Едва ли стены Валаршапата были построены из кирпича, вероятнее, был применен камень, которым богата Армения; возможно, что и здесь стены были обнесены рвами.

Содержание этой надписи дает нам возможность несколько пополнить наши скудные сведения об этом отрезке времени. В 173—176 гг. в Армении правил Соэм, римский ставленник (о котором более подробно говорилось выше, см. надпись царя Пакора, стр. 225 и сл.), пребывавший в Валаршапате под защитой римского гарнизона и, вероятно, также под его наблюдением. Необходимость содержания в армянской столице отрядов римского войска, несомненно, вызывалась также и причинами внутреннего порядка, то есть неприязнью армянского населения к римскому ставленнику, проводившему политику Рима в Армении. И самая постройка стен была вызвана, вероятно, теми же соображениями, поскольку в стране царил мир и едва ли легат опасался находившегося в Сирии Авидия Кассия, который в 175 г., во время пребывания Марка Аврелия на Дунае, провозгласил себя императором.

Валаршапат в 163 г. был уже центром большого восстания местного населения против римлян (стр. 229 и сл.),¹ вспыхнувшего вскоре после перенесения армянской столицы из Арташата в Валаршапат; в то время едва ли была уже построена крепость и, вероятно, не имелось еще оборонительных стен. Эти события, возможно, и побудили римлян, вскоре после 163 г., приняться за сооружение стены.

Итак, из текста надписи мы узнаем, что при Марке Аврелии в 173—176 гг. в Валаршапате пребывал римский гарнизон, находившийся под командованием легата Каппадокии, Аррия Антонина, что гарнизон этот состоял из отрядов вексиляриев XII и XV легионов, которые в надписи названы *Fulminata* и *Apollinaris*, хотя за верность императору, проявленную во время восстания Авидия Кассия, этим двум легионам в 175 г. были присвоены почетные звания: XII легиону — *Certa constans* 'непоколебимый и верный', а XV — *Pia fidelis* 'преданный и верный'. В Эчмиадзинской надписи эти почетные наименования еще не сопутствуют названию легиона, — повидимому, сообщение о награждении легиона не успело дойти до Армении.

Узнаем также, что непосредственным начальником работавших

¹ М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, стр. 153—158.

на постройке легионеров являлся центурион,¹ находившийся под общим руководством трибуна конной когорты.

Строительные работы эти, должно быть, имели большие размеры, так как в них участвовали не только два легиона, но и вспомогательные войска, поскольку в надписи упомянут трибун вспомогательной когорты, Попиллий Макрин.

У нас нет оснований полагать, что надпись эта сообщает о завершении постройки стены или укрепления, так как, судя по содержанию второй Валаршапатской строительной надписи, стену строили и десять лет спустя, если только речь идет не о восстановлении стены или не о каком-либо другом сооружении.

Надпись эта, особенно если сравнить ее с надписью Корбулона (табл. 80), поражает целым рядом особенностей, свидетельствующих о том, что текст ее составлял лицо не очень грамотное и что высекал ее мастер не очень опытный в этом деле.

Более широкие верхние строки при более узких последних и более тесно поставленные буквы в нижних строках — явление обычное. Менее обычны курсивный характер письма и наличие лигатуры NT (в первой строке) и непринятых сокращений, как LE. и LG вместо LEG[ionis], AURE вместо AUREL, APL вместо APO(L)linaris). Неграмотность сказывается и в неправильном применении падежа: так, после sub 'под начальством' имя Аррия Антонина должно было стоять в творительном падеже, а не в именительном (Arrius Antoninus preses). Орфографическая ошибка имеется в словах preses вместо praeses и prepositi вместо praepositi.

Все эти неточности и грамматические погрешности свидетельствуют о низком уровне грамотности лица, вероятно, центуриона Вара, составлявшего текст, по которому резчик высекал надпись. Резчик также проявил свою неопытность: не рассчитав строк, он поместил седьмую строку на нижнюю рамку. Обращает на себя внимание также буква A, в ряде случаев лишенная поперечной черточки (перекладины) — деталь, наблюдаемая на обеих Эчмиадзинских надписях.

12. ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ЭЧМИАДЗИНЕ В 1863 г.

(Табл. 86)

В Эчмиадзине в 1863 г. была найдена латинская надпись, высеченная на плите из крупнозернистого песчаника. Надпись вырезана на углубленной части, обнесенной рамкой с двумя трапециевидными выступами по сторонам (tabula ansata).

¹ Текст найденной в 1950 г. в Будапеште латинской надписи 235 г. подтверждает, что строительные работы на территории лагеря легиона обычно проводились под начальством центуриона, см.: Я. Силадьи (J. Szilagyí), Acta antiqua, т. I. вып. 1—2. Будапешт, 1951, стр. 200.

Размеры плиты: шир. ок. 2.10 м, выс. 1 м; размеры надписи без рамы 98×65 см; высота букв 4—7 см.

Надпись состоит из восьми строк, не отделенных друг от друга резными линиями, как в Эчмиадзинской надписи 175 г. (стр. 264). Верхние строки и в этой надписи крупнее нижних, причем буквы в последних строках расположены теснее. Слова друг от друга точками не отделены.

Обращает на себя внимание, что во второй строке стерто или выскоблено одно слово — имя императора.

Надпись эта издавалась неоднократно.¹

Надпись гласит:

Imp(eratore) Caes(are) M(arco) Aur(elio) Anto|nino Aug(usto) [Com-
modo] Ger|ma(nico) Sarm(atico) Max(im)o trib(unicia) pot|(estate)
imp(eratore) VII, co(n)s(ulo) IIII, p(atre) p(atriciae) vexill(atio) leg(ionis)
XV Apoll(inaris) sub Caelio Cal|vino leg(ato) Aug(usti) pr(o) pr(ae-
tore) curam|agente Licinio Saturnino trib(un)o|mil(itum) et Aurel(io)
Labrase (centurione) leg(ionis) eiusdem.

При Императоре Цезаре Марке Аврелии Антонине Августе [Коммоде] Германике Сарматике Великом, [облеченном] трибунской властью, [провозглашенном] императором в седьмой раз, консулом в четвертый раз, отце отечества, вексиляции легиона XV Apollinaris под [начальством] Целия Кальвина, легата Августа пропретора, попечениями Лициния Сатурнина, трибуна военного, и Аврелия Лабраса, центуриона того же легиона. . .

Из этой надписи мы узнаем, что римские вексиляции (стр. 265) легиона XV Apollinaris что-то соорудили в Валаршапате при императоре Коммоде, носившем титул Германика, Сарматика и Великого (180—192).

Коммод был провозглашен императором в седьмой раз в 184 г., а консулом в четвертый раз в 185 г., властью трибуна он в это время был облечен в десятый раз, но цифра X после слов tribunicia potestate отсутствует. Таким образом, надпись датируется 185 годом.

¹ И. А. Бартоломей. Две классические надписи, найденные в Закавказском крае в 1863 и 1867 гг. Изв. Географ. общ., Тифлис, 1867. — И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 72, № 140. — Л. Алишан. Айратат, стр. 206. — М. И. Ростовцев. Надпись из Эчмиадзина. Изв. Археолог. комисс., вып. 33, 1909, стр. 5—19. — J. Mohl. Deux textes épigraphiques. Journ. Asiat., VI-me série, t. XIII, 1869, стр. 103. — J. Marquart. Römische Staatsverwaltung, Bd. I. Leipzig, 1873, стр. 213, примеч. 2. — Th. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, B., 1885, стр. 404, примеч. 3. — H. Dessau. Inscriptiones Latinae selectae, 1892, № 394. — Corpus inscriptionum Latinarum, t. III, 1902, № 6052.

В этой надписи упоминаются вексилляции только одного XV легиона, *Arollinaris*, тогда как в 175 г. в работах принимали участие и легионеры легиона XII *Fulminata* (стр. 264 и сл.).

Легат Целий Кальвин в 185 г. был наместником (*legatus Augusti pro praetore*) Каппадокии, как и Аррий Антонин (*praeses provinciae*), занимавший эту должность в 175 г. (стр. 264). Непосредственным руководителем работ и здесь являлся центурион „того же легиона“ Аврелий Лабрас, находившийся под командованием трибуна Лициния Сатурнина.

Эта надпись, высеченная через десять лет после Эчмиадзинской надписи 175 г., ничего существенно нового нам не дает. Из текста ее мы узнаем, что в 185 г. постройка стен Валаршапата еще продолжалась, но во второй надписи речь может идти и о сооружении башни или о восстановлении участка стен, или о возведении какой-либо иной, имевшей военное значение постройки.

Узнаем мы также, что и в 185 г. в Валаршапате стоял отряд XV легиона, состоявший, как полагают, из тысячи человек, так как командовал отрядом трибун.

При Марке Аврелии во главе римского гарнизона в Валаршапате стоял трибун когорты, а при Коммодe — военный трибун легиона. Мы узнаем, что римская оккупация, зафиксированная надписью Элия Валента (стр. 253 и сл.), продолжалась и в 175 и в 185 гг.

Имя императора Коммода было стерто, очевидно, в 193 г., когда до Армении дошла весть о том, что он был убит, и о постановлении римского сената предать память о нем забвению.

Отсутствие в надписи 175 г. почетных названий, которые XII и XV легионы получили в 175 г. от Марка Аврелия, вполне естественно, так как текст ее был вырезан в том же 175 г. Но почетное наименование XV легиона — „*Pia fidelis*“ — отсутствует и в тексте надписи 185 г., что уже менее понятно.

XV легион из состава Каппадокийской армии был, видимо, прикреплен к Армении: он стоял в Валаршапате при Марке Аврелии уже в 165 г., судя по греческой надписи трибуна Элия Валента, и в 175 г., судя по Валаршапатской надписи, и в 185 г. при Коммодe, и, повидимому, в 193 г., когда был убит Коммод и когда его имя в надписях уничтожалось.

Дело в том, что в Валаршапате в 193 г. имя Коммода было сбито, вероятно, римлянами, получившими этот приказ. Если бы в 193 г. римского гарнизона в Армении уже не было, то едва ли армяне были бы озабочены проведением постановления римского сената о предании забвению имени Коммода (в отношении Армении Коммод был нисколько не хуже других римских императоров).

Итак, мы видим, что обе латинские надписи, как и греческая надпись трибуна Валента, дают нам возможность говорить о том, что римские оккупационные войска стояли в Армении начиная с 163 г. и вплоть до 193 г., то есть, во всяком случае, 30 лет, охраняя в Армении интересы Рима, а также римского ставленника на армянском престоле.

Мы видим также, что римские легионы длительно занимаются в Валаршапате строительными работами, вероятнее всего, сооружением оборонительных стен, наблюдением за их сохранностью и, в случае надобности, за их восстановлением.

И в этой надписи также имеются стилистические и грамматические погрешности, но в меньшей степени, чем в надписи, которую высекали в 175 г. при центурионе Варе. Центурион Лабрас, судя по его имени, не был римлянином, и этим могут быть объяснены допущенные им ошибки. Так, в титулатуре Коммода слово „Август“ должно стоять после имени (Коммод) императора; необычно сокращение *Germa* вместо *Germa* во 2—3-ей строке, объясняющееся, может быть, тем, что после переноса этого слова со второй строки (*Ger*) могло показаться неудобным переносить только одну букву *M*, и прибавлена была поэтому буква *A*; пропущена цифра *X* после слов *tribunicia potestate*. И в этой надписи буква *A* изображается без поперечной перекаладины; буква *V* и тут начертана довольно крупно и занимает много места, но она не так округла внизу, как в надписи 175 г.

Все эти особенности Эчмиадзинских надписей наблюдаются и на ряде других латинских надписей, высекавшихся местными силами в оккупированных римлянами городах и районах.

В надписи 213 г., найденной в Дура-Европос (перед входом на арену амфитеатра), вырезанной также на *tabula ansata*, после упоминания императора Каракаллы и его матери сообщается, что вексиллярии легионов IV *Scythica* и III *Cyrenaica* построили амфитеатр под наблюдением (*sub cur[a]*) центуриона.¹ В этой надписи для нас интересны следующие детали, кроме общего ее вида и общего характера текста: „высокие, узкие провинциальные“² очертания букв, и упоминание центуриона, возглавлявшего строительные работы. Все эти детали дают возможность сопоставлять Эчмиадзинские надписи с надписью в Дура-Европос, не только отдаленной по месту, но и отдаленной от них 28 годами. Очертания букв и грамматические ошибки говорят о том, что и тут надписи составляли и вырезали лица, плохо знавшие латинский язык.

¹ Excavations at Dura-Europos, Report of 1932—1933, стр. 77—78, № 630.

² Там же, стр. 77.

13. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В АПАРАНЕ В 1908 г.

(Табл. 87 и рис. 37)

В 1908 г. Гарегином Овсепяном в селении Апаран (на восточном склоне горы Арагац) была обнаружена греческая надпись, высеченная на одной из сторон четырехгранного столба из черного базальта¹ (табл. 87). Камень стоял во дворе одного из домов,² куда, по словам местных жителей, он был перенесен из развалин находящейся около селения крепости. В настоящее время камень хранится в Государственном Историческом музее Академии наук Армянской ССР.

Надпись издана в 1911 г. М. И. Ростовцевым (по фотографиям и эстампажам).³

Размеры камня: выс. 70 см, шир. 45 см, глуб. 70 см.

Камень сильно пострадал: отсутствует низ столба, в верхней части справа сбит угол, а слева выломан кусок (сверху и до начала надписи), оббиты обе лицевые грани по сторонам плиты; поверхность камня вообще попорчена, покрыта мелкими выбоинами, что приводит к искажению очертаний ряда букв.

Н. Н. Тихонов, совместно с Г. Овсепяном видевший камень в Апаране на месте его обнаружения — во дворе, полагал, что надпись „не имеет ни начала, ни конца и, судя по размещению строк, есть остаток [средняя часть] длинной надписи“;⁴ он не усмотрел начала надписи, которая начинается с имени царя и занимает главным образом нижнюю часть камня. Чем было вызвано такое размещение надписи — сказать трудно: может быть, ее высекали, когда камень входил в кладку стены и верхняя часть его была во что-нибудь встроена, или же, высекая ее на месте — в кладке, начали вырезать верхнюю строчку текста с расчетом, чтобы она была на уровне глаза. Но другое предположение Н. Н. Тихонова, что конец надписи не сохранился, не лишено оснований, как это будет дальше показано.

Высота букв в верхней строке 4 см, в нижних 3.5—3 см. Строки идут не строго по прямой линии: верхние из них имеют некоторый наклон вправо. В четырех первых строках более крупные буквы расставлены свободно, а в трех последующих меньшие по размеру буквы стоят плотнее друг к другу (рис. 37).

В первой строке, которая, как и вторая строка, вырезана более крупными буквами, четко читается Τριδάτι[ς] ; конечная

¹ Судя по круглой ямке в боковой грани, камень впоследствии был использован как обычная армянская каменная ступа.

² Зап. Вост. отделен. Русск. Археол. общ. т. XIX, стр. 068.

³ М. И. Ростовцев. Апаранская надпись царя Тиридата. Анийская серия, № 6, СПб., 1911.

⁴ Архив Акад. Наук СССР, ф. № 800. Е. 463, стр. 25.

сигма сбита, как и конечные одна-две буквы всех последующих строк, исчезнувших из-за сбитости обеих боковых граней лицевой стороны плиты.

Во второй строке первая буква, вероятно „ο“, сбита, затем крупно высечено слово μέγας 'великий', за которым читается μεγάλη.. 'великой'; следующие две буквы стерты, причем последняя из них могла быть помещена и вначале третьей строки. В третьей строке читается Ἀρμενίας 'Армении' (в родительном падеже) и затем видны очертания букв βα (частично); следующая за тем буква σ сбита.

Рис. 37. Греческая надпись. Апаран.

В четвертой строке следует продолжение начинающегося в третьей строке слова, а именно буква ι (не сохранившаяся), а затем λευς, то есть вторая половина слова βασιλεύς.

Этим словом заканчивается титулатура Тиридата: Τηριδάτης ὁ μέγας Μεγάλης Ἀρμενίας βασιλεύς, за которой следует сказуемое ἔδωκεν 'даровал' (аорист от δίδωμι), с орфографической ошибкой — ο вместо ω. Эта последняя деталь может объясняться тем, что текст

высекал местный мастер, недостаточно усвоивший греческое правописание или не различавший на слух долготу гласных, как в армянском.

В четвертой строке после слова ἔδωκεν должно следовать имя одаренного, в дательном падеже. Первые две буквы этого имени могли бы уместиться в четвертой строке после ἔδωκεν, но камень в этом месте сбит. В пятой строке должно было читаться продолжение этого имени или имя целиком. М. И. Ростовцев предположительно восстанавливал это имя как Γευτζύνη и целиком помещал его в пятой строке.

Камень здесь сильно поврежден, четко видны только три последние буквы νη в середине строки, начальные же буквы восстановить с уверенностью не удастся. Чтение на первом месте Γ мне кажется сомнительным: сохранившиеся тут очертания

кажутся более подходящими для τ или для ζ, причем более вероятно второе.

Что же касается имени Γεντζύνη, то оно, насколько мне известно, нигде не засвидетельствовано.

После этого, не поддающегося полному чтению, имени хорошо видны буквы γυγ, за ними поверхность попорчена, но могли бы уместиться две буквы; в следующей, шестой строке вырезаны плохо видное ν и четкие буквы ιη, что дало основание первому издателю восстановить родовое имя одаренного лица как Γεντ{ου}-νιη, в дательном падеже.

После этого родового имени в той же строке читаются буквы ροδομιτρ..., дающие имя отца одаренного, очевидно, в родительном падеже; падежное окончание в конце строки, вероятно, буквы ου, сбиты. М. И. Ростовцев читал это имя как Ροδομίστου, но допускал и возможность чтения Ροδομίθρου. Внимательное рассмотрение четырех различных снимков, снятых при разном освещении, не оставляет сомнения, что после буквы ι вырезаны θρ.¹

В седьмой строке мы вправе ожидать требуемое смыслом слово „сыну“ (Родомитра), и действительно, после первой попорченной буквы (υ) видны буквы ιω, и, таким образом, читается υιω.

Далее хорошо читается εις, а за ним слово αρτα, конец которого сбит; после второго α можно усмотреть очертания или σ, или, быть может, ρ.

В начале восьмой строки первая буква стерта, а затем идут два четко читаемых слова — πόλιν Νίγη 'город Ниг (или Ниге)' — предмет пожалования.

В последней, девятой строке, нижняя половина которой сбита, можно усмотреть буквы εβραρις, затем идут верхние концы еще каких-то букв — несколько черточек, но определить их не удается.

Таким образом, сохранившаяся часть надписи может быть прочитана следующим образом (сомнительна правильность определения личного имени одаренного лица):

Τιριδάτης | ὁ μέγας Μεγάλης | Ἀρμενίας βασι|λεύς ἔδωκεν |
 Γυντονίη, Ροδομίθρου | υιῶ εἰς ἀρτασ... | α πόλιν Νίγη... | εβραρις...

‘Тиридат Великий Великой Армении царь пожаловал... [из рода] Гнтуни сыну Родомитра на кормление [?] город Ниг. . февраля...’

На вопрос, к какому времени может быть отнесена эта надпись, отвечают в известной мере имя царя Трдата и его титулатура, указывающие на период от I и до IV в., т. е. на правление или Трдата I (66 — ок. 100), или Трдата II (217—222), или же Трдата III (287—330). Апаранскую надпись, следовательно, надо сопоставлять, с одной стороны, с датированной 77 годом

н. э. надписью Трдата I, найденной в Гарни (стр. 174 и сл.), и, с другой стороны, с надписью IV в., высеченной на камнях стены Тигранакерта (стр. 283 и сл.).

Начнем с позднейшей даты. Для надписей Тигранакерта (IV в.) и многочисленных надписей конца III и IV вв., найденных в различных частях Малой Азии и северной Сирии, характерно применение лигатур и сокращений (S вместо $\chi\alpha\iota$, δ вместо $\sigma\upsilon$), а также определенные очертания букв.

В Апаранской надписи лигатуры и сокращения полностью отсутствуют, и буквы ее общим своим обликом отличаются от букв Тигранакертской надписи. Таким образом, возможность отнесения Апаранской надписи ко времени Трдата III должна отпасть.

Сопоставление Апаранской надписи с Гарнийской I в. н. э. приводит к следующим наблюдениям: совпадают как неровность строк, так и расположение и пропорции букв, а также очертания знаков μ (округлость средней части), ω (наружные палочки почти прямые, а средняя доходит до верха), α (правая палочка поднимается над левой), π (перекладина вытянута влево).

Только две буквы отличаются от соответственных знаков Гарнийской надписи, а именно — τ (перекладина буквы в Апаранской надписи вытянута влево) и ν (правая палочка в Апаранской надписи вытянута вверх). Все эти палеографические детали имеют мало значения, но, тем не менее, на них следует обратить внимание, потому что они говорят о большой близости в начертании обеих надписей.

Хотя мастера Апарана с мастерами Дура-Европос не встречались, тем не менее, один и тот же характер начертаний наблюдается в определенные периоды как в Малой Азии, так и в Сирии и в Армении. Среди большого количества греческих надписей в Дура-Европос к Апаранской надписи ближе всего письмо надписей, датированных II веком и первым десятилетием III в. К этой группе относится надпись в святилище пальмирских богов — посвящение Зевсу солдата легиона IV Scythica (времени Каракаллы)¹, и затем надпись (краской) — посвящение жрецу Аполлона;² судя по именам дарителей, это надписи времени Каракаллы, во всяком случае позже 212 г., когда был издан его эдикт, по которому право римского гражданства было распространено почти на все свободное население. К этой же группе относится двуязычная (греческая

¹ Excavations at Dura-Europos, Report of 1930—1931, стр. 68, № 168, табл. XV, I.

² Там же, Report of 1933—1934 and 1934—1935, стр. 172, № 876, табл. III, I.

и пальмирская) надпись, датированная 228—229 годом.¹ Общий характер письма этих надписей начала III в. более близок к надписям I в.²

Вопрос о датировке Апаранской надписи второй половиной I в. или началом III в. мог бы быть решен на основании содержания надписи, если бы в ней имелись определенные показатели. Предварительно следует поставить вопрос, к каким выводам приходит на основании палеографических данных первый издатель надписи.

Первое, что поражает в его наблюдениях, — это его утверждение о сходстве букв Апаранской и Тигранакертской надписей, тогда как на деле мы там видим: вместо дифтонга *ou* знак, δ , затем чередование округлого и прямого ϵ , ω иного вида, вместо союза *xi* знак **S**, овальное σ вместо круглого и, наконец, большое количество лигатур, как **HE** ($\chi\mu\epsilon$), **NN** ($\nu\eta\nu$) и др., не говоря уже о том, что все буквы по сравнению с Апаранской надписью отличаются очень вытянутыми пропорциями.

Тем не менее, у М. И. Ростовцева читаем: „В поздней надписи из Тигранакерта (Lehmann-Haupt, *Klio*, VIII, 1908, 497 сл.) формы букв те же, что у нас“.³ Получается впечатление, что либо он не видел фотографии Тигранакертской надписи, изданной в статье Леман-Хаупта, на которую он ссылается, либо невнимательно отнесся к палеографическим особенностям Апаранской надписи, что было бы трудно допустить, так как одновременно он совершенно правильно устанавливает, что форма букв ряда надписей из Малой Армении, северной Сирии, Армении и Каппадокии отличается „теми же характерными особенностями приближающегося к курсиву устава“.⁴ Далее он указывает, что „в надписи из Коммагены конца II—начала III в. мы имеем те же буквы, что у нас“ (в Апаранской надписи) и приходит к выводу: „общее впечатление говорит за вторую половину III в.“. Но, в конечном итоге, Апаранская надпись им датируется последними годами III—началом IV в. (298 или 308 г.), исходя из содержания и даты, якобы имеющейся в самой надписи.

Датой — годом, усмотренным В. В. Латышевым, являются те несколько черточек после $]\epsilon\beta\rho\alpha\rho\iota\varsigma$, в которых Латышев видит К (20) или I (10) и X (600), т. е. 620 или 610 г., что по Селевкидской эре дает или 298, или 308 г., — годы царствования Трдата III.

¹ Excavations at Dura-Europos, Report of 1928, стр. 62 сл., рис. 25.

² Малочисленность доступных для изучения памятников делает преждевременным рассуждение о причинах разрыва в палеографии между III и IV вв.

³ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 14.

⁴ Там же, стр. 14—15.

Мне думается, что чтение этих черточек, выветрившихся, еле видных, действительно „слишком проблематично“, чтобы стоило на основании их приходиться к заключению о датировке определенным годом. Возможность датировки надписи на основании этих трех черточек, по-моему, должна быть полностью откинута.

Перехожу к содержанию надписи, которая во второй своей части представляет много трудностей. М. И. Ростовцев восполняет и читает ее следующим образом: Τηριδάτης ὁ μέγας Μεγάλης Ἀρμενίας βα[σι]λεύς ἔδοκεν (sic!) Γε·τζύνη(?) Γυν[ου]νίτη Ῥοδομίσ[του] [ύ]ψ̄ εἰς ἀρτα[··]. α πόλιν Νίγη[ν] [[Φ]εβράριος [χγ].

Дословного перевода текста он не дает, а ограничивается пересказом содержания, как он это делает и в случае с текстом надписи военного трибуна Валента (стр. 257 и сл.), хотя там четко читается каждое слово. Этот пересказ содержания Апаранской надписи гласит: „Тиридат Великий, царь Армении подарил такому-то [имя рек] из рода Гнтуни, сыну такого-то, город и область Ниг, после чего следовала дата [Февраль месяц и, очевидно, год]“.¹ Слова εἰς ἀρτασ... в этом пересказе не нашли отражения.

Титулатуру Τηριδάτης ὁ μέγας Μεγάλης Ἀρμενίας βασιλεύς Ῥοδάτ Великий, Великой Армении царь носили, повидимому, все армянские цари Аршакиды, так как кроме случаев, относящихся к IV в.,² этой титулатурой начинается также надпись Трдата I, найденная в 1945 г. в Гарни, датированная 77 годом, с той только разницей, что вместо βασιλεύς первый Аршакид применяет к себе здесь термин ἀνάκτωρ, если правильно мое восстановление.

Особый интерес в этой надписи представляет родовое имя Гнтуни. У Моисея Хоренского³ сообщается, что при устройении своего государства царь Валаршак „прежде всего устанавливает все то, что относится к его особе и дому. И начинает он с головы своей и короны“. Дальше идет рассказ о том, что роду Багарата он жалует право „возлагать корону на голову царя“, а затем „[назначает] мужей, имеющих надевать ему рукавицы: род их называет Гнтуни“.

Исходя из этого сообщения, М. И. Ростовцев принимает толкование, предложенное ему Я. И. Смирновым,⁴ и „загадочные

¹ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 8.

² Там же, стр. 16: надпись царя Пакора, затем титул Трдата III у Агафангела (§§ 21 и 57) и титулатура Аршака II у Моисея Хоренского (кн. III, гл. 23).

³ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 7.

⁴ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 19 и сл.

слова " *εις ἀρτά...* " (в седьмой и восьмой строках) читает *εις ἀρτάρια* "на сапоги" и полагает, что надпись подтверждала пожалование царем представителю рода Гнтуни определенной области „со специальным поручением заботиться об обуви царя“, как другим, по словам Моисея Хоренского, поручались забота об *ὄχоте*, о конюшне, управление домом, забота о винах и т. д.

Это предположение Я. И. Смирнова основано как на сообщении Моисея Хоренского, так и на древнеперсидском,¹ а потом, вероятно, и аршакидском обычае — раздавать области, доходы с которых должны были идти на обслуживание той или иной части дворцового, царского обихода. М. И. Ростовцев неудачно сравнивает этот обычай с литургией² — институтом, который, повидимому, уже с I в. носил в Армении определенный характер, как это можно заключить на основании текста Гарнийской надписи в моем истолковании.³

Так как Моисей Хоренский говорит о „рукавицах“, то вполне естественно было бы предположение, что другим представителям рода Гнтуни был дарован во владение определенный округ, с обязательством поставлять подобающую обувь царю и его окружению. Эти соображения Я. И. Смирнова заслуживают полного внимания, хотя на данном уровне наших знаний эта остроумная „догадка“ продолжает оставаться только предположением, поскольку термин *ἀρτάρια* засвидетельствован только один раз у Свида, для его времени (ок. 1000 г.).⁴

Стремление Я. И. Смирнова видеть в слове *ἀρτά...* нарицательное имя вполне основательно. Но если даже принять чтение *ἀρτάρια*, то не следует держаться имеющихся данных о предоставлении царицам или иным лицам земельных угодий „на сапоги“ и пр. Дело в том, что пожалование роду Гнтуни права „надевать рукавицы на царя“⁵ во время его поставления на царство было привилегией, а не повинностью, так же как и возлагание на царя диадемы было привилегией рода Багратуни.⁶

Поэтому, если оставаться при чтении *ἀρτάρια*, то лучше принять вполне убедительное толкование, предложенное Б. Н. Аракелянном в связи с древнеармянским термином *կաշկ* — „кошник“ (точ-

¹ В тексте М. И. Ростовцева приводятся соответствующие ссылки на Геродота, Ксенофонта, Диодора, Страбона, Плутарха и Афиня (ук. соч., стр. 20—24).

² М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 23.

³ См. стр. 183—184 настоящей работы.

⁴ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 20, примеч.

⁵ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 7.

⁶ Там же.

нее — кавшик), означаящим „обувь“, „сапоги“. ¹ Ссылаясь на Г. А. Капанцяна, отмечавшего, что этим термином определялось в древней Армении понятие „дар“, „подарок“, „пожалование“, ² Б. Н. Аракелян в подтверждение приводит и объяснение А. А. Ачаряна, сопоставляющего слово „кошик“ в значении подарка с русскими выражениями „на сапожки“, „на чай“. Но Б. Н. Аракелян усматривает в слове *koşik* социальный термин феодального общества с более уточненным значением.

Подвергнув анализу те три случая, когда этот термин встречается в древних литературных армянских памятниках, а именно два раза у Фавста Бузанда и один раз в библии, Б. Н. Аракелян подчеркивает связь этого термина со словом „кашар“ ‚взятка‘, подкуп и предлагает именно это слово „кашик“ считать армянским соответствием греческого *ἀρτάρια* в Апаранской надписи.

Толкуя слово „кошик“ как социальный термин, Б. Н. Аракелян приходит к выводу, что в то время, к которому относится Апаранская надпись, слово это применялось в более широком значении — подарка, дара, а позднее, когда писал Фавст Бузанд и когда переводилась библия на армянский язык — в V в., слово приобрело более узкое, специальное значение, а именно регламентированного, узаконенного подношения вассала сюзерену. А в связи с этим, Б. Н. Аракелян предлагает совершенно отбросить обоснование М. И. Ростовцевым его понимания слова *ἀρτάρια*.

Мне кажется, что следует отказаться не только от толкования *ἀρτάρια* в работе М. И. Ростовцева, но и от его экскурса, объясняющего, со ссылкой на Н. Я. Марра, чтение *ἀρτασ...*

Но, отбрасывая объяснение чтения *ἀρτασ...*, я не считаю возможным отбросить и само чтение сохранившихся на камне букв; на том месте, где в слове *ἀρτάρια* читали второе ρ, действительно, по сохранившимся очертаниям мы имеем скорее σ, чем ρ. Если подтвердится чтение *ἀρτάρια*, то надлежало бы принять предложенное Б. Н. Аракеляном толкование как вполне обоснованное, а именно, что в Апаранской надписи мы имеем дело с неумелым переводом на греческий язык армянского „кошик“, обозначающего не только обувь, но и почетный „дар за услугу“, ³ через греческое слово *ἀρτάρια*, обозначающее только обувь.

¹ Б. Н. Аракелян. Слово *կօշիկ* — социальный термин. Изв. Арм. фил. АН СССР, 1941, № 3, стр. 75—79. — Так как статья Б. Н. Аракеяна издана только на армянском языке, позволю себе остановиться подробнее на этом вопросе и привести то обоснование, которое он дает.

² Б. Н. Аракелян, ук. соч., стр. 75.

³ Отмечу попутно, что неподалеку от границы области Ниг, на южных склонах Арагаца, в древности существовало населенное место, Куаш, уже

Если же принять чтение $\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma\dots$, то такому чтению я могла бы предложить только нижеследующее истолкование.

Одним из наиболее вероятных по контексту значений этих букв — $\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma\dots$ было бы указание на то, что этот „город“ и соответственные земли, пожалованные князю царем, быть может, и в награду за какие-то определенные заслуги, а может быть, и в поощрение будущих услуг, предназначались для обеспечения содержания этого князя. Известно, что этого вида обеспечение в древней Армении определялось термином $\eta\sigma\pi\rho\iota\sigma\eta$ „дарман“ и $\rho\epsilon\sigma\eta$ „рочик“. „Рочик“ сначала означал „однодневный продовольственный паек“, а потом просто „продовольствие для войска“.

Если взять первоначальное значение этого слова, то соответствием ему в греческом, для перевода этого термина на греческий язык, являлось бы $\sigma\iota\tau\eta\rho\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\nu$, буквально означающее „дневной хлебный паек“, а затем „суточное пищевое довольствие“ — слово, производное от $\sigma\iota\tau\omicron\varsigma$, $\sigma\iota\tau\eta\rho\acute{o}\varsigma$ 'хлеб', 'хлебный'. Слово это по звучанию и написанию к нашей надписи не подходит, но мне кажется, если мы примем слово $\sigma\iota\tau\omicron\varsigma$ в его более древнем и узком значении „хлеб“, а не вообще пища, то мы вправе взять другое греческое слово, означающее хлеб ($\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$), и от него образовать сложное слово по образцу $\sigma\iota\tau\eta\rho\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\nu$ — слово, которое было бы образовано от $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$ и неопределенного наклонения $\acute{\alpha}\sigma\alpha\iota$ от $\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\upsilon\alpha\iota$ 'кормить'.

В пользу такого предположения, а именно построения слова $\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma\dots$, мне кажется, можно сослаться и на то, что при переводе в Армении армянского термина на греческий язык слово $\sigma\iota\tau\omicron\varsigma$ вообще легко могло быть заменено любым другим греческим словом, которое бы означало „хлеб“, а тем более учитывая, что в армянском языке есть слово, совершенно созвучное и по смыслу близкое, а именно $\sigma\pi\eta$ — „арт“ 'нива', 'засеянное хлебным злаком или кормовыми травами поле'. Поэтому при возможности выбора между двумя греческими словами, означающими „хлеб“, могли отдать предпочтение слову $\acute{\alpha}\rho\tau\omicron\varsigma$, а не слову $\sigma\iota\tau\omicron\varsigma$, и написать вместо $\sigma\iota\tau\eta\rho\epsilon\iota\sigma\iota\omicron\nu$ — $\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma\dots$ (окончание не ясно).

В таком случае это место надписи означало бы, что город $\text{N}\acute{\iota}\gamma\eta$ и его округ даны князю Гнтуни „на кормление“.

Что касается предмета пожалования роду Гнтуни, а именно города Ниг или Нига — $\rho\acute{o}\lambda\iota\nu \text{N}\acute{\iota}\gamma\eta\nu$, то это название в связи с нахождением этой надписи именно в Апаране особенно интересно. Дело в том, что под $\text{N}\acute{\iota}\gamma\eta$ следует понимать область или округ Ниг.

в X в. (как мне сообщил И. А. Орбели), да и теперь носящее название $\text{Kaw}\acute{s}$ — позднее произношение Кош.

Независимо от необычной постановки πόλις перед собственным именем, должна отметить, что, быть может, в этом выражении отразилось явление, привлекающее к себе, по другому поводу, внимание мхитариста Л. Алишана.¹ Говоря об области или округе Ниг, Алишан отмечает, что в наименовании многих десятков (по его подсчету — 200) округов древней Армении только три, и в том числе Ниг, обычно упоминаются в форме Нга-тун, хотя „тун“, как известно, означает вообще „дом“: дом в значении рода и дом в значении области, домена. И сейчас при чтении Апаранской надписи возникает мысль, не есть ли выражение πόλις Νίγη — передача армянского Нга-тун.

Ниг или Нига являлся одним из 20 округов, составлявших область Айратат — домен Аршакидов;² этот округ находился к востоку от горы Арагац, а Апаран составлял его западную половину.

Исходя из того обстоятельства, что при пожаловании обычно имелись в виду не только определенная область или округ, но и город или населенное место, М. И. Ростовцев высказывает предположение, что и в данном случае имелась в виду, кроме города, еще и область Ниг, „названная в надписи, вероятно, не просто Ниге, а Νιγη(νόν), т. е. πεδῖον, или Νιγη(νήν), т. е. χώραν, что у Страбона, например, вполне обычно“.³

Наиболее осмысленным мне представляется относить πόλις к слову Νιγη(νήν) и читать „город Ниг“ (или Нигена — в греческой форме), не останавливаясь, как М. И. Ростовцев, перед тем, что Ниг должен был быть не городом, а только „поселением, настолько неважным, что имя его не сохранила нам наша географическая литература“.⁴ Наша географическая литература не сохранила нам, вероятно, не один десяток названий городов и городков, заслуживавших названия πόλις.

Мне представляется, что личное имя представителя рода Гнтуни — Γε-τζύνη (в чтении Ростовцева) восстанавливать в этом искаженном виде не следует, даже ставя около него вопросительный знак; в последней строке в трех косых черточках среди выбоинок усматривать цифры и указание на определенный год тоже не следует; нет у меня также полной уверенности, что следует читать εβράρις 'февраль', так как у нас нет оснований видеть в этой, девятой строчке конец надписи. Само расположение строк на плоскости камня-столба — не вверх, а отступя от верхнего

¹ Л. Алишан, ук. соч., стр. 248.

² География, изд. К. П. Патканова, СПб., 1877, стр. 53 (№ 15).

³ М. И. Ростовцев, ук. соч., стр. 12.

⁴ Там же, стр. 13.

края почти на одну треть высоты столба — создает впечатление, что надпись внизу могла еще продолжаться, что перед нами только верхняя ее часть. От букв $\epsilon\zeta\rho\rho\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ мы четко видим только верхние их половины, которые, быть может, должны читаться иначе (например, буквы Е, В и второе Р).

Но что касается самого употребления римского названия месса $\Phi\epsilon\zeta\rho\rho\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ в первые века н. э., то оно сомнений вызывать не может, будучи засвидетельствовано у Плутарха¹ (II в. н. э.), а в качестве прилагательного $\phi\epsilon\zeta\rho\rho\acute{\alpha}\rho\iota\circ\varsigma$ — уже в I в. н. э. у Иосифа Флавия.²

На вопросе о центре области Ниг останавливается в своем труде, посвященном Касахской базилике, и А. А. Саинян. На основании упоминания поселения Нга-тун 'дом Нига' во фрагменте рукописи, недавно обнаруженном в Матенадаране — Государственном хранилище древних армянских рукописей, — он полагает, что „не Апаран, а именно этот «Нга-тун» и был в свое время центром области Ниг“. На основании ряда фактов и этимологии названия „Апаран“ — „апаранк“ 'дворец' А. А. Саинян полагает, что „Апаран был в свое время одной из летних резиденций Аршакидов“.³ Но остается неясным, насколько прав А. А. Саинян, различая как будто два центра — Нга-тун и Апаран, из которых первый еще не локализован.

В этой работе А. А. Саинян датирует Апаранскую надпись концом III или началом IV в. и говорит о том, что „название города, переданного нахарарам Гнтуни вместе с областью Ниг, по сегодняшний день не расшифровано“, тут, очевидно, высказывается предположение, что в слове $\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\varsigma$... надо видеть наименование определенного города, который вместе с областью Ниг „в конце III или в начале IV в. нашей эры был выделен из удельных владений царского дома с передачей в дар нахарарскому дому Гнтуни“.⁴

Н. Г. Адонц, писавший, что „верховья реки Касах составляли Ниг, ныне Апаран“,⁵ с ссылкой на Алишана указывает, что „в Апаране, на берегу реки Касах в развалинах одной древней церкви была открыта надпись некоего Григора, князя Гнтуни, на основании которой Апаран, древний Ниг, следует признать родовым владением нахарарства Гнтуни“.⁶ Об этой надписи XI в. говорится и у М. И. Ростовцева.

¹ Софоклис, ук. словарь, стр. 1136.

² Иосиф Флавий. Иудейские древности, кн. XIII, гл. 9, 2.

³ А. А. Саинян. Касахская базилика. Ереван, 1951, стр. 7—8. (Автореферат).

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Н. Г. Адонц, ук. соч., стр. 302.

⁶ Там же, стр. 303; см.: А. Алишан, Айратат, стр. 248.

Возвращаясь к вопросу о датировке надписи. Первый издатель ее, как говорилось, колебался между I в. и 298 или 308 годами, но в конце концов склонился все же к последней дате. Однако палеографические данные не позволяют принять эту дату, да и содержание надписи направляет наше внимание ко времени Трдата I или Трдата II.

При Трдате I, несомненно, имело место упорядочение государства в смысле наведения порядка и в административном и в военном управлении, в чем Армения нуждалась, принимая во внимание, что первая половина I в. да и 50—65 гг. были ознаменованы непрерывными войнами и с Римом, и с северными кочевниками, и с иберами. И действительно, мы знаем, что при Трдате I Армения была разделена на 120 военно-административных единиц, по Плинию, „стратегий“ (стр. 201 и сл.), но была ли тогда произведена и раздача отдельных областей — нам не известно.

Если же отождествлять Валаршака и Трдата I,¹ полагая, что в народной памяти эти образы слились воедино и что у Моисея Хоренского главы о Валаршаке повествуют о деяниях Трдата I, — тогда, действительно, с его именем связан рассказ о раздаче им областей представителям крупнейших родов, которые взамен обслуживали нужды царского двора.²

Но поскольку, в связи с процессом сложения в Армении феодальных отношений, имеются основания полагать, что к III—IV вв. земли уже были поделены между царским домом, нахарами и храмами, — нельзя ли на этом основании предположить, что раздача земель могла происходить при Трдате II в 217—222 гг., когда после тяжелого периода борьбы с Каракалой он вернулся в Армению и должен был бы заняться упорядочением внутреннего управления и налаживанием своих отношений с нахарами?

Палеографические данные, как говорилось выше, этой датировке началом III в. ни в какой мере не противоречат. Вот почему, мне кажется, увереннее всего можно было бы относить Апаранскую надпись ко времени Трдата II (217—222).

Археологические разведки и раскопки выяснят со временем, не находился ли центр округа Ниг на месте или в окрестностях нынешнего районного центра Апаран. Старое название города — Касал, Κοζάλα Птолема,³ забыто и применяется только к реке (Касах), но воспоминание о находившемся здесь дворце (арм. „апаран“) сохранилось в народной памяти: по соседству с селе-

¹ Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана, стр. 432.

² Моисей Хоренский, кн. II, гл. 7.

³ Птолема, кн. V, гл. 12,5.

нием находятся развалины крепости, откуда и был принесен камень, поэтому не исключена возможность, что в этой-то крепости и находился дворец Гитуниев и что в кладку стен крепости или дворца был вделан камень с надписью о пожаловании роду Гитунии города Ниг (ныне Апаран?) и его округа.

14. ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ У ВОРОТ ТИГРАНАКЕРТА

(Табл. 88—90)

Во время своего путешествия по Армении в 1898—1899 гг. К. Ф. Леман-Хаупт осматривал развалины древнего города Тигранакерта¹ и обратил при этом внимание на плиты с греческой надписью в кладке стены у древних ворот (табл. 88).

До Леман-Хаупта надпись эту в середине XIX в. видел Б. Тэйлор, который писал о ней, что она находится в „одном из сводчатых проходов, ведущих от северных ворот в город“ и что надпись сильно попорчена.²

Но еще до Б. Тэйлора Тигранакертскую надпись мог видеть во время поездок 1849—1852 гг. русский путешественник Е. И. Чириков,³ упоминающий „замечательные древние стены, сплошную оградю идущие вокруг города; на их шести величавых воротах, из которых двое давно уже заделаны“, — множество разных надписей.

Судя по планировке, город тут существовал уже в ассирийское время.⁴ От Страбона, Плутарха и Аппиана мы знаем о размерах и величавости этого города, о его мощных стенах, о дворцах и о театре, о садах, прудах и охотничьих замках за стенами его, о массовом переселении в этот город жителей из покоренных Тиграном II малоазийских городов, а также из Каппадокии и Киликии, о понуждении знати к застройке города своими домами.

Надпись помещается у северных ворот, о существовании которых Леман-Хаупт мог судить по имеющимся здесь закруглениям стен и по проходу между ними. Здесь-то, на левой щеке прохода и находится надпись, от которой сохранилось восемь плит

¹ Тигранакерт основан Тиграном II в области Алдзник в 77 г. до н. э. на скрещении торговых путей, ведущих из Малой Азии в Арташат и в парфянскую столицу Ктесифон.

² К. Ф. Леман-Хаупт, приводящий этот текст Б. Тэйлора (Taylor's Travels in Kurdistan. Journ. r. Geogr. Soc., 1865, стр. 24), не обратил внимания на „сводчатый проход“ (Klio, VIII, 1908, стр. 499, примеч. 3).

³ Е. И. Чириков, Путевой журнал (1849—1852). Зап. Кавказск. отд. Русск. Географ. общ., кн. IX, СПб., 1875, стр. XLIII.

⁴ К. F. Lehmann-Haupt, Klio, VIII, 1908, стр. 498.

из того же известняка, из которого сооружены стены. Эти восемь плит находятся в настоящее время не на своем первоначальном месте; после какого-то разрушения стен сохранившиеся плиты были заново вделаны в стену, повидимому, на первоначальное место, но не в первоначальном порядке; многих камней, повидимому, недостает. Надпись поэтому не может быть восстановлена полностью, и судить о содержании ее можно только в порядке догадок. Этим и объясняется, что настоящая глава, посвященная этой надписи, отличается краткостью, несмотря на большое историческое значение текста надписи.

Хотя основными воротами были ворота западные, северные были, вероятно, выбраны для помещения на них надписи, потому что они были обращены в сторону дорог и перевалов, ведущих в Арташат.¹

Фотография стены с надписью не удалась К. Ф. Леман-Хаупту, но по ней все же мог быть выполнен рисунок;² кроме того, надпись была им списана на месте, и в двух экземплярах снят был эстампаж камней верхних рядов; эстампажи нижних рядов были выполнены в 1899 г. другим лицом.³

По мнению К. Ф. Леман-Хаупта, первоначально плиты эти были расположены в пять рядов, из которых верхний, с именем царя, не сохранился (табл. 89).

Длина рядов плит разная — от 1.5 до 4.5 м. Высота букв 7 см.

В этой надписи (табл. 90) имеется большое количество лигатур (слиты два-три, а иногда и четыре знака), а также сокращений ($\delta = \sigma\upsilon$ и $S = \chi\alpha\iota$), что характерно для конца III и для IV в. На это же время указывают как аористная форма ($\epsilon\dot{\iota}\pi\alpha$, $\epsilon\sigma\chi\alpha\nu$ и др.), так и замена $\epsilon\nu$ предлогом $\epsilon\iota\varsigma$. Палеографические данные позволяют сблизить эту надпись с надписью Ахोलиса, IV в., найденной в Самтавро (Мцхета).⁴

Внимание исследователей обратила на себя также (на плитах 1—2) „особая восточная форма“ передачи названий областей, а именно: *Matia*, *Kommagia*, *Melitia*.⁵

Над этой надписью работали, пытаясь восстановить и прочесть ее, крупнейшие эпиграфисты, как Ф. Хиллер фон-Герtringен,

¹ На главных воротах города Ксанфа (Малая Азия, Ликия) тоже сохранилась (частично) надпись исторического содержания, см.: O. Bendorff. *Historische Inschriften vom Festort zu Xanthos. Festschr. zu O. Hirschfelds 60. Geburtstag*, Berlin, 1903, стр. 75.

² K. F. Lehmann-Haupt. *Armenien einst und jetzt*, Bd. I. 1910, рис. на стр. 411.

³ K. F. Lehmann-Haupt, *Klio*, VIII, 1908, стр. 499—501.

⁴ Т. С. Каухчишвили. *Греческие надписи Грузии*, стр. 254.

⁵ K. F. Lehmann-Haupt. *Armenien einst und jetzt*, Bd. I. 1910, стр. 539, (примеч. к стр. 418).

Т. Нёльдеке, У. Вилламовиц-Мёллендорф и В. Диттенбергер, но ни одному из них не удалось предложить связного текста.¹

Предлагаемое К. Ф. Леман-Хауптом² расположение камней основано на изучении внешних признаков плит и на сопоставлении текста на отдельных камнях, занимавших пять рядов в кладке (табл. 89) (плита или плиты верхнего ряда не сохранились).

Встречающиеся в тексте надписи выражения о „счастье предков“, о „низложении врагов“, о „милости богов“, о „счастье царя“, по мнению издателя, свидетельствуют о факте недавнего возвращения царя после изгнания и каких-то „смут“, которые Леман-Хаупт связывает с внешними событиями — военными действиями против персов.³

Моисей Хоренский сообщает текст письма Шапура II (309—379) жителям Тигранакерта, которые оказали сопротивление осаждавшему город персам: „Доблестный среди маздеистов, Шапур, царь царей, (вам) тигранакертцам, которые больше не подлежите упоминанию среди арийцев и неарийцев. Я желал, начав с вас, вступить во все предстоящие города мирно и с доблестным благородством. Но вы, тигранакертцы, которые являетесь первыми (я говорю не о героизме, а о нахождении вашем на пути моем), противостали мне, и от вас научатся и другие то же самое делать. При возвращении моем я в гневе так вас покараю, что вдвойне будете вы служить примером тем, кто, восставая, непокорствует“.⁴ Осадив вторично город и побудив находившихся в городе греков к измене, Шапур свое обещание выполнил самым жестоким образом.⁵

Однако надпись на воротах Тигранакерта является, по мнению Леман-Хаупта, обращением армянского царя Папа (370—374) после изгнания им, с помощью Рима, напавших на Армению войск сасанидского царя Шапура II, и может быть датирована 372 годом, т. е. после победы армян над персами (Дзираваское сражение), когда Пап приступил к „политике централизации и усиления армянского государства“, к подчинению непокорных феодалов.⁶ Возможно, что этими именно годами и следует объяснять появление эдикта Папа на стенах Тигранакерта, якобы преданного

¹ К. Ф. Lehmann-Haupt, Кlio, VIII, 1908, стр. 500.

² К. Ф. Леман-Хаупту пришлось добавить предположительно около половины текста, чтобы осмыслить содержание надписи. Воздерживаясь по этой причине от приведения греческих цитат из предлагаемого им восстановления, я в отдельных случаях включаю для иллюстрации то или иное греческое выражение из числа сохранившихся в подлиннике.

³ К. Ф. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, Bd. I. 1910, стр. 419.

⁴ Моисей Хоренский, кн. III, гл. 26. (Перевод И. А. Орбели).

⁵ Там же, гл. 28.

⁶ История армянского народа, ч. I. Ереван, 1951, стр. 78—79.

греками и некоторыми представителями армянской знати, спасения ради перекинувшимися к персам.

Поскольку надпись по-настоящему еще не изучена и все высказывания являются чистейшими гипотезами, — не исключена возможность, что речь в ней идет о только что подавленном восстании местного населения против своей знати.

„Эдикт“ обращен к армянам, которых царь называет (плита 7) „рабами“... τούς δούλους...; в нем царь говорит о документах-письмах, которые он получил от римлян и от персидского царя (плиты 3—5), что указывает на время после Дзиравской победы (372), когда Пап установил „дружественные“ отношения с обеими странами — с Римом и Персией,¹ а также и на то, что надпись была высечена от имени армянского царя, а не Шапуром II во время захвата города. Может быть, в этих письмах ему обе стороны обещали помощь против „мятежного“ населения? Этим предположений Леман-Хаупт не высказывает, но приводимое им восстановление общего смысла текста невольно приводит к такому заключению.

Текст на плитах 6 и 7 указывает на события, вызванные появлением указа: „Ваша община восстала и вела борьбу (ἀνεῖλεν ἡ πολιτεία ὑμῶν καὶ ἐπολέμη) совместно с... [далее испорчено] вот почему мы передали город нашему войску („ввели войска“? — К. Т.), чтобы пресечь дальнейшую дерзость (ὕβρις) и чтобы часть... [не восстала снова] против нас. А что до зла, которое вы претерпели, — кто в этом виновен, об этом вы сами знаете“.

Можно только удивляться наивности издателя, усмотревшего в этих, им же прочтенных словах указание на то, что замок Тигранакерта был „покинут союзниками“ (?) и занят армянскими войсками и что страдания народа вызваны были поджигателями войны или мятежа (Aufruhr).²

На плите 8 имеется одна интересная деталь, а именно в заключительной формуле, где говорится: „... я приказал прикрепить это... у ворот (ἐπὶ πόρταν παγγῆνας) и так, как это [написано] в указе, так это и высечено и прикреплено. Равным образом я приказал, чтобы у ворот всех других городов, которыми мы [управляем] по провидению и милости богов,³ [аналогичные надписи] тоже были

¹ История армянского народа, ч. I, стр. 79.

² К. F. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. I, стр. 418.

³ Упоминание здесь (и на плитах 4, 6—7) „богов“ в царском указе 372 г. т. е., 70 лет спустя после принятия Арменией христианства, вызывает некоторое удивление. О „преданности дэвам“, „безбожности“, „нечестивости“ Папа говорится у Фавста Бузанда (кн. V, гл. 22—21), но об официальном его отступничестве от христианства сведений нет.

высечены“.¹ Указ, связанный, повидимому, с ликвидацией восстания, царь приказывает прикрепить к воротам всех городов, из чего можно было бы заключить, что в восстании участвовало и городское население.

Дело в том, что именно в этот период шел процесс принудительного закрепления свободных крестьян-общинников и ремесленников, понуждение их к переходу в крепостное состояние. Центром восстания был, повидимому, район Тигранакерта, а так как в нем проживало большое количество ремесленников, то возможно, что они-то и возглавили восстание. Этим может объясняться как появление этой надписи на стенах Тигранакерта, так и слова указа: *ῥόλους τοὺς ποιήσαντες τὰ τοιαῦτα γε[γυώσκητε]* ‘каждого из тех, кто это учинил, вы сами знаете’ (плита № 7), которые могут относиться к городской части восставшего населения.

С. Т. Еремян в статье, посвященной вопросу о периодизации истории Армении эпохи феодализма,² говоря о событиях IV в., отмечает, что „в бурные годы“ правления Аршака II (345—367) имело место „массовое бегство закрепощаемых крестьян и рабов в города, пользующиеся правом убежища“ (Аршакаван). Если правильно предлагаемое мною истолкование Тигранакертской надписи, то к сказанному С. Т. Еремяню можно добавить, что упоминаемое им закрепощение крестьян и сажание рабов на землю продолжалось и при сыне Аршака II, царе Папе (369—374). Приводимые С. Т. Еремяню постановления Аштишатского собора (354) свидетельствуют о том, о чем молчат историки IV—V вв., а именно, что в середине IV в. усилились классовые противоречия, что должно было закономерно приводить к восстаниям; отголоском одного из них и может являться Тигранакертская надпись. Дело в том, что шестой канон этого собора предлагает господам „иметь милосердие к своим царрай“ (‘слугам’, ‘рабам’); „не притеснять их изнурительным трудом и повинностями больше положенного“; слугам же предлагает быть „в справедливом повиновении у своих господ“.³

Я. А. Манандян не касается, к сожалению, содержания Тигранакертской надписи, которую он в 1945 г. считал почему-то „недавно найденной“,⁴ хотя еще до Чирикова и до Тэйлора (в середине XIX в.) эту греческую надпись упоминает португальский

¹ К. Ф. Lehmann-Наurf, ук. соч., стр. 410 и 418.

² С. Т. Еремян. Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма. *Вопр. истор.*, 1951, № 7, стр. 54.

³ С. Т. Еремян, там же (ссылка: *Каноны Аштишатского собора*, Тифлис, 1914, стр. 15).

⁴ Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. *Истор. зап.*, № 15, 1945, стр. 8.

путешественник Антонио Тенрейро, видевший ее в 1560 г., как об этом говорится у Леман-Хаупта.¹ Внимание Я. А. Манандяна привлекло слово δούλοι 'рабы', которое он истолковывает в данном контексте „конечно не в значении раба, а слуги или вассала“.²

Эта надпись у ворот Тигранакерта является ценным документом, свидетельствующим, по всей видимости, о восстании, которое поднято было против царя и знати в IV в. н. э. Надпись эта по-настоящему еще не изучена. Данная заметка представляет собой только введение к изучению этого замечательного памятника, раскрывающего страницу из истории классовой борьбы в Армении в IV в.

¹ К. Ф. Lehmann-Haupt. Armenien einst und jetzt, Bd. I, S. 422.

² Я. А. Манандян, ук. соч., стр. 8.

ТАБЛИЦЫ

СПИСОК ТАБЛИЦ

- Табл. 1. План крепости. Гарни. Составлен Я. И. и А. А. Смирновыми, 1912 г.
- Табл. 2. Ущелье р. Азат, базальтовый массив и мост. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 3. Вид от храма на юго-запад. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 4. Вид от юго-восточного угла храма на горы. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 5. Территория храма в начале раскопок. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 6. Общий вид раскопок в начале работ. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 7. Остатки соборной церкви у западной стены храма. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонсва, 1910 г.
- Табл. 8. Усыпальница католикосса Маштоца у северо-западного угла храма. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 9. Крепостные стены у ворот. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1909 г.
- Табл. 10. Крепостная стена. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонсва, 1909 г.
- Табл. 11. Реконструкция фасада храма. Гарни. По Н. Г. Буниатяну, 1933 г.
- Табл. 12. Реконструкция западной стороны храма. Гарни. По Н. Г. Буниатяну, 1933 г.
- Табл. 13. Вид на ущелье. Гарни. Рис. Р. Кер-Портера, 1819 г.
- Табл. 14. Метки мастера на плитах храма. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 15. Северный фасад храма с лестницей. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 16. Вид храма с юга. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 17. Вид храма с запада. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 18. Вид храма с востока. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 19. Пол в целле храма и остатки бута от кладки христианской часовенки. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 20. Пол северного портика и прилегающей части целлы. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 21. Бронзовые и железные штыри со свинцовой заливкой. Гарни. Государственный Эрмитаж. Фот. 1952 г.
- Табл. 22. Железные скобы со свинцовой заливкой. Гарни. Государственный Эрмитаж. Фот. 1952 г.
- Табл. 23. Плита из кладки храма с гнездами для штырей и желобками для свинцовой заливки. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 24. Кусок ствола колонны и одна из капителей. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.

- Табл. 25. Кусок ствола колонны и одна из капителей (вид сбоку). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 26. Капитель колонны. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 27. Капитель колонны. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 28. Капитель колонны (боковая сторона) с сохранившимся на месте штырем. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 29. Капитель с двумя бронзовыми штырями (нижняя поверхность). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 30. Капитель колонны (боковая сторона). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 31. Две базы колонн. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 32. Плита архитрава (софит). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 33. Плита архитрава (софит). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 34. Плита архитрава (софит), за нею — потолочная плита. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 35. Плита архитрава (софит). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 36. Плита архитрава (софит). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 37. Плита архитрава (фасадная сторона). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 38. Плита фриза (северный фасад). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 39. Плита фриза (восточный фасад). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 40. Плита фриза (южный фасад). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 41. Плита фриза (угловой камень). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 42. Плита фриза (тот же камень с лицевой стороны, см. табл. 41). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 43. Угловая плита карниза. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 44. Плита карниза. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 45. Плита карниза. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 46. Плита карниза (угловой камень). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 47. Фасадная плита пилона с рельефом. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 48. Плита от обрамления двери. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 49. Та же плита (см. табл. 48). Армянская надпись XIII в. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 50. Плита сандрика (снята в перевернутом виде). Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 51. Деталь сандрика. Гарни. Фот. А. Кочара, 1951 г.
- Табл. 52. Потолочная плита портика. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 53. Две потолочные плиты портика. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 54. Потолочная плита портика. Гарни. Фот. Н. Н. Тихонова, 1910 г.
- Табл. 55. Угловой камень северного фронтона. Гарни. Фот. 1929 г.
- Табл. 56. Акротерий храма. Гарни. Фот. 1929 г.
- Табл. 57. Монеты Августа (1, 2) и Траяна (3).
- Табл. 58. Серебряная монета Тиграна II (1). Дворец в Хатра. Деталь рельефа (2).
- Табл. 59. Рельеф из митрейона в Нейенгейме.
- Табл. 60. Рельеф из митрейона в Остербуркене.
- Табл. 61. Детали рельефов (табл. 59—60).

- Табл. 62. Миниатюра X в. из менология Василия II.
- Табл. 63. Рельеф из дворца в Хорсабаде. Храм в Мусасире.
- Табл. 64. Реконструкция храма в Мусасире. Макет для фильма „Урарту“. Лентехфильм, 1940 г.
- Табл. 65. Гробница Антиоха. Коммагена, Немруд-даг.
- Табл. 66. Рельеф на гробнице Антиоха. Антиох и Митра. Коммагена, Немруд-Даг.
- Табл. 67. Голова статуи Митры. Коммагена, Немруд-даг.
- Табл. 68. Камень I с тремя греческими надписями (№№ 1—3). Армавир. Фот. Я. И. Смирнова, 1912 г.
- Табл. 69. Камень I, надпись № 1. Армавир. Фот. Я. И. Смирнова, 1912 г.
- Табл. 70. Камень I, надпись № 2. Армавир. Фот. Я. И. Смирнова, 1912 г.
- Табл. 71. Камень I, надпись № 2. Армавир. Фот. Я. И. Смирнова, 1912 г.
- Табл. 72. Камень I, надпись № 3. Армавир. Фот. Я. И. Смирнова, 1912 г.
- Табл. 73. Камень II с четырьмя греческими надписями (№№ 4—7). Армавир. Фот. А. И. Болтуновой, 1932 г.
- Табл. 74. Камень II, надпись № 4. Армавир. Фот. А. И. Болтуновой, 1932 г.
- Табл. 75. Камень II, надписи №№ 4 и 5. Армавир. Фот. А. И. Болтуновой, 1932 г.
- Табл. 76. План пещерного храма и греческая надпись. Район озера Урмия. гора Карафту. Рис. Р. Кер-Портера, 1819 г.
- Табл. 77. Два камня с надписями арамейским письмом. Район озера Севан. Ереван, Исторический музей Акад. наук Арм. ССР.
- Табл. 78. Греческая надпись с именем Тиридата. Гарни. Фот. Н. М. Токарского, 1945 г.
- Табл. 79. Деталь греческой надписи (табл. 78). Гарни. Фот. Н. М. Токарского, 1945 г.
- Табл. 80. Латинская надпись с именем Корбулона. Харберд. По К. Ф. Леман-Хаупту.
- Табл. 81. Обломок колонны с латинской надписью. Алетлу. Ереван, Исторический музей Акад. наук. Арм. ССР.
- Табл. 82. Монеты Антсина Пия (1) и Марка Аврелия (2—3).
- Табл. 83. Греческая надпись с именем Валента. Эчмиадзин. Ереван, Исторический музей Акад. наук Арм. ССР.
- Табл. 84. Монеты Люция Вера.
- Табл. 85. Латинская надпись. Эчмиадзин. Ереван, Исторический музей Акад. наук Арм. ССР.
- Табл. 86. Латинская надпись. Эчмиадзин. Ереван, Исторический музей Акад. наук Арм. ССР.
- Табл. 87. Греческая надпись с именем Тиридата. Апаран. Ереван, Исторический музей Акад. наук Арм. ССР.
- Табл. 88. Греческая надпись в кладке у городских ворот. Тигранакерт. По К. Ф. Леман-Хаупту.
- Табл. 89. Плиты с греческой надписью (1—8). Тигранакерт. По К. Ф. Леман-Хаупту.
- Табл. 90. Эстампаж плиты (5) с греческой надписью. Тигранакерт. По К. Ф. Леман-Хаупту.

Таблица 1

Таблица 3

Таблица 4

Таблица 5

Таблица 6

Таблица 7

Таблица 8

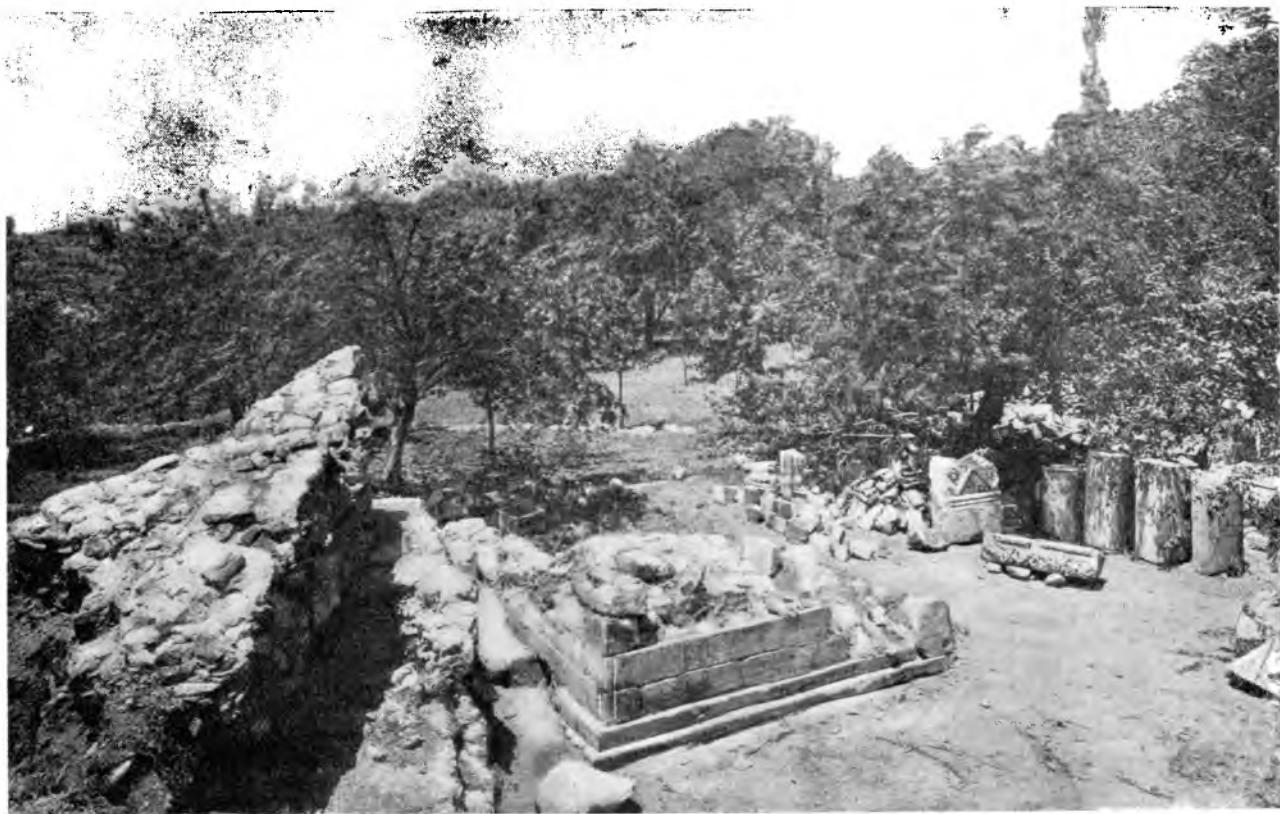

Таблица 9

Таблица 10

2

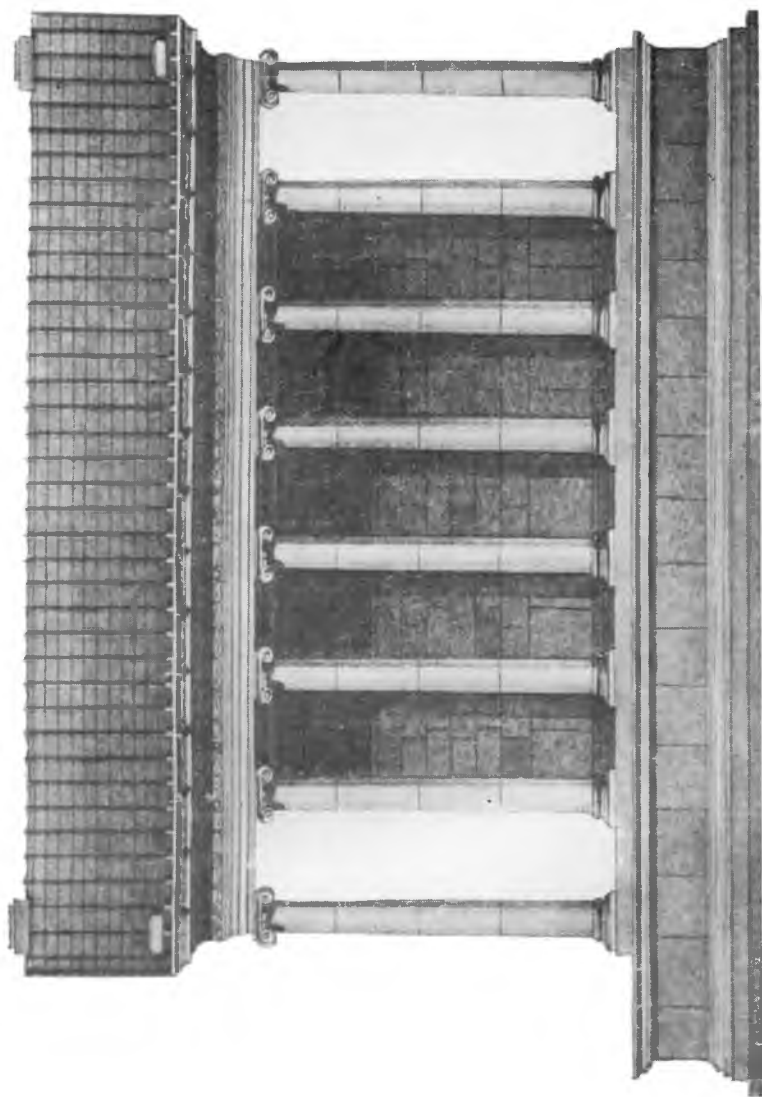

Таблица 13

Таблица 15

Таблица 16

Таблица 17

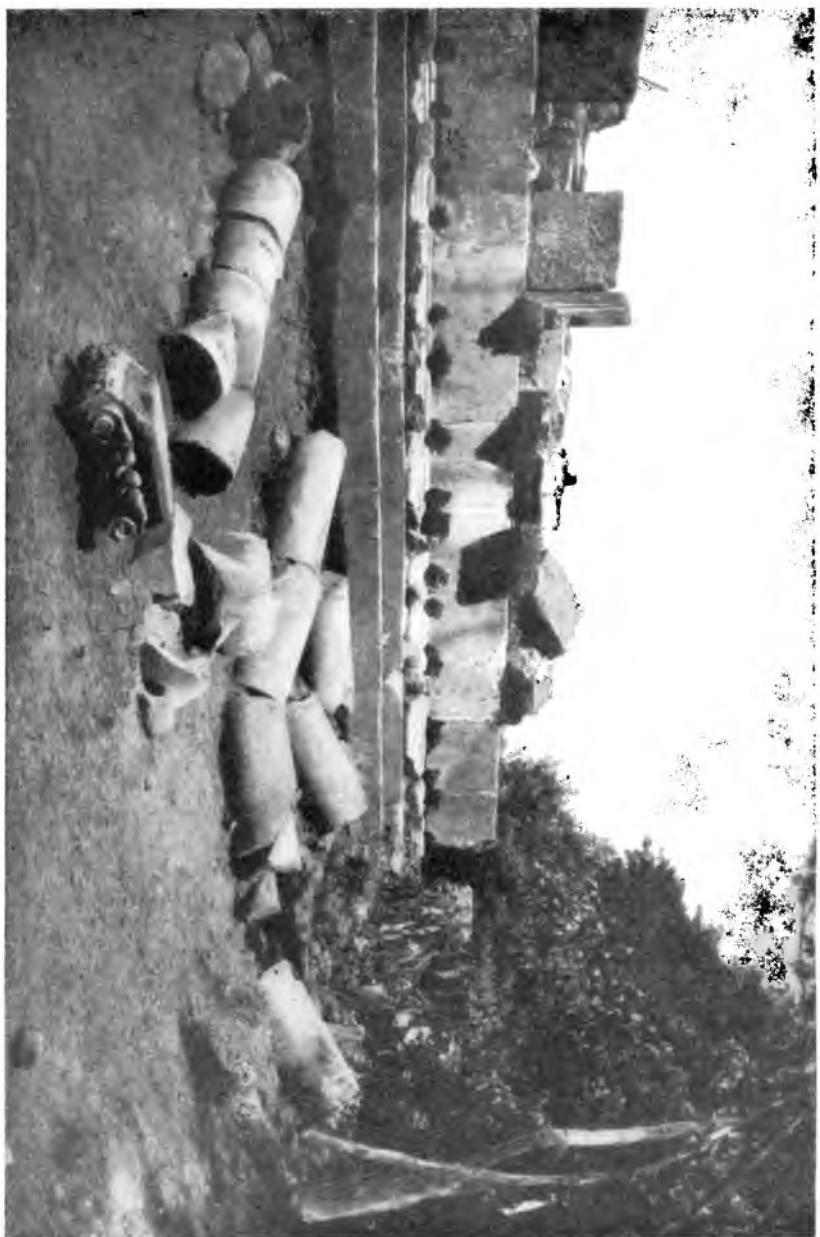

Таблица 19

Таблица 20

Т а б л и ц а 23

24.

25.

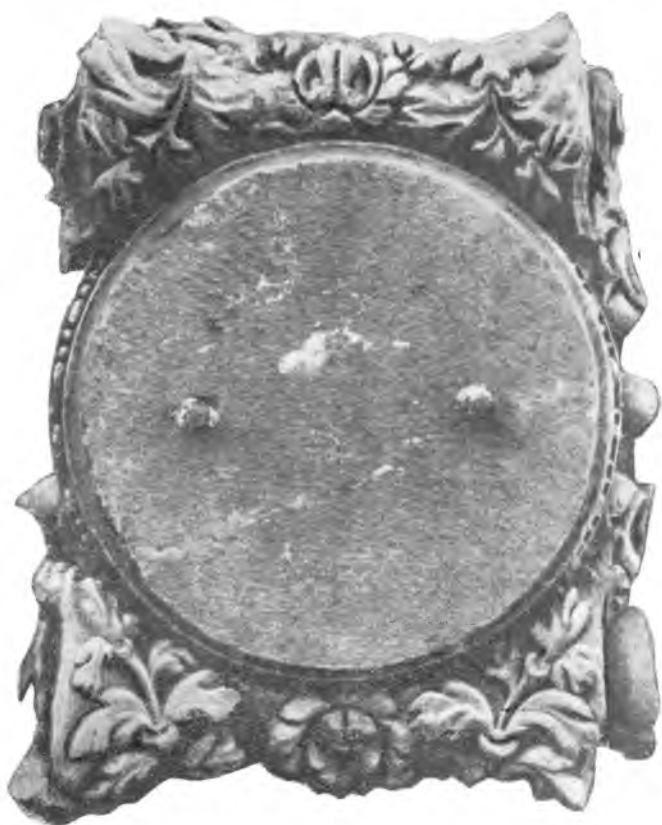

26.

27.

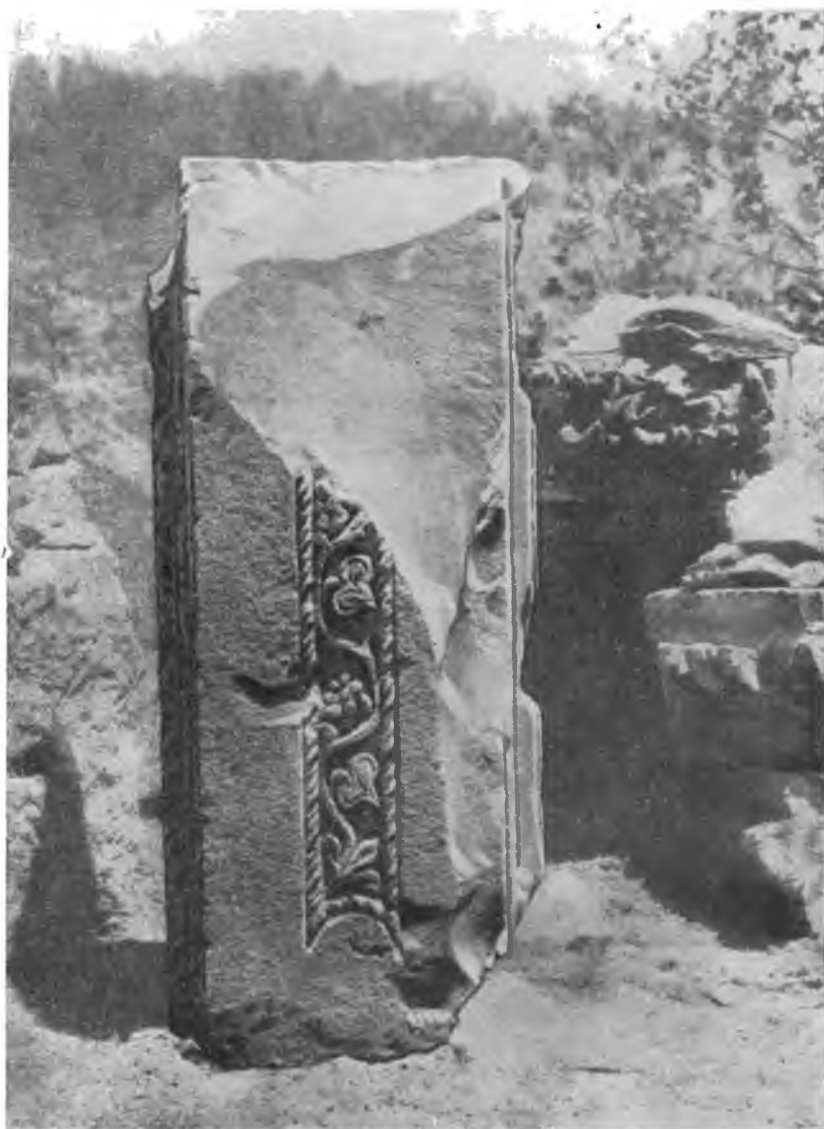

30.

31.

35.

36.

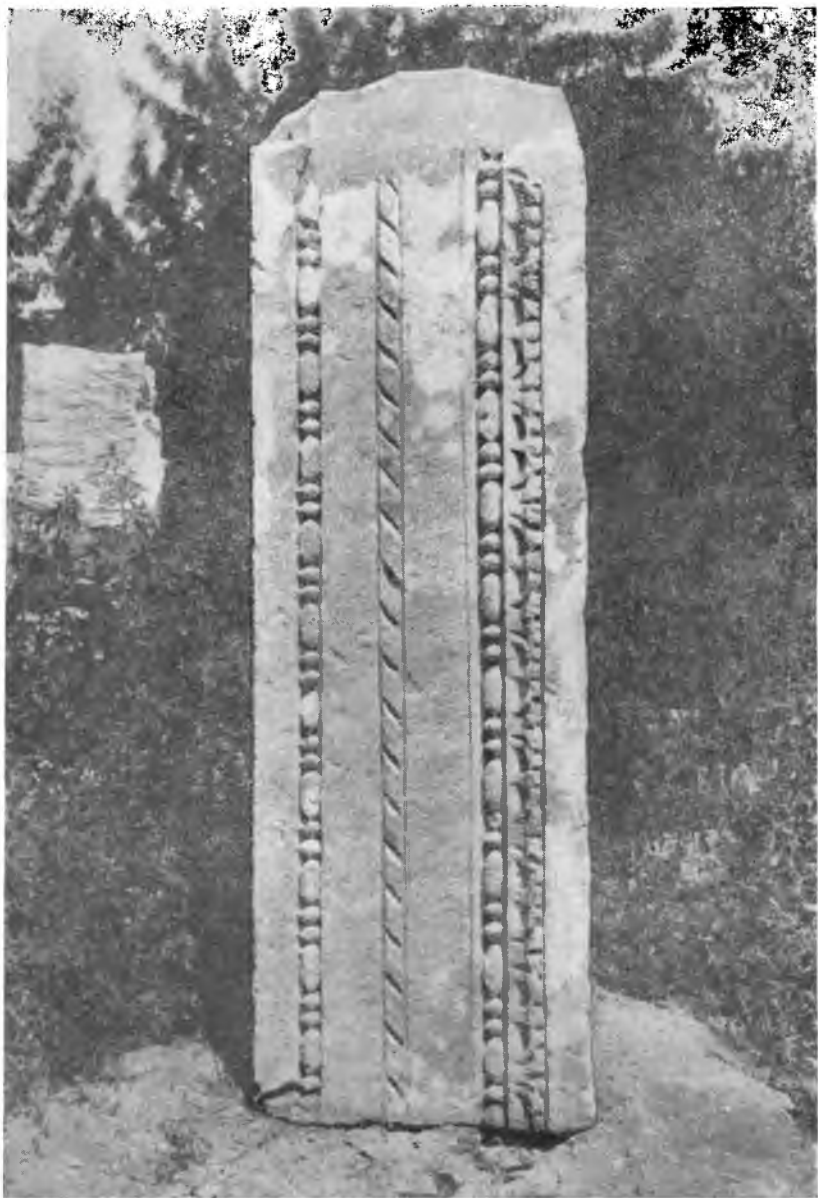

Таблица 38

Таблица 39

Таблица 41

Таблица 43

Таблица 45

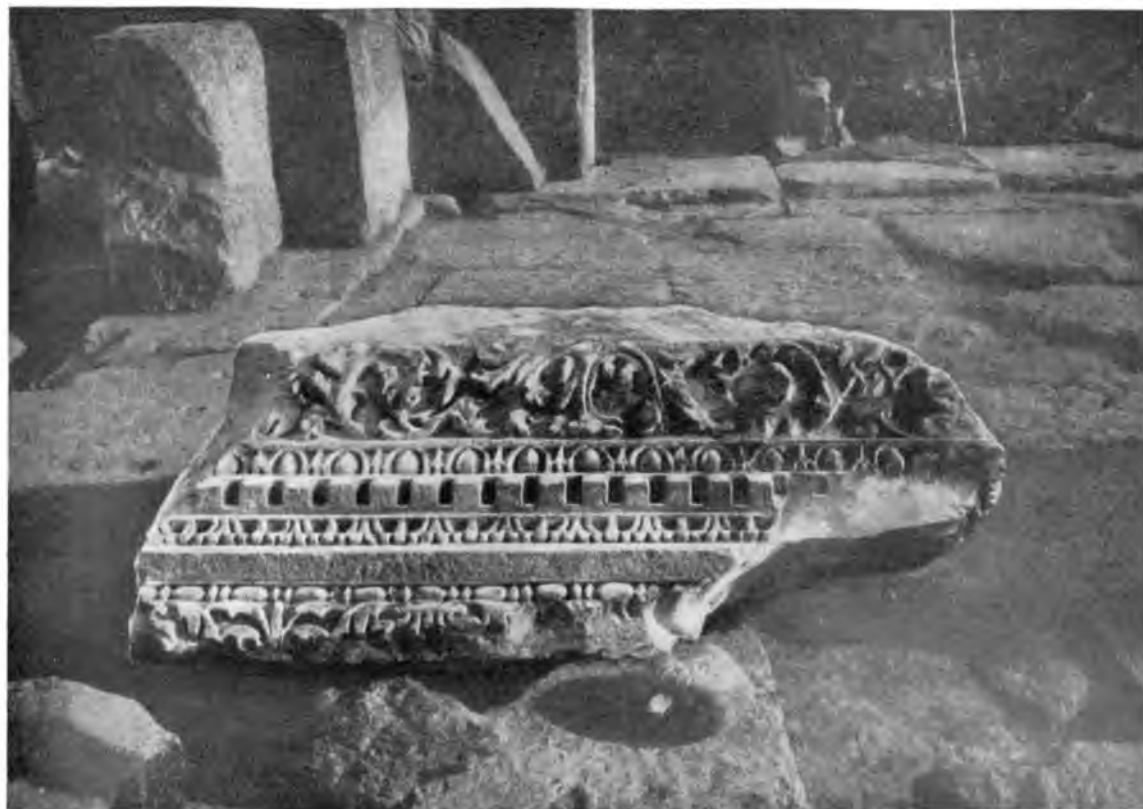

Таблица 51

Таблица 52

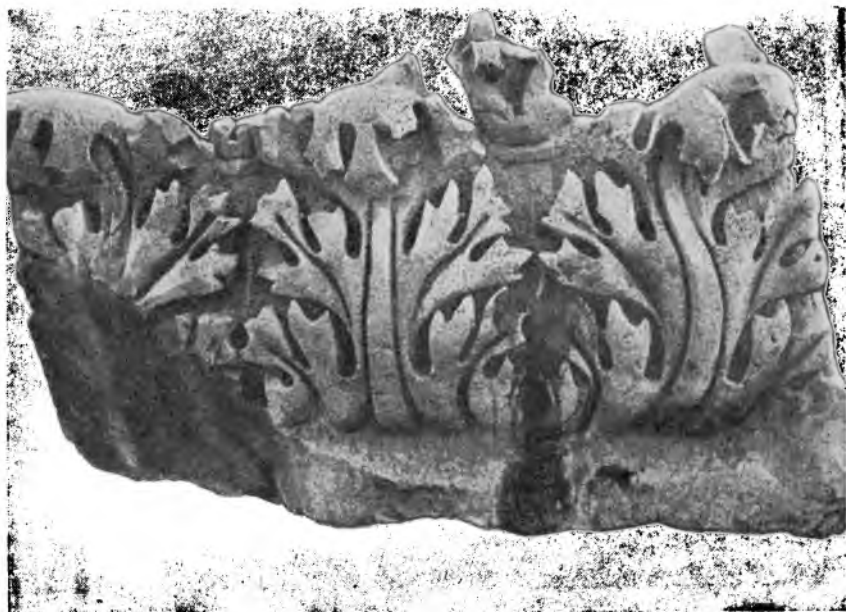

Таблица 54

55.

56.

1

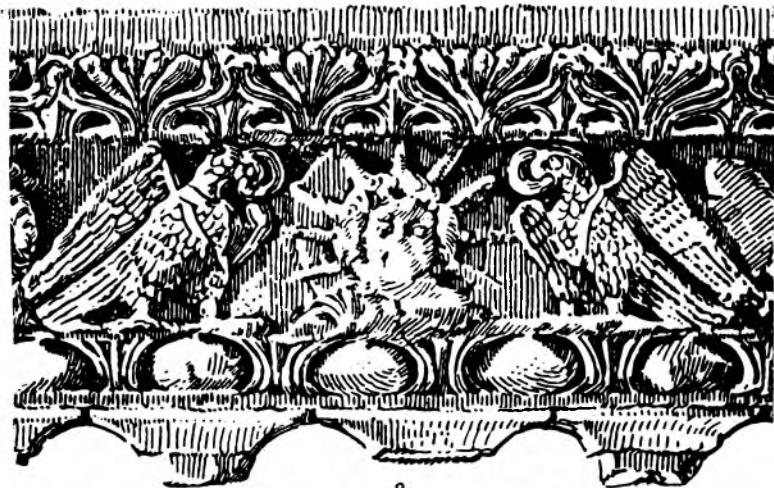
2

2

1

2

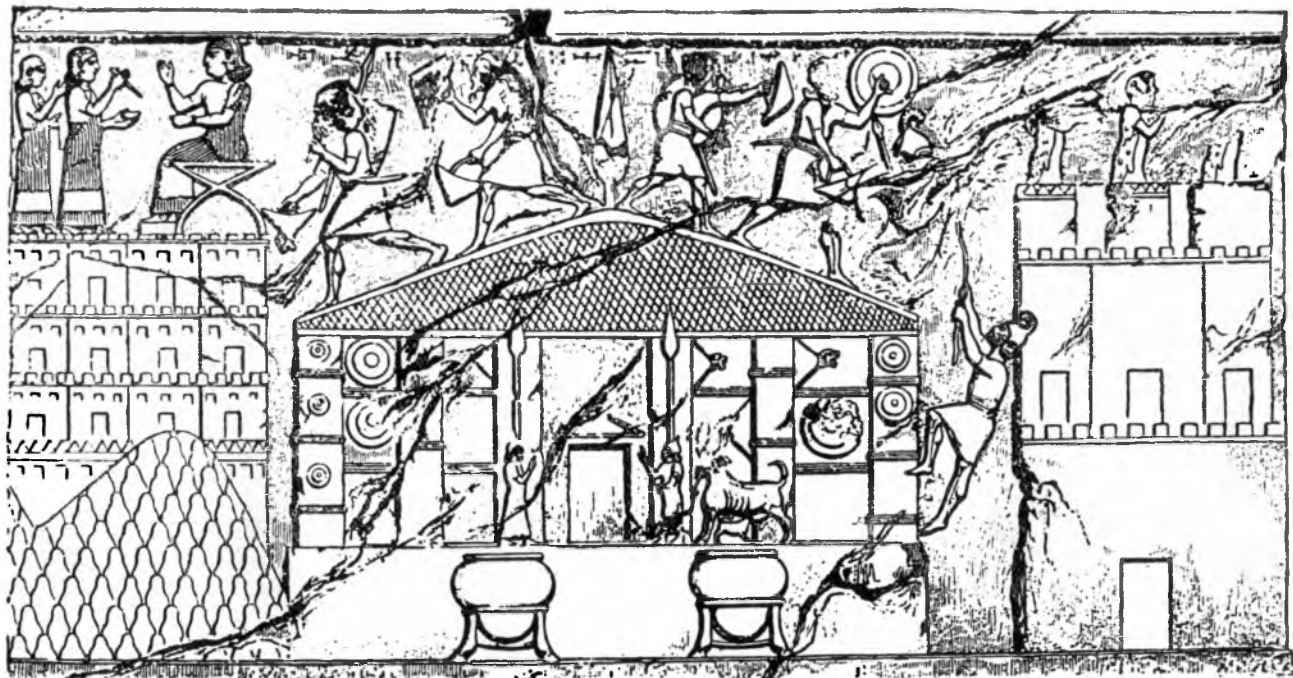

Таблица 63

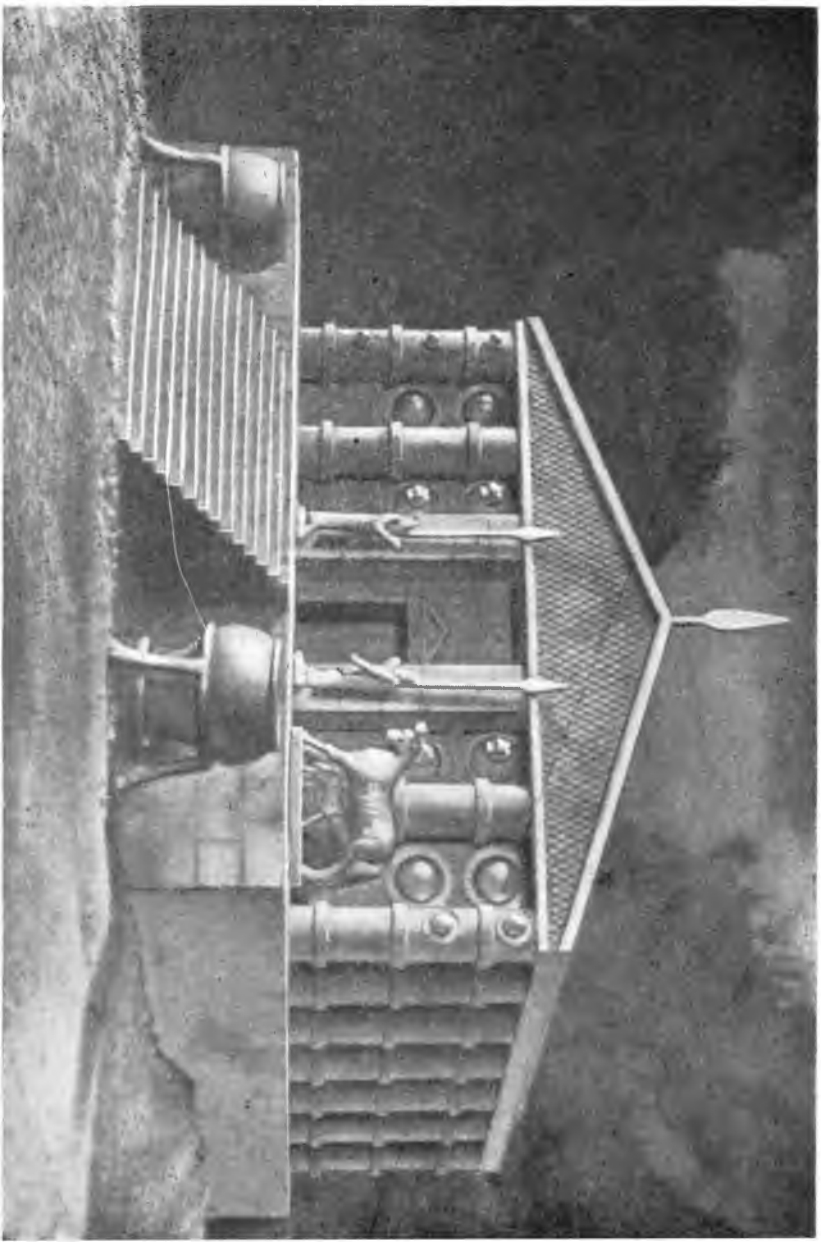

Таблица 68

Таблица 69

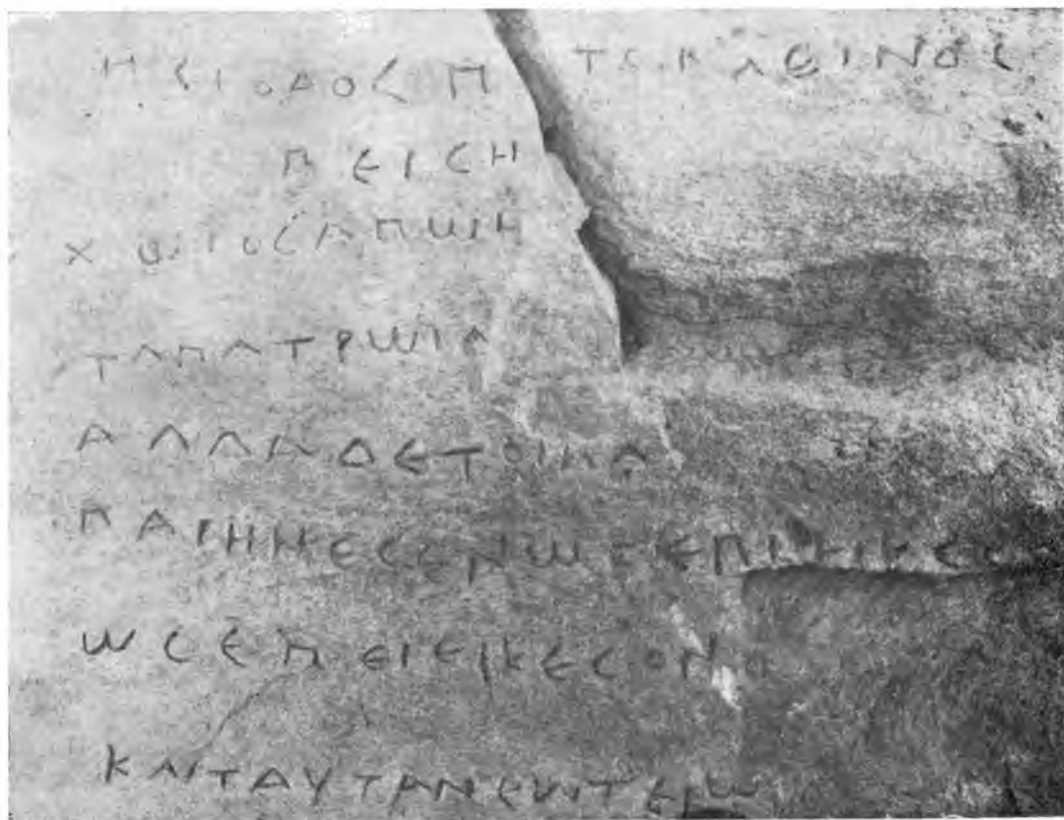
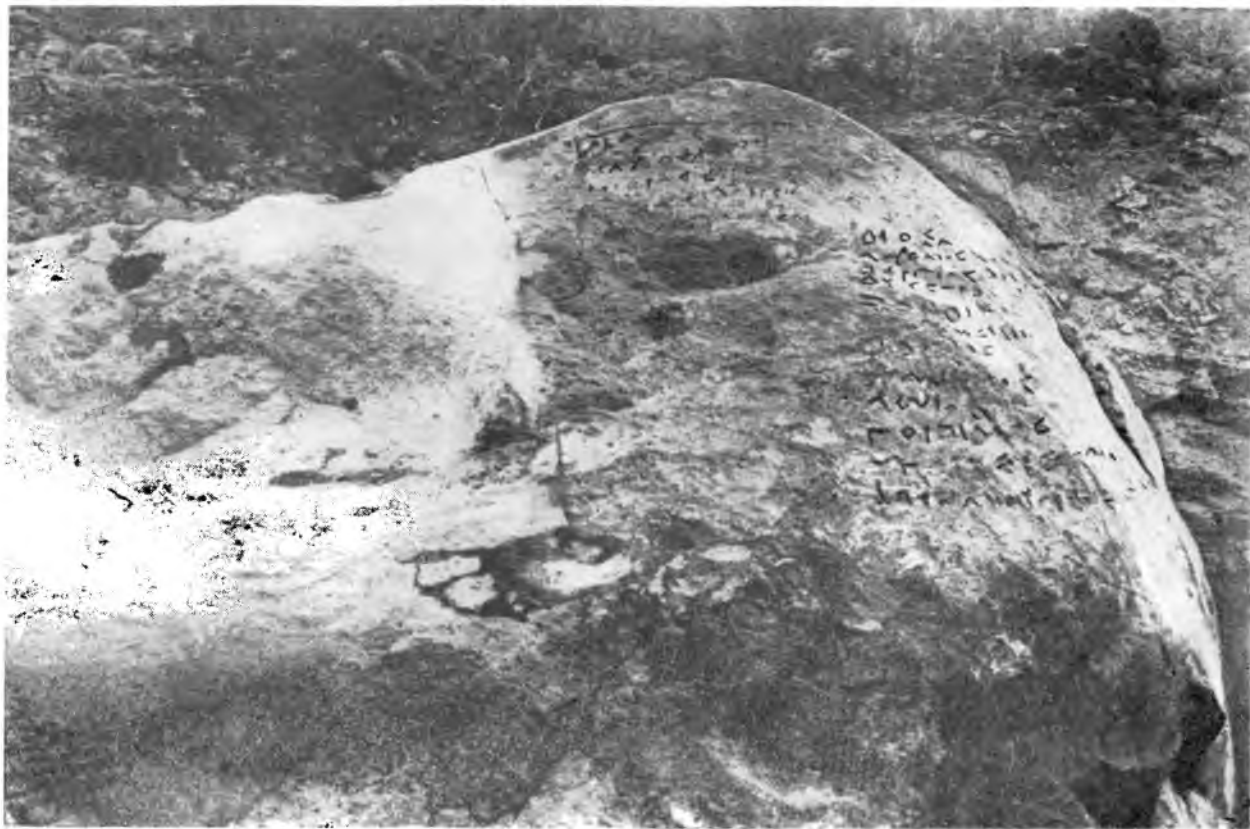

Таблица 70

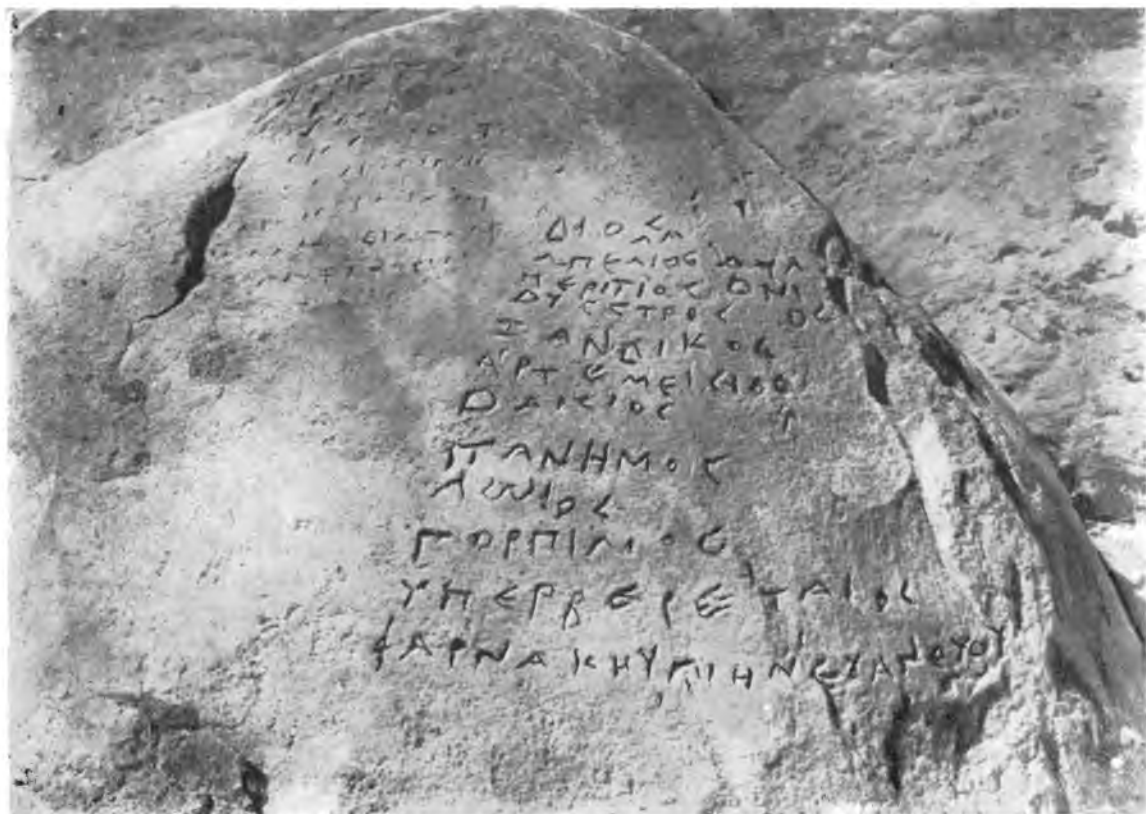
Таблица 73

Табулуга 74

Таблица 75

ΜΗΦΕΝΤ
ΗΡΑΚΛΗ
ΙΣΤΙΝΟΙ
ΔΕΚΑ
ΚΑΤΑ
ΝΟΝ
ΑΙΕΙ
Ν

Ταφ. Ηρακλ. 76

1

2

3

Таблица 84

Таблица 86

ΟΥΕΥΦΡΑ
ΩΝΕΥΤΥΧ
ΝΤΥΧΗΝΚΑ
ΚΕΙΣΤΟΥΣΑ
ΡΟΣΤΟΥΤΡ

ΜΙΑΤ
ΣΚΑΙΕ
ΒΑΣΙΛΕ
ΝΥΠΟ
ΕΙΑΡ

1

ΕΥΜΑΓΙΑΣ
ΑΝΑΣΤΑΣΕΙΣΤΑΜΕΤΑΤΑΥ
ΕΛΤΙΟΤΕΡΑΣΦΘΑΡΤΑΓΙΝΟΝ
ΘΕΥΒΑΣΙΛΕΩΣΤΩΝΒΑΣΙΛΕΩ
ΥΡΗΜΑΤΩΝΤΩΝΤΩΝΤΑΥΜΙΝ

2

ΠΟΛΕΙΣΤΗΡ
ΝΑΙΑΤΟΥΣΤ
ΗΝΣΡΩΜΑ
ΤΟΥΕΥΡΩ
ΡΑΓΙΤΑΚΑ

3

ΟΙΑΤΩΝΘΕΩΝΣΤΗΤΥΧΗΤ
ΩΣΤΑΔΥΝΑΜΕΩΣΤΗΕ
ΕΙΣΕΚΡΑΝΕΣΧΑΝΣΝΥΝ
ΙΑΣΦΑΝΗΜΑΣΠΡΟ
ΑΜΕΝΣΙΑΤΟΑΠΡ
ΣΕΚΕΛΕΔΑΠΑ

4

ΤΩΣΡΩΜΑΙΩΣΕΚ
ΡΗΝΤΗΠΟΛΙΤΕΙΑ
ΔΙΤΝΔΑΕΙΣΕΚΡ
ΩΝΘΕΩΝΣΤΗΕΥ
ΙΛΕΩΝΣΙΑΤΟ
ΕΙΛΕΩΝΣΗΕΡΟΝ
ΝΑΥΤ

5

ΑΕ ΝΟ
ΟΝΟΝΕΣΧΑΝΕΚΤΩΝΑΡΧ
ΤΩΣΤΡΑΤΩΜΩΝΠΑΡΕΔ
ΣΩΝΠΡΟΣΗΜΑΣ

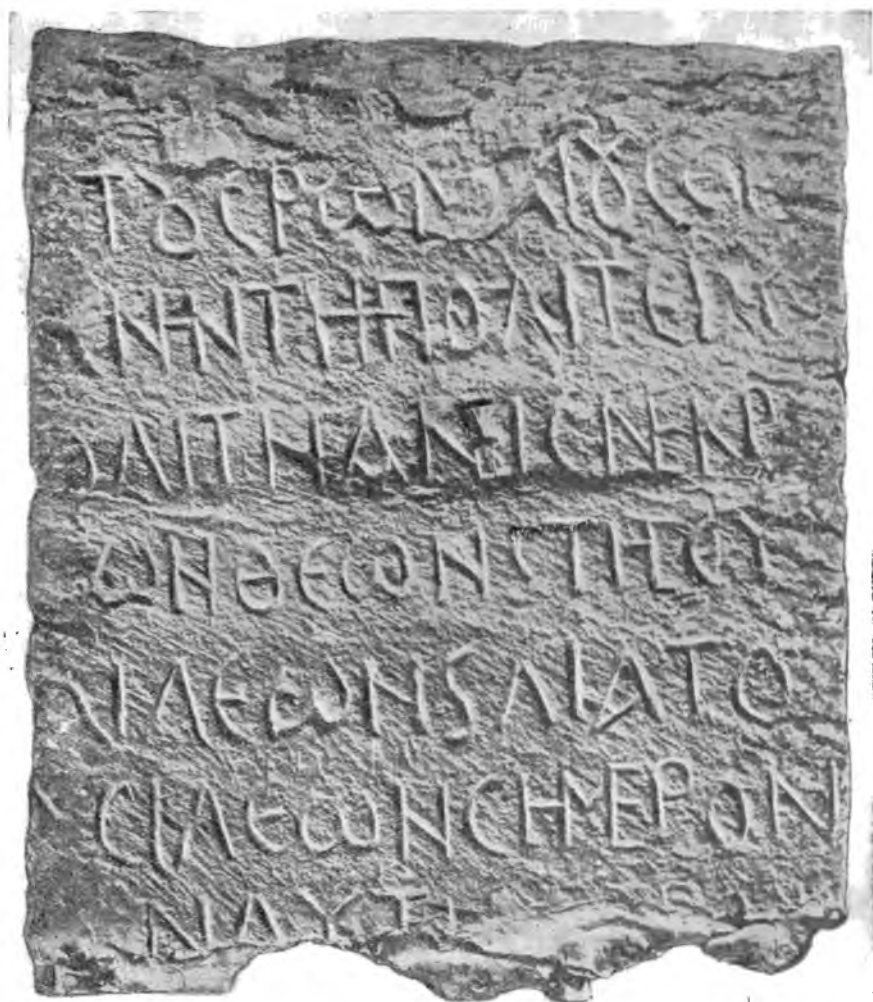
6

ΤΡΟΠΩΠΡΟΣΤΩΣΧΗΜΩΝΕΓΡΑ
ΑΝΕΖΗΝΠΟΛΙΤΕΙΑΥΜΩΝΣΕΠΟΛΕΜΕΙΝ
ΣΕΓΕΝΕΤΟΥΜΕΙΟΙΔΑΤΕΑΛΛΩΔΕΙΤΟΧΑΤΑΛ
ΗΠΩΣΤΒΡΙΚΠΕΡΙΣΟΤΕΡΑΠΑΡΑΚΟΛΩΘΗΣΗ
ΕΝΟΥΣΤΩΚΠΟΙΣΑΝΤΑΣΤΟΙΑΥΤΑΓ

7

ΕΠΙΝΕΟΝΤΩΣΕΚΕΛΕΙΣΑΜΕΝ
ΠΟΡΤΑΝΠΡΗΝΑΙΣΚΑΘΩΣΕΙΣΤΟΤΙ
ΓΕΓΛΥΠΤΑΙΣΠΡΗΚΤΑΙΟΜΟΙΩΣΣΕΙΣΤΑ
ΛΕΩΝΩΝΤΗΠΡΟΝΟΙΑΣΒΟΗΘΕΙΑ
ΡΕΛΑΒΑΜΕΝΙΣΜΙΑΝΣΕΚΑ
ΜΕΙΣΤΙΤΑΡΠΙΝΓΛ

8

УКАЗАТЕЛИ

СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
- CIG — Corpus inscriptionum graecarum.
- IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
- PWK — Pauly, Wissowa, Kroll, Realencyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И
ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Аббас I, шах 23, 25, 210
Абгар, ц. 60
Абхазия 101
Август, имп. 60, 61, 64
Авидий Кассий 227, 251, 252, 266
Аврелий Виктор 258, 259
Аврелий Лабрас, 268—270
Аврелий Меритат, см. Меритат
Аврелий Пакор, см. Пакор, арм. ц.
Авроман, сел., авроманский 100, 102,
187, 241
Агин, г. 245
Адиабена 159, 213
Адиаман, р. 162
Адимант 248
Адонис 259
Адриан, имп. 4, 57, 61, 68, 185, 196,
224, 225, 230, 261, 265
Азат, р. 23, 204
Азербайджан 28, 189
Айлий 189, 252
Айва 70
Айрарат, обл. 27, 165, 280
Айриванк 158
Ай-Тодор 266
Акилисена 62, 144
аланы 224, 245, 263
Албания Кавказская 4, 212, 261
Алдзник, обл. 283
Александр Македонский 14, 70
Александрия, г. 243
Алетлу, сел. 223
Алкамен, ц. 130, 155
Алкий 197
Алким 197
Алэ, г. 44
Амазасп, ц. иберов 242
Аманор 82, 83
Амис, г. 122
Амфикрат Финский 12
Амфиполь, г. 181, 186
Анаит 14, 34, 62, 78, 82, 83, 89, 126
Анаитакан, обл. 62
Анапа 122, 248, 257
Анберд 162
Ани, г., анийский 148, 162, 206
Ани-Камах 81, 144, 262
Аникет 8
Анкира, г. 40
Антиох III 70, 165
Антиох IV, Эпифан 141—143, 145—147
Антиох Коммагенский 88, 89, 137, 160
Антиохия, г. в Сирии 227, 230
Антисфен, Ульпий 201
Антитавр 220
Антонин Пий, имп. 60, 208, 224—226,
235, 236
Антония 246, 250
Анубис 95
Анушаван 105
Анхиап, ц. хеннохов 230
Апаран, окр. 103, 177, 190, 271,
279—283
Аполлон 52, 57, 66, 87—90, 104, 105,
116, 119, 130, 136, 143—145, 189,
274
Аполлон Дидимейский 105, 132
Аполлон Кларосский 51, 57, 105,
106, 110, 111
Аполлон Коропайос 107
Ара Прекрасный 83
Арабиссон, сел. 166, 167, 169
Арабкир, р. 245
Аравия 103
Арагац, гора 162, 271, 278, 280
Арай 105
Аракс, р. 104, 165, 204, 212, 224
Араезы 83
Арамазд 78, 80, 83, 88, 89
Арамаис 104, 132

- Араманеак 105, 106, 108, 109
 Арарат, гора 25
 Арацани, р. 212, 222, 223
 Аргиштихинили 104
 Арди, Ардини 34, 62, 85, 86, 91
 Ардини, г. 73
 Арег, Арегаки 57, 62—64, 67, 77, 86, 87, 91, 94, 105, 106, 111, 112, 119, 130, 131, 139, 251
 hАрма 105, 110, 111, 131, 132, 155
 Армавир, г. 3, 10, 27, 59, 63, 67, 86, 87, 102—149
 Армази, г. 169, 195, 196, 200, 243, 255
 Армения, армяне, армянский *razm*
 Армения Великая 147, 161, 165, 177, 187, 235, 237, 238, 240—242, 263, 273, 276
 Армения Малая 165, 166, 174, 245, 247, 250, 275
 Аррий Антоний, наместник в Армении 264—267, 269
 Артавазд II, арм. ц. 12, 13, 62, 65, 82, 93, 117, 124, 126, 128, 130, 132, 147, 212
 Артаз, обл. 25
 Артаксата, см. Арташат
 Артаксиды, см. Арташесиды
 Артаксий, см. Арташес
 Арташат, г. 3, 12, 13, 27, 32, 33, 57, 63, 64, 68, 71, 82, 87, 104, 147, 158, 165, 198, 200, 203, 204, 212, 213, 224, 227—229, 231—233, 235, 243, 251, 266, 283, 284
 Арташес, ц. 9, 10, 15, 87, 104, 135, 136, 138, 141, 143, 144, 146, 147, 160, 164, 165, 167, 168, 170, 173, 251
 Арташесиды 6, 7, 68, 99, 168, 213
 Арташир Папакан 164, 173
 Артемида 52, 87, 88, 104, 126, 131, 136, 143—145, 160
 Аруч, сел. 27, 76
 Аршак I, парф. ц. 201
 Аршак II, арм. ц. 276, 287
 Аршакаван, г. 287
 Аршакиды арм. 6, 38, 67, 99, 144, 195, 197, 205, 225, 235, 238, 276, 277, 280, 281
 Аршакиды парф. 198, 199, 212, 215, 224, 240
 Аршамшат, г. 214
 Аскла 197
 Асклепия храм 57
 Аспенд, г. 59
 Атамадза 122
 Атеанаис 246—250
 Атлант 64, 65, 92
 Атропатена 4, 169
 Атталея, г. 40, 57, 58
 Аттис 95
 Афганистан 169
 Афина 160, 205
 Афлад 197
 Афродисиада, г. 40
 Ахемениды, ахеменидский 14, 85, 163, 166, 225, 235
 Ахалис 285
 Ахурсан, р. 87
 Ашот, кн. 27
 Аштаракский р-н 28
 Аштишат, г. 160—162, 287
 Ашурбанипал 86
 Ашхадар, арм. ц. 262
 Аэймарит 248, 249
 Баальбек 55, 66
 Багадания 87
 Багайос 87
 Багаран, г. 63, 87
 Багарат 276
 Багарич, сел. 89, 90
 Багастана 87
 Багратуни, род 277
 Бакур, см. Пакор, арм. ц.
 Балам-су, р. 222
 Балканский п-ов 100
 Батуми 114
 Баязет, г. 25
 Бейрут 66
 Бендида 95
 Бююк-дегнэ, сел. 189
 Болгария 100
 Боспор 8
 Британния 229, 230
 Будапешт 267
 Бура, г. 120
 Бэл 80, 89, 100, 131, 140
 Вавилон, вавилонский 80, 100, 251
 Вагаршапат, см. Валаршапат
 Валарш I, арм. ц. 224, 228, 264
 Валарш I, парф. ц. 62, 197—199, 201, 212—215, 217—219
 Валарш III, парф. ц. 226, 227, 236, 251
 Валаршак 63, 87, 101, 104, 111, 131, 198, 202, 276, 282
 Валаршапат, г. 3, 61, 147, 208, 228, 229, 231, 233, 251, 253, 254, 260, 261, 263, 265, 266, 268—270

- Валент, Поплий Элий 253—261, 269, 270
 Валентина, Элия 253, 257, 259, 261
 Валерия Бесса 259
 Валерия Марция 259
 Ван 81
 Вананд, мегистан 213
 Ванатур 82
 Ванк, сел. 245
 Ваиское оз. 71, 160
 Вар, Тит Аврелий, 264, 265, 267, 270
 Вардан Мамикоян 27
 Васак (I в.) 215
 Васак (V в.) 27
 Василий Феонион 207
 Василий II, имп. 65
 Ваһагн 79, 82, 83, 160—162
 Ваһуни, род 104, 160
 Вер, см. Мартий Вер
 Веретрагна 88, 160
 Веспасиан, имп. 51, 200
 Византия, византийский 27, 56, 65, 158
 Воландум, см. Олана
 Вологас, Валарш 226, 227
 Врамшапух, ц. 103
- Галатия 182, 212
 Галлия, галл 100, 101, 226
 Гарни, гарнийский 3, 4, 12, 23—77, 112, 120, 136, 158, 174—211, 240, 243, 246, 255, 274, 277
 Гарни, сел. 35, 36, 69, 175
 Гарник 26
 Гастис 248
 Гаяне 209
 Гелакуни 28
 Гелам 26, 105, 110, 131
 Гелами, сел. 26
 Геламские горы 23
 Гелиос 62, 65, 88—90, 177, 187, 189, 190, 205
 Георг, еп. 29, 38
 Геракл 88, 104, 158—161
 Германик, цезарь 110
 Гермес 88, 90, 95
 Гета, имп. 222
 Гефест 90
 Гехард 29, 158
 гирканцы 214
 Гнтуни, род 272, 273, 276, 277, 279—281, 283
 Гнтуни Григор 281
 гордиены 71
- Готарз 159
 Греция, греки 7, 12, 13, 16—18, 55, 63, 74, 75, 79, 90, 130, 285, 286
 Григорий Просветитель 56, 65, 89, 160, 161
 Грузия, грузинский 28, 41, 50, 69, 99, 100, 132, 169, 195, 196, 243
- Давид Сослан 28
 Далмация 207
 Даранали, обл. 144, 162
 Даховская, станция 242
 Двин, г. 3, 27, 202, 204
 Дельфы 140
 Деметра 125
 Держан, обл. 90
 Джагату, р. 156
 Желал-ад-Дин 28, 41
 Дзирава 285, 286
 Дзорагюх, сел. 172
 Димарос 249
 Диокесария 248
 Диоклетян, имп. 201
 Дипен 160
 Додона 105—108, 110, 132
 Дунай 263, 266
 Дура-Европос, г. 66, 90—92, 100, 131, 140, 186, 197, 207, 228, 244, 259, 270, 274
 Дэймарит 246, 249
- Ебронт, Евронт 135—137
 Евмен 101
 Европа 252
 Евтий 130, 155
 Евтихармид 127, 130, 131, 155
 Евфрат, р. 90, 144, 161, 212—217, 222, 223, 228, 245
 Египет, египетский 8, 86, 103
 Езерово 100
 Екелеад, обл. 62, 144
 Ерваз 87, 136
 Ерванд, сатрап 101
 Ерванд, ц. 87, 136, 137, 139, 143—145
 Ервандакерт 67
 Ервандашат 3, 67, 87, 136, 143, 144
 Ервандиды, Ервандуни 88, 120
 Ереван 23, 28, 254
- Закавказье 4, 8, 17, 75, 148, 189, 242, 245, 252
 Зара, г. 207
 Зарех, ц. 165, 167, 168, 170, 172
 Зариандр, см. Зарех
 Захария Долгорукий 28

- Захариды, род 28
 Эвартноц 253, 254
 Зевах 196, 255
 Зевс 80, 88—90, 95, 132, 159, 244, 274
 Зорский перевал 212
 Эрван 65, 92
- Иберия, иберы, иберский** 4, 16, 26, 99, 165, 196, 200, 212, 217, 242, 261, 282
- Ивано Долгорукий 28
 Иерусалим 60
 Индия 86, 169
 Иоанн, католикос (IX в.) 41
 Ипсигон 249
 Иракий, имп. 159
 Иран, иранский 8, 80, 82—87
 Италия 91, 252
- Кабира, г. (Себаста)** 139
 Кавказ 243, 244
 Кавказ Северный 245
 Кайнеполь 228, 233, 251, 265
 Калигула, имп. 60, 250
 Камах, см. Ани-Камах
 Каппадокия 87, 136, 169, 212, 226, 227, 234, 250, 265, 266, 269, 275, 283
- Каракала, имп. 222, 270, 274, 282
 Каранлуг Верхний, сел. 162
 Караташ 174
 Карафту, гора 156—162
 Каренита 202
 Карин, обл. 174, 202
 Кария 182, 196
 Каркатиокерта 220
 Каркю, гора 161
 Кармир-блуур 3
 Карры, г. 13
 Касал, г. 282
 Касах, г. 281
 Касах, р. 281, 282
 Касперий 26
 катаоны 165
 Кахта, р. 222
 Кезрик, сел. 220—222
 Келасури, сел. 101
 кельтский 101
 Керешто, см. Карафту
 Керчь 185, 197, 201, 207, 248, 249
 Кяликя, кяликйцы 44, 106, 166, 169, 182, 246, 248, 249, 255, 283
- Кир 14, 69
 Китай 165
 Клеопатра, арм. ц-ца 12
- Кованк, сел. 221, 222
 Коллегас 51
 Колофон, г. 105, 110, 111
 Колхида, колхидский 8, 265, 266
 Коммагена 94, 212, 275, 284
 Коммагена, богиня 88
 Коммод, имп. 239, 263, 268—270
 Конон 131
 Копанис, сел. 102
 Корбулон, Домиций 63, 68, 71, 198, 200, 203, 204, 209, 212—219, 221—223, 267
- Корик, сел. 249
 Котайкский р-н 23
 Кош, сел. 28, 278
 Красс 13
 Кремна, г. 56, 57, 66
 Крит, о-в 130, 155
 Кронос 92
 Крым 266
 Ксанф, г. 284
 Куаш, сел., см. Кош
 Кулалы, сел. 162
 Курангун 74, 75
 Курдистан Персидский 75, 102, 156
 Курдуклю, сел. 104, 114, 148, 154
 Кустенджа 260
- Лабрас, см. Аврелий Лабрас**
 Лаодика, ц-ца 88, 142
 Лидия 166, 169
 Ликия, ликийцы 69, 106, 166, 169, 182, 196, 284
- Лициний Сатурнин 268, 269
 Лукий, Люций 246, 250
 Луристан 75
 Лусин 87, 105, 111, 131, 139, 251
 Люций Вер, имп. 227, 229—231, 234, 236, 252
- Маврикий, имп. 27**
 Майкопский р-н 242, 245
 Македония 16
 Макрин, имп. 201
 Максима, Элия 253, 257, 259, 261
 Маку, обл. 25
 Малатия, г. 102, 245
- Малая Азия, малоазийский** 8, 9, 12, 16, 18, 38, 40, 51, 53, 55, 57, 59, 60, 66, 68, 73—75, 77, 83, 86, 88, 91, 99, 104—106, 111, 112, 119, 132, 160, 166, 168, 178, 196, 201, 209, 239, 241, 248—250, 252, 257, 260, 274, 283
- Мамиконян Вардан 27**
 марды 217

- Марк Аврелий, имп. 226, 227, 230, 234, 236, 237, 239, 252, 263, 266, 269
 маркоманы 230, 263
 Мармет 144
 Мартий Вер 227, 230, 232—234, 251, 265
 Мартунийский р-н 162
 Матей 186, 187, 207
 Матиена 284
 Матий, Гай 186
 Матий, Гней 186
 Маштоц, см. Месроп
 Маштоц, католикос 29, 35, 40
 Мёзия 166
 Мелитена 218, 245, 284
 Менней 177, 181, 183, 187, 191, 192, 206—209
 Меритат Аврелий 238—241
 Месопотамия, месопотамский 80, 86, 90, 93, 226
 Месроп Маштоц 103
 Метродор Скепсийский 11, 12
 Мехердат, ц. 159, 241
 Мецамор, р. 27
 Мидия, мидяне 70, 74, 84, 85, 158, 165, 199, 212, 244
 Мизена 141
 Милет, г. 105, 132
 Митани 86
 Митра 55, 57, 62—67, 205
 Митрас 135, 137, 139
 Митридат, хамаркар 174
 Митридат, арм. ц. 26, 36, 203
 Митридат, ибер. ц. 200, 242
 Митридат, правитель М. Армении 165
 Митридат Каллиник 88
 Михр 14, 57, 62—67, 73, 77—95, 130, 205
 Монес 198, 208, 217, 222
 Морфилик 198
 моссинойки 165
 Мурад, р. 212
 Мусасир 69, 70, 73—75, 120
 Мхер (Сасунский) 64, 79, 93, 94
 Мцбин, г. 101, 263
 Мдуурн, г. 263
 Мцхета, г. 50, 69, 196, 200, 284
 Мэн 95, 139, 140
 Мөн-Фарнак 139
 Мөний, сын Харитона 207
 Набу 100
 Нанө 83
 Нга-тун, обл. 280, 281
 Неаполь 199
 Недвиговка, сел. 207
 Немруд-даг 88, 94, 95, 137, 160
 Нерон, имп. 62, 68, 71, 94, 189, 198—201, 204, 205, 209, 212, 214, 217—219, 221, 223, 235, 250
 Ниг, Ниге, г. 272, 273, 276, 279, 280, 283
 Ниг, обл. 278—283
 Никополь, г. 174, 248
 Ним, Немаус, г. 60
 Ниневия 101
 Нисибин, г. 101, 263
 Ниха 55, 66, 90, 91
 Нор-Баязетский р-н 162
 Нор-Калак, г. 228, 251, 265
 Норк, сел. 28
 Нумений 141—143
 Нухинский р-н 189
 Октемберян, ст. 104
 Олана, Воландум 212
 Ород, ц. 13
 Оронт, арм. сатрап 101, 137
 Оронт, р. 225
 Отена, обл. 232
 Ошакан 27
 Пакор, арм. ц. 102, 226, 227, 231, 232, 235—245, 248, 251, 259, 260, 264, 266
 Пакор, мид. ц. 199, 201, 215, 244
 Пакор II, парф. ц. 244
 Пакор, парф. ц-ч 244
 Паламид 132
 Палестина 103
 Пальмира, пальмирский 100, 131, 228, 257, 261, 274
 Памфилия, памфилицы 57, 59, 106, 182, 196.
 Панид, халкид. ц. 149
 Паннония, паннонский 214, 218
 Пап, арм. ц. 285—287
 Парфия, парфяне 61, 103, 197—199, 212—215, 217—219, 224—227, 229—231, 234, 236, 237, 240—242, 244, 251, 252, 262, 263; парфянский б, 12, 13, 62, 159, 236, 239, 283
 Пасаргады 69
 Патрокл 131
 Пелаמיד 110, 127, 130—132, 155
 Пергам, г. 44, 57, 60, 178
 Пергө, г. 59, 91
 Передний Восток 59, 86

- Передняя Азия 17, 69, 72, 74, 79, 83,
 100, 225, 252
 Перс 120, 122, 127, 149, 151
 Персия, персы, персидский 25, 27,
 28, 82, 84, 87, 88, 95, 141, 165,
 173, 262, 277, 285, 286
 Пий, имп., см. Антонин Пий
 Писидия, писидийцы 51, 52, 56
 Помпеи, г. 159
 Понт 94, 137, 139, 178, 218
 Попиаллий Макрин, триб. когорты 264,
 265, 267
 Поплий (Публий) Элий Валент, см.
 Валент
 Приена, г. 182
 Приск, см. Статий Приск
 Причерноморье 200, 208, 248, 249
 Пёт 198, 214—218, 220, 222, 223

 Радамист 26, 27, 36, 197, 203, 212
 Рандея, г. 198, 200, 212—214, 216—219,
 223
 Рескупорид, ц. 201, 207
 Рим, римляне 3, 4, 8, 13, 16, 18,
 60—64, 68, 70—72, 90, 100, 103,
 138, 147, 198—201, 212, 218, 219,
 222—224, 227, 229—231, 234—240,
 242, 250—252, 261—270, 282, 285,
 286; римский 12, 26, 27, 34, 36,
 54, 55, 60, 71, 72, 252, 265, 267,
 268
 Римятак, ц. 185
 Родомитр[ас] 272, 273

 Савмак 8
 Савромат, ц. 201, 207
 Сагаласс, г. 51—57, 59, 60, 66, 75,
 76, 111, 112, 189, 208
 Саккиз, г. 156
 Самбулос, гора 159
 Самосата, г. 222
 Самсегерам 235
 Самсун, г. 122
 Самтавро, могильник 284
 Санатрук I, арм. ц. 101, 262
 Санатрук II, арм. ц. 262, 263
 Саргон, ц. 69
 сарматы 262—263
 Сасан 173
 Сасаниды, сасанидский 27
 Сатурний, см. Лициний Сатурний
 Себаста, г. 139
 Севан, оз., севанский 10, 27, 158,
 162, 163, 165, 170, 172
 Север, Септимий, имп. 201, 222
 Севериан 226, 227
 Селевк I, 132
 Селевкиды, селевкидский 14, 70, 119,
 143, 146, 165
 Селевкия, г. 145
 Селевкия-Ктесифон, г. 236, 251, 283
 семитический 84, 86, 100, 131, 140,
 239
 Сенд-кала 169
 Серапита 195, 196, 255
 Сестилий, Гай Юлий 249
 Сикнон, г. 160
 Сирия, сирийцы 8, 16, 26, 55, 75,
 86, 90, 91, 99, 103, 145, 165, 182,
 196, 201, 209, 222, 225, 226, 235,
 239, 244, 252, 266, 274, 275; сирий-
 ский 53, 80, 82, 142
 Скилл 160
 скифы, скифский 8, 79
 Слмбат, полков. (II в. до н. э.) 144
 Сократ 105
 Софена 165, 168, 220
 Соём, арм. ц. 225, 226, 234—236,
 240, 262—264, 266
 Средиземноморье, средиземноморский
 16—19, 69, 75, 79
 Средняя Азия 17, 86, 165
 Статий Приск 227, 228, 232, 233, 251

 Табы, г. 145
 Тавр 161, 214, 220
 Таксила, г. 169
 Талиш 76
 Тамань 201
 Тамара, ц-ца 28
 Танаис 178, 191, 207
 Тападыби, сел. 154
 Тарон, обл. 160, 161
 Тахт-и-Сулейман 156
 Тбилиси, Тифлис 30, 114
 Термесс, г. 38, 52—56, 59, 66, 75,
 111, 112
 Тигран II 11, 12, 62, 63, 90, 93, 130,
 212, 283
 Тигран V 198, 208, 213
 Тигран „Последний“ 225, 226, 234,
 262
 Тигранакерт, г. 9, 103, 198, 213, 214,
 243, 274, 275, 283, 285—288
 Тимур 38
 Тир, Три, бог 83, 189
 Тиран, ц. 188—190, 206
 Тиридат 175, 181, 187, 188, 190, 191,
 195
 Тиридат, арм. сатрап 229—231

- Тит, имп. 200
 Тит Аврелий Фульвий 221
 Трапезунт, г. 94
 Траян, имп. 4, 60, 61, 63, 64, 224, 230, 242
 Трдат I, арм. ц. 36, 38, 62, 63, 67, 68, 71, 90, 91, 94, 188, 189, 191, 193, 195, 197—205, 207—215, 218, 219, 223, 262, 274, 282
 Трдат II, арм. ц. 195, 282
 Трдат III, арм. ц. 27—30, 32, 33, 36, 41, 43, 56, 62, 65, 67—69, 72, 77, 78, 101, 161, 174, 188—190, 192, 193, 195, 204, 205, 209, 210, 274—276
- У**
 Удины 163
 Узунджа-бурдж 248
 Ульпий Антисфен 201
 Умидий Квадрат 26
 Урарту, урарты, урартский 3, 36, 38, 69, 73, 74, 86, 99, 104, 206
 Урмийское оз. 71, 156, 158, 159
 Ути, обл. 232
- Ф**
 Фанагория 201
 Фарасман, ибер. ц. 26, 200, 212
 Фарнак, понт. ц. 137, 138
 Фарнак-Мөн, божество 139, 140
 Фасис 265
 Феоникон Василид 207
 Фессалия 107
 Филадельфа 142, 143
 Филинос 132
 Филопагира 197
 Филы, о-в 178
 Фракия, фракийцы 100
 Фригия, фригийцы 69, 87, 106, 182, 196
 Фукидид, легат 234
- Х**
 Хайаса 83, 84
 Хайк 26, 89, 104, 105
 Халд, божество 74, 206
 халды 74, 220
 хадибы 165
 хакидский 149
 Харакс, г. 266
- Харберд, г. 198, 200, 209, 212, 214, 219, 220, 223, 226
 Хармид 130, 155
 Харпут, см. Харберд
 Хатра, г. 93
 хенюхи 212, 224, 229—231
 Херсонес, г. 258
 хетты, хеттский 83, 84, 86, 220
 Хор-Вираб 165, 224
 Хорсабад 69
 Хосров II, сасан. ц. 27
 Хосров, парф. полков. 251
 Хосров Котак, арм. ц. 27, 204
 Хосровиухт 27, 36, 38, 41, 69, 174, 210
 Христос 73, 92, 206
- Ц**
 Цезарь, Гай Юлий 14, 70, 186
 Целий Кальвин, легат 268, 269
 Целий Поллон, префект 26, 203
 Цул, гора 160
- Ч**
 Черное море 122, 229
 Черноморское побережье 165, 178, 196, 200, 230, 265
- Ш**
 Шамшаграм 235
 Шапур II, сасан. ц. 285, 286
 Шахриар, сел. 114
- Э**
 Экбатана, г. 70
 Элегия, г. 226, 227
 Элий Валент, см. Валент
 Элия Валентина, см. Валентина
 Элия Максима, см. Максима
 Элиманда 145
 Эллада, эллины, эллинский 16, 17, 19, 27, 75, 82, 87, 95, 105, 136
 Эмеса 225, 235
 Эпир 105
 Эрзерум, г. 174
 Эчмиадзин, г. 114, 148, 228, 251, 253, 254, 262, 264, 267
- Ю**
 Юлий Цезарь, см. Цезарь
 Юлий Менестрат 201
 Юлий Опат 207
 Юлий Эрот 207

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- абак, архит. 47
 аван, арх. 27
 авгуры 106
 агарак, арх. 6, 7, 10, 164, 173, 179, 180, 187, 193, 203, 205, 211
 агат 174
 агора 111, 112, 207
 адитон, архит. 55
 аканф, орнам. 14, 46—49, 51, 54, 55, 57, 70, 72, 73, 75, 76
 акротерий, архит. 51, 69, 73, 74
 актеры 12
 алтарь 41, 157, 237, 241
 алфавит армянский 12, 44, 83, 103, 172
 Аму-дарьинский клад 132
 анасса, греч. 246, 247, 250
 ангария 202
 анта, архит. 44—46, 72
 антаблемент, архит. 25, 49, 54
 апаран, арх. 40, 281, 282
 апсида, архит. 39—41, 50
 аргпет, арх. 63
 арка, арх. 63
 арка, архит. 30, 57, 217
 археологические работы 6, 7, 14, 34, 36, 38, 79
 архивы армянских царей 12, 81
 архитрав, архит. 46—49, 51—53, 57, 72
 атлант, архит. 48, 56, 64—67

 баг, бага 87, 90
 багин, арх. 87
 база, архит. 40, 46, 47, 52, 210
 базальт 14, 23, 27—29, 33, 43, 45, 49, 51, 55, 70, 75, 115, 134, 162, 174—176, 208, 210, 271
 базилика, базиличный 40, 51, 76, 281
 баюстра, архит. 46, 54
 барабан, архит. 45
 башня 23, 33, 36, 116, 164, 173, 206—208

 бдеахш, бдехш, арх. 195
 билингва, см. надпись двуязычная
 „благодарность, благодарный“ 185, 187
 бог, богиня, божество 14, 33, 34, 53, 60—64, 77—95, 106—113, 125—127, 132, 155, 205, 206, 286
 бог-покровитель царя 14, 86, 94, 130
 „боги подземные“ 238, 240, 241, 246, 248, 258, 259
 борьба армянского народа за независимость 3, 6, 7, 8, 198—200, 212—239, 251
 бронза 23, 46, 47, 49, 95, 107, 210
 бусы, архит. 47
 бут, стронт. 39
 бык, в культе 64, 92, 93

 „Ваханки“ Еврипида 12, 57, 82
 вал, валик, архит. 46, 48, 52
 „варвары“ 26, 95, 203, 213, 218, 227
 вексилларии 266
 вексилляции 264, 265, 268—270
 венец царский 62, 199—201, 218, 219, 224, 236
 венчик, орнам. 74
 ветка с завитками, орнам. 47, 48, 55
 вещание оракула 106, 109—111, 113, 119, 120, 122, 125, 132, 137, 140
 виноград, орнам. 47, 72
 виноградник 102
 виноделие 182
 випасаны, арх. 147
 „владыка, властитель“ 187, 195
 военнопленные рабы 9
 валюта, архит. 46, 54, 72, 74
 ворота городские 111, 144, 207, 208, 233, 284, 286
 ворота крепости Гарни 30, 33, 34, 37, 42
 восстание армян 4, 9, 10, 229—234, 237, 251, 266, 285—288
 восстание рабов 8, 9

- восьмиугольник, орнам. 49, 57
 вотивный 117, 127, 129, 131, 155, 156, 244
 вспомогательные отряды римские 212, 261, 267
 выкуп стоимости постройки 187, 206—208, 211
 гадание 105, 109—113, 120
 гарнизон римский 26, 61, 198, 203, 228, 231, 233, 251, 265, 266, 269
 гексаметр 110, 149, 150
 гетерограммы 168, 172
 гиеродулы 136
 гнезда для шипов и скреп 39, 48, 51, 176, 210
 город 3, 7, 9, 10, 12, 18
 „гостеприимец“ 82
 „государь“ 187, 195, 200
 гранат 48, 76
 графито 159
 гробница, гроб 69, 74, 75, 245, 258
 гусаны, арм. 14
 гусёк, архит. 48
 „Да-у-духтар“, гробница 74
 „дар“ 278
 дарман, арм. 279
 дары 14, 68, 71, 110, 119, 130, 131, 161, 199, 244, 245
 дастакерт, арм. 6, 7
 дверь храма 28, 29, 43, 47—50, 52, 57, 59
 двор царский 11, 12, 65, 102
 дворец в Гарни 28—30, 32, 33, 36—38, 41, 69
 деревня 7, 10, 18, 102, 164, 173
 дерево, деревянный 49, 50, 72, 95, 241
 „деспот“, греч. 177, 190, 200, 201
 деспотия восточная 18, 165
 диадема 195, 218
 дигамма, буква 136
 дидактический, см. нравоучительный
 диглография 122
 дифтонги 102, 178, 246
 добавочные дни года 139
 договоры 93, 138, 186
 „дом в скале“ 156
 „дом прохлады“ 28
 домэн 191, 280
 „дороги царские“ 29
 драматические произведения 13
 драматурги 12, 127
 дуализм 80
 дуб 27, 105, 202, 204
 „дуновение“, „дыхание воздуха“, в гадании 105, 112, 113, 132
 дэвы 80, 85, 93, 286
 жгут, архит. 47
 железо 23, 27—29, 43, 44, 46, 161, 162, 174, 210
 жертвенник 87
 живопись, живописец 76, 92
 жрец, жречество 62, 63, 87, 102, 104, 107—110, 119, 136, 139, 140, 160, 199, 218, 221
 завеса 50
 закрепощение 287
 замок 27
 звезда, орнам. 62
 „здоровье, здравствование“ 134, 135, 138, 139, 141, 142
 землевладение, землевладельцы 10, 17, 102
 земледелие, земледельцы 14, 82
 землетрясение 23, 25, 33, 37, 43
 земли знати 10, 282
 земли царские 10, 89, 119
 знать армянская 9, 10, 13—15, 59, 77, 102, 173, 286
 зодчий, зодчество 23, 59, 70, 71, 73
 золото, позолота 70, 82, 95, 100, 104, 160, 161
 зороастризм 50, 79, 83, 158
 зубцы, архит. 48, 69, 162, 164, 170, 171, 173
 изафет 171
 император римский 60—62, 173, 199, 221, 223, 264, 268
 импост, архит. 53
 ионики, архит. 46—49, 72
 ионический ордер 29, 43, 46, 52, 53, 72, 74
 иотацизм 102, 196, 238, 246, 249
 кабан, изобр. 174
 каблучок, архит. 47—50
 календарь армянский 93
 календарь древнегрузинский 93
 календарь селевкидский 137, 275
 календарь сиро-македонский 137, 139
 каменный век 148
 каннелюры, архит. 43, 45, 53
 капитель, архит. 29, 30, 46, 47, 50, 52—54, 69—70, 72—76
 карниз, архит. 39, 41, 43, 47—49, 69

- карп, рыба 170
 „картина“ 130
 квадрига 93, 107, 111
 кессон, архит. 49, 57
 кирпич 91, 265, 266
 кладка камней 33, 42, 43, 67
 классовая борьба 9, 287, 288
 клерухи 126
 когорта 185
 койнэ 102, 103
 колесница 65, 107, 108, 111, 130, 132
 колониальная политика, колонизаторы 27, 81
 колонна, архит. 25, 27—29, 32, 33, 43, 45, 46, 49, 50, 52—54, 66, 69, 70, 73, 223, 224
 конница 198, 199, 219
 консул, консульство 221, 223, 235, 268
 конь 93, 107, 111, 130
 копье 69, 74
 „кормление“ 279
 корона 195, 276
 косяк, архит. 28, 48, 49, 111
 кочевничество, кочевники 18, 282
 кошик, арм. 277
 крепость 3, 27, 33—42, 144, 156, 176, 222, 265, 283
 крест, орнам. 175, 194, 221
 крипта 50, 66, 90, 91, 93
 кровельная плита 39
 крыша, см. перекрытие
 культ императора 60, 61
 культ огня 158
 культ предков 87, 105, 111, 131
 культура армянского народа 4, 11—14, 16, 19, 59, 77, 82, 85, 103, 119, 237, 243
 купля-продажа 102, 186
 купол, архит. 39

 лабиринт, орнам. 118, 119
 лавровые листья, орнам. 73
 легат, легат Августа 221, 224, 265, 268
 легендарные предания 26
 легион I Италика 258, 259, 266
 легион II Галлика 212, 218, 219, 221, 223
 легион III Киренаика 91, 270
 легион IV Скифика 91, 270, 274
 легион V 218
 легион VI Феррата 212, 218
 легион XII Фульмината 234, 264—266, 269
 легион XV Аполлинарис 218, 234, 253, 256, 259, 261, 264—266, 268, 269

 легион XVI Флавия 91, 222
 легионер 258, 261, 263, 265, 267
 легионы римские 60, 68, 91, 198, 212—216, 219, 224, 226, 229, 233, 270
 лестница 116, 156, 157, 210
 лестница храма в Гарни 28, 29, 43, 48, 55, 64
 „летний дом“ 27, 28, 36, 41, 174
 лигатура 267, 274, 275, 284
 листья, орнам. 46
 литература, литературный памятник 28, 81, 102, 103, 106, 109, 121, 122, 137, 145, 146, 149
 литург, греч. 183, 184, 187, 192
 литургия, греч. 183—186, 191, 202, 207, 208, 211, 277
 луна, божество 87, 105, 139
 львиные головы, орнам. 39, 48

 маг 199
 маэдеисты 285
 манихейство 65, 92
 мегистаны, греч. 213, 219
 месяц календарный 110, 137—140
 метание костей 120
 метки мастера 43, 44
 метрическая форма 110, 117, 150, 245, 248
 мезеан, арм. 38, 63, 65, 93
 мезекан, арм. 93
 миниатюра, виз. 56, 65
 мистерии 66
 митраизм, митранстический 64—66, 73, 90—92
 митрейон, храм 66, 88, 90—92
 мифические представления 79, 94
 миһр, арм. 93
 миһракан, груз. 93
 могильник, могилы 3, 157
 модуль, архит. 76
 молот 161, 162
 монеты 4, 50
 монеты армянские 62, 93, 103, 130, 132, 168, 235
 монеты парфянские 103, 252
 монеты римские 60, 61, 224, 234—236, 252
 монеты тимуридские 28
 монеты хулагидские 28
 монетный двор 28
 монофтонги 102, 246
 мост 213, 222, 223
 мостовая 35
 мрамор 32, 55, 95, 156, 157, 223
 музыкальные произведения 13
 муравей, в гадании 109

- „Шабар войсковой“ 27
надгробный памятник 143, 144, 155, 175, 253, 254
надписи армянские 28, 40, 41, 206
надписи двуязычные 100, 196, 260, 274
надписи клинописные 80, 206
надписи надгробные 103, 122, 163, 237, 241, 246, 254, 257, 258
надписи посвятельные 182, 189, 192, 201
надписи строительные 182, 187, 192, 206—208, 222, 260, 265
наемники греческие 6
наличник, архит. 48, 49, 52, 57
народность армянская, сложение ее 14, 15, 84, 119
насекомое, в гадании 109, 113
наследование 102
нахарар, нахарарский род, строй 6, 84, 182, 192, 281, 282
некрополь Валаршапата 254
некрополь Гарни 36, 69
„диспосланное божеством“ 113, 125, 132
ниша, архит. 91, 157, 158, 245
нравоучение, нравоучительный 110, 121, 122, 127
нумизматика 79
- облицовочные камни 39
оборонительные сооружения 203, 204, 213
обряды, обычаи 79, 80, 93, 158
обувь 277, 278
община городская 286
община сельская 7, 9, 18
общинники 10, 11, 17, 18, 102, 287
огонь „священный“ 50, 90
окно 36, 156, 157
оккупационное войско 61, 212, 224, 261, 269, 270
оракул 59, 102, 105—112, 116, 120, 125, 128, 132, 140, 146, 147, 227
ордер, архит. 47, 74, 75
орел, орнам. 62, 93
орошение искусственное 18
осада, осадная техника 26, 33, 203, 212, 213
оседлость 18
остан, арм. 27, 183
охота, охотничьи загоны 174, 204, 283
ошибки грамматические 180, 186, 257, 260, 270
ошибки орфографические 138, 178, 180, 238, 257, 267
- шалеографические данные 119, 136, 159, 169, 196, 197, 238, 243, 246, 255, 274, 275, 284
пальма, орнам. 74
пальметка, орнам. 48
папирологическое письмо 119
папирус, орнам. 74
папирусы 119, 135, 246
патриархальные отношения 6, 17, 18
пентаметр 150
первобытно-общинный строй 7, 17, 165
пержиточные явления 5, 17, 77, 94, 165
перекрытые, архит. 39, 49—51, 69, 70, 72—74
переселения армян 25, 204, 283
периптер, архит. 43, 46, 53
перистиль, архит. 38
песни, певцы 14, 79, 147, 161
песчанник 134, 220, 267
печати 102, 174
пещера, пещерное сооружение 66, 93, 108, 120, 156, 158
пилон, архит. 43, 48, 55, 56, 64—66, 69, 92
пиластр, архит. 40, 44, 46, 72
писцы дворцовые 103
письменные источники 4—8, 13, 26—29, 33, 36, 38, 77—80
письмо арамейское 12, 44, 81, 99—101, 103, 162—174, 260
письмо армазско-арамейское 169
письмо армянское 44, 81, 99
письмо греческое 12, 15, 27, 44, 81, 99—101, 103, 119, 131, 168, 171, 174, 195, 211, 242, 243, 260, 261
письмо египетско-арамейское 166
письмо латинское 101
письмо парфянского, пехлевийского 99, 100, 102, 103, 171
письмо сирийское 101, 103
платаны 105, 106, 109, 112, 116, 120
плавт, архит. 46
плиты тесаные 40, 43, 45, 174
плющ, орнам. 47, 72, 255
пляски, плясун 29, 79
пшак, арм. 108, 164
пограничные знаки 10, 164, 168, 171—173
подий, архит. 69, 73, 74
пол в храме 43, 45
полис, греч. 18
полочка, архит. 47, 48, 50
полубоги 80, 85
полуколонки, архит. 41

- полупальметки, орнам. 46, 49
 портик, архит. 43, 44, 49, 51, 53, 57, 73, 74
 порфир, геол. 174
 потолок храма 28, 49, 57, 72
 потолочные плиты 49
 предназначение 110, 122
 префект 26, 203
 префектура 201
 придел, архит. 40
 провинция римская 4, 8, 60, 61, 72, 90, 208, 224, 229
 „продовольствие для войска“ 279
 проем двери 53, 64
 пронаос, архит. 45, 53, 100
 прорицания, прорицатели 106, 122, 132, 137
 птицы 110
 пунические стелы 171
 пунктирная надпись 242, 244
 пчела, в гадании 109
 пьедестал, архит. 47, 157
- раб** 6—8, 10, 11, 16, 119, 158, 201, 216, 286—288
 рабовладельцы 8, 16
 рабовладение, рабовладельческий строй 5—8, 11, 16—19, 99, 119, 127, 165
 раздел наследства 110, 126, 127
 размежевание земельных участков 10, 173
 распределение земель 183, 282
 резец, резчик, резьба 41, 55, 70, 71, 75, 76, 119, 171, 255, 258
 резиденция 28, 37, 38, 62, 68, 94, 165, 203, 204, 263, 281
 реконструкция храма 30, 31, 33, 46
 религия 4, 14, 77—95
 рельефы 27, 36, 48, 52, 55, 64, 66, 69, 88, 91—93, 95, 174
 ремесленники 71, 287
 решетка, архит. 156
 ров 162, 165, 173, 265, 266
 род, родовой строй 6, 119, 182
 роза, ботан. 246
 розетка, орнам. 49, 93
 ромб, орнам. 48, 49, 57
 рочик, арм. 279
 роца „священная“ 105, 106, 108—110, 112, 116, 120
 рукавицы 276, 277
 рыба, рыболовство 170, 171
- саркофаг 238, 241, 248
 свидетели 102, 186, 187, 207
 свинцовая заливка 23, 27—29, 43, 174, 176, 210
 свод, архит. 39, 54, 69, 156, 157
 сети рыболовные 170, 171
 символы 62, 93, 255
 синкретизм 79, 80, 88
 сказания народные 12, 14, 78, 101, 102, 131
 склеп 50, 69
 скоция, архит. 46
 скрепы, скобы 22, 27—29, 34, 43, 44, 51, 111, 129, 174, 176, 210
 скульптура 12, 43, 72, 91
 слезник, архит. 48
 собака, изобр. 174
 собор Аштишатский 287
 собор, здание в Гарни 35, 37, 40, 41
 „с соизволения“ 187
 солицизмы 171
 солнце, божество 14, 62, 63, 67, 77, 86—88, 91, 93, 94, 104—106, 130, 205
 софиты, архит. 47, 49, 52—54
 спайпет, спайпет, спарпет 177, 184, 185, 187, 194, 202, 211
 спейра, спирарх 185
 спирали, орнам. 47, 74, 118
 средневековый 3, 38, 54, 72, 206, 211, 220, 233
 ставленник римский 4, 26, 198, 203; 204, 208, 212, 225, 234, 237, 250, 263, 264, 266, 270
 статуи 14, 35, 60—64, 77, 78, 87—92, 94, 104, 105, 111, 130, 137, 157, 160, 161, 185, 219
 стены 19, 28, 30, 33, 34, 36, 39—47, 49, 50, 68, 69, 116, 118, 165, 176, 203, 206, 208, 209, 251, 265, 267, 270, 283
 стилобат, архит. 24, 43
 стихи, стихотворный размер 109—111, 148—150, 250
 стратег 165, 184, 185, 202
 стратегия 201, 202, 282
 строительное дело 12, 44, 67, 71, 73
 стропила 49, 72
 ступени храма 28, 29, 35, 39, 40, 43, 115
 субструкция 43
 сухарики, архит. 48
- таблички глиняные 100, 108—110, 132
 таблички свинцовые 107, 108

- танутәр, арм. 183
 „тахт Трдата“ 23, 32, 69
 театр 12, 57, 59, 242, 243, 283
 тиара 62, 93, 95, 195
 тикин, арм. 27
 тикнуни, арм. 27
 тимпан, архит. 50
 титан 64, 92
 титулатура 135, 168, 172, 190, 223, 235,
 239, 240, 242, 252, 265, 268, 270,
 276
 трагедия 12, 110, 117, 124, 126, 127,
 132, 147, 244
 трибун военный 268, 269
 трибун когорты 264, 267, 269
 триумф 199
 трофей 217, 234
 туф 39, 40, 254
 төр, арм. 182, 183, 187, 195, 211
 тяга, архит. 47, 72
- углубления чашевидные 108, 109, 115,
 118, 164
 указ царский 27, 183, 281
 указ царский 9, 103, 285—287
 усыпальница 29, 35, 40, 143, 144
- Фасад, архит. 25, 31, 40, 42, 45, 48,
 51, 52, 54, 56, 74
 феодализация 7, 8, 99, 195
 феодальный строй 5—8, 11, 278, 282,
 285, 287
 февраль 272, 273, 275, 280, 281
 форель 171
 фриз, арх. 14, 47, 49, 52, 54, 69, 72,
 76
 фронтон, архит. 25, 39, 50—52, 56—57,
 66, 67, 69, 73, 74
 фуст, архит. 25, 45, 46, 52, 53, 74
- хачкар 176
 хашар, арм. 27, 202
 хилиарх 102, 201, 253, 256, 259
 „хлеб“ 279
 храм 14, 44, 50—57, 59—63, 65, 66,
 69, 70, 74, 77, 78, 80, 87, 89—91,
 100, 105—107, 109, 111, 112, 116,
 119, 120, 130—132, 140, 143, 147,
 160, 161
 храмовые книги, реестры 78, 244
 христианство 35, 38, 62, 72, 76, 78, 89,
 90, 92—94, 145, 190, 195, 205, 286
- „царь“ 63, 136, 178, 195
 цари, царица, царевна 2, 13, 62, 63,
 84, 94, 168
 царрай, арм. 287
 цветок, орнам. 48
 цеλλα, архит. 45, 47, 49, 50, 53, 64, 66
 центурион 26, 218, 219, 264, 267—270
 церковь христ. 38, 61, 64, 191
 цифры 137, 181, 196, 255, 256
 цоколь, архит. 40, 43, 44
- часовня 35, 38—40, 50
 черепица 50, 51, 69
 четверка коней 107, 111, 131
- шелест листьев, в гадании 105, 112,
 113, 140
 шипы, архит. 23, 39, 46—48, 51, 111,
 210
 шлак вулканический 39
- элегия, элегический размер 28—30,
 35, 111, 245, 248
 эллинизм, эллинистический 6—8,
 15—19, 44, 54, 59, 77, 102, 119, 166,
 168, 243
 энеолитический период 36
 эпидемия 236, 251, 252
 эпитафия 143, 145, 196, 241, 250
 эпос, эпические сказания 4, 14, 26,
 77—79, 92—94
 этнический 16, 17, 83, 130, 165
 эхин, архит. 47
- юридические термины, документы 102,
 183, 187
- язык арамейский 100, 102, 167, 169,
 171, 249
 язык армянский 11, 14, 15, 80, 84, 119,
 164, 165, 167, 168, 170—172,
 249
 язык греческий 12, 15, 100—103, 119,
 241, 242, 249, 260
 язык латинский 249
 язык парфянский 89, 90, 99, 100,
 166—168, 172
 ямбический размер 124—125
 ярмо, sub iugum 198, 212, 215, 216

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Августин** 65
Авеста 64
Агафангел 77, 78, 82, 83, 89—91, 94, 95, 161, 162, 190, 205, 210, 276
Аноним, у Себеоса 101
Аппиан 143, 145, 263, 264, 283
Арриан 230
Асиний Квадрат 232, 239
Асохик 41
- Бардецан** 78, 81
Бузанд, см. Фавст Бузанд
„Вещания валинских богов“ 128
- Гаты** 85
Геродот 179
Гесиод 65, 110, 117, 121, 122, 127, 130, 149—151
Гомер 149
Григорий Дараналийский 29
- „Давид Сасунский“, впис** 14, 64, 79, 94
Диодор Сицилийский 78, 101
Дион, Кассий 62, 63, 67, 78, 94, 178, 199, 205, 210, 216, 217, 219, 226, 229—232, 234, 235
- Еврипид** 12, 82, 88, 125—128, 130, 132, 152, 153, 178, 179, 244
Евсевий 80, 89
Евтропий 216
Езник 65, 78, 92
Елише 27, 65, 78, 92, 189, 190
- Иоанн Мамиконян** 249
Иосиф Флавий 60, 179, 229, 251
Исократ 17, 149
- Капитолин, Юлий** 225—228
Кассий Дион, см. Дион
- Киракос Гандзакский** 41
Ксенофонт 6, 93, 105
- Лазарь Парбский** 78, 103
Лукач 147
Лукиан 95, 179, 227
- Мар Абас Катина (Мараба)** 78, 101
Менандр 125, 127, 128, 130
Моисей Хоренский 9, 10, 14, 26, 27, 30, 33, 36, 38, 43, 57, 60, 62, 63, 67—69, 77—79, 84, 87, 90—92, 94, 101, 102, 104—106, 112, 113, 131, 136, 143, 144, 146, 147, 160, 161, 164, 173—176, 190, 198, 202, 204, 209—211, 225, 226, 228, 235, 262, 263, 276, 277, 282, 285
- Мхитар Гош** 233
- Одописец Тамары, см. Чахрухадзе**
Олимпий 78
Орбелян Стефан 27, 28
- Павсаний** 120, 122, 130, 155, 160, 179
Плиний 11, 44, 78, 91, 95, 141, 160, 199, 201, 202, 210, 282
Плутарх 11—13, 57, 78, 81, 124, 179, 281, 283
Полибий 70, 106, 143, 145, 146, 165, 220
- Порфирий** 159
Птолемей 136, 266, 282
- Светоний** 199
Свида 232, 262, 277
Себеос 27, 104
Симеон Апаранский 25, 28, 29
Софокл 125, 127, 130, 132.
Спартиан Элий 224
Стефан Византийский 232
- Страбон** 15, 62, 71, 78, 88, 136, 139, 165, 201, 212, 220, 280, 283

- Тацит** 26, 33, 61—63, 110, 159, 180,
199, 203, 204, 208, 210, 212, 213,
215—219, 222, 241
„Теософия“ (V в.) 128
- Фавст Бузанд** 27, 28, 160, 161, 202,
204, 262, 263, 278, 286
- Филон Александрийский** 11
- Флавий**, см. **Иосиф Флавий**
- Флор** 70
- Фотий** 225
- Фронтин, Юлий** 213
- Фронтон** 227, 228, 230, 236, 240
- Цицерон** 105, 106, 109, 111, 112, 186
- Чахрухадзе** 28
- Шавтели** 132
- Ямвлих** 225, 235
-

НАЛИЧНЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ СЛОВА В ИЗДАВАЕМЫХ НАДПИСЯХ

Греческие слова¹

- * ἀγ[άραχον] 177, 187
 ἀγοράζ(ω): ἡγόρασα 237—238
 ἄγω: ἡγαγόμεν 246—247
 ἀδελφός: [τόν ἀδελφόν] 120; ἀδελφῶ
 237—238
 Ἀθηναῖς 246—247
 ΑἼ (цифры) 177, 187
 Αἴλ(ιαν) 253
 Αἴλ(ιος) 253
 * αἴσσω: ταῖς αἴξεις (sic) 253
 ἀκλεές 142—143
 ἀκοή: περ' τῶν ἀκ[ο]ῶν 123—124
 ἄλε 43, 44
 ἀληθεία: τῆς ἀληθείας 123—124
 ἀλλά 121, 123—124, 142
 ἄλλος: ἄλλωι 246—247
 ἀμείβω 142
 ἀμ[φί] 142
 ἄν 134—135, 138
 * ἀνά[κτωρ] 177, 187
 ἀνχσσα 246—247
 ἀνατίθημι: ἀνέθηκεν 253
 ἀνέζω: ἀνέζη 286; табл. 89, 7
 ἀνῆρ 253
 ἄνθος: ἄνθει 246—247
 ἄνθρωπος 123—124
 ἀνίκητος: τόν ἀνίκητον 177, 187
 Ἀντωνία: Ἀντωνίης 246—247
 Ἀπελλαῖος 138
 * ἀποκνέω: ἀποκ[νήσει] 120
 Ἀπολ(ιναρις) 253
 * Ἀρλοχους (?) 123—124
 * [ἀρ]μαδοσειρων 134—135
 Ἀρμενία: Ἀρμενί[ην] 142; Ἀρμενίας 177,
 187, 272—273
- * Ἀρ[τάξις] 134—135
 ἀρτασ., α 272—273
 Ἀρτεμίσιος: Ἀρτεμείσιος 138
 ἀτάσθαλα 246—247
 Αὐδναῖος 138
 Αὐρήλιος 237—238; Αὐρ[ηλίω] 237—238
 αὐτός: αὐτου 134—135; αὐτή 123—124;
 αὐτήν 246—247; αὐτόν 123—124
 αὐτησμῶι (?) 142
- В (цифра) 238**
 βασιλεία: τὴν βασιλείαν 134—135; τῆς
 βασιλεί[ας] 177, 187
 βασιλεύς 134—135, 141, 237—238,
 272—273; παρὰ βασιλέως 242—243;
 θεοῦ βασιλέως табл. 89, 2; τῶν
 βασιλείων табл. 89, 2, 5
 βασιλίσ(σ)α 177, 187
 βίος: βίον 134—135
 βοηθεία табл. 89, 8
- γάμος: πρὸς γάμον 246—247
 γάρ 123—124
- * Γεντζύνη (?) 272—273
- * γίγας: γ[ιγάντας] 123—124
 γιγνώσκω: γει[νώσκατε] 287; табл. 89, 7
 γλυκύτατος 237—238
 γλύφω: γέγλυπται табл. 89, 8
 γλώσσα 123—124
 Γορπιαῖος 138
 γραφω: ἐγραψε табл. 89, 7; ὁ γράψας
 246—247
 Γυνтουνη 272—273
- Δάτισιος 138
 δε 123—124, 134—135, 142, 246—247

¹ Звездочкой отмечены восстановленные слова.

- * Δειμαρής 246—247
 δείματα 123—124
 δεσπότης 177, 187
 [δῆ] 123—124, 142
- * Δῆω 123
 διατελέω: δεκτελεσεις (sic) 134—135
 δίδωμι: ἔδοκεν (sic) 272—273
 δικαίως 123—124
 Δίος 138
 δόμος 123—124
 δούλος: τοὺς δούλους 286, табл. 89, 7
 δύναμις: δυνάμειος табл. 89, 4
- * δυς τι (?) 123
- * [δ]ύσσι (?) 123—124
 ουσινος 246—247
 Δύστρος 138
- Ἐβρόνη[ς] 134—135
 ἔγγονα, τὰ 134—135
 ἔγω 123—124, 142; ἐμεῖο 246—247;
 ἐμοί 238
 εἰ 134—135, 246—247
- ΕΙ (μῆφρη) 253
 εἰμί 129; εἴσαν 246—247; ἔστι 123—
 124
 [εἴ]πε 142
 εἰς 272—273
 εἰσέρχομαι: εἰσιαῖδω 159
 ἐκδύω: [ἐκ]δύνει 123—124
 ἄλλην 141
 ἐνδέω: ἐνδέοντα 123—124
 ἔνεκεν 142
 ἐνθαδὲ 159, 246—247
 ἐξουσία: ὑπὸ ἐξουσίας 177, 187
 ἔξω 123—124
 ἐπεὶ 120—121, 123—124
 ἐπ[έφρον] 142
 ἐπί 286
 ἐπιεικὲς 121
 ἐπικρατέω: ἐπικρατέ[οντα] 142
 ἐπιστέργων 246—247
 ἔπος 142
 ἐπουρανόιοι: ἐπουρανόιος 246—247
 ἔρχομαι: ἔλθοι 246—247
 ἔτι 246—247
 ἔτος: ἔτη 237—238, 253; αἴτους 177,
 187
 εὐ 134—135, 138
- * εὐθύ 129
 εὐνους 246—247
 Ευφρά[της] табл. 89, 1
 ευχαρισ[τος] 177, 187
 ἔχω: ἔχειν 246—247; ἔχοι 134—135;
 ἔχου 138; ἔσχαν табл. 89, 4
- ζευγος 129
 ζῶοι: ζήσαντι 237—238; ζήσασαν 253;
 ζῶσαν 246—247
- ἦ 123—124, 246—247
 ἦ ἦν 246—247, 286
 Ἥλιος 177, 187
 ἡμέριος 246—247
 ἡμέτερος 246—247
 ἡμᾶς табл. 89, 4; ἡμῶν табл. 89,
 6—7.
 Ἡρακλῆς 159
 Ἡσιόδος 120—121
- θας 44
 θεηλατος 112—113; 123—124
 θεός: θεῶν 123—124; табл. 89, 4—5
 θ[εοῖς] κ[αταχθονιοῖς] 238
 θυγατήρ: θυγατέρος 246—247; θυγατέρα
 253
 θ[ύ]μ[ος] 142
 θωή (?) 123—124
- Ι (μῆφρη) 253
 ἱλεως: εἴλεωκτ) 246—247
 ἵπποι 129
- κί 121, 123—124, 134—135, 142, 177,
 178, 246—247, 253, 286
 Καινάπολι[ς] 142
 κακόν 123—124, 159
 [κα]λόν 142
 καλῶς 123—124
 κάστ[ρον] 177, 187
 κατά, καθ' 123—124, 152
- * [κατακεῖται] 142
 κ[αταχθονιοῖ] 237—238
- * καταλείπω: [κατ]έ[λιπ]εν 142
- * κατοικέω: κατόκει (?) 159
 κελεύω: ἐκελεύσαμεν табл. 89, 7
 κίβδηλος 123—124
 κλεινός 120—121
 Κομμαγία табл. 89, 2
 κόμπος 123—124
 κτίζω: αἰκτίσε 177, 187
- λάμβανω: ἐλάβαμεν табл. 89, 8
- ΛΕ (μῆφρη) 253
 λεγῶν: λεγ[εῶν]ος] 253
 λείπω: λίπε 142
 λειτουργός 177, 187
 λόγος 123—124
 Λούκιος 246—247
 Λῶϊος 138

- * μαδοείρων (?) 134—135
μάλα 142
Μάξιμα 253
μάρτυς: μάρτυρ[ος] 177, 187
- * Μάταιος 177, 187
* Ματείς 177, 187
Μάτια ταβλ. 89, 1
μέγας 177, 187, 272—273, μεγάλης 177, 187, 237—238, 272—273; τῶ
μεγάλω 177, 187
μείζων: [μ]είζω (sic) 123—124
Μελιτία ταβλ. 89, 2
Μεννέας 177, 187
Μεριθάτης: Μεριθάτι (sic) 237—238
μεριτρίζω 246—247
μετά 177, 187
μη 123—124; * μηθέν (?) 159
μῆν: μῆνας 237—238
μήτηρ: μητρός 246—247
Μίθρας 134—135
μίν 142
μνήμης χάριν 253
μόνους 287
- * [μ]ύστι (?) 123—124
- νεκρός: εἰς νέκραν ταβλ. 89, 4—5
νεώτερος: νεωτερι[κοῖσιν] 121
- Νίγη 272—273
Νουμήνιος 141—142
NC (цифры) 238
Ξάνδικος 138
- ὁ 246—247
οἶδατε ταβλ. 89, 7
ὄλλυμι: ὄλλυσι 123—124
ὀμώνυμος 246—247
ὄπλοφορο[ῦντ]α 142
ὀρίζω: ὀρίσμενος 123—124
οὐ, οὐκ, οὔτε 123—124, 142
- Ουαλεντίνα 253
Ουάλης 253
ουδέν 142
ουλοῖας (?) 142
- πάθος 123—124
Πάκορος 237—238; Πακόρου 242—243
Πάνημος 138
παρά 242—243
παραγίγνομαι: παραγενομένωι 241
παραδίδωμι: παρέδω[χεν] ταβλ. 89, 6
παρινώ: παρήνεσεν 121
παρήμι: παριών 246—247
πᾶς: πάντας 246—247; πα[νύ] 121
- πατήρ 253; πατρός 246—247
πατρώια, τὰ 120
πένθος: πένθει 142
Πέρσης 120—121
Περίτιος 138
περί, περ' 123—124
πήγγυμι: παγγῆναι 286, ταβλ. 89, 8
Πηλαμύδης 129
πινάκιον 129
ποιέω: ποιήσαντας 287, ταβλ. 89, 7
πολεμείω: ἐπολεμεί 286, ταβλ. 89, 7
πολεμικώτερα 123—124
[πόλεμος] 142
πόλις: πόλιν 272—273; πόλεις ταβλ. 89, 3
πολιτεία 287, ταβλ. 89, 5 и 7
[πολλά] 121; [πο]λύ 123—124
Π[όπλιος] 253
πόρτα: ἐπὶ πόρταν 286, ταβλ. 89, 8
πότε 120—121, 246—247
προνοία ταβλ. 89, 8
πρός 246—247, ταβλ. 89, 6—7
- Ῥοδομίθρ[ας] 272—273
ῥόδον: ῥόδοικῶ 246—247
ῥωμαῖοι ταβλ. 89, 5
ῥώνυμι: ἐρῶσσι[αι] 134—135
- σαρχοφάγο[ς] 238
σήμερον ταβλ. 89, 5
σκηνώματα 123—124
- * σπ[αραπέτ]ω 177, 187
στρατιῶται, οἱ 142
στρατός: τῷ στρατῷ ταβλ. 89, 6
σύμβιος 253
σύν 238
σύγγαμος 246—247
- τέ, τ' 246—247
ταυτ 121 ταύτην 146—147
- * τεταρ[ου] 177, 187
τετταρες 129
τῆι 142; τῆν 134—135; τῆς 123—124,
177, 187
τίνω: τίσει 246—247
Τιρδάτης 177, 187, 272—273
τίς 246—247
τίτλος: εἰς τίτλα[.] ταβλ. 89, 8
τοῖ 121
τοιαυτα, τὰ 287, ταβλ. 89, 7
τό 129, 142; τόν 120—121, 177, 187; τοῦ
177, 187; τῷ 177, 187; τοῖσι 121;
τούς 287
τούτος 142, τοῦτον 246—247
τύμβος 123—124
Τύχη ταβλ. 89, 1 и 4

ὄβρις 286, табл. 89, 7
 ὀγαίνειν 134—135; ὀγίην 138, 141
 ὀϊός; ὀϊῶ 272—273
 ὀμαῖς табл. 89, 7; ὀμῶν 286, табл. 89, 7
 Ὑπερβοεταῖος 138
 ὀπό 177, 187
 ὀποχθονίαι 246—247
 φανῆναι табл. 89, 4
 Φαρνάκη 138
 φαῦλος 123—124
 * [φ]εβραῖος 272—273
 φθονεῖν 123—124

φθόνος 123—124
 Φιλαδέλφωι 142
 [φσ]νεύειν 142
 φροῖ 112—113, 123—124
 φυλοπικς: φυλ[οπιδος] 142
 χαίρειν 134—135, 141
 χαρίζ. . . 142
 * Χαρμῖ 129
 χιλίαρχος 253
 χῶρον 120—121, 142
 ὄς 121; 177, 187
 [ὄσ]τε 123—124

Λατινικὲς ῥήματα

Arrius Antoninus, C. 264
 Aurelius Fulvus, T. 221
 Aurelius Labras 268
 Aurelius Varus, Titus 264
 Caelius Calvinus 268
 imp [erator] Caes[ar] div[i]. . . 223
 centurio 264, 268
 cohors militaria equitata civium roma-
 norum 264
 consul 220, 221, 268
 Corbulo, Cn. Domitius 221
 curam agente 268
 eiusdem 268
 et 264, 268
 fec[erunt] 264
 imperator 220, 221, 223, 264, 268
 legatus Augusti 221
 legatus Augusti pro praetore 268
 legio XV Apollinaris 264, 268
 legio XII Fulminata 264

legio III Gallica 221
 Licinius Saturninus 268
 Marcus Aurelius Antoninus Augustus
 Germanicus 264
 Marcus Aurelius Antoninus Augustus
 [Commodus] Germanicus Sarmaticus
 Maximus 268
 Nero Claudius Caesar Augustus Ger-
 manicus 220, 221
 pater patriae 220, 221, 268
 pontifex maximus 220, 221
 Popillius Macrinus 264
 praepositi (prepositi) 264
 praeses (preses) provinciae 264
 sub 264, 268
 tribunicia potestate 220, 221
 tribunus cohortis militariae 264
 tribunus militum 268
 vexillatio 264, 268

Введение	3
Храм в крепости Гарни	
1. Письменные источники	26
2. Литература, посвященная Гарнийскому храму	29
3. Раскопки на территории крепости Гарни	34
4. Основные формы храма и его декорировка	42
5. Гарнийский храм и наиболее близкие к нему памятники Малой Азии	51
6. Назначение храма и время его построения	59
7. История вопроса о датировке храма	67
8. Местные элементы в формах храма	69
9. О культе бога Мизра в Армении	77
Эпиграфические памятники	
1. Греческие надписи, найденные в Армавире в 1911 и 1927 гг. Назначение надписей (104). — Описание, история чтения надписей, их текст и объяснение (113). — Отрывки из доклада Я. И. Смирнова, посвященного Армавирским надписям №№ 1—3 (148).	104
2. Греческая надпись в Карафту, обнаруженная в 1819 г.	156
3. Две надписи арамейским письмом, найденные в районе озера Севан в 1906 и 1932 гг.	162
4. Греческая надпись, найденная в Гарни в 1945 г. Текст надписи (176). — Другие издания надписи (187). — Истолкование надписи (195).	174
5. Латинские надписи, найденные около Харберда в 1879 и 1882 гг.	212
6. Латинская надпись на обломке колонны, найденном в Алетлу	223
7. Греческая надпись, найденная в XVI в. в Риме	224
8. Греческая надпись на серебряной чаше, найденной в ст. Даховской в 1934 г.	242
9. Греческая надпись на скале в районе Малатии	245
10. Греческая надпись, найденная в Эчмиадзине в 1914 г.	251
11. Латинская надпись, найденная в Эчмиадзине в 1907 г.	262
12. Латинская надпись, найденная в Эчмиадзине в 1863 г.	267
13. Греческая надпись, найденная в Апаране в 1908 г.	271
14. Греческая надпись у ворот Тигранакерта	283
Т а б л и ц ы	
Список таблиц	291

	Стр.
Указатели	
Сокращения	II
Указатель собственных имен, географических и этнических наименований	III
Указатель предметный	X
Древние авторы и литературные источники	XVI
Наличные греческие и латинские слова в издаваемых надписях .	XVIII

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Г. М. Ибраимова*
Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Р. С. Левзнер*
Корректор *В. К. Загорская*

*

РИСО АН СССР № 5159. Пл. № 90—60В.
Подписано к печати 22/V 1953 г. М 29149.
Бумага 70×92/16. Бум. л. 12⁹/16. Печ. л. 29.4.
Уч.-изд. л. 24.49. Тираж 2500. Зак. № 478.
Номинал по прейскуранту 1952 г. 16 р. 70 к.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград,
В. О., 9-я линия, д. 12.